

2021. Vol. 14. Is. 6

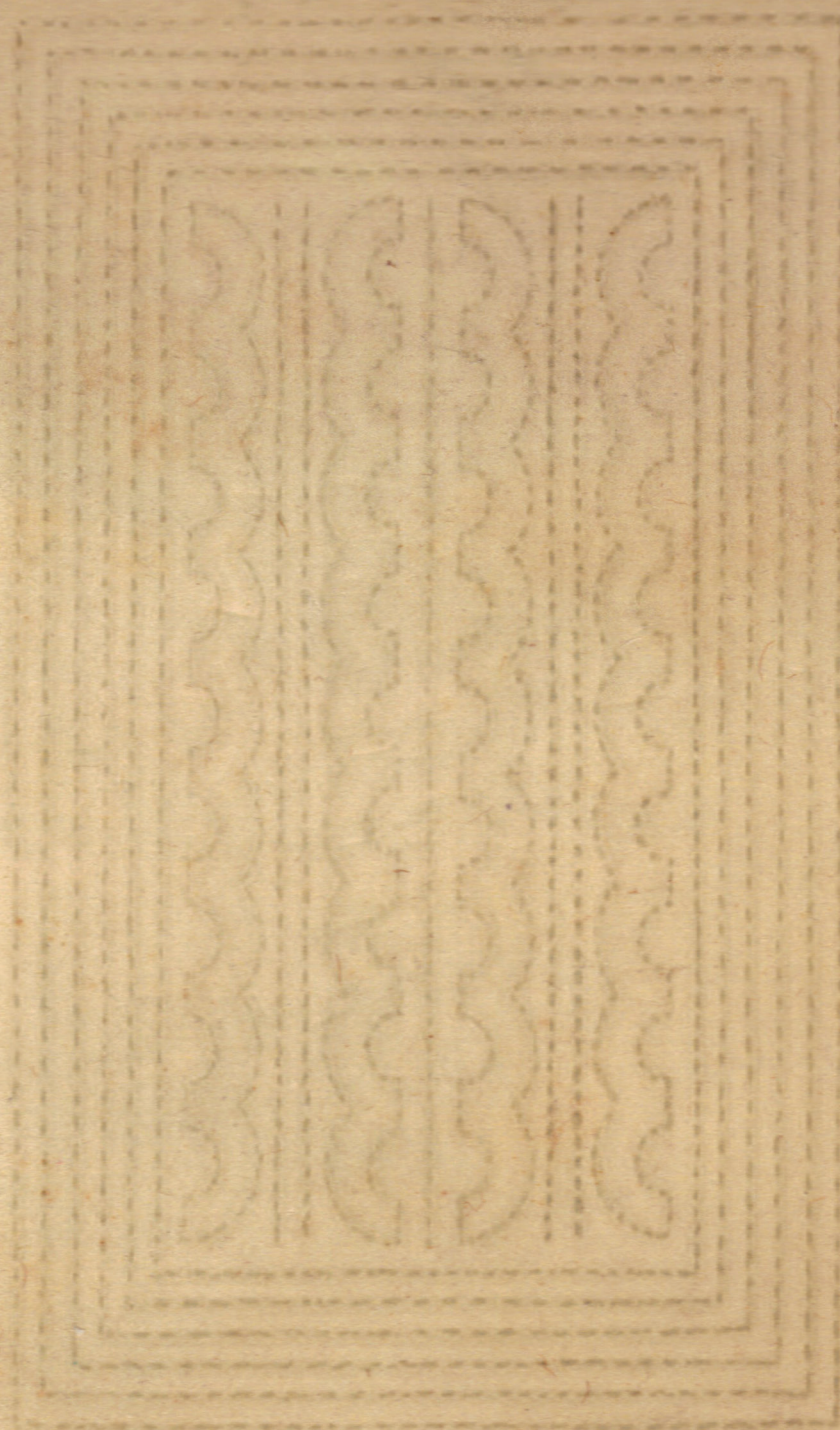
ISSN 2619-0990 (Print)
ISSN 2619-1008 (Online)

oriental Studies (Elista)

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ОРИЕНТАЛИСТИКА

ISSN 2619-0990 (print version)
ISSN 2619-1008 (online version)

Oriental Studies

2021. Т. 14. № 6

Журнал «Oriental Studies» — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований по проблемам востоковедения в области исторических и филологических наук, посвященных истории и культуре восточных народов, которые определяют их уникальный социокультурный облик.

Миссия журнала «Oriental Studies» — содействие развитию отечественного и зарубежного востоковедения; публикация оригинальных и переводных статей, обзоров по востоковедению и рецензий книг, сборников, материалов конференций, а также повышение уровня научных исследований и развитие международного научного сотрудничества в рамках актуальных проблем востоковедения.

Цель журнала заключается в формировании высокого уровня востоковедных научных исследований, опирающихся на современные научные подходы и максимально широкий круг доступных источников и полевых материалов, осмысление событий, явлений и процессов прошлого и современности.

Значительное внимание уделяется разработке различных дискуссионных аспектов истории и культуры тюрко-монгольских народов, их месту в России и в мире, а также сравнительно-историческому анализу взаимодействия и взаимовлияния кочевых культурных сообществ. Редакционная коллегия приветствует междисциплинарные исследования и академическую полемику на страницах журнала, рассматривая его как площадку для презентации различных точек зрения, мировоззренческих концепций, методологических подходов к решению проблем ориенталистики.

В «Oriental Studies» публикуются научные работы по востоковедной тематике: истории, археологии, этнологии и антропологии, источниковедению, языкознанию, фольклористике, литературоведению, а также обзорные статьи ведущих специалистов по основным направлениям журнала. Также печатаются материалы лингвистических, фольклорных, археологических, этнографических экспедиций; вводятся в научный оборот архивные и иные документы; сообщается информация о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение,
этнология и антропология, археология);
языкознание; литературоведение и фольклористика

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

Журнал зарегистрирован 02 августа 2019 г. в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер ПИ № ФС77-76487

Выходит 6 раз в год

Соучредители: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук» (адрес: д. 8, ул. им. И. К. Илишкина,
358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия); Федеральное государственное бюджетное науч-
ное учреждение «Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук»
(адрес: д.71, пр. Октября, 450054 Уфа, Республика Башкортостан, Россия)

Редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

© Калмыцкий научный центр Российской академии наук, 2021

© Коллектив авторов, 2021

The *Oriental Studies* is an open access peer-reviewed scientific journal that publishes results of comprehensive research works dealing with Oriental studies in the fields of historical and philological sciences, including ones investigating history and culture of Eastern peoples and defining their unique sociocultural appearances.

The mission of the *Oriental Studies* journal is to facilitate development of domestic and foreign Oriental studies; to publish original and translated articles, reviews on Oriental studies and reviews of books, collections, conference proceedings, as well as to increase the level of scientific research and develop the international scientific cooperation on current problems of Oriental studies.

The **goal** of the journal is to establish a high level of Oriental scientific research that would involve the use of modern scientific approaches and a maximum wide range of available sources and field materials, interpretation of events, phenomena and processes of the past and the present.

Considerable attention is paid to the elaboration of various debatable aspects of history and culture of the Turko-Mongols, their place in Russia and in the world, special focus to be laid on comparative historical analysis of interactions and mutual influences of nomadic communities. The Editorial Board welcomes cross-disciplinary studies and academic polemics on pages of the journal, considering the latter as a platform for the presentation of various viewpoints, worldview concepts, and methodological approaches to the solution of topical issues of Oriental studies.

The *Oriental Studies* publishes scholarly papers that deal with a range of East-related topics, such as history, archaeology, ethnology and anthropology, source studies, linguistics, folklore studies, literary studies, including review articles by leading experts on the primary focus areas of the journal. It also contains materials of linguistic, folklore, archaeological and ethnographic expeditions, sociological surveys and polls; introduces archival documents into scientific discourse; provides information about new publications, scientific congresses, conferences and seminars.

The journal publishes articles in the Russian, Mongolian, Kalmyk and English languages.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies, Ethnology and Anthropology, Archaeology);
Linguistics; Literary and Folklore Studies

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

The Journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on August 02, 2019.

Registration record III No. ΦС77-76487

Published six times a year

Co-Founding Institutions: Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
(8, Ilshkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation),
Federal State Budgetary Institution of Science Ufa Federal Research Centre of the RAS
(71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)

Editorial Board, Publisher — Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences

Editorial Board, Founding Institution and Publisher's address:

8, Ilshkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation

Phone No. +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; web-site: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Главный редактор

канд. филол. наук *В. В. Куканова*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора

д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов*, Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (Россия, г. Махачкала);

чл.-кор. РАН *С. А. Арутюнов*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук *М. М. Балзер*, Джорджтаунский университет (США, г. Вашингтон);

проф. филологии *А. Барей-Старжинска*, Варшавский университет (Польша, г. Варшава);

акад. Академии наук Монголии *Л. Болд*, Институт языка и литературы Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);

д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук *Вэй Цзянь*, Пекинский народный университет (КНР, г. Пекин);

проф. антропологии *Ц. Дариева*, Центр восточноевропейских и международных исследований (ZOiS) (Германия, г. Берлин);

чл.-кор. РАН *А. В. Дыбо*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);

д-р филол. наук *В. Л. Кляус*, Институт мировой литературы РАН (Россия, г. Москва);

д-р ист. наук *М. Е. Колесникова*, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, г. Ставрополь);

д-р, проф. *Ю. Конагая*, генеральный инспектор Японского Общества содействия науке (Япония, г. Токио);

д-р ист. наук *И. В. Крючков*, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, г. Ставрополь);

д-р филол. наук *И. В. Кульганек*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);

акад. РАН *Г. Г. Матишов*, Южный научный центр РАН (Россия, г. Ростов-на-Дону);

канд. ист. наук *В. В. Овсянников*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);

д-р ист. наук *У. Б. Очиров*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);

д-р ист. наук *И. Ф. Попова*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);

д-р геогр. наук *А. В. Псянчин*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);

д-р ист. наук *А. Г. Ситдилов*, Институт археологии Академии наук Республики Татарстан (Россия, г. Казань);

д-р филол. наук *Е. К. Скрибник*, Мюнхенский университет (Германия, г. Мюнхен);

д-р ист. наук *На. Сухэбаатар*, Монгольский государственный университет образования (Монголия, г. Улан-Батор);

д-р ист. наук *В. В. Трепавлов*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);

проф. *Т. Уяма*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);

д-р ист. наук *Н. В. Цыремпилов*, Назарбаев Университет (Республика Казахстан, г. Нур-Султан);

акад. Академии общественных наук КНР *Чжао Геджин*,

Институт национальных литератур Академии общественных наук КНР (КНР, г. Пекин);

д-р филол. наук *Чжао Гету*, Университет национальностей КНР (КНР, г. Пекин);

акад. Академии наук Монголии *С. Чулуун*, Институт истории и археологии Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);

д-р ист. наук *Д. Шорковиц*, Институт социальной антропологии им. Макса Планка (Германия, г. Берлин);

д-р филол. наук *А. Юкиясу*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);

канд. филол. наук *Г. М. Ярмаркина*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста).

Редактор: *Р. Г. Саряева*

Переводчики: *С. В. Джагрунов, Т. Н. Богданова*

Дизайн и компьютерная верстка: *Д. В. Татнинов*

Editor-in-Chief

Cand. Sc. (Philol.) *V. Kukanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Deputy Editor-in-Chief

Dr. Sc. (Hist.) *E. Bakaeva*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Editorial Board

- Corr. Member of the RAS *Kh. Amirkhanov*, Institute of History, Archeology and Ethnography,
Dagestan Scientific Center of the RAS (Makhachkala, Russia);
- Corr. Member of the RAS *S. Arutyunov*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
Ph. D. (Hist.) *M. Balzer*, Georgetown University (Washington, USA);
Ph. D. Habil. *A. Bareja-Starzynska*, University of Warsaw (Poland, Warsaw);
- Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *L. Bold*, Institute of Language and Literature (Ulaanbaatar, Mongolia);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Bugay*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *Wei Jian*, Renmin University of China (Beijing, China);
- Dr. (Anthrop.) *Ts. Darieva*, Centre for East European and International Studies (ZOiS) (Berlin, Germany);
Corr. Member of the RAS *A. Dybo*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Zhukovskaya*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *V. Klyaus*, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *M. Kolesnikova*, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Dr. Prof. *Yu. Konagaya*, Inspector General of Japan Society for the Promotion of Science;
Dr. Sc. (Hist.) *I. Kryuchkov*, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *I. Kulganek*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
Acad. of the RAS *G. Matishov*, Southern Scientific Center of the RAS (Rostov-on-Don, Russia);
Cand. Sc. (Hist.) *V. Ovsyannikov*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the
RAS (Ufa, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *U. Ochirov*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *I. Popova*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
Dr. Sc. (Geogr.) *A. Psyanchin*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the
RAS (Ufa, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *A. Sitdikov*, Institute of Archeology, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *E. Skribnik*, Ludwig Maximilian University of Munich (Munich, Germany);
Dr. Sc. (Hist.) *Na. Sukhbaatar*, Mongolian State University of Education (Ulaanbaatar, Mongolia);
Dr. Sc. (Hist.) *V. Trepavlov*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
Prof. *T. Uyama*, Slavic-Eurasian Research Center (Japan, Sapporo);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Tsyrempilov*, Nazarbayev University (Nur-Sultan, Kazakhstan);
Acad. of the Chinese Academy of Social Sciences *Chao Gejin*, Institute of Ethnic Literature (Beijing, China);
Dr. Sc. (Philol.) *Chao Getu*, Minzu University of China (Beijing, China);
Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *S. Chuluun*, Institute of History and Archeology (Ulaanbaatar,
Mongolia);
Ph. D. Habil. (History) *D. Schorkowitz*, Max Planck Institute for Social Anthropology (Berlin, Germany);
Cand. Sc. (Philol.) *G. Yarmarkina*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Ph. D. (Philol.) *A. Yukiyasu*, Slavic Research Center of Hokkaido University (Japan, Sapporo).

Editor: *Rayma G. Saryeva*

Translators: *Sanal V. Dzhagrunov*, *T. N. Bogrdanova*

Design and page layout: *Dzhangar V. Tatninov*

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщая история	<i>Актамов И. Г., Григорьева Ю. Л.</i> Динамика изменения социально-экономических параметров в Республике Корея в условиях COVID-19 в 2020–2021 гг.	1130
Отечественная история	<i>Тепкеев В. Т.</i> Политическая ситуация в Северном Прикаспии в 1725 г.	1146
	<i>Номогоева В. В.</i> Советская модернизация культуры и быта бурят в 1920–1930-е гг.	1154
	<i>Убушаев В. Б., Красноженова Е. Е., Виноградов С. В., Ещенко Ю. Г.</i> Преступления нацизма на территории Калмыцкой АССР в годы Великой Отечественной войны (август 1942 – начало января 1943 г.)	1165
	<i>Очиров У. Б.</i> Возвращенная из небытия: борьба за историческую память о 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. Часть 2	1176
Археология	<i>Хасенова Б. М., Омаров Г. К., Бесетаев Б. Б., Хабдулина М. К.</i> Социальная символика предметов торевтики в кимакском обществе: статус мужчины-воина	1188
	<i>Очир-Горяева М. А., Буратаев Е. Г.</i> Погребения с изделиями из шелка эпохи Золотой Орды: проблемы интерпретации	1210
Источниковедение	<i>Максимов К. Н.</i> Газета немецких оккупантов «Свободная земля»: парадигма фашистской пропаганды инвертированной цели войны против Советского Союза	1226
	<i>Куканова В. В., Манжикова Л. Б., Манджиева Л. Б.</i> К вопросу о дискурсивных практиках в конструировании нового человека средствами советской фотографии (на материале публикаций в газете «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда») в 1957–1964 гг.) . . .	1246
	<i>Хорхордина Т. И.</i> Востоковедные исследования: проблемы архивной эвристики историко-документального наследия	1259
Этнология и антропология	<i>Таиров А. Д., Берсенева Н. А.</i> Хозяйственные обязанности мужчин и женщин в кочевых обществах Центральной Евразии XVIII – начала XX вв.	1267
	<i>Баязитова Р. Р.</i> Организация жилого пространства в традиционном этикете башкир	1281
	<i>Прокопьева А. Н., Яковлева К. М.</i> История изучения якутских украшений XIV–XVIII вв.	1290
Языкознание	<i>Гедеева Д. Б.</i> Графо-фонетические особенности имени Аюки-хана (на материале калмыцких деловых писем XVII–XVIII вв.) . .	1303
	<i>Лиджиева Л. А., Харчевникова Р. П., Убушиева Б. Э., Лиджиев М. А.</i> Семантика послелогов со значением ‘между, среди’ в монгольских языках	1313
	<i>Русских А. А., Оскольская С. А.</i> Аддитивная частица в тюркских языках Поволжья	1324
	<i>Дыбо А. В., Мальцева В. С.</i> Хакасские диалекты: конец XIX в. и начало XXI в.	1353

CONTENTS

General History	<i>Aktamov I. G., Grigoreva Y. G.</i> South Korea and COVID-19 Pandemic, 2020–2021: Changes in Socioeconomic Parameters Reviewed	1130
National History	<i>Tepkeev V. T.</i> The 1725 Political Situation in the Northern Caspian	1146
	<i>Nomogoeva V. V.</i> The 1920s and 1930s Soviet Modernization of Buryat Culture and Household Life Revisited	1154
	<i>Ubushaev V. B., Krasnozhenova E. E., Vinogradov S. V., Eshchenko Yu. G.</i> Nazi War Crimes in the Kalmyk ASSR, August 1942 to Early January 1943	1165
	<i>Ochirov U. B.</i> The Revived from Oblivion: Struggling for Historical Memory of the 110 th Kalmyk Cavalry Division. Part 2	1176
Archaeology	<i>Khasenova B. M., Omarov G. K., Besetayev B. B., Khabdulina M. K.</i> Social Symbolism of Toreutics in Kimek Society: Status of Male Warrior Revisited	1188
	<i>Ochir-Goryaeva M. A., Burataev E. G.</i> Golden Horde Burials with Silk Items: Problems of Interpretation	1210
Sources Studies	<i>Maksimov K. N.</i> <i>Svobodnaya Zemlya</i> — Newspaper of German Occupants: Against the Soviets. A Paradigm of Fascist Propaganda to Negate War Goals Revisited	1226
	<i>Kukanova V. V., Mandzhikova L. B., Mandzhiev L. B.</i> Discursive Practices in the Formation of New Man through Soviet Photography Revisited: A Case Study of the <i>Khalmg Ünn</i> Newspaper, 1957–1964	1246
	<i>Khorkhordina T. I.</i> Oriental Studies: Archival Heuristics of Historical and Documentary Heritage	1259
Ethnology & Anthropology	<i>Tairov A. D., Berseneva N. A.</i> Nomadic Communities of Central Eurasia, 18 th – Early 20 th Centuries CE: Household and Economic Responsibilities of Men and Women Revisited	1267
	<i>Bayazitova R. R.</i> Living Space Structure in Bashkir Traditional Etiquette	1281
	<i>Prokopieva A. N., Yakovleva K. M.</i> 14 th –18 th Century Sakha Jewelry: History of Research Reviewed	1290
Linguistics	<i>Gedeeva D. B.</i> Graphophonic Features of Khan Ayuka's Name: A Case Study of 17 th –18 th Century Kalmyk Official Letters	1303
	<i>Lidzhieva L. A., Kharchevnikova R. P., Ubushieva B. E., Lidzhiev M. A.</i> Semantics of Postpositions with the Meaning 'Between, Among' in Mongolic Languages	1313
	<i>Russkikh A. A., Oskolskaya S. A.</i> Additive Particle in Turkic Languages of the Volga-Kama Sprachbund	1324
	<i>Dybo A. V., Maltseva V. S.</i> Khakas Dialects, Late 19 th and Early 21 st Centuries	1353

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 6, pp. 1130–1145, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 294.3

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1130-1145

Динамика изменения социально-экономических параметров в Республике Корея в условиях COVID-19 в 2020–2021 гг.

Иннокентий Галималаевич Актамов¹, Юлия Геннадьевна Григорьева¹

¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат педагогических наук, PhD (History of Science), заведующий лабораторией

 0000-0002-8646-1048. E-mail: aktamov13@gmail.com

² Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, младший научный сотрудник

 0000-0003-4267-2465. E-mail: grigoreva-yulia23@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Актамов И. Г., Григорьева Ю. Г., 2021

Аннотация. *Введение.* Современный мир переживает один из самых сложных периодов в своей истории. Новый вирус, который получил название COVID-19, не воспринимался мировым сообществом как реальная угроза, которая в корне изменит глобальный уклад жизни, заставит государства пересмотреть методы реализации коллективной безопасности и закрыть свои границы. Государства вынуждены пойти на изоляцию не только на международном уровне, но и закрыть отдельные регионы для снижения количества зараженных. Это нарушило транспортно-логистические и социально-экономические связи и привело к созданию уникальной ситуации — глобальной изоляции государств. Каждое государство вынуждено было самостоятельно выстраивать тактику и стратегию выхода из кризисной ситуации. Особый интерес в этом плане представляет пример Республики Корея. *Цель исследования* — анализ ситуации с COVID-19 в Республике Корея в 2020–2021 гг. и предпринятых мер со стороны правительства по снижению негативных тенденций. *Материалами* для исследования стали данные Статистического управления Республики Корея, Корейского экспортно-импортного банка, Корейской Ассоциации Международной Торговли (КИТА), Торгового отдела Посольства Республики Корея в Монголии (КОТРА), международных организаций — ВТО, ОЭСР, МВФ. В исследовании использованы общенаучные (анализ, синтез) и собственно исторические *методы* — ретроспективный, сравнительный, структурный. *Результаты.* Изучены ключевые особенности разработанных руководством Южной Кореи методов по борьбе с распространением COVID-19, дана оценка их эффективности. Доказано, что, несмотря на общее снижение экономических показателей, Республика Корея смогла приспособиться и адаптироваться к новым

условиям, вызванным новой коронавирусной инфекцией. Преодоление кризисной ситуации стало возможным в том числе путем создания системы государственно-частного партнерства в области диагностики, профилактики и лечения пострадавших от инфекции. Анализ комплекса мер со стороны правительства Республики Корея, данных официальной статистики позволил выявить основные тенденции в развитии социально-экономической сферы за последние два года с начала пандемии. Сделан *вывод*, что тактика правительства Республики Корея, накопленный социальный опыт имеют важное значение для других государств в их усилиях по борьбе с коронавирусом и его социальными последствиями, поскольку мировое сообщество до сих пор не выработало оптимальную стратегию преодоления пандемии.

Ключевые слова: Республика Корея, COVID-19, коронавирусная инфекция, Новый зеленый курс, борьба с пандемией, общество, экономика

Благодарность. Работа выполнена в рамках государственного задания (проект «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства», № 121031000241-1).

Для цитирования: Актамов И. Г., Григорьева Ю. Г. Динамика изменения социально-экономических параметров в Республике Корея в условиях COVID-19 в 2020–2021 гг. // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 6. С. 1130–1145. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1130-1145

South Korea and COVID-19 Pandemic, 2020–2021: Changes in Socioeconomic Parameters Reviewed

Innokentii G. Aktamov¹, Yulia G. Grigoreva²

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (Pedagogy), PhD (History of Science), Head of Laboratory

 0000-0002-8646-1048. E-mail: aktamov13@gmail.com

² Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Junior Research Associate

 0000-0003-4267-2465. E-mail: grigoreva-yulia23@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Aktamov I. G., Grigoreva Y. G., 2021

Abstract. Introduction. The modern world is going through one of its most difficult periods in the history. The new virus, called COVID-19, was not at first perceived by the world community as a real threat that would fundamentally change the global way of life, making it reconsider the methods of implementing collective security and close borders. Many states had to isolate not only at the international level, but also had to close their regions to reduce the number of the infected. This led to disruptions of transport, logistics and socio-economic ties and resulted in a most unusual situation — the global isolation of states. Every state had to build their own tactics and strategies for overcoming the crisis. In this respect, the case of the Republic of Korea is of particular interest. The article *aims* to analyze the situation with COVID-19 in the Republic of Korea in 2020–2021 and measures taken by the Republic's government to combat the spread of COVID-19 and reduce negative trends. The study focuses on the key characteristics of these methods and their effectiveness. The research *materials* were based on the data of the Statistical Office of the Republic of Korea, the Korea Export-Import Bank, the Korea International Trade Association (KITA), the Trade Department of the Embassy of the Republic of Korea in Mongolia (KOTRA), and of such international organizations as the WTO, OECD, and IMF. The study employed general scientific (analysis, synthesis) and historical *methods* proper — retrospective, comparative, and structural. *Results.* The article indicates that despite some decline in general economic performance, the Republic of Korea was able to adapt to the new conditions caused by the coronavirus infection. The crisis was largely overcome thanks to organizing, among other things, a system of public-private partnership in the field of diagnostics, prevention,

and treatment of the infected. Analysis of the set of measures taken by the Republic's government, as well as of the official statistics, allows to identify the main trends in the development of the socio-economic sphere in the past two years of the pandemic. By way of *concluding*, it may be pointed out that the case of the Republic of Korea, with the tactics of its government and the social experience accumulated, is of significant relevance for other states in their efforts to combat the coronavirus and its social consequences, granted that the world community has to develop optimal strategies to overcome the pandemic.

Keywords: Republic of Korea, COVID-19, coronavirus infection, Korean New Deal, fight against pandemic, society, economy

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, project no. 121031000241-1 'Historical Space of the Mongol World: Archaeological Cultures, Societies and States'.

For citation: Aktamov I. G., Grigoreva Y. G. South Korea and COVID-19 Pandemic, 2020–2021: Changes in Socioeconomic Parameters Reviewed. *Oriental Studies*. 2021; 14 (6): 1130–1145. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1130-1145

Введение

Пандемия COVID-19 явилась принципиально новым испытанием для мирового сообщества, которое стало проверкой на прочность не только для системы здравоохранения, но и вынудило изменить жизненный уклад населения планеты. Безусловно, основной удар пришелся на медицину и социальную защиту населения, но впоследствии вся социально-экономическая сфера оказалась в режиме стагнации и кризиса. Мировой ВВП в 2020 г. снизился примерно на 4,3 % — это самое резкое сокращение производства со времен Великой депрессии [Годовой отчет 2021].

По результатам 2021 г. есть надежды на постепенное восстановление мировой экономики, но ожидается, что уровень ВВП в конце года как в странах с развитой экономикой, так и в странах с формирующимся рынком и развивающихся странах (ЕМДЕ) будет ниже базового уровня, который прогнозировался до появления вируса нового типа.

Опыт Республики Корея в борьбе с COVID-19 признан довольно эффективным на мировом уровне [Republic of Korea 2020]. В рамках данного исследования предпринята попытка дать оценку стратегии Республики Корея в ответ на распространение коронавируса на начальном этапе. Механизмы, которые использовало правительство Республики Корея, накопленный социальный опыт могут дать важную информацию для

других государств в их усилиях по борьбе с коронавирусом и его социальными последствиями.

Материалы и методы

В рамках данного исследования использованы данные статистики, представленные на официальных сайтах международных организаций, а также органов государственной власти Республики Корея. Основные методы исследования — исторический (ретроспективный), сравнительный и структурный, которые позволили проанализировать особенности развития ситуации с распространением коронавируса в Республике Корея на начальном этапе, а также определить эффективность системы мер, разработанных руководством страны.

COVID-19 распространился на 223 страны по всему миру, заразив 238 млн человек и вызвав более 4,8 млн смертей (и это число растет), наиболее серьезно пострадали Соединенные Штаты, Индия, Бразилия, Россия и страны Европы. Южная Корея одной из первых столкнулась со вспышкой коронавируса за пределами Китая. В связи со сложившейся обстановкой государства приняли различные меры, в том числе закрытие государственной границы, введение локдауна в отдельных регионах страны, но все это не оказало принципиального значения на процесс сдерживания распространения инфекции. Между тем Республика Корея одной из первых смогла снизить распространение нового вируса

без введения общенациональной изоляции или других жестких мер. Далее приводится статистика, предоставленная Министер-

ством здравоохранения и социального обеспечения Республики Корея на 07.10.2021 г. (таблица 1).

Таблица 1. Статистика распространения коронавирусной инфекции в Республике Корея
[Table 1. COVID-19 statistics, Republic of Korea]

Подтвержденные случаи		Выздоровело	Смертей	Проведено тестов	Вакцинировано
Общее	Ежедневный прирост (на 7 октября 2021 г.)				
327 976	2 176	292 091	2 554	14 882 201	39 823 981 чел. — первый компонент, 28 506 355 чел. — полностью привито
76 место в мире	Внутри страны — 2,145; «внешние» случаи — 31	87,7 % от общего числа	0,7 %	2,4 % положительный результат	Первый компонент — 77,7 %; полностью привито — 55,6 %

Источник: [Coronavirus (COVID-19) 2021].

Из таблицы 1 видно, что по состоянию на 7 октября 2021 г. число инфицированных в Республике Корея превысило 327 тысяч, зафиксировано 2 554 смерти от коронавирусной инфекции, что составляет 0,7 % летальности. Полностью вакцинировано 55,6 % граждан Республики Корея.

Несмотря на сравнительно низкий уровень зараженных и летальных исходов, COVID-19 изменил экономическую и социальную жизнь в Южной Корее. Правительство попыталось сдержать распространение вируса с помощью массового «агрессивного» тестирования и отслеживания контактов заразившихся с начала распространения инфекции (20 января 2020 г.). В целом благодаря эффективным мерам экономика Южной Кореи пострадала от COVID-19 меньше, чем экономики стран ОЭСР. Вместе с тем введение ограничительных мер (социальное дистанцирование, ограничение работы заведений, перевод на частичную загруженность предприятий) оказало негативный экономический эффект во многих секторах экономики. Объявленная президентом Республики Корея новая стратегия развития «Green New Deal» («Новый зеленый курс») предлагает меры преодоления кризиса, вызванного COVID-19, и выход на новый уровень развития. Согласно данной стратегии, Республика Корея будет делать

ставку на три главных направления — «Новый зеленый курс», «цифровой новый курс» и укрепление системы социальной защиты с постепенным уходом от «старых» алгоритмов развития.

Далее мы попытаемся проанализировать меры правительства Республики Корея по устранению негативных эффектов пандемии, выявить специфику механизмов защиты с момента появления инфекции до настоящего времени.

Исторический опыт борьбы с распространением инфекций в Южной Корее

Республика Корея пережила несколько кризисов в сфере здравоохранения, вызванных инфекционными заболеваниями, которые проникли в страну извне, включая эпидемию тяжелого острого респираторного синдрома (SARS) в 2003 г., свиного гриппа в 2009 г. и ближневосточного респираторного синдрома (MERS) в 2015 г. На основе этого опыта правительство Республики Корея приняло закон о контроле и профилактике инфекционных заболеваний, который был впервые утвержден в качестве подзаконного акта 18 января 2010 г. [Infectious Disease Control 2013].

Национальная система борьбы с инфекционными заболеваниями, разработанная правительством, направлена на эффективное предотвращение их передачи и инфор-

мирование населения о рисках вспышки инфекционных заболеваний, а также на вакцинацию и проведение мониторинга и эпидемиологических исследований.

После завершения эпидемии ближневосточного респираторного синдрома (MERS) в стране было проведено в общей сложности 48 мероприятий для повышения готовности к пандемии. В результате было увеличено число сотрудников инфекционного контроля и изоляционных подразделений, на регулярной основе стали проводить моделирование вспышек и обучение медицинских сотрудников, а также было усилено сотрудничество между медицинскими центрами, правительственными организациями и органами местного самоуправления.

Во время эпидемии гриппа H1N1 в 2009 г. Республика Корея столкнулась с нехваткой опытных специалистов, способных вести оперативную квалифицированную работу в новых условиях. Медицинское обслуживание в Южной Корее было представлено преимущественно частным сектором, на который приходилось около 90 % коечного фонда. В условиях распро-

странения инфекции правительство создало систему лечения заболеваний через государственно-частное партнерство для усиления оперативного реагирования. Так был учреждено Корейское агентство по контролю и профилактике заболеваний в каждой провинции, в состав которого входят специалисты частных клиник и государственных медицинских учреждений. После того как с 23 февраля 2020 г. власти Южной Кореи объявили о наивысшем «красном» уровне угрозы, был создан Центральный штаб, который возглавил премьер-министр.

Корейское агентство по контролю и профилактике заболеваний (КДСД) имеет широкие полномочия и действует как центр предотвращения распространения инфекционных заболеваний. Таким образом, Республика Корея создала систему управления, направленную на профилактику и борьбу с инфекционными заболеваниями на основе накопленного с 2003 г. опыта (рис. 1). Эффективное и оперативное реагирование на чрезвычайные ситуации помогло минимизировать распространение и выработать механизм защиты.

Рис. 1. Структура системы контроля за инфекционными заболеваниями в Республике Корея
[Fig. 1. Structure of infectious disease control system, Republic of Korea]

Перечень конкретных мер по борьбе с COVID-19

Социальное дистанцирование

В отличие от других стран, Южная Корея не ввела национальную «изоляцию». Вместе с тем локальные ограничения на определенный отрезок времени все же вводились в регионах с высокой заболеваемостью, таких как Тэгу. Это было связано с выявлением большого количества случаев, связанных с деятельностью религиозной группы Синчхонджи. Принятые меры способствовали замедлению темпов заражения на 38 % в национальном масштабе в период с 24 февраля по 1 марта 2020 г. по сравнению с периодом с 9 по 22 января 2020 г., т. е. с начала обнаружения первого случая в Южной Корее [[Coronavirus \(COVID-19\) 2021](#)].

23 февраля были закрыты школы по всей стране, и система образования перешла на дистанционный режим, людей просили не покидать свои дома без острой необходимости. Такие объекты сферы досуга, как ночные клубы, караоке-залы и компьютерные кафе, приостановили свою работу.

Массовое тестирование

Население Южной Кореи составляет немногим более 51 миллиона человек. В целях максимально быстрого выявления количества зараженных правительство запустило процесс лицензирования частных компаний и клиник на проведение тестов. На ранних этапах распространения эпидемии количество тестов составляло порядка трех тысяч в день (по состоянию на 07.02.2020 г.) [[Balilla 2020](#)].

К концу марта количество тестов составило уже 15 000–20 000 в день, причем результаты можно было получить уже через 6–24 часа. По состоянию на 25 марта насчитывалось 118 учреждений, способных проводить тесты на COVID-19, включая KCDC (Корейский центр по контролю и профилактике заболеваний), 4 национальные карантинные станции, 18 научно-исследовательских институтов общественного здравоохранения и окружающей среды (RIPHE) и 95 частных медицинских лабораторий и больниц. Немаловажную роль сыграла доступность проведения тестирования. Южнокорейские власти для упрощения процедуры открыли мобильные

пункты, которые позволили всем желающим пройти тестирование прямо на улице. Ранняя диагностика, изоляция и лечение позволили снизить уровень смертности, что подтверждается данными официальной статистики — около 0,7 % по сравнению с более чем 2 % во всем мире [[Coronavirus \(COVID-19\) 2021](#)].

Отслеживание контактов и изоляция

Центральные и местные органы власти реагируют на случаи COVID-19, отслеживая источник инфекции путем оперативного выявления круга контактных лиц. Основная информация о подтвержденных случаях, их локализации собирается через опросы. При необходимости может быть дополнительно проведено собеседование с медицинскими работниками и членами семьи. В случае, если полученной информации недостаточно, могут быть собраны данные на основе медицинских карт, GPS, записей видеонаблюдения, банковских онлайн-транзакций и т. д. Контактные лица, выявленные в ходе комплекса мероприятий, должны посещать медицинское учреждение, следить за своими симптомами и находиться на карантине. Информация о местонахождении подтвержденных случаев размещается на веб-сайтах, чтобы предотвратить вероятность контактирования. С помощью этих мер были выявлены очаги заражения, которые были изолированы.

Министерство внутренних дел и местные органы власти тщательно контролируют тех, кто находится на карантине на индивидуальной основе. Лицам, находящимся на карантине, запрещено покидать страну в течение 14 дней независимо от состояния их здоровья. Тем, кто нарушает правила самоизоляции, грозит штраф в размере до 10 млн вон или тюремное заключение сроком на один год [[Kang, Kwon, Kim 2020: 8](#)].

Рассмотренные примеры подтверждают, что, несмотря на резкий рост числа случаев заболевания на ранней стадии пандемии, распространение болезни удалось быстро ограничить, и это позволило снизить распространение эпидемии. Исключение составляют крупные связанные кластеры. Например, на кластер религиозных групп Синчхонджи в начале 2020 г. приходилось 39 % всех случаев. Быстрое расширение возможностей тестирования, раннее уси-

ление мер социального дистанцирования в Тэгу, добровольное сокращение передвижений, санкционированная усиленная кампания по социальному дистанцированию и продолжающееся отслеживание контактов в крупных кластерах — все это способствовало снижению эпидемиологических показателей в Южной Корее.

Высокий уровень гражданской ответственности стал важной составляющей борьбы с коронавирусом в Республике Корея. Граждане Южной Кореи соблюдают все меры предосторожности, рекомендуемые министерством здравоохранения: носят маски, соблюдают правила гигиены, в целом очень ответственно относятся к своему здоровью, что в конечном счете способствует снижению рисков распространения.

Быстрое реагирование, использование инновационных технологий (создание мобильных приложений, сайтов, предоставление точных и прозрачных данных на общедоступных платформах), строгий мониторинг и отслеживание контактов — все это сыграло важное значение для сдерживания распространения инфекции на территории Южной Кореи.

Экономические последствия пандемии COVID-19 в Республике Корея

Пандемия значительно повлияла на мировую торговлю, исключением не стала и

Южная Корея. В первом квартале 2020 г. наблюдалось снижение экспорта в связи с введением ограничительных мер, призванных предотвратить распространение COVID-19. По мере улучшения ситуации во второй половине года, торговый оборот начал расти, и Южная Корея получила хорошие возможности для восстановления некоторых позиций.

Южнокорейский экспорт в 2020 г. заметно ухудшился. В апреле 2020 г. произошло крупнейшее падение экспорта в течение одного месяца на 24,3 % со времен мирового финансового кризиса 2008 г. За второй квартал экспорт товаров сократился на 11,5 %, экспорт сферы услуг — на 22,1 % [EximBank 2021: 26].

Во втором полугодии начали восстанавливаться темпы роста экспорта товаров в связи с улучшением показателей на мировых рынках, а также с ростом спроса у ключевых партнеров Южной Кореи в Южной и Юго-Восточной Азии (Индия, Вьетнам, Малайзия, Индонезия и Таиланд).

По сообщению Таможенной службы Южной Кореи, в 2020 г. произошло падение экспорта на 5,4 % по сравнению с показателем 2019 г. [Trade Statistics 2021]. Объем экспорта составил 512,85 млрд долларов. За аналогичный период импорт по итогам 2020 г. составил 467,23 млрд долларов, сократившись на 7,2 % (таблица 2).

Таблица 2. Объем экспорта и импорта Республики Корея (2008–2021, USD 1,000)

[Table 2. Exports and imports, Republic of Korea, 2008–2021 (USD 1,000)]

Год	Экспорт	Импорт	Торговый баланс
2008	422 007 328	435 274 737	–13 267 409
2012	547 869 792	519 584 473	28 285 319
2016	572 664 607	525 514 506	47 150 101
2018	604 859 657	535 202 428	69 657 228
2019	542 232 610	503 342 947	38 889 663
2020	512 498 038	467 632 763	44 865 275
2021	411 865 345	390 550 428	21 314 918

Источник: [Trade Statistics 2021].

Примечательно, что в условиях кризиса Республика Корея смогла увеличить объем производства и экспорта по некоторым категориям товаров. Благодаря своим позициям в области производства полупроводников и в сфере информационных технологий, Южная Корея имела хорошие возможности для удовлетворения растущего спроса на

портативные и настольные компьютеры в связи с переводом сотрудников на удаленный формат работы.

По итогам года южнокорейский экспорт полупроводников вырос на 30 % по сравнению с прошлым годом, что стало самым резким ростом с августа 2018 г. В целом это способствовало общему восстановлению

экспорта. Экспорт мобильных устройств, дисплеев и компьютеров также вырос на 39,8 %, 28,0 % и 14,7 % в годовом исчислении [Roh 2021].

Так, компания Samsung Electronics 8 октября 2021 г. опубликовала прогноз прибыли за третий квартал текущего года, которая была оценена в 15,8 трлн вон (\$13,24 млрд), что на 27,9 % больше, чем годом ранее. Продажи с июля по сентябрь составили 73 трлн вон (\$61,2 млрд), что на 9 % больше, чем за тот же период прошлого года. Если прогноз оправдается, квартальные продажи южнокорейского технологического гиганта станут самыми крупными за всю историю. Рекордные продажи стали следствием быстрого роста глобального рынка полупроводников [Shaik 2021].

В 2020 г. Южная Корея также имела возможность использовать конъюнктурные преимущества в других областях. Несмотря на то, что продажи автомобилей в мире сократились на 17 %, с 74,9 млн до 61,9 млн автомобилей, спрос на электромобили продолжил рост [Number of Cars 2021].

Экспорт электромобилей из Южной Кореи увеличился на 65,9 %, экспорт литий-ионных батарей, необходимых для питания электромобилей, вырос на 4,3 % во второй половине 2020 г. [Global Energy Review 2020].

Особых успехов Республика Корея добилась в области медицины и фармацевтики. Первые успехи Южной Кореи в массовом тестировании сыграли благоприятную роль для этих секторов. Экспорт тест-наборов вырос на 758 %. Основными рынками стали Италия, США, Индия, Германия и Испания. Экспорт наборов реагентов, предназначенных для диагностических тест-систем, вырос на 265 %. На 322 % увеличился экспорт флаконов и ватных тампонов для сбора тестовых образцов. В 2020 г. отмечен бурный рост экспорта средств индивидуальной защиты и дезинфицирующих средств. Поставки дезинфицирующих средств для рук увеличились на 3 700 %, резиновых хирургических перчаток — на 2 797 %, тканевых масок без фильтров — на 663 % [Stangarone 2021].

Фармацевтическая промышленность увеличила экспорт на 23,3 % в 2020 г. Южнокорейские фирмы Hanmi Pharmaceutical, GCPharma, SKBioscience и Samsung

Biologics были привлечены в качестве контрактных производителей вакцин против COVID-19 компаниями AstraZeneca, Novavax и Российским фондом прямых инвестиций (со-разработчик вакцины Sputnik V).

Экспорт товаров начал восстанавливаться во второй половине 2020 г., однако экспорт услуг продолжал снижаться и закончил снижение на 15,2 % по состоянию на конец года [EximBank 2021].

Одной из наиболее пострадавшей от вспышки COVID-19 сфер экономики стал въездной туризм. Ситуация с коронавирусом привела к серьезному спаду туристической индустрии не только в стране, но и во всем мире. По данным Всемирной туристской организации, в 2020 г. количество международных перелетов сократилось на 74 %. Сокращение числа путешествий привело к потере доходов от международного туризма в размере 1,3 трлн долларов [News Release 2021]. Тем самым международный туризм упал до уровня 1990-х гг.

В 2020 г. количество туристов, посетивших Южную Корею, сократилось на 85 %, а прибыль от туризма упала почти на 68 % [Статистические данные 2021]. Весьма показательным примером является Мёндон, самой популярной торговой и развлекательной площади у туристов, которая опустела и пестрит большим количеством вывесок о сдаче в аренду площадей.

Из-за пандемии серьезно пострадала индустрия развлечения. В 2020 г. мировые кассовые сборы южнокорейских фильмов и сериалов упали на 32 %, несмотря на оглушительный успех фильма «Паразиты» режиссера Пон Чжун Хо [Box office revenue 2021].

Однако некоторые компании приспособились к новым условиям. В связи с закрытием концертных площадок k-поп-артисты перешли на виртуальный формат проведения концертов. BTS дважды установили рекорд по количеству просмотров виртуальных концертов в 2020 г, а их концерт «Map of the Soul On: E» принес более 45 млн долларов дохода [Ferrier et al. 2021: 7].

После снижения ВВП на 3,3 % во втором квартале экономика Южной Кореи закончила год с падением лишь на 1 %, что является наименьшим падением среди всех членов ОЭСР. По-прежнему высокие риски

ожидаются в сфере услуг, и будущие мутации COVID-19 могут повлиять на экономический рост в 2021 г., но высокие показатели экспорта товаров во втором полугодии и соответствующие инвестиции помогли Южной Корее избежать более глубокой рецессии в 2020 г.

Последствия COVID-19 в общественной жизни

По данным Статистического управления Кореи, количество самозанятых предприятий сократилось на 128 000 в июле по сравнению с годом ранее до 5,55 млн, что является самым большим падением с сопоставимым периодом в 2009 г. Данный факт крайне негативно сказывается на экономике страны, так как Южная Корея имеет одну из самых высоких в мире пропорций самозанятых людей — около 25 % рынка труда. Уровень безработицы подскочил до 4 %, достигнув самого высокого уровня за 18 лет [Статистическая база данных 2021, 1].

Количество сотрудников, вынужденных уйти в неоплачиваемый отпуск, увеличилось на 1,26 млн в марте (по сравнению с аналогичным периодом прошлого года). Заявки на пособия по безработице в марте выросли на 24,8 % по сравнению с аналогичным периодом прошлого года и на 46 % по сравнению с месяцем ранее. По мере увеличения выявленных случаев заболевания уровень безработицы возрастал. В апреле 2020 г. он составлял 4,2 %, в мае — 4,5 %. Летом, когда в Южной Корее снизились показатели распространения COVID-19, уровень безработицы в августе упал до 3,2 % [Бюллетень 2020].

В сентябре и декабре в Южной Корее наблюдался всплеск заболеваний, что сопровождалось спадом деловой активности и резким скачком уровня безработицы. Уровень безработицы в сентябре снова вырос до 4,2 %, а в декабре составил уже 4,6 %. Несмотря на то, что, по сравнению с международными показателями, данные цифры являются невысокими, но для Южной Кореи это самый высокий показатель безработицы за десять лет. Уровень безработицы на 2020 г. оценивается в 4 % [Бюллетень 2020].

В январе 2021 г. уровень безработицы в Южной Корее достиг 21-летнего максимума. Уровень безработицы подскочил до 5,4 %, самого высокого уровня с 1999 г.

Число занятых сократилось на 982 тыс. человек в январе по сравнению с показателями предыдущего года. Больше всего пострадали работники предприятий розничной торговли, гостиниц и ресторанов, потеряв 586 000 рабочих мест по сравнению с прошлым годом. Вместе с тем в сфере здравоохранения и социального обеспечения занятость увеличилась на 243 000 человек [Policy Brief 2020]. Это в значительной степени является результатом реализации государственной программы поддержки.

По данным Корейской информационной службы по трудоустройству, число граждан, получающих пособия по безработице среди мужчин в возрасте от 20 лет в декабре 2020 г. достигло 41 814 человек. Это на 98,6 % больше, чем в декабре 2019 г., когда было 21 051 человек, за месяц до того, как COVID-19 впервые поразил страну. Аналогичная ситуация наблюдалась среди женщин в возрасте от 20 лет: рост на 94,8 % с 34 163 до 66 566 за соответствующий период [Kim 2021].

Правительство выплатило 1,13 трлн вон пособий по безработице южнокорейским гражданам в июне 2021 г. Ежемесячные выплаты безработным резко выросли с 462 млрд вон в июне 2017 г. до 584 млрд вон в июне 2018 г., 706 млрд вон в июне 2019 г. и 1,1 трлн вон в июне 2020 г. [Kim 2021].

Историческое падение доходов населения с 2016 г.

Средний доход в Южной Корее упал впервые за четыре года в 2020 г. Согласно отчету Shinhan Bank, среднемесячный доход на семью в 2020 г. составил 4,78 млн вон (4 298,5 долларов США), что на 1,6 % меньше показателей предыдущего года. Ежемесячный доход стабильно рос — 4,61 млн вон в 2016 г., 4,62 млн вон в 2017 г., 4,76 млн вон в 2018 г. и 4,86 млн вон в 2019 г., но в 2020 г. он снизился (диаграмма 1). Доход семей, находящихся ниже прожиточного минимума, вырос до 3,2 %, что больше в 3 раза, чем у семей со средним и высоким уровнем дохода (0,8 %) [Пресс-релиз 2021].

Снижение доходов усугубилось ростом цен. По данным Статистического управления Республики Корея, в сентябре 2021 г. потребительские цены выросли на 2,5 % по сравнению с годом ранее. Цены на нефтепродукты подскочили на 22 %, товары пер-

вой необходимости — на 3,1 %, на промышленную продукцию на 3,4 %, что является самым быстрым ростом за более чем 9 лет [Статистическая база данных 2021, 2].

Цены на жилье в 2020 г. продемонстрировали рост на 5,6 %, что также стало самым большим показателем за 9 лет, несмотря на ряд правительственных мер по их сдерживанию [Home prices 2021].

Снижение доходов стало серьезной проблемой, в том числе оно существенно повлияло на рост социального неравенства. По данным за 2010 г., лица с низким доходом (зарабатывающие 12 млн вон и меньше) составляют 37,8 % рабочей силы Южной Кореи. И, наоборот, лица с высоким доходом (зарабатывающие 100 млн вон и более) составляют 1,4 %.

Согласно исследованию, проведенному компанией Hankook Research, лица с низкими доходами менее социально защищены и

более уязвимы в условиях пандемии. Кроме того, 56,1 % людей, имеющих временную работу, заявили, что они ощущают незащищенность. Среди имеющих постоянную работу только 27,9 % выразили подобные опасения [Koreans Feel 2020].

Проведенный опрос показал, что наибольшее падение доходов ощутили жители Тэгу, который был эпицентром вспышки в Южной Корее, и соседней провинции Северный Кёнсан. По данным соцопроса, 56,4 % респондентов указали снижение доходов своих семей, что выше, чем в среднем по стране (46,7 %). Таким образом, COVID-19 может служить механизмом для дальнейшего обострения экономического неравенства. Данный факт необходимо учитывать при подготовке плана по преодолению социально-экономических последствий новой коронавирусной инфекции.

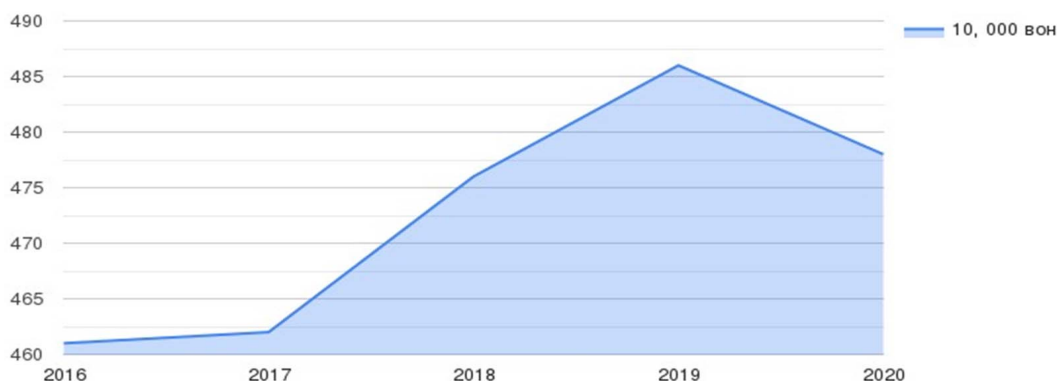

Диаграмма 1. Среднемесячный доход южнокорейской семьи

[Diagram 1. Average monthly income per household]

Источник: [News Release 2021].

Социально-экономические меры правительства по преодолению кризиса

По состоянию на 2021 г. Южная Корея занимает 10-е место среди крупнейших экономик мира и 4-е место в Азии. Эти показатели были достигнуты за очень короткий исторический период. Во время мирового финансового кризиса 2007–2008 гг. страна поддерживала стабильную экономику и даже продемонстрировала экономический рост во время пика кризиса. Тем не менее экономика Южной Кореи в современных условиях демонстрирует один из худших показателей за более чем полувековой период. Основными причинами являются за-

медление экономического роста в Китае и высокая неопределенность из-за торговой войны между Пекином и Вашингтоном, а также глобальных последствий COVID-19.

Республика Корея приняла четыре пакета дополнительных бюджетных средств для преодоления кризиса и восстановления экономики из-за COVID-19. Использование бюджетных средств в основном направлено на четыре направления: корректировка доходов, пакеты финансовой поддержки, укрепление системы социального страхования и пакеты финансовых стимулов.

Основными задачами южнокорейского правительства на 2021 г. являются сти-

мулирование восстановления национальной экономики и создание экономической базы, которая позволит стране как можно скорее вступить в эру восстановления после COVID-19. Для этого они планируют реализовать стратегию «Новый курс». Эта стратегия разделена на две части: «Новый цифровой курс» и «Новый зеленый курс», программа рассчитана до 2025 г. Первый курс направлен на то, чтобы занять лидирующее положение в экономике будущего на основе инноваций. Правительство также будет инвестировать средства в цифровую интеграцию и в сеть цифровой безопасности. В целом руководство страны будет способствовать развитию цифровой инфраструктуры, реализации непрерывного образования, в том числе и в форме онлайн через университеты и организации профессионального обучения.

С другой стороны, цель «Нового зеленого курса» — открыть новые пути к устойчивому росту. Южная Корея планирует активно реагировать на проблемы изменения климата, создавая новые рынки, отрасли и рабочие места. К 2022 г. планируется вложить 12,9 трлн вон (0,6 % ВВП) на разные проекты:

- преобразование городской и жилой инфраструктуры в «зеленую» инфраструктуру;
- общественные места, влияющие на повседневную жизнь людей, будут переоборудованы в здания с нулевым потреблением энергии;
- внедрение инноваций в «зеленую» промышленность, поддержка отрасли 5G, создание зеленых промышленных комплексов;
- расширение децентрализованного энергоснабжения с низким содержанием углерода. Это основа для постепенного перехода на возобновляемые источники энергии, такие как солнечная, ветровая и гидроэнергетика.

Правительство Республики Корея для поддержки социально-экономической сферы одобрило четыре поправки в бюджет.

Первое предложение по бюджету было одобрено 17 марта 2020 г. Объем поддержки составил около 11,7 трлн вон (9,44 миллиарда долларов), из которых 2,1 трлн вон было потрачено на борьбу, профилактику и лечение коронавирусной инфекции, 4,1 трлн вон направлено на субсидирование

малого бизнеса, 3,5 трлн вон — на поддержку домохозяйств и 1,2 трлн вон на помощь регионам, которые серьезно пострадали из-за COVID-19 [OECD Economic Surveys 2020: 15].

Второй дополнительный транш в размере 12,2 трлн вон был принят Национальным собранием Республики Корея 30 апреля 2020 г. Средства были направлены на финансирование программы помощи домохозяйствам в чрезвычайных ситуациях в размере до 1 млн вон на каждую семью [OECD Economic Surveys 2020: 16].

3 июля Национальное собрание Республики Корея утвердило третий дополнительный транш в размере 35,1 трлн вон. Это стало первым случаем с 1972 г., когда три дополнительных транша были утверждены в течение одного года. Финансовая помощь была использована для поддержки мер по обеспечению занятости. В результате было создано более 550 000 рабочих мест в государственном секторе, выплачены пособия по безработице. Бюджет был также использован на расширение социальной защиты малообеспеченным и уязвимым группам за счет увеличения размера пособий.

Четвертый транш направляется на поддержку малого бизнеса, снижение безработицы, помощь по уходу за детьми и экстренную помощь для семей с низкими доходами. В результате правительство предоставило помощь в виде кредитов со сниженной процентной ставкой в размере 2,91 млн вон малому бизнесу. Для оказания экстренной помощи сотрудникам по срочным договорам и соискателям правительство решило предоставить финансовую поддержку частным компаниям на сумму 556 млрд вон. Правительство предоставило помощь в размере 400 млрд вон для 890 000 человек, которые потеряли работу.

В целях оказания помощи семьям с детьми правительство выделило 2,2 трлн вон. Министерство экономики и финансов Южной Кореи выделило в 2020 г. 7,6 трлн вон (6,3 млрд долларов) для предоставления помощи каждой семье, чтобы смягчить экономические последствия эпидемии коронавируса. Экстренные выплаты были предоставлены не прямым перечислением денежных средств, а в виде купонов и подарочных сертификатов в магазины и заведения общественного питания за исключе-

нием зарубежных компаний [[Assessment of Covid-19 2021: 12](#)].

Для восстановления экономической активности правительство Южной Кореи приняло исторические меры. Ожидалось, что кризис снизит покупательную способность и это непосредственно скажется на экономических показателях. Комплекс мер был основан на «трех составляющих»: защита, продвижение и подготовка. В первом случае цель заключалась в том, чтобы помочь наиболее уязвимой группе людей, малым и средним предприятиям (МСП) путем предоставления поддержки в размере фонда оплаты труда, сокращений и отсрочек взносов на социальное обеспечение, кредитов по низкой ставке и специальных гарантий по кредитам. Что касается «продвижения», для повышения устойчивости экономики была оказана конкретная поддержка отраслям и реализована система стимулов, направленных на повышение внутреннего потребления.

Заключение

В январе 2020 г. COVID-19 воспринимался как проблема для ограниченного количества стран, таких как Китай, Иран и Корея. Два месяца спустя это стало самой большой угрозой здоровью и экономике всего человечества. В данной работе мы попытались представить основные механизмы реагирования южнокорейского правительства и общества на кризис, вызванный распространением коронавирусной инфекции нового типа. Опыт Южной Кореи позволит извлечь уроки и минимизировать риски для нашей страны.

На сегодняшний день Республика Корея занимает 76-е место в мире по количеству заболевших, несмотря на то, что она одной из первых столкнулась с эпидемией. Кроме того, высокая плотность населения создает потенциальный риск быстрого распространения болезни. Смертность составляет 0,7 %, что значительно меньше от общеми-

рового в 2,1 %. Данные факты свидетельствуют об успешных мерах правительства и общества, направленных на решение проблемы.

Массовое тестирование, тотальное отслеживание и гласность — вот три кита, на которых стоит успех Южной Кореи в победе над COVID-19. Большую роль сыграла подготовленность правительства Республики Корея и реформы в сфере здравоохранения, которые были проведены после предыдущих эпидемиологических кризисов.

Борьба с пандемией COVID-19 в Республике Корея имеет четыре ключевые особенности: гибкая система управления; общественное доверие к правительственным мерам; тесное сотрудничество между государственным и частным секторами; быстрое реагирование и реализация плана действий, в том числе комплексная система отслеживания очагов и контактов, которая позволила разорвать цепочку заражений. Следует отметить, что одним из главных преимуществ Южной Кореи в борьбе с коронавирусом является высокий уровень гражданской ответственности.

Пандемия COVID-19 повлияла на снижение экономических показателей Южной Кореи в целом, однако общий негативный эффект имел различные тенденции для отдельных секторов экономики. В новых условиях Республика Корея смогла гибко адаптироваться и перенаправить ресурсы на удовлетворение спроса отдельных категорий товаров. Страна смогла избежать введения тотальных ограничений, на которые были вынуждены пойти другие государства. Государственные меры по защите населения в целом, адресная помощь отдельным категориям семей позволили снизить негативный эффект для национальной экономики. По прошествии первых двух лет пандемии мы можем отметить, что объем производства в Республике Корея сокращается меньше, чем в любой другой стране ОЭСР.

Литература

Бюллетень 2020 — Бюллетень статистического управления по разделу «Труд» [электронный ресурс] // Корейская статистическая информационная служба. Внутренняя статистика. URL: https://kosis.kr/statisticsList/statisticsListIndex.do?menuId=M_01_01&vwcd=MT_ZTITLE&parmTabId

=M_01_01&outLink=Y&entrType=#content-group (дата обращения: 06.10.2021).

Годовой отчет 2021 — Годовой отчет МВФ 2021 года. Создание лучшего будущего [электронный ресурс] // International Monetary Fund (IMF). URL: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/ar/2021/eng/downloads/?lang=ru> (дата обращения: 23.09.2021).

- Пресс-релиз 2021 — Пресс-релиз «Korea's household income falls in four yrs, wealth gap at five-fold in 2020» [электронный ресурс] // Korea International Trade Association. Global Business. April 20, 2021. URL: <http://www.kita.org/global/ecoView.do?seq=20753&searchWrd=&pageIndex=1> (дата обращения: 21.09.2021).
- News Release 2021 — News Release «2020: Worst Year in Tourism History with 1 Billion Fewer International Arrivals» [электронный ресурс] // World Tourism Organization. Madrid, Spain, 28 January 2021. URL: https://webunwto.s3.eu-west-1.amazonaws.com/s3fs-public/2021-11/211129-unwto-barometer-en.pdf?12FPamgCq.KWgBm_W3sPdM.teuUHjFp (дата обращения: 06.10.2021).
- Статистические данные 2021 — Статистические данные Национальной организации туризма Кореи [электронный ресурс] // Korea Tourism Organization. Статистические данные. Статистика по годам (1975–2020). February 16, 2021 URL: https://datalab.visitkorea.or.kr/site/portal/ex/bbs/View.do;ksessionid=Q_7VDuguSndGyQbY-MXIDfE2p16myEUkHRsVOSUm.wiws01?cbldx=1127&bcldx=295813&pageIndex=1&tgtTypeCd=&searchKey=&searchKey2=&tabFlag=N&subFlag=Y&cateCont=spt01 (дата обращения: 02.10.2021).
- Статистическая база данных 2021, 1 — Статистическая база данных Республики Корея по разделу «Экономически активное население» [электронный ресурс] // Корейская статистическая информационная служба. Внутренняя статистика. URL: https://kosis.kr/eng/statisticsList/statisticsListIndex.do?menuId=M_01_01&vwcd=MT_ETITLE&parmTabId=M_01_01&statId=1962002&theMaId=#SelectStatsBoxDiv (дата обращения: 06.10.2021).
- Статистическая база данных 2021, 2 — Статистическая база данных Республики Корея по разделу «Обзор потребительских цен» [электронный ресурс] // Корейская статистическая информационная служба. Внутренняя статистика. URL: https://kosis.kr/eng/statisticsList/statisticsListIndex.do?menuId=M_01_01&vwcd=MT_ETITLE&parmTabId=M_01_01&statId=1964001&theMaId=#SelectStatsBoxDiv (дата обращения: 18.09.2021).
- Assessment of Covid-19 2021 — Assessment of Covid-19 Response in the Republic of Korea // Asian Development Bank. Manila: ADWB, 2021. 75 p.
- Balilla 2020 — *Balilla J.* Assessment of COVID-19 Mass Testing: The Case of South Korea [электронный ресурс] // SSRN Electronic Journal. 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/340030318_Assessment_of_COVID-19_Mass_Testing_The_Case_of_South_Korea (дата обращения: 17.09.2021).
- Box office revenue 2021 — Box office revenue in South Korea from 2004 to 2020 (in trillion South Korean won) [электронный ресурс] // Statista. Media. TV, Video & Film. July 8, 2021. URL: <https://www.statista.com/statistics/625439/south-korea-cinema-ticket-sales-box-office/> (дата обращения: 24.09.2021).
- Coronavirus (COVID-19) 2021 — Coronavirus (COVID-19), Republic of Korea [электронный ресурс] // Ministry of Health and Welfare. URL: <http://ncov.mohw.go.kr/en> (дата обращения: 06.10.2021).
- EximBank 2021 — Korea EximBank 2020 Annual Report // Export-Import Bank of Korea. Seoul: Government of the RK, 2021. 84 p.
- Ferrier et al. 2021 — *Ferrier K., Stangarone T., Kim S., Kim J., Kwon Y., Tokola M.* 10 Issues to Watch for on the Korean Peninsula in 2020 / Korea Economic Institute. Seoul: KEI Publishing House, 2021. 12 p.
- Global Energy Review 2020 — Global Energy Review 2020. Oil. Electricity. Natural Gas [электронный ресурс] // International Energy Agency. URL: <https://www.iea.org/reports/global-energy-review-2020/electricity#abstract> (дата обращения: 01.10.2021).
- Home prices 2021 — Home prices rise at fastest rate in 9 years in 2020 [электронный ресурс] // Yonhap News Agency. January 05, 2021. URL: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20210105006900320> (дата обращения: 30.09.2021).
- Infectious Disease Control 2013 — Infectious Disease Control and Prevention Act [электронный ресурс] // Global Regulation. 22.03.2013. URL: <https://www.global-regulation.com/law/korea/644426/infectious-disease-control-and-prevention-act.html> (дата обращения: 23.09.2021).
- Kang, Kwon, Kim 2020 — *Kang H., Kwon S., Kim E.* COVID-19 Health System Response Monitor: Republic of Korea. New Delhi: World Health Organization Regional Office for South-East Asia, 2020. 55 p.
- Kim 2021 — *Kim Yon-se.* Unemployment benefits surge among youth, women, self-employed [электронный ресурс] // Korea Herald. National. July 29, 2021. URL: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20210729000199> (дата обращения: 12.09.2021).

- Koreans Feel 2020 — Koreans Feel COVID-19 Has Increased Economic Inequality [электронный ресурс] // The Korea Bizwire. May 27, 2020. URL: <http://koreabizwire.com/koreans-feel-covid-19-has-increased-economic-inequality/160912> (дата обращения: 20.09.2021).
- Number of Cars 2021 — Number of cars sold worldwide between 2010 and 2021 (*in million units*) [электронный ресурс] // Worldwide Car Sales Database. Statista. URL: <https://www.statista.com/statistics/200002/international-car-sales-since-1990/> (дата обращения: 28.09.2021).
- OECD Economic Surveys 2020 — OECD Economic Surveys: Korea // Organisation for Economic Co-operation and Development. August 2020 Overview. Paris: OECD, 2020. 57 p.
- Policy Brief 2020 — Policy Brief 2020. Republic of Korea: A Rapid Assessment of the Employment Impacts of COVID-19 [электронный ресурс] // International Labour Organization. ILO Brief. November 2020. 17 p. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/documents/publication/wcms_760063.pdf (дата обращения: 29.09.2021).
- Republic of Korea 2020 — Republic of Korea: Success against COVID-19 based on innovation and public trust [электронный ресурс] // World Health Organization. 02.12.2020. URL: <https://www.who.int/news-room/feature-stories/detail/republic-of-korea-success-against-covid-19-based-on-innovation-and-public-trust> (дата обращения: 16.01.2022).
- Roh 2021 — Roh Joori. S. Korea exports post sharpest expansion in 26 months in Dec, but slide 5.4% y/y in 2020 [электронный ресурс] // Reuters. January 1, 2021. URL: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/skorea-exports-post-sharpest-expansion-26-months-dec-slide-54-yy-2020-2021-01-01/> (дата обращения: 03.10.2021).
- Shaik 2021 — Shaik A. Samsung posts record quarterly revenue in 2021, thanks to chips, foldables, and OLED [электронный ресурс] // Sammobile: онлайн-площадка Samsung. URL: <https://www.sammobile.com/news/samsung-q3-2021-earnings-call-highest-ever-quarterly-revenue/> (дата обращения: 06.10.2021).
- Trade Statistics 2021 — Trade Statistics for Export/Import [электронный ресурс] // Korea Customs Service // URL: https://unipass.customs.go.kr/ets/index_eng.do / (дата обращения: 05.10.2021).
- Stangarone 2021 — Stangarone Troy. The Impact of COVID-19 on South Korean Trade in 2020 [электронный ресурс] // The Diplomat. February 04, 2021. URL: <https://thediplomat.com/2021/02/the-impact-of-covid-19-on-south-korean-trade-in-2020/> (дата обращения: 27.09.2021).

References

- 2020: Worst Year in Tourism History with 1 Billion Fewer International Arrivals. Press release by UNWTO. Madrid, 28 January 2021. Available at: https://webunwto.s3.eu-west-1.amazonaws.com/s3fs-public/2021-11/211129-unwto-barometer-en.pdf?12FPamgCq.KWgBm_W3sPdM.teuUhljfp (accessed: October 6, 2021). (In Eng.)
- Assessment of Covid-19 Response in the Republic of Korea. Report by Asian Development Bank. Manila: ADB, 2021. 75 p. (In Eng.)
- Balilla J. Assessment of COVID-19 mass testing: The case of South Korea. *SSRN Electronic Journal*. 2020. Available at: https://www.researchgate.net/publication/340030318_Assessment_of_COVID-19_Mass_Testing_The_Case_of_South_Korea (accessed: September 17, 2021). (In Eng.)
- Box office revenue in South Korea from 2004 to 2020 (in trillion South Korean won). On: Statista. Media, TV, Video & Film. Posted on July 8, 2021. Available at: <https://www.statista.com/statistics/625439/south-korea-cinema-ticket-sales-box-office/> (accessed: September 24, 2021). (In Eng.)
- Coronavirus (COVID-19), Republic of Korea. On: Ministry of Health and Welfare (South Korea). Available at: <http://ncov.mohw.go.kr/en> (accessed: October 6, 2021). (In Eng.)
- Ferrier K., Stangarone T., Kim S., Kim J., Kwon Y., Tokola M. 10 Issues to Watch for on the Korean Peninsula in 2020. Seoul: Korea Economic Institute, 2021. 12 p. (In Eng.)
- Global Energy Review 2020. Oil. Electricity. Natural Gas. On: International Energy Agency (website). Available at: <https://www.iea.org/reports/global-energy-review-2020/electricity#abstract> (accessed: October 1, 2021). (In Eng.)
- Home prices rise at fastest rate in 9 years in 2020. On: Yonhap News Agency. Posted on January 05, 2021. Available at: <https://en.yna.co.kr/view/AEN20210105006900320> (accessed: September 30, 2021). (In Eng.)
- IMF Annual Report 2021. Build Forward Better. On: International Monetary Fund (website).

- Available at: <https://www.imf.org/external/pubs/ft/ar/2021/eng/downloads/?lang=ru> (accessed: September 23, 2021). (In Russ.)
- Infectious Disease Control and Prevention Act. On: Global Regulation. Posted on March 22, 2013. Available at: <https://www.global-regulation.com/law/korea/644426/infectious-disease-control-and-prevention-act.html> (accessed: September 23, 2021). (In Eng.)
- Kang H., Kwon S, Kim E. COVID-19 Health System Response Monitor: Republic of Korea. New Delhi: World Health Organization Regional Office for South-East Asia, 2020. 55 p. (In Eng.)
- Kim Yon-se. Unemployment benefits surge among youth, women, self-employed. *The Korea Herald*. National. July 29, 2021. Available at: <http://www.koreaherald.com/view.php?ud=20210729000199> (accessed: September 12, 2021). (In Eng.)
- KOREA EXIMBANK 2020 Annual Report. Seoul, 2021. 84 p. (In Eng.)
- Korea's household income falls in four yrs, wealth gap at five-fold in 2020. On: Korea International Trade Association. Global Business. Posted on April 20, 2021. Available at: <http://www.kita.org/global/ecoView.do?seq=20753&searchWrd=&pageIndex=1> (accessed: September 21, 2021). (In Eng.)
- Koreans feel COVID-19 has increased economic inequality. *The Korea Bizwire*. May 27, 2020. Available at: <http://koreabizwire.com/koreans-feel-covid-19-has-increased-economic-inequality/160912> (accessed: September 20, 2021). (In Eng.)
- Number of cars sold worldwide between 2010 and 2021(in million units). On: Statista. Worldwide Car Sales Database. Available at: <https://www.statista.com/statistics/200002/international-car-sales-since-1990/> (accessed: September 28, 2021). (In Eng.)
- OECD Economic Surveys: Korea. August 2020 Overview. Paris: OECD, 2020. 57 p. (In Eng.)
- Policy Brief 2020. Republic of Korea: A rapid assessment of the employment impacts of COVID-19. On: International Labour Organization. ILO Brief. November 2020. 17 p. Available at: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/documents/publication/wcms_760063.pdf (accessed: September 29, 2021). (In Eng.)
- Republic of Korea 2020 — Republic of Korea: Success against COVID-19 based on innovation and public trust [электронный ресурс] // World Health Organization. 02.12.2020. URL: <https://www.who.int/news-room/feature-stories/detail/republic-of-korea-success-against-covid-19-based-on-innovation-and-public-trust> (дата обращения: 16.01.2022)
- Roh Joori. S. Korea exports post sharpest expansion in 26 months in Dec, but slide 5.4% y/y in 2020. On: Reuters. Posted on January 1, 2021. Available at: <https://www.reuters.com/world/asia-pacific/skorea-exports-post-sharpest-expansion-26-months-dec-slide-54-yy-2020-2021-01-01/> (accessed: October 3, 2021). (In Eng.)
- Shaik A. Samsung posts record quarterly revenue in 2021, thanks to chips, foldables, and OLED. On: SAMMOBILE. Available at: <https://www.sammobile.com/news/samsung-q3-2021-earnings-call-highest-ever-quarterly-revenue/> (accessed: October 6, 2021). (In Eng.)
- Stangarone T. The Impact of COVID-19 on South Korean trade in 2020. *The Diplomat*. February 04, 2021. Available at: <https://thediplomat.com/2021/02/the-impact-of-covid-19-on-south-korean-trade-in-2020/> (accessed: September 27, 2021). (In Eng.)
- Statistical Database. On: Korean Statistical Information Service. Available at: https://kosis.kr/statisticsList/statisticsListIndex.do?menuId=M_01_01&vwcd=MT_ZTITLE&parmTabId=M_01_01&outLink=Y&entrType=#content-group (accessed: October 6, 2021). (In Eng.)
- Statistical Database. Labor. Economically Active Population Survey. On: Korean Statistical Information Service. Available at: https://kosis.kr/eng/statisticsList/statisticsListIndex.do?menuId=M_01_01&vwcd=MT_ETITLE&parmTabId=M_01_01&statId=1962002&themaId=#SelectStatsBoxDiv (accessed: October 6, 2021). (In Eng.)
- Statistical Database. Prices. Consumer Price Survey. On: Korean Statistical Information Service. Available at: https://kosis.kr/eng/statisticsList/statisticsListIndex.do?menuId=M_01_01&vwcd=MT_ETITLE&parmTabId=M_01_01&statId=1964001&themaId=#SelectStatsBoxDiv (accessed: September 18, 2021). (In Eng.)
- Statistics by Years, 1975–2020 (visitor arrivals). On: Korea Tourism Organization (website). Posted on February 16, 2021. Available at: https://datalab.visitkorea.or.kr/site/portal/ex/bbs/View.do;ksessionId=Q_7VDuguSndGy-QbY-MXIDfE2pl6myEUKHRsVOSum.wiws01?cbIdx=1127&bcIdx=295813&pageIn

dex=1&tgtTypeCd=&searchKey=&search-
Key2=&tabFlag=N&subFlag=Y&cateCon-
t=spt01 (accessed: October 2, 2021). (In Eng.
and Kor.)

Trade Statistics for Export/Import. On: Korea Cus-
toms Service (website). Available at: [https://
unipass.customs.go.kr/ets/index_eng.do](https://unipass.customs.go.kr/ets/index_eng.do) / (ac-
cessed: October 5, 2021). (In Eng.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 6, pp. 1146–1153, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(47)

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1146-1153

Политическая ситуация в Северном Прикаспии в 1725 г.

Владимир Толтаевич Тепкеев¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-4140-8358. E-mail: tvt75@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Тепкеев В. Т., 2021

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена одной из малоизвестных страниц в истории Северного Прикаспия — перемещению в этот регион казахов Среднего и Малого жузов и каракалпаков, вызвавшему вооруженное столкновение с калмыками и яицкими казаками в 1725 г. *Цель статьи* — введение в научный оборот новых архивных сведений о внешней политике на восточном направлении калмыцкого наместника Церен-Дондука (1724–1735 гг.). *Источниковой базой* послужили материалы Национального архива Республики Калмыкия, хранящиеся в фонде И-36. В «Журнале по калмыцким делам» отложились донесения и рапорты астраханского губернатора А. П. Волынского, полковника В. П. Беклемишева и других должностных лиц, отвечавших за «Калмыцкие дела». *Результаты.* Вторжение джунгарских войск в Туркестан весной 1725 г. вынудило казахов Среднего и Малого жузов и каракалпаков во главе с ханом Абулхаиром откочевать в степи Северного Прикаспия, где им пришлось вступить в вооруженное противостояние с волжскими калмыками и яицкими казаками. *Выводы.* Наместник Церен-Дондук, несмотря на внутренние политические неурядицы, сумел летом 1725 г. организовать вооруженный отпор казахам и каракалпакам, нанеся им существенный урон. Однако отсутствие мирного договора с казахским ханом Абулхаиром лишало восточные калмыцкие улусы устойчивой безопасности и вынуждало калмыцких владельцев держать крупные силы на Яике.

Ключевые слова: Калмыцкое ханство, калмыки, казахи, каракалпаки, Артемий Волынский, Церен-Дондук, русско-калмыцкие отношения

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Тепкеев В. Т. Политическая ситуация в Северном Прикаспии в 1725 г. // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 6. С. 1146–1153. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1146-1153

The 1725 Political Situation in the Northern Caspian

Vladimir T. Tepkeev¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0002-4140-8358. E-mail: tv75@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Tepkeev V. T., 2021

Abstract. *Introduction.* The article discusses one of the little-known events in the history of the Northern Caspian region, namely, the arrival of the Kazakhs of the Middle and Small *Zhuzes* and Karakalpaks in the region in 1725 to confront the Kalmyks and Yaik Cossacks. The article *aims* to introduce into scientific circulation new archival data on the eastern direction of the foreign policy of the Kalmyk *namestnik* (ruler) Tseren-Donduk (1724–1735). The *sources* for the research were the materials of the National Archives of the Republic of Kalmykia, stored in fonds I-36, including the “Journal of Kalmyk Affairs”, consisting of accounts and reports of the Astrakhan governor A. P. Volynsky, Colonel V. P. Beklemishev and other officials in charge of Kalmyk affairs. *Results.* The invasion of Dzungar troops into Turkestan in the spring of 1725 forced Kazakhs and Karakalpaks, led by Khan Abulhair, to move to the steppes of the Northern Caspian region, where they had to confront the Volga Kalmyks and Yaik Cossacks. *Conclusions.* In the summer of 1725, despite the internal political turmoil, Tseren-Donduk managed to organize an effective opposition to the Kazakh and Karakalpak forces and to inflict significant casualties on the rivals. However, granted the absence of a peace treaty with the Kazakh khan Abulhair, the position of the eastern Kalmyk *uluses* was not secure, and the Kalmyk owners had to keep large forces on the Yaik River.

Keywords: Kalmyk Khanate, Kalmyks, Kazakhs, Karakalpaks, Artemy Volynsky, Tseren-Donduk, Russian-Kalmyk relations

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119011490038-5 ‘Sociopolitical and Cultural Development of South Russia’s Peoples: Comprehensive Studies of Respective Processes’.

For citation: Tepkeev V. T. The 1725 Political Situation in the Northern Caspian. *Oriental Studies*. 2021; 14 (6): 1146–1153. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1146-1153

Введение

Территория Северного Прикаспия представляет важный стратегический узел из-за наличия здесь исторически сложившихся транзитных торговых путей [Кундакбаева 2005: 20–21]. История народов, населявших этот регион в XVIII в., требует более тщательного и внимательного исследования с привлечением новых архивных данных. В историографии существует ряд публикаций, затрагивающих отдельные проблемы этого вопроса [Пальмов 1926; Батмаев 1993; Бобров 2013; Ерофеева 2007; Кундакбаева 2005; Сабитов 2014; Тепкеев 2021; Торопыцын, Сусеева, Кундакбаева 2019; Цюриумов 2009].

История непростых взаимоотношений калмыков, казахов, каракалпаков и яицких

казаков в XVIII в. затрагивала разные политические проблемы, в решении которых в первую очередь принимало участие российское правительство. Поэтому целью данной статьи является введение в научный оборот новых архивных сведений о внешней политике на восточном направлении калмыцкого наместника Церен-Дондука в 1725 г.

Цель статьи — введение в научный оборот новых архивных сведений о внешней политике на восточном направлении калмыцкого наместника Церен-Дондука (1724–1735 гг.).

Материалы и методы

Источниковой базой к статье послужили материалы фонда И-36 «Состоящий при калмыцких делах при астраханском губернаторе» Национального архива Республи-

ки Калмыкия. В «Журнале по калмыцким делам» отложились донесения и рапорты астраханского губернатора А. П. Волынского, полковника В. П. Беклемишева и других должностных лиц, отвечавших за «Калмыцкие дела». В первую очередь это касается дела «О происходивших между калмыцкими владельцами ссорах и междоусобиях» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15].

Отдельные документы были опубликованы в «Материалах по истории каракалпаков» [Материалы 1935]. Достоверность представленных архивных сведений проверялась путем выявления их происхождения, сравнения и сопоставления с другими источниками, содержащими похожую информацию.

Начало противостояния

В 1724 г. калмыцкие улусы, располагавшиеся на востоке, подверглись внезапному нападению 13-тысячного казахско-каракалпакского войска во главе с Абулхаиром. Причиной этому во многом стал начавшийся политический кризис в Калмыцком ханстве в 1723 г., когда большинство калмыцких владельцев вступило в борьбу за власть, и вторжение джунгар на территорию казахов и каракалпаков. Последние пытались компенсировать свои материальные потери за счет набегов на кочевья волжских калмыков. Попытка калмыцкой стороны еще летом 1723 г. урегулировать проблему с казахами мирным путем закончилась провалом [История Казахстана 2005: 308].

В марте 1724 г. казахам и каракалпакам удалось взять в плен несколько сот калмыков и большое количество скота [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 17. Л. 102–102об.].

Летом военные действия продолжились. Дорджи Назаров, отправив свои улусы к Волге, во главе 18-тысячной конницы выдвинулся навстречу противнику [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 19. Л. 89–89об.]. На реке Узень ему удалось настичь отряд казахов и каракалпаков, который насчитывал всего 750 человек, и полностью его разгромить [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 84об., 85; Бакунин 1995: 43].

Письменные источники того времени нам показывают, что казахи и каракалпаки не смогли верно оценить свои возможности при организации набега на калмыцкий улус [Бобров 2013: 14].

В 1725 г. казахский хан Абулхаир не смог удержать за собой Туркестан и под давлением более превосходящих сил джунгар весной 1725 г. вынужден был отступить на территорию Бухарского ханства [Ерофеева 2007: 176].

О ситуации в Средней Азии губернатору Артемию Волынскому стало известно из устного сообщения туркмена Усмана, прибывшего 30 июня 1725 г. с письмом от Петра Тайшина. Из Хивы Усман вернулся в калмыцкие кочевья вместе с приезжавшими туда посланцами Дорджи Назарова. В результате нападения джунгарских войск наиболее всего пострадали каракалпаки и казахи, 2 тыс. их кибиток было захвачено, а 8 тыс. кибиток бежали под Бухару. Основная масса казахов была вынуждена откочевать в западном направлении, в сторону калмыцких кочевий [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 356об.].

Для подтверждения этой информации губернатор отправил к Дорджи Назарову посланца, который по возвращении подтвердил, что казахский хан Абулхаир с 50-тысячным войском противостоял джунгарскому Цэван-Рабдану, но джунгарам удалось разорить 10 тыс. кибиток казахов и каракалпаков. Остальные 40 тыс. кибиток вынуждены были отступить в двух направлениях — под Бухару и в район реки Эмбы, угрожая тем самым уже кочевьям волжских калмыков [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 356об., 357].

Те, кто откочевал в Бухарское ханство, обложили данью местных бухарцев, что они вынуждены были обратиться за помощью к джунгарскому хунтайджи. Другая группа улусов казахов и каракалпаков, ушедшая на Эмбу, рассчитывала на поддержку волжских калмыков против джунгарской агрессии и с этой целью планировала на заключение военного союза или согласна была даже вступить под протекторат калмыцкого наместника [Пальмов 1926: 64].

Для переговоров с Церен-Дондуком казахский хан Абулхаир направил к нему своего посланца. Но в ходе переговорного процесса казахам стало известно о разбросанности калмыцких улусов по обоим берегам Волги и внутривнутриполитических неурядицах среди калмыцких владельцев. Казахская сторона изменила свои первоначальные планы и вместо решения войти под покров

вительство наместника вздумала атаковать позиции калмыцких улусов, кочевавших на левобережье Волги, чтобы прогнать калмыков и воспользоваться их удобными пастбищами [Пальмов 1926: 64, 65].

Узнав, что на левом берегу Волги кочуют только улусы наместника Церен-Дондука, ханши Дарма-Балы и Дорджи Назарова, казахи задержали у себя калмыцкого посланника и стали готовиться к нападению на эту группу калмыков. Однако калмыцкому послу удалось сбежать из казахского плена и предупредить своих владельцев о готовящемся нападении, что сразу вызвало немедленную мобилизацию калмыцкого войска [Пальмов 1926: 64, 65].

Калмыцкое наступление

1 июля В. П. Беклемишев сообщал из Дмитриевска о выдвижении наместника Церен-Дондука с войском за реку Узень, чтобы оказать военную помощь Дорджи Назарову. Из-за дальности расстояния майор В. П. Беклемишев не смог лично выехать в тот район, поэтому он оправил к наместнику «для проведения ведомостей» калмыка Токту [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 357]. Оба этих владельца даже письменно обратились к своему политическому оппоненту, Досангу, чтобы тот присоединился к совместной борьбе против казахов: «И собаки, хотя и разных родов, но против волка все соединяются. А они с нами за малые вещи, несогласием своим, к неприятелям в руки попадают, от чего на обе стороны будет убыток» (цит. по: [Пальмов 1926: 65]).

По мнению самого Досанга, которым он делился с астраханским губернатором А. П. Волынским, «ежели их касики возьмут, то как нам, так и вашим (русским) интересам будет худо» (цит. по: [Пальмов 1926: 65]).

2 июля астраханский губернатор получил сведения из Яицкого городка, что калмыцкие войска еще в начале июня выдвинулись в восточном направлении. Об этом казакам сообщали сами калмыки, приезжавшие в городок. Полковник Захаров, находившийся в это время у яицких казаков, сообщал о 30 тыс. калмыков, участвовавших в казахском походе и двигавшихся в сторону Эмбы. Губернаторский посланник Волковойнов в ста верстах от Волги, ниже Саратова, лично наблюдал передвижение

10-тысячного войска калмыков под командой Галдан-Данджина, младшего брата наместника. В разговоре калмыки ему сообщили, что с наместником также двигаются калмыцкие войска, однако об их численности сведения не было [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 357об.].

Посланец наместника Шарап устно подтвердил, что улусы Церен-Дондука, Дарма-Балы и Шакур-ламы кочуют на реке Узени [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 363об., 364].

Церен-Дондук сообщил о нахождении 30-тысячного войска Дорджи Назарова и Ямана на восточной границе калмыцких кочевий для защиты улусов, где они ждали прихода казахских и каракалпакских войск. С целью установить истинные намерения противника за Яик ими были отправлены три разведывательные партии калмыков по 30 человек [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 364].

10 июля А. П. Волынский письменно информировал правительство о казахской угрозе и в письме поделился своими соображениями относительно этой проблемы. Губернатор собирался встретиться с Церен-Дондуком и выяснить все обстоятельства на казахском направлении. Он также планировал отправить к казахскому хану Абулхаиру письмо с предупреждением, чтобы тот отказался от своих враждебных намерений, напоминая, что калмыки — российские подданные. В случае если казахи все-таки совершат нападение на калмыков, то Волынский собирался поступить с ними как с неприятелем [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 364об.].

13 июля было получено сообщение майора В. П. Беклемишева из Саратова, что 2 числа он получил сведения от Церен-Дондука, Дарма-Балы и Галдан-Данджина о движении казахского войска на калмыцкие улусы. Владелец просили срочно прислать им пороха, свинца, пушек и российского войска. Вместе с тем в Саратов возвратился калмыцкий осведомитель Токто, который подтвердил появление около 10 тыс. казахских кибиток у Яика, предполагая, что калмыки, по всей видимости, откочуют на правобережье Волги.

Однако казахи, узнав о наличии большого количества калмыков в волго-яицком междуречье, повернули обратно и оста-

новились на Эмбе, сев в осаду и опасаясь воинского прихода калмыков. По мнению того же Токто, калмыцкие владельцы просили военной помощи у российской стороны только для того, чтобы узнать, «какая оборона улусов показана будет» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 366–366об.].

Из-за джунгарской угрозы казахи находились в довольно тяжелом положении. По мнению калмыка Токто, они не только не собирались нападать на волжских калмыков, но, наоборот, калмыцкие владельцы во главе с Церен-Дондуком и Дорджи Назаровым сами выступали инициаторами, чтобы атаковать позиции казахских улусов. С этой целью они и отправили разведывательные партии за Яик [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 366об.].

13 июля в Царицын к губернатору А. П. Волынскому прибыл зайсанг Самтан с письмом от наместника, в котором тот сообщал о своем отбытии в военный поход против казахов. В разговоре с зайсангом А. П. Волынский заверил, что правительство положительно отреагировало на просьбу Церен-Дондука о военной помощи против казахов. В частности, генерал-фельдмаршал кн. М. М. Голицын выделил три полка драгун и 2 тыс. казаков, которые должны были вскоре прибыть на Дон. В случае нападения казахов на калмыков губернатор заверил, что лично вместе с этими вооруженными силами готов был выехать в верховье реки Узень, куда и просил прислать российские войска наместник [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 367об.].

Самтан поблагодарил в лице губернатора правительство за поддержку, но признался, что сейчас особой нужды в российских войсках уже нет, поскольку ранее они не знали «подлинных ведомостей» о казахах. Как оказалось, казахских сил после погрома их джунгарами было мало, и они искали убежища возле Волги, предполагая, что все волжские калмыки откочевали за Дон и Волгу. Калмыцкий посланец Сокур-Менке известил казахского хана Абулхайра о массовом присутствии калмыцких улусов на левом берегу Волги, поэтому казахи и каракалпаки остановились у Эмбы. Но Церен-Дондук, собрав 20-тысячное войско, собирался все-таки нанести удар по восточным соседям [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 367об.–368].

Итоги летней кампании

15 августа Церен-Дондук предоставил сведения А. П. Волынскому о действиях калмыцкого войска на казахском направлении. Оказалось, что войско преодолело расстояние между Яиком и Эмбой за девять дней, пока оно не достигло первых казахских кочевий. В результате боя было разорено казахское владение в тысячу кибиток, были уничтожены все мужчины, а женщины и дети взяты в плен. У другого казахского владения численностью в 10 тыс. кибиток были отогнаны скот и конские табуны. После того, как калмыцкое войско стало возвращаться к Яику, их догнал некий калмык, находившийся в казахском плену, и сообщил, что несколько тысяч казахов уже четверо суток преследуют калмыков. Дорджи Назаров принял решение остаться с войском на Яике, а в казахском направлении отправил разведывательную партию [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 404].

3 сентября губернатор со свитой выехал на левобережье Волги для встречи с наместником и представления ему грамоты. По дороге он отправил поздравительную грамоту Галдан-Данджину с успешным окончанием казахского похода. В этот же день состоялась личная встреча губернатора с наместником [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 423об.–424].

Однако казахское направление продолжало оставаться для калмыков тревожным, поскольку недавний поход не принес ощутимых результатов. Калмыцкие владельцы признавались губернатору, что войска вернулись в улусы, но они «от каракалпаков и от казаков в великом страхе и походом своим много ничего не сделали, только что оных на себя паче возбудили и озлобили». Поэтому владельцам пришлось на Яике оставить значительную часть своего войска [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 425об.].

В августе на пограничный калмыцкий улус произошло нападение партии каракалпаков, которым удалось захватить немного лошадей и пленить людей. В этом же месяце к калмыкам прибыл казахский перебежчик, у которого жена, дети и другие родственники находились в калмыцком плену, и сообщил о готовящемся нападении многотысячного казахского войска, движущегося со стороны Эмбы. Целью их были калмыцкие улусы, кочующие между Черным Яром и

Астраханью. Калмыцкие владельцы просили губернатора выделить им пороха, свинца и как можно больше войска с артиллерией [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 441].

Сославшись на «позднее время и за дальность», А. П. Волынский отказал им в поддержке войсками против казахов, но предложил их улусам отступить к Дмитриевску, под защиту его гарнизона. По словам губернатора, большинство гарнизонных солдат по указу было направлено для службы к крепости Святого Креста. На предложение зайсангов выделить им хотя бы пушки, пороха и свинца А. П. Волынский ответил, что по указу он не имеет права выдавать артиллерию без прислуги, а 20 пудов пороха и 10 пудов свинца калмыцкой стороне были выделены ранее [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 441об.].

В своем докладе в правительство губернатор А. П. Волынский подчеркивал, что скорейшее примирение среди калмыцких владельцев может положительно отразиться на безопасности юго-восточных российских границ. Концентрация казахских и каракалпакских улусов на Эмбе ставила под угрозу спокойствие территорий Казанской и Астраханской губерний. Единственной боееспособной силой, которая могла им противостоять в этом регионе, продолжали оставаться именно калмыки. Волынский не исключал возможность набегов объединенных сил казахов и каракалпаков с башкирами, среди которых наблюдалось брожение. По его данным, казахско-каракалпакское войско насчитывало около 30 тыс. человек, а башкиры могли бы выставить более 60 тыс. человек [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 445об.–446].

Новое наступление казахов и каракалпаков

В августе в уфимской канцелярии получили сведения о появлении на реке Илек каракалпакского войска, состоявшего из более чем двух тысяч человек. За ними в этот район подтягивалось большое количество казахских и каракалпакских семей под руководством трех ханов, бежавших от наступления войск джунгарского хунтайджи Цэван-Рабдана: «их, каракалпаков и касаков, разбил хонтайши и два города у них взял, и из жилища их с женами и детьми выбили и многих порубили и в полон побрали, а протчие остались под ево хонтайшиной

протекцию» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 478об.].

27 сентября яицкие казаки на Яике подобрали калмыка из улуса Дорджи Назарова, бежавшего из казахского плена. По его данным, 17 тыс. казахов идут к калмыкам, чтобы заключить с ними мирное соглашение, а затем разгромить Яицкий городок, чтобы с улусами расположиться на Яике [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 484об.].

6 октября саратовские власти сообщали губернатору, что около 400 каракалпаков, обосновавшись в Рын-песках, совершали набеги под калмыцкие улусы, захватив в плен 40 калмыков и отогнав 2 тыс. лошадей, 60 верблюдов, 300 коров и 3 тыс. овец [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 481об.].

По сообщению самарского коменданта Кушника, 30 октября объединенное 17-тысячное казахско-каракалпакское войско появилось в местности Каракум, в 10 днях от Яицкого городка. По предварительным данным, казахи и каракалпаки якобы имели намерение взять приступом казачий городок, а затем подвергнуть разорению калмыцкие улусы, чтобы иметь возможность перейти Волгу и с семьями бежать на Кубань [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 15. Л. 496об.].

Приехавший в конце 1725 г. в Петербург станичный атаман Матвей Арапов с товарищами просил у правительства разрешения основать новую крепость выше Яицкого городка при устье Сакмары, где, по его словам, каракалпаки и казахи переправляются и ходят на приграничную российскую территорию с целью грабежа и захвата полона. Все эти сведения вызывали серьезную тревогу в правительстве [Ерофеева 2007: 177].

В личном разговоре с В. П. Беклемишевым 11 февраля 1726 г. калмыцкий первосвященник Шакур-лама сообщил о нападении осенью 1725 г. 10-тысячного войска каракалпаков на улус Лекбея, сына Дорджи Назарова. Однако им не удалось безнаказанно уйти с захваченным скотом и кибитками. Калмыцкие владельцы во главе войска смогли их настичь и навязать каракалпакам бой, исход которого решила вовремя доставленная калмыками артиллерия. Потеряв более тысячи человек убитыми от артиллерийского огня, каракалпаки запросили мира и вынуждены были вернуть калмыцкой стороне все захваченное имущество, а также передать знатных аманатов в

количестве 13 человек с прислугой [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 30об., 31].

В российском правительстве внимательно следили за ситуацией в Северном Прикаспии. 15 декабря 1725 г. императрица Екатерина I собрала Верховный тайный совет по иностранным делам, где присутствовавшие его члены заслушивали донесение губернатора А. П. Волынского о приближении казахов и каракалпаков к Яику и о намерении их ударить по волжским калмыкам. Дальнейшие события лишь подтвердили достоверность этой информации [Ерофеева 2007: 177].

Массовый приход казахов и каракалпаков на Эмбу ненадолго прервал калмыцко-джунгарские переговоры. Калмыцкие владельцы старались быть в курсе всех дел, происходивших в Джунгарии, и с этой целью они туда периодически отправляли посланцев. Поскольку ранее отправленный к джунгарскому хунтайджи посланец Еке-Абугай еще не вернулся, в 1725 г. в Джунгарию был отправлен другой представитель волжских калмыков — Мамут Аржисанов вместе с джунгарским посланником [Пальмов 1926: 65].

Из сообщения калмыцкого осведомителя Олдоксона от 25 февраля 1726 г. стало известно, что Мамут вернулся из Джунгарии, но один, так как сопровождавшего джунгарского посланника на Эмбе перехватили каракалпаки. Они пытались путем пыток добиться у джунгарского посла точных сведений о намерениях Цэван-Рабдана. Под пытками он и трое его сопровождавших сообщили, что хунтайджи собирается собрать войско и двинуться к Волге для подчинения калмыков. Каракалпаки, задержав у себя джунгаров, отпустили Мамута со своим посланником к калмыцким владельцам, чтобы они сообщили о тех сведениях, которые дали джунгары под пытками [НАРК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 25. Л. 87об.]. Опасность дороги через степи Северного Прикаспия на некоторое время удерживает калмыков от отправки посланцев в Джунгарию.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Литература

Батмаев 1993 — Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт: в 2-х книгах. Элиста: Калмкнигоиздат, 1993. 381 с.

Заключение

В условиях внутреннего политического кризиса 1723–1724 гг. Калмыцкое ханство впервые столкнулось с мощным миграционным потоком кочевых народов с востока на запад. Причиной этому стали джунгарско-казахские войны в Туркестане и Восточном Казахстане. Отступление казахских улусов Малого и Среднего жузов и каракалпаков в северо-западном направлении привели к тому, что степи Северного Прикаспия стали ареной ожесточенной борьбы теперь между ними и волжскими калмыками. Наместнику Церен-Дондуку летом 1725 г. удалось организовать вооруженный отпор, и калмыцкое войско смогло нанести ряд поражений казахам и каракалпакам.

Попытки уладить конфликт дипломатическим путем не имели успеха с самого начала, поскольку казахская сторона отказалась от переговоров. Временный военный успех не позволил калмыкам чувствовать себя окончательно в безопасности, так как миграционный поток с востока только увеличивался, создавая все новые и новые угрозы. Наместнику и другим калмыцким владельцам пришлось часть калмыцкого войска постоянно держать на восточном направлении, ожидая нового удара. Очевидно, что с этого времени ситуация в Северном Прикаспии сильно поменялась с приходом казахов и каракалпаков. Ни калмыки, ни яицкие казаки, ни башкиры уже не могли игнорировать опасность с этого направления. Российское правительство со всей серьезностью восприняло информацию о вооруженном столкновении своих подданных с новопришлыми кочевыми народами. Однако недостаток военных сил в этом регионе заставил губернские власти надеяться только на самостоятельные военные действия калмыцких владельцев, которые в свою очередь также рассчитывали на поддержку российских войск.

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.

Бакунин 1995 — Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. 2-е изд. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 153 с.

- Бобров 2013 — *Бобров Л. А.* Узенинская битва (1724 г.): предпосылки, ход, результаты // Научный Татарстан. 2013. № 2. С. 5–17.
- Ерофеева 2007 — *Ерофеева И. В.* Хан Абулхайр: полководец, правитель, политик. Изд. 3-е. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 456 с.
- История Казахстана 2005 — История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв. Т. 2. Русские летописи и официальные материалы XVI – первой трети XVIII в. о народах Казахстана / сост., транскр., вст. ст., коммент. И. В. Ерофеевой; науч. ред. Р. К. Нурмагамбетова. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 445 с.
- Кундакбаева 2005 — *Кундакбаева Ж. Б.* «Знаком милости Е.И.В...». Россия и народы Северного Прикаспия в XVIII веке. М.: АИРО-XXI; СПб.: Дмитрий Буланин, 2005. 303 с.
- Материалы 1935 — Материалы по истории каракалпаков (печатные и рукописные исторические известия о каракалпаках на русском языке) / ред. А. Н. Самойлович (Труды ИВ АН СССР). Т. 7. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. 289 с.
- Пальмов 1926 — *Пальмов Н. Н.* Этюды по истории приволжских калмыков. Ч. 1. Астрахань: Издание Калм. Обл. Исп. Комитета, 1926. 391 с.
- Сабитов 2014 — *Сабитов Ж. М.* Казахско-калмыцкие отношения в 1700–1715 годах // Средневековые тюрко-татарские государства. 2014. № 6. С. 122–126.
- Тепкеев 2021 — *Тепкеев В. Т.* Калмыцко-казахское противостояние в Северном Прикаспии в 1723–1724 гг. // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 1. С. 24–32. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-24-32
- Торопицын, Сусеева, Кундакбаева 2019 — *Торопицын И. В., Сусеева Д. А., Кундакбаева Ж. Б.* Шаткий мир: казахско-калмыцкие отношения в начале 1740-х гг. // Вестник Калмыцкого университета. 2019. № 4(44). С. 63–68.
- Цюрюмов 2009 — *Цюрюмов А. В.* Калмыцко-казахские отношения в первой трети XVIII века // К единству России: аспекты регионального и национального взаимодействия: мат. рег. науч.-практ. конф. Элиста: Джангар, 2009. С. 192–196.
- Bakunin V. M. Description of the Kalmyk Peoples, in Particular, Torgout People, and Deeds of Their Khans and Landlords (1761). 2nd ed. Elista: Kalmykia Book Publ., 1995. 153 p. (In Russ.)
- Batmaev M. M. The Kalmyks, 17th–18th Centuries: Events, Personalities, Household Life. In 2 vols. Elista: Kalmykia Book Publ., 1993. 381 p. (In Russ.)
- Bobrov L. A. Uzeni battle (1724): Background, course, results. *Nauchnyi Tatarstan*. 2013. No. 2. Pp. 5–17. (In Russ.)
- Kundakbaeva Zh. B. 'By the Merit of His / Her Imperial Majesty ...': Russia and Peoples of the Northern Caspian, 18th Century. Moscow: AIRO-XXI; St. Petersburg: D. Bulanin, 2005. 303 p. (In Russ.)
- Palmov N. N. The Volga Kalmyks: Historical Essays. Vol. 1. Astrakhan: Kalmyk Oblast Executive Committee, 1926. 391 p. (In Russ.)
- Sabitov Zh. M. Kazakh-Kalmyk relations in the 1700–1715 years. *Medieval Turkic-Tatar States*. 2014. No. 6. Pp. 122–126. (In Russ.)
- Samoylovich A. N. (comp., ed.) Materials in Karakalpak History: Russian-Language Historical Messages about Karakalpaks, Print and Manuscript Ones. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1935. Ser. 'Transactions of the Institute of Oriental Studies'. Vol. 7. 289 p. (In Russ.)
- Tepkeev V. T. The Northern Caspian, 1723–1724: Kalmyk-Kazakh confrontation. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 1. Pp. 24–32. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-53-1-24-32
- Toropitsyn I. V., Suseeva D. A., Kundakbaeva Zh. B. Shaky world: Kazakh-Kalmyk relations in the beginning of the 1740s. *Bulletin of Kalmyk University*. 2019. No. 4(44). Pp. 63–68. (In Russ.)
- Tsyuryumov A. V. Kalmyk-Kazakh relations, 1700s–1730s. In: Towards Russia United. Aspects of Regional and Ethnic Interaction. Conference proceedings. Elista: Dzhangar, 2009. Pp. 192–196. (In Russ.)
- Yerofeeva I. V. (comp.), Nurmagametova R. K. (ed.) History of Kazakhstan according to Russian Sources, 16th–20th Centuries. Vol. 2: Russian Chronicles and Official Materials about Peoples of Present-Day Kazakhstan, 1500s–1730s. Almaty: Dayk-Press, 2005. 445 p. (In Russ.)
- Yerofeeva I. V. Khan Abulkhair: Warlord, Ruler, Politician. 3rd ed. Almaty: Dayk-Press, 2007. 456 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 6, pp. 1154–1164, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94:008(=512.31)(571.54)

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1154-1164

Советская модернизация культуры и быта бурят в 1920–1930-е гг.

Виктория Владимировна Номогоева¹

¹ Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова (д. 24а, ул. Смолина, 670000 Улан-Удэ, Российская Федерация)

доктор исторических наук, доцент кафедры

 0000-0001-8852-2230. E-mail: nomogoeva67@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Номогоева В. В., 2021

Аннотация. *Введение.* Начиная с XVII в. буряты в составе Российского государства оказались в сфере влияния западной светской культуры и православного христианства. В хозяйстве и быту в зависимости от природно-климатических условий распространяются основы земледелия, добывающей промышленности и русской культуры. Но в целом в составе Российской империи буряты продолжали развивать экстенсивное кочевое и полукочевое хозяйство, их культура носила патриархальный характер. В 1923 г. с созданием Бурят-Монгольской АССР начинаются процессы трансформации и изменения культуры и быта бурят. Модернизация происходит во всех сферах традиционной жизни, таких как хозяйственные занятия, материальная культура, семейно-брачные отношения, религиозные воззрения, общественный досуг и др. *Целью* исследования является изучение процессов модернизации культуры и быта бурят на начальном этапе советского строительства. *Материалы и методы.* Основными источниками стали документы Государственного архива Республики Бурятия. Большое значение в раскрытии темы сыграли опубликованные источники и материалы СМИ. Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, системности, объективности, достоверности, позволяющие рассмотреть процесс советской модернизации бурятской культуры как многомерный, противоречивый процесс, избегая как односторонней критики, так и идеализации. *Результаты.* В процессе изучения материалов СМИ и архивных источников советского строительства Бурятии условно определяются два этапа. Первый происходит от образования Бурят-Монгольской АССР и до конца 1920-х гг. — времени, когда начинаются коренные преобразования в образе жизни бурят, но культура и быт еще в основном сохраняют традиционные черты. С началом коллективизации и процесса оседания кочевых хозяйств Бурятии, со времени «Великого перелома» и начала «воинствующего атеизма» начинается период интенсивного строительства новой жизни и искоренения традиционного быта. Полученные результаты позволили прийти к *выводу*, что советская модернизация охватила весь бурятский социум, и ее воздействие оказалось глубоким, всесторонним и действенным. Бесспорно, этот проект модернизации был осуществлен и решил возлагавшиеся на него задачи и надежды.

Ключевые слова: советская власть, буряты, материальная культура, быт, общественный досуг, трансформации, модернизация

Для цитирования: Номогоева В. В. Советская модернизация культуры и быта бурят в 1920–30-е гг. // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 6. С. 1154–1164. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1154-1164

The 1920s and 1930s Soviet Modernization of Buryat Culture and Household Life Revisited

Viktoriya V. Nomogoeva¹

¹ Banzarov Buryat State University (24A, Smolin St., 670000 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0001-8852-2230. E-mail: nomogoeva67@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Nomogoeva V. V., 2021

Abstract. Introduction. Since the 17th c. as part of the Russian Empire, Buryats found themselves in the sphere of influence of Western secular culture and Orthodox Christianity. Depending on the local natural and climatic conditions, some basic features of agriculture, mining, and Russian culture were introduced into the Buryat economic activities and everyday life, but, in general, the people persisted in their extensive nomadic and semi-nomadic economy and patriarchal culture. In 1923, with the birth of the Buryat-Mongolian Autonomous Soviet Socialist Republic (BMASSR), the processes of transformation of their culture and life began in every sphere of their traditional life, such as economic activities, material culture, family and marriage relations, religious beliefs, public leisure, etc. The article *aims* to study the processes of modernization of Buryat culture and everyday life at the initial stage of Soviet construction. *Materials and methods.* Major sources for the study were documents from the State Archives of the Republic of Buryatia; also, published sources and media materials were of great importance for the discussion. In its methodology, the study proceeds from the principles of historicism, consistency, objectivity, and reliability, helpful in approaching the process of Soviet modernization of Buryat culture as a multidimensional, contradictory process, hence avoiding both one-sided criticism and idealization. *Results.* The undertaken analysis of pertinent media materials and archival sources shows that two stages may be singled out in the Soviet construction in Buryatia. The first stage, that began with the formation of the BMASSR and continued to the late 1920s, was the time of radical transformations introduced in the lifestyle of the Buryats, but, still, their traditional culture and life persisted. They were to finally give up, with the policy of collectivization and the process of settlement of the nomadic Buryats pursued by the Soviet authorities at the next stage marked by *Velikii perelom* (Great turning point) and the beginning of “militant atheism”, i. e. in the period of intensive construction of a new life and the eradication of traditional lifestyles. The study *concludes* that the Soviet modernization embraced every aspect of the Buryat society, and its impact was deep, comprehensive, and effective. The project was implemented, with objectives and hopes assigned to it fulfilled.

Keywords: Soviet power, Buryats, material culture, everyday life, public leisure, transformations, modernization

For citation: Nomogoeva V. V. The 1920s and 1930s Soviet Modernization of Buryat Culture and Household Life Revisited. *Oriental Studies*. 2021; 14 (6): 1154–1164. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1154-1164

Введение

В последнее десятилетие историческая наука изобилует новыми подходами, методологическими приемами. Целые пласты

истории подвергаются переоценкам, навешиваются ярлыки.

Сегодня, отбросив штампы, которыми уже отмечены многие события советской

истории, мы имеем возможность заново взглянуть на общеизвестные события, происходившие в нашей стране в период строительства социализма. Многие социальные проекты, реализованные в 1920–1930-е гг., заслуживают особого рассмотрения и анализа.

Создание нового советского типа общества — многомерный процесс, в результате которого произошла трансформация социальной структуры, материальной среды обитания и духовной сферы повседневности. В связи с этим особый интерес представляет история Бурят-Монгольской АССР (далее — БМАССР) в 1920–1930-е гг., когда наряду со старыми традициями стали появляться черты нового уклада, стало меняться сознание населения, система отношений, вырабатывались новые мировоззренческие ориентации.

В годы советских преобразований бурятская этническая общность имела свои особенности развития, которые особенно коснулись демографических трансформаций. В регионе наблюдается постепенный рост численности и плотности населения, увеличивается продолжительность жизни. В целом улучшаются материально-бытовые условия проживания, что сопровождается ростом профессионального и культурно-образовательного уровня социума. В этот же период происходит трансформация гендерных взаимоотношений, что было связано с вовлечением женщин во все аспекты деятельности общества.

Эти процессы развития бурят в 1920–1930-е гг. были тесно связаны с коренными социально-экономическими и культурными преобразованиями, осуществлявшимися в ходе создания советского общества.

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма, системности, объективности, достоверности, позволяющие рассмотреть процесс советской модернизации бурятской культуры как многомерный, противоречивый процесс, избегая как односторонней критики, так и идеализации. Автор в своей работе стремился преодолеть ранее сложившийся схематизм и политико-идеологическую направленность при освещении развития культуры в Бурятии в период начального этапа строительства социализма, переосмыслить с позиций современности национальную проблемати-

ку культурных процессов, раскрыть национальные черты самосознания бурятского народа, особенности проявления его культурных и духовных традиций, подвергавшихся идеологическому и силовому давлению.

Историография проблемы обширна, она представлена в крупных исследованиях, трудах, посвященных политической и социально-экономической истории БМАССР [Бурят-Монголия 1953; Митупов 1957; Митупов 1958; Очерки истории 1970; Тармаханов 1979; Социальная структура 1990; Санжиев 1995; Боронова 2009].

Существующие на данный момент оценки советской модернизации бурятской культуры весьма разнообразны и противоречивы по своему характеру. Часть исследователей полагает, что данные преобразования были глубоко позитивными, восхвалявшими созидательное начало и имевшими важное значение для дальнейшего прогресса общества. Существуют и обратные оценки, резко негативные по своей сути, характеризующие разрушение традиционных основ этноса.

Поэтому целью данной работы является изучение процессов модернизации культуры и быта бурят на начальном этапе советского строительства, повлиявших на развитие просвещения и образования, урбанизацию и формирование светского быта на фоне утилизации хозяйственных и повседневных традиций и практик народа.

С победой Октябрьской революции и с началом строительства социализма в СССР произошли коренные изменения в жизни бурятского населения. Новые веяния коснулись всех сторон жизни бурят. Строительство первых промышленных предприятий в Бурятии, коллективизация и оседание кочевых хозяйств, культурные преобразования способствовали становлению культуры нового типа — советской культуры.

На страницах газеты «Бурят-Монгольская правда» в первые месяцы существования республики была опубликована статья «Необходимость освещения быта бурят-монгол», в которой говорилось, что характер строительства новой жизни всецело обуславливается бытом и жизнью данного народа, а потому всестороннее освещение, правильная ориентация в разрешении различного рода вопросов, связанных с бытом,

есть залог успешного проведения в жизнь революционных завоеваний [Необходимость 1923: 1].

Повседневная жизнь бурятского населения в первые годы советского строительства

Исторические основы хозяйства и культуры бурят

Традиционными отраслями хозяйства в Бурятии были скотоводство и земледелие, промыслы и ремесла. Хозяйственные занятия бурятского населения были обусловлены их природно-климатическим окружением. До революции в Бурятии существовало два исторически сложившихся хозяйственно-культурных типа — земледельческо-скотоводческий и кочевой скотоводческий.

Помимо кустарной обработки дерева, металла, главным образом железа, буряты занимались обработкой шерсти и шкур домашних животных: войлок шел на покрытие юрт, изготовление конской сбруи, ковриков, постельных принадлежностей (одеяла и кошму); шерсть — на различные виды веревок, все необходимые хозяйственные принадлежности; из шкур и кожи шили дэгэлы (верхняя зимняя одежда), малгай (головные уборы), гутал (обувь), уздечки, седла, домашнюю утварь, хозяйственные принадлежности.

Со сменой политического строя и переходом населения от кочевого образа жизни к оседлому постепенно домашнее производство начинает сворачиваться. Во-первых, из-за сокращения кочевого хозяйства и, во-вторых, появления на базе колхозов и совхозов массового кустарного производства, которое покрывало необходимость в изделиях из шерсти, дерева, железа для животноводства.

В 1920–1930-е гг. в результате мероприятий по коллективизации крестьянских хозяйств происходит переход бурятских кочевых и полукочевых хозяйств к оседлому образу жизни в стационарных поселках и к земледельческому труду. В связи с этим они начинают осваивать новые формы быта, учатся строить постоянные жилища, которые явились важнейшим условием нового бытового уклада.

Жилище

Тип бурятских жилищ был обусловлен кочевым образом жизни, что издревле определило тип замкнутого компактного жили-

ща — сборно-разборного сооружения из решетчатого каркаса и войлочного покрытия, круглого в основании и с полусферическим верхом [Бабуева 2001: 23].

Буряты, занимавшиеся земледелием, вели оседлый или полукочевой образ жизни. Особенностью их быта было проживание в домах деревянной постройки. В то же время сохранились традиции использования различной утвари: во многих домах по-прежнему использовали сундуки для хранения одежды и домашней посуды, деревянные кровати покрывались войлочной кошмой.

К концу 1930-х гг. в бурятских домах появляется мебель заводского производства — кровати, столы, стулья. В домах часто держали хозяйственную утварь, сбрую. Стены украшали в основном портретами родных и близких, политическими картами и агитплакатами.

Помимо традиционной домашней утвари, приспособленной к кочевому и полукочевому образу жизни, буряты начали пользоваться разнообразным ассортиментом посуды фабричного производства: фаянсовой, алюминиевой, эмалированной и др.

Вот как описывает свой быт в бурятском улусе молодой русский учитель: «Юрты разбросаны на версту, на две. И среди этих одиночек-юрт стоит русский дом. Это — школа. Здесь и класс, здесь и квартира учителя. Сторож-бурят готовит обед: принесет из амбарушки баранины, белой от жира, нарежет ее мелкими кусочками, поставит на плиту, а сам встанет на колени перед низким столиком и начинает катать лапшу. Поч-та приходит раз в две недели. И письма, и книги, инструкции центра — все, что сюда посылается, в лучшем случае получит учитель подчас через месяц. А газет — раньше месяца не жди...» [В степи 1925: 5].

Одежда

Полевые материалы, музейные коллекции и фотодокументы в фондах музеев Бурятии свидетельствуют о том, что большинство бурятского населения продолжает носить свою традиционную национальную одежду, несмотря на революционные изменения в общественной жизни [Бороноева и др. 2017]. Однако торговые сети уже предлагают широкий выбор тканей для пошива и мужской, и женской одежды, которую в

основном шили из хлопчатобумажного материала, сукна или шерсти.

По мере развития кооперативной торговли, после завершения коллективизации сельского хозяйства одежда подвергалась наиболее заметному влиянию городской культуры. Мужчины начали носить одежду фабричного производства: пальто, пиджаки, брюки, шляпы, кепки, сапоги и ботинки. Студенты и молодежь, жившие в городах и поселках, обучавшиеся в вузах, техникумах, училищах, школах-интернатах и в детских домах, преимущественно уже носили одежду светского типа. К концу 1930-х гг. молодые мужчины одевались по-городскому и в сельской местности. Национальную одежду в повседневности продолжали носить в основном пожилые мужчины.

Женская одежда оставалась более консервативной. Молодые женщины в сельской местности продолжали носить одежду национального покроя вплоть до начала 1940-х гг., только шили ее из разнообразных тканей. У молодых женщин она была более ярких цветов.

Партийные, советские, комсомольские органы и интеллигенция проводили мероприятия против ношения традиционной одежды, стараясь вовлечь молодежь в комсомол и в общественную жизнь. Бурятские девушки стали меньше носить традиционные серебряные украшения. Постригают волосы, длинные косы и те понемногу исчезают, уходят в область прошлого, свидетельствует хроника того времени [Делегаты обсуждают 1925: 3].

К концу 1930-х гг. реже носят старинные бурятские украшения и пояса с серебряными бляхами, храня их как реликвию. Появляются карманные и ручные часы. Девушки начинают пользоваться косметическими средствами.

Питание

Исторически сложившаяся система питания кочевников была основана на строгом балансе мяса и молочных продуктов, незначительного количества растительных продуктов, а также продуктов охоты и рыбной ловли. В летний сезон, со времени отела скота и до окончания его дойки, преобладали различные виды молочных продуктов. Молоком забеливали чай, который пили в течение дня много раз. Масло, сбитое из сливок, хранили до зимы в сосудах, изготов-

ленных из желудков овец и коров. Из снятого молока готовили *арсу* (кислое молоко), которое потом перегоняли, как правило, на *архи* (водку). Из оставшейся после перегонки жидкой и творожной массы изготавливали самые различные виды молочных продуктов [Бабуева 2001: 5].

Мясную пищу буряты употребляли в основном в холодное время года, с осени, когда переставали доить домашних животных. Особенности натурального скотоводческого хозяйства обусловили посезонное употребление мяса определенного вида: летом баранина, к зиме — конина, зимой — говядина. В ноябре и декабре производили забой скота, мясо овец и коз употребляли обычно в теплое время года, что было связано с возможностями хранения.

У бурят-кочевников очень высоко ценилось умение правильно разделять тушу, а при угощении гостей, особую роль отводили определенным частям животного: голове, грудинке, крестцу. Основным мясным блюдом был бухлёр (вареное мясо без приправ). Из субпродуктов готовили разного вида колбасы — *дотор*.

В питании бурятского населения, проживавшего у водоемов, значительное место занимали блюда из рыбы. Буряты рыболовецких районов считали рыбу значительно вкуснее мяса. Ее употребляли в пищу в любом виде: вареном, жареном, соленом и вяленом.

Удельный вес мучных и крупяных продуктов в питании бурят резко увеличился в связи с развитием в послереволюционные годы земледелия. Стали употреблять различные виды мучных и крупяных изделий, а также овощи и фрукты. В связи с расширением торговых предприятий населению стали доступны различные товары: сахар, сладкие и кондитерские изделия.

В целом в этот период продуктовый стол бурятского населения продолжал оставаться традиционным, это целиком зависело от социально-экономической базы жизнеобеспечения. По мере трансформации хозяйства, перехода на сельскохозяйственную и индустриальную основы продуктовый набор и способы приготовления пищи постепенно изменялись, этому способствовали развитие земледелия, огородничества, птицеводческого и рыболовного производства и усиление связи с городом.

Семья и домашний быт

Советские принципы семьи шли в противоречие с традиционными семейно-брачными отношениями, поэтому власть начала борьбу по раскрепощению женщин. В декабре 1917 г. первые советские декреты провозгласили полное равноправие женщин и мужчин. Бурятским женщинам стало доступно обучение в школах, техникумах, училищах, вузах. В 1924 г. половину учащихся Бурятского педагогического техникума составляли девушки [ГА РБ. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 125. Л. 119]. Также увеличивалось с каждым годом число женщин — членов потребкооперации. Женщинам открылись возможности руководящей советской и партийной работы, а также производительного труда в народном хозяйстве.

Были проведены реальные мероприятия для высвобождения женщин от домашнего хозяйства и воспитания детей. Впервые в истории Бурятии были открыты детские учреждения: в 1926 г. первый детский сад при заводе «Стеклодуй», в котором воспитывалось 36 детей [ГА РБ. Ф. Р-60. Оп. 3. Д. 175. Л. 4.]. Были организованы ясли, уголки «мать и дитя», «красные юрты», «дома бурятки», где велась политико-воспитательная работа среди женщин, им прививались санитарно-гигиенические навыки, их обучали работе на сепараторах, швейных машинах.

Так, «красные юрты» приобщали женщин через беседы, чтение газет и журналов не только к коммунистическим идеалам, но и к новым формам быта и другим стандартам гигиены и санитарии. В штате «красной юрты» были медработники, которые осматривали женщин, проводили лекции на темы заразных болезней, вели беседы о гигиене, здоровье, правилах по уходу за ребенком.

Изменения в производственной и общественной жизни вызвали преобразования в домашнем быту и в семейных отношениях. Постепенно были вытеснены традиционные нормы обычного права в области семейных отношений: калым за невесту, сложная свадебная обрядность и местные ритуалы.

Уже в 1920-х гг. имелись факты межнациональных браков между молодыми людьми, не имевшие распространения в до-революционной Бурятии. В последующем количество смешанных браков увеличива-

лось, и к концу 1930-х гг. вступление в брак с представителями других национальностей не осуждалось [Махарова 2003: 23].

Советские преобразования в экономике, повседневной жизни, культуре приводили к складыванию новых общественных отношений, утверждению новой морали и нравственности бурят. Участие в социально-экономических процессах, в управлении и политике, улучшение условий быта и ведения домашнего хозяйства преобразовало бурятскую женщину.

О том, что женщина может на равных конкурировать с мужчинами при конкурсном приеме на работу свидетельствует публикация в газете того времени [Делегаты обсуждают 1925: 3]. Ввиду имеющихся вакансий на телеграфе, нужно было принять одного безработного. Но вот загвоздка: кого взять — мужчину или женщину? Несмотря на то, что женщина по квалификации стояла выше мужчины, администрация уперлась и заявила: «И так много бабья, беда с ними: то забеременела, то родила, то ребенка кормит. Ни с почтой по тракту нельзя послать, ни заставить что-либо потяжелее работать. Не надо бабья. Тогда союз предложил сделать этим двум кандидатам экзамен. Женщина с честью вышла из испытания, и пришлось администрации уступить и принять на службу» [ГА РБ. Ф. 1987. Оп. 1. Д. 27. Л. 27].

Образование и воспитание молодого поколения, являвшиеся важной составляющей бурятской семьи и рода, стало проводиться вкупе со школой, пионерской, комсомольской организациями на основе советских идеологических принципов — свободы, равноправия и дружбы народов.

Религиозные воззрения

Особенности бурятского традиционно-го образа жизни и культуры складывались исторически на протяжении весьма длительного времени. Они определялись условиями функционирования бурятского этноса, главными из которых являлись природное, пространственное, культурное окружение, основанное на кочевом способе производства. Колоссальное влияние на культуру и мировоззрение бурят в целом оказало взаимопроникновение традиционного и религиозного культов, способствовавшее созданию своеобразной ментальности, духовной культуры, представляющей собой тесное

переплетение этих религиозных систем. В силу исторических причин традиционное мировоззрение бурят представляет собой синтез шаманской и буддийской традиций [Номогоева 2011: 87].

В Бурятии шаманизм был «своей», исконной религией, существовавшей еще до начала распространения христианства и буддизма. Шаманизм являлся основным культом — культом предков, реальных и мифических, регулирующим повседневную жизнь народа, основанном на родоплеменных общественных отношениях. Каждый род, племенная общность имели свои культовые места, на которых происходило поклонение эзынам — духам предков. С приходом буддизма традиционные культовые места шаманистов были синкретизированы. Эзыны объявлялись «ламаизированными», им присваивалось тибетское имя, и на этом месте воздвигалось обо по буддийским правилам. Регулярные общественные поклонения продолжали происходить, но уже на основе новых ламаистских традиций. Духи предков воспроизводят теперь смысл духов-покровителей гор, местностей — таким образом происходит смешение культов семейно-родовых покровителей, шаманских предков с поклонением духам — покровителям местности (*орондэлхэй, газар уһанай-ээд-луусабдагууд*) [Галданова 1997: 96–97].

В XVII–XVIII вв. на территорию Забайкалья проникает буддийская религия, оказавшая определяющее влияние на формирование бурятской национальной культуры. Распространяясь в иной этнической и социокультурной среде, буддизм ассимилирует прежде всего самые социально значимые культы и обряды, такие как культ обо. Обо представляется ламаистской трансформацией шаманского жертвенника — *шэрээ* (жертвенный холмик, образовавшийся за много лет из сожженных костей и несъедобных остатков жертвенных животных в традиционных местах летних общественных жертвоприношений) [Гомбоев 2004: 144].

Буддийское духовенство для утверждения своей религии среди шаманистов было вынуждено сохранить в измененном и приспособленном виде некоторые шаманистические обряды, например жертвоприношения на перевалах и в местах бывших тайлаганов, получивших название *обо тахилган* [Манжигеев 1978: 61].

Почитание обо оказалось наиболее живучим, устойчивым традиционным бурятским обрядом, который продолжал бытовать (часто полулегально) на протяжении всего советского времени.

О том, что религиозные обряды Бурятии в первые годы советской власти происходили беспрепятственно, свидетельствуют многочисленные источники. В частности, шаманский обряд подробно описан Г. Ц. Цыбиковым в статье «Шаманизм у бурят-монголов», опубликованной в 1981 г.: «До сих пор шаманские церемонии требуют значительного числа людей, совершаются под открытым небом и вблизи деревьев. Деревья рубят и втыкают комлем в землю. Но при посвящении в шаманы дерево выкапывают с корнем и сажают на месте церемонии. Все это, а также привешенные к дереву во время обряда шкурки зайцев, горностаев, белок и хорьков подтверждают мысль, что шаманизм родился в лесах и рощах во время охотничьих сезонов. Но бывают случаи, когда шаманское молебствие совершают в доме или в юрте больного. Тогда церемония происходит у постели больного, рядом с которой, если позволяет устройство жилища, кладут комель специально привезенного дерева, выставив его остальную часть снаружи юрты» [Цыбиков 1981: 172–173].

В буддийской традиции существует театральная мистерия Цам, которая проводилась в дацанах. В 1929 г. в с. Тамча, у стен Гусиноозерского дацана, театральная студия формировавшегося в те годы бурятского театра в поисках национального репертуара в рамках летнего культпохода зафиксировала репетиционный период по подготовке ламами цамовского представления. Студийцами было сделано свыше ста зарисовок орнаментики, масок, костюмов и предметов ламского религиозного культа. Собрано свыше 300 экспонатов, состоявших из бурханов, принадлежностей ламского культа и предметов дацанского искусства [Бурят-Монгольская 1929: 103].

Однако к концу 1920-х гг. начинается процесс преследования за религиозные верования населения. Так, на заседании антирелигиозной комиссии Буробкома ВКП(б) от 31 октября 1928 г. признавалось, что на местах властями допускаются нарушения революционной законности, которые проявляются в грубом административном нажиме

на верующих путем насильственных, репрессивных мер. Отдельные представители и даже целые сельские советы и районные исполнительные комитеты производят закрытие дацанов, арест лам и конфискацию их имущества, наложение штрафов на лам и верующих за соблюдение и проведение ими религиозных обрядов и праздников [Номогоева 2010: 77–80].

Так, например, Зугалаевский сомонный совет арестовал и направил под конвоем в село Агинское в распоряжение Государственного политического управления гражданина Дашипыла Базарова, бедняка, за то, что он на общем собрании граждан по вопросу о закрытии Загулаевского дацана заявил: «Мы, верующие, будем молиться богу, почитать своих лам и ходить в дацан. Мы, группа верующих, имеем разрешение от Административного отдела АИКа на совершение зимнего хурала, и если бы советская власть запрещала религию, то Административный отдел не дал бы нам разрешения на проведение хурала. Вы, сомсовет, делаете это незаконно» [Цыремпилова 2000: 93].

В Ага-Хангильском сомоне празднование Сагалгана было категорически запрещено сомсоветом. Беднота, хотя и не вся, была с этим согласна, но середняцкие элементы были крайне недовольны тем, что им так и не предоставили возможность провести свой национальный праздник [Цыремпилова 2000: 95].

Еще более решительные меры были предприняты в Цокто-Хангильском сомоне. Там по распоряжению избача было объявлено, что «все, кто будет праздновать Сагалган, будут оштрафованы на 30 рублей, а те, кто вывесят у себя бурхан (икону) — в 25 рублей. Исполнители населению говорили, что штраф будет не 30 рублей, а 300 рублей. Население было возмущено» [ГА РБ. Ф. 1п. Оп. 1. Д. 1287. Л. 2–4].

Советские праздники

Разумеется, что в короткие сроки сломать традиционный образ жизни, религиозные верования, которые на протяжении исторического развития народа являлись основой жизненного уклада, было невозможно, поэтому власти боялись объявлять запреты, внедряя на первых порах «социалистическую обрядность» [Нимаев 1988: 105].

С началом социалистического строительства, для борьбы с традиционными обрядами советская власть внедряет через комсомольцев и молодежь новые советские праздники, в ходе проведения которых решались и политико-просветительские задачи. Они носили ярко-выраженную пропагандистскую и атеистическую направленность, демонстрировали приверженность к новым социалистическим идеалам. В первые годы советской власти уже устраиваются образцово-показательные мероприятия — народные, религиозные, бытовые: «красное рождество», «красная пасха», «красные крестины», «красные свадьбы», «красные похороны». При всей пропагандистской направленности перекрашивание обрядовых традиций в красные цвета не дали нужного эффекта. Сила приверженности традициям, нормам и образу жизни у бурят, как впрочем, и у многих народов, была значительной [Делегаты обсуждают 1925: 3].

С первых дней Советская власть уделяла особое внимание учреждению и празднованию коммунистических, революционных праздников. В 1918 г. общегосударственными праздниками были объявлены не только 7 ноября, 23 февраля, 8 марта, 1 мая, но и 22 января (в память о «кровавом воскресеньи»), 12 марта (день падения самодержавия), 17 января (день памяти Карла Либкнехта и Розы Люксембург), 22 декабря (день памяти московского вооруженного восстания), 16 апреля (день приезда Ленина в Петроград) [Тульцева 1985: 20].

В Бурятии в социалистическую обрядность был включен единственный национальный праздник — Сурхарбан (Зунай наадан), основанный на традициях кочевников совершать игры трех мужей (стрельба из лука, борьба и конные скачки) в начале летнего изобилия, когда представители всех родов могли собраться для того, чтобы помериться силами и ловкостью. В основу праздника были положены исконные традиции песнопения, танцев и угощений. Обязательно исполнялся круговой танец «Ёхор», символизирующий единение народа. Сурхарбан проводился последовательно в каждом населенном пункте, затем на уровне аймака, района, а итогом являлся республиканский праздник Сурхарбан, который был проведен впервые в 1924 г. В средствах массовой информации публиковались реко-

мендации чаще проводить праздники Сурхарбан, заранее приготовляя для них луки и стрелы [Делегаты обсуждают 1925: 3].

Усиленная кампания агитационно-пропагандистской деятельности Советской власти, изменение образа жизни, культурные преобразования привели к постепенному изменению сознания бурятского народа. Особенно быстро перестраивалась молодежь, которая через учреждения образования и культурно-просветительской работы перенимала социалистические правила и законы морали и нравственности. Красногвардейская атака на религиозные учреждения и их служителей постепенно уводила их из привычного круга верующих. С конца 1920-х гг. разворачивается борьба с религией, которая была объявлена вне государства, подлежала искоренению.

В дискуссии 1925 г. на страницах журнала «Безбожник» в статье «Нужны ли особые дни отдыха? О десяти религиозных праздниках (в порядке обсуждения)» делается вывод: религиозные праздничные дни упразднить и предоставить возможность праздновать каждому религиознику за свой счет, следить за неуклонным проведением Кодекса законов о труде, который предусматривает через каждые 5 месяцев непрерывного труда двухнедельный непрерывный отдых. Дальнейшего увеличения дней отдыха можно будет добиться только поднятием производительности труда и увеличением материальных ресурсов нашего рабочего государства [Нужны ли... 1925: 9].

Заключение

Происходившие советские преобразования прямо или косвенно отразились на изменении духовного облика бурятского народа. Менее чем за два десятилетия в жизни бурятского народа произошла транс-

формация экономических, общественных и культурных основ этноса. Советская власть использовала системный подход для модернизации общественного сознания, культуры и быта бурят.

В 1920–1930-е гг. в бурятском обществе произошли процессы советской модернизации. Они осуществлялись на фоне формирования промышленного производства, усиления миграции, развития культурно-экономических контактов с городом, создания систем образования, здравоохранения, социального обеспечения и т. д.

В этот период отчетливо стали проявляться элементы трансформации отдельных сторон повседневной культуры и быта. Еще сохранялись традиционные ценности, основанные на хозяйственно-бытовых, культурных и религиозных воззрениях. В то же время все активнее внедряются ценности индустриального общества, связанные с новым советским образом жизни. В итоге эти процессы привели к формированию высокообразованной, светски ориентированной, социализированной нации — бурятской нации. А процессы индустриализации, урбанизации сменили традиционный образ жизни, быт и материальную культуру на новый советский уклад. При этом утвердились новые формы общественных отношений — это идеологический диктат, приоритет коллектива над личностью, отсутствие свободы индивидуума. Тем не менее советская модернизация бурятского общества охватила весь социум, и ее воздействие оказалось глубоким, всесторонним и действенным. По своим результатам это достаточно успешный проект, решивший свои цели и задачи, однако ценой его осуществления стал процесс постепенной утраты этнической идентичности бурятского этноса.

Источники

ГА РБ — Государственный архив республики Бурятия.

Литература

Бабуева 2001 — Бабуева В. Д. Мир традиций бурят. Улан-Удэ: Улзы, 2001. 141 с.
Боронова 2009 — Боронова М. М. Национальная интеллигенция и политика этнокультурной ассимиляции в период сталинской модернизации // Культурное пространство Вос-

Sources

State Archive of the Republic of Buryatia.

точной Сибири и Монголии: от прошлого к будущему. № 2. Улан-Удэ: ИПК ВСГАКИ, 2009. С. 157–170.

Бурят-Монголия 1953 — Бурят-Монголия в период восстановления народного хозяйства СССР. Образование Бурят-Монгольской АССР (1921–1925). Улан-Удэ: Тип. отд.

- изд-ва и полиграф. пром-сти М-ва культуры БМАСР, 1953. 174 с.
- Бурят-Монгольская 1929 — Бурят-Монгольская национальная театральная студия // Жизнь Бурятии. 1929. № 5. С. 3–4.
- Бороноева и др. 2017 — *Бороноева Т. А., Гомбоев Б. Ц., Нанзатов Б. З., Николаева Д. А.* Бурятский традиционный костюм: альбом (Буряад арадай хубсаһан). Улан-Удэ: Принт-лето, 2017. 160 с.
- Делегаты обсуждают 1925 — Делегаты конференции обсуждают доклад о культурно-просветительной работе в улусе и деревне // Бурят-Монгольская правда. 1925. № 55. С. 3.
- В степи 1925 — В степи // Бурят-Монгольская правда. 1925. № 38. С. 5.
- Галданова 1997 — *Галданова Г. Р.* Традиционные верования бурят в системе буддизма // Бурятский буддизм: история и идеология. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1997. С. 96–97.
- Гомбоев 2004 — *Гомбоев Б. Ц.* Культурные места Баргузинской долины в контексте этнокультурной истории Байкальского региона: дисс. ... канд. ист. наук.: Улан-Удэ, 2004. 255 с.
- Манжигеев 1978 — *Манжигеев И. А.* Бурятские шаманистические и дошаманистические термины. М.: Наука, 1978. 128 с.
- Махарова 2003 — *Махарова Г. С.* Национально-смешанные браки в Республике Бурятия на современном этапе: дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2003. 123 с.
- Митупов 1957 — *Митупов Б. М.* Бурят-Монгольская областная партийная организация в начале социалистического преобразования республики. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1957. 134 с.
- Митупов 1958 — *Митупов Б. М.* Развитие промышленности и формирование рабочего класса в Бурятской АССР (1923–1937 гг.). Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. 144 с.
- Необходимость 1923 — Необходимость освещения быта бурят-монгол // Бурят-Монгольская правда. 1923. № 4. С. 1.
- Нимаев 1988 — *Нимаев Д. Д.* Культурно-бытовые традиции бурят и монголов. Улан-Удэ: Бурятский филиал СО АН СССР, 1988. 163 с.
- Номогоева 2010 — *Номогоева В. В.* Бурятский буддизм: традиции просвещения и советская власть // Власть. 2010. № 7. С. 77–80.
- Номогоева 2011 — *Номогоева В. В.* Исторический опыт социально-культурной модернизации национальных районов Восточной Сибири в 1920–1930-е гг. (на материалах Республики Бурятия): дисс. ... д-ра ист. наук. Улан-Удэ, 2011. 404 с.
- Нужны ли... 1923 — Нужны ли особые дни отдыха? О десяти религиозных праздниках (в порядке обсуждения) // Безбожник. 1925. № 23. С. 9.
- Очерки истории 1970 — Очерки истории Бурятской организации КПСС / под ред. А. У. Халалова. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд., 1970. 612 с.
- Санжиев 1995 — *Санжиев Б. С.* Общественно-политическая жизнь и национально-культурное строительство Советской Бурятии в конце и в годы Великой Отечественной войны, странички воспоминаний: люди и события. Иркутск: ОНЦ Сибирь, 1995. 180 с.
- Социальная структура 1990 — Социальная структура и образ жизни населения Бурятии / ред.: И. Т. Левыкин, Ю. Б. Рандалов. Улан-Удэ: БНЦ СО АН СССР, 1990. 125 с.
- Тармаханов 1979 — *Тармаханов Е. Е.* Промышленность и рабочий класс Советской Бурятии 1938–1958 гг. Новосибирск: Наука, Сиб. отд-ние, 1979. 333 с.
- Тульцева 1985 — *Тульцева Л. А.* Современные праздники и обряды народов СССР. М.: Наука, 1985. 191 с.
- Цыбиков 1981 — *Цыбиков Г. Ц.* Шаманизм у бурят-монголов // Избранные труды. Т. 2. Новосибирск: Наука, 1981. С. 169–177.
- Цыремпилова 2000 — *Цыремпилова И. С.* История взаимоотношений государства и религиозных конфессий в Бурятии в 1917–1940 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2000. 199 с.

References

- Babueva V. D. The World of Buryat Traditions. Ulan-Ude: Ulzy, 2001. 141 p. (In Russ.)
- Boronoeva T. A., Gomboev B. Ts., Nanzatov B. Z., Nikolaeva D. A. Buryat Traditional Costume: An Album. Ulan-Ude: Printleto, 2017. 160 p. (In Bur. and Russ.)
- Boronova M. M. Ethnic intelligentsia and ethnocultural assimilation policy during the Stalin modernization. In: Cultural Environment of Eastern Siberia and Mongolia — From Past to Future. Ulan-Ude: East-Siberian State Academy of Culture and Arts, 2009. Vol. 2. Pp. 157–170. (In Russ.)

- Buryat-Mongol ethnic drama school. *Zhizn' Buryatii*. 1929. No. 5. Pp. 3–4. (In Russ.)
- Conference delegates discuss Report on cultural and educational work in districts and villages. *Buryat-Mongol'skaya pravda*. 1925. No. 55. P. 3. (In Russ.)
- Educational progress in Buryat Republic. *Buryat-Mongol'skaya pravda*. 1923. No. 44. P. 2. (In Russ.)
- Galdanova G. R. Traditional beliefs of Buryat Buddhists. In: Buryat Buddhism. History and Ideology. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 1997. Pp. 96–97. (In Russ.)
- Gomboev B. Ts. Cult Sites of the Barguzin Valley: A Perspective from Ethnocultural History of Baikal. Cand. Sc. (history) thesis. Ulan-Ude, 2004. 255 p. (In Russ.)
- In the steppe. *Buryat-Mongol'skaya pravda*. 1925. No. 38. P. 5. (In Russ.)
- Khakhalov A. U. (ed.) CPSU Organization of Buryatia: Historical Essays. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1970. 612 p. (In Russ.)
- Levykin I., Randalov Yu. (eds.) Population of Buryatia: Social Structure and Lifestyles. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB USSR Ac. Sc), 1990. 125 p. (In Russ.)
- Makharova G. S. Interethnic Marriages in the Republic of Buryatia: A Case Study of the Contemporary Situation. Cand. Sc. (history) dissertation. Ulan-Ude, 2003. 123 p. (In Russ.)
- Manzhigeev I. A. Buryat Shamanic and Pre-Shamanic Terms. Moscow: Nauka, 1978. 128 p. (In Russ.)
- Mitupov B. M. Buryat ASSR, 1923–1937: Industrial Development and Emergence of the Working Class. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1958. 144 p. (In Russ.)
- Mitupov B. M. Buryat-Mongol Oblast Party Organization in the Early Days of Socialist Transformation. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1957. 134 p. (In Russ.)
- Nimaev D. D. Buryats and Mongols: Cultural and Household Traditions. Ulan-Ude: Siberian Branch of USSR Academy of Sciences (Buryat Office), 1988. 163 p. (In Russ.)
- Nomogoeva V. V. Buryat Buddhism: Traditions of education and Soviet power. *Vlast'*. 2010. No. 7. Pp. 77–80. (In Russ.)
- Nomogoeva V. V. Sociocultural Modernization in Ethnic Regions of Eastern Siberia, 1920s–1930: A Case Study of Buryatia. Dr. Sc. (history) thesis. Ulan-Ude, 2011. 404 p. (In Russ.)
- Sanzhiev B. S. Sociopolitical Life and Ethnocultural Construction of Soviet Buryatia during the Great Patriotic War (Pages of Memoirs): Personalities and Events. Irkutsk: Sibir, 1995. 180 p. (In Russ.)
- Special rest days that necessary? Ten religious holidays revisited (open discussion). *Bezbozhnik*. 1925. No. 23. P. 9. (In Russ.)
- Tarmakhanov E. E. Soviet Buryatia, 1938–1958: Industry and Working Class. Novosibirsk: Nauka, 1979. 333 p. (In Russ.)
- Tsibikov B. D. Buryat-Mongolia during the Soviet Economic Reconstruction. Creation of the Buryat-Mongol ASSR, 1921–1925. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1953. 173 p. (In Russ.)
- Tsybikov G. Ts. Shamanism among Buryat-Mongols. In: Selected Works. Vol. 2. Novosibirsk: Nauka, 1981. Pp. 169–177. (In Russ.)
- Tsyrempilova I. S. Authorities and Religious Confessions in Buryatia, 1917–1940: The History of Interaction Reviewed. Cand. Sc. (history) thesis. Ulan-Ude, 2000. 199 p. (In Russ.)
- Tultseva L. A. Contemporary Holidays and Rites of Soviet Peoples. Moscow: Nauka, 1985. 191 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 14, Is. 6, pp. 1165–1175, 2021
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(47).084.8

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1165-1175

Преступления нацизма на территории Калмыцкой АССР в годы Великой Отечественной войны (август 1942 – начало января 1943 г.)

Владимир Бадахавич Убушаев¹, Елена Евгеньевна Красноженова², Сергей Вадимович Виноградов³, Юлия Геннадьевна Ещенко⁴

¹ Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор

 0000-0002-7939-1774. E-mail: ubushaev_vb@inbox.ru

² Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (д. 29, ул. Политехническая, 195251 Санкт-Петербург, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор

 0000-0003-1679-8590. E-mail: eleena@inbox.ru

³ Астраханский государственный университет (д. 20а, ул. Татищева, 414056 Астрахань, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор

 0000-0002-6601-4363. E-mail: vinogradov-7@yandex.ru

⁴ Астраханский государственный университет (д. 20а, ул. Татищева, 414056 Астрахань, Российская Федерация)

кандидат исторических наук

 0000-0002-1207-327X. E-mail: pushistik_yuliya@mail.ru

© КалмНИЦ РАН, 2021

© Убушаев В. Б., Красноженова Е. Е., Виноградов С. В., Ещенко Ю. Г., 2021

Аннотация. *Введение.* В отечественной историографии имеются работы, посвященные оккупационной политике нацизма на захваченных территориях СССР. Историки обращаются к исследованию сущности оккупационного режима, проблемам военной повседневности, партизанского движения. *Цель* статьи. На основе архивных документов раскрыть сущность нацистского оккупационного режима на территории Калмыцкой АССР. *Материалы и методы.* Источниковой базой исследования стали архивные материалы Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и Государственной республиканской комиссии по расследованию злодеяний немецко-фашист-

ских захватчиков. Многие из материалов вводятся авторами в научный оборот впервые. В работе над статьей использованы сравнительно-исторический и статистический методы, метод источниковедческого, структурно-диахронного и системного анализа. *Результаты.* В статье рассмотрены основные принципы нацистской оккупационной политики, представлены преступления оккупантов против гражданского населения, показана сущность экономической политики захватчиков, выявлены особенности организации принудительных работ в республике, в том числе и в области угона ее населения в Германию. *Выводы.* Армии вермахта следовали программе истребления миллионов мирных жителей, которая была изложена в плане «Ост». Политика нацистов по отношению к гражданскому населению Калмыцкой АССР характеризовалась жесточайшими репрессиями за любые формы неповиновения оккупационным властям. Причиной для насилия могло стать оказание любой формы сопротивления, связь с партизанами, отказ от принудительных работ. Жители республики были обложены многочисленными налогами, подвергались грабежам со стороны солдат и офицеров вермахта и его союзников. Эти и другие проявления преступной сущности нацизма не подлежат забвению и ответственность за них не имеет срока давности.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Калмыцкая АССР, оккупационная политика, оккупационный режим гражданское население, нацизм, преступления, геноцид, налоги, принудительные работы, угон в Германию

Для цитирования: Убушаев В. Б., Красноженова Е. Е., Виноградов С. В., Ещенко Ю. Г. Преступления нацизма на территории Калмыцкой АССР в годы Великой Отечественной войны (август 1942 – начало января 1943 г.) // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 6. С. 1165–1175. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1165-1175

Nazi War Crimes in the Kalmyk ASSR, August 1942 to Early January 1943

Vladimir B. Ubushaev¹, Elena E. Krasnozhenova², Sergey V. Vinogradov³, Yuliya G. Eschenko⁴

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor

 0000-0002-7939-1774. E-mail: ubushaev_vb@inbox.ru

² Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (29, Politekhnicheskaya St., 195251 St. Petersburg, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor

 0000-0003-1679-8590. E-mail: eleena@inbox.ru

³ Astrakhan State University (20A, Tatishchev St., 414056 Astrakhan, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor

 0000-0002-6601-4363. E-mail: vinogradov-7@yandex.ru

⁴ Astrakhan State University (20A, Tatishchev St., 414056 Astrakhan, Russian Federation)

Cand. Sc. (History)

 0000-0002-1207-327X. E-mail: pushistik_yuliya@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Ubushaev V. B., Krasnozhenova E. E., Vinogradov S. V., Eschenko Yu. G., 2021

Abstract. Introduction. In Russian historiography, there are works devoted to the Nazi occupation policy on the USSR occupied territories, with historians focusing on the study of the occupation regime policies, the problems of military everyday life, and the partisan movement. The article *aims* to study pertinent archival documents to reveal the character of the Nazi occupation regime on the territory of the Kalmyk ASSR. *Materials and methods.* The source base of the research comprised the archival materials of the Extraordinary State Commission for Ascertaining and Investigating

Crimes Perpetrated by the German-Fascist Invaders and their Accomplices and the Republic's State Commission for Investigating Crimes Perpetrated by the German-Fascist Invaders and their Accomplices. The materials are largely introduced by the authors into scientific circulation for the first time. The research was based on comparative-historical and statistical methods, the method of source studies, structural-diachronic and system analysis. *Results.* The article sheds light on the basic principles of the Nazi occupation policy, on the occupiers' crimes against the civilian population, their economic policy, and the organization of forced labor in the Republic, including compulsory transfer of the population to Germany. *Conclusions.* The armies of the Wehrmacht followed the program of extermination of millions of civilians, which was set out in the plan "Ost". The Nazi policy towards the civilian population of Kalmyk ASSR was characterized by the most severe repression for any form of disobedience to the occupation authorities. The reasons for the violence could be any form of resistance against the invaders, contacts with partisans, and refusal of forced labor. The people had to pay numerous taxes, they were subjected to looting by soldiers and officers of the Wehrmacht and its allies. These and other acts of Nazi crimes must not be forgotten, liability for them has no statute of limitations.

Keywords: Great Patriotic War, Kalmykia, occupation policy, occupation regime, civilian population, Nazism, crimes, genocide, taxes, forced labor, compulsory transfer to Germany

For citation: Ubushaev V. B., Krasnozhenova E. E., Vinogradov S. V., Eshchenko Yu. G. Nazi War Crimes in the Kalmyk ASSR, August 1942 to Early January 1943. *Oriental Studies*. 2021; 14 (6): 1165–1175. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1165-1175

Введение

Великая Отечественная война 1941–1945 гг. занимает особое место в историческом сознании и поэтому находит широкое отражение в исторической литературе. К проблеме оккупации советских территорий исследователи не раз обращались в работах как общего, так и специального характера [Ковалев 2004; Ермолов 2010; Синицын 2015].

Сегодня интерес научной общественности к проблемам оккупации заметно возрос. В октябре 2020 г. впервые в российском судопроизводстве Солецкий районный суд Новгородской области признал геноцидом массовые убийства мирных жителей нацистами [Новгородский суд 2020]. Речь идет о расправах в деревне Жестяная Горка Новгородской области в 1942 г.

Представляется, что в свете отмеченных прецедентов преступления, совершенные оккупантами в Калмыцкой АССР (далее — КАССР), будут иметь аналогичную перспективу. Поэтому анализ оккупационного режима на территории КАССР сегодня получает особую актуальность и научную значимость.

В отечественной историографии имеется достаточно работ, посвященных престу-

плениям Третьего рейха на оккупированной территории СССР [Ковалев 2011; Ещенко, Красноженова 2017: 30–40; Krasnozhenova, Kulik 2019; Авраменко 2020: 58–65; Кринко 2000; Никифоров 2012; Павлова 2005; Красноженова, Кулик 2018: 841–853; Виноградов, Убушаев, Иванова 2019: 124–130].

Предметом исследования ученых стала оккупационная политика Германии, проблемы военной повседневности, партизанского движения на занятых территориях. Злодеяния фашистов в период оккупации КАССР получили освещение в ряде публикаций. Одним из первых исследователей обозначенной проблемы стал М. Л. Кичиков [Кичиков 1970: 303–309, 295–303].

Проблемы временной оккупации КАССР фашистскими войсками и совершенные ими злодеяния рассмотрены в работах К. Н. Максимова [Максимов 2017: 44–56; Максимов 2018a: 43–56; Максимов 2019: 109–122].

В публикациях обозначена и проблема массового уничтожения мирного населения немецкими оккупантами, угон граждан республики в рабство в Германию [Максимов 2018b: 68–78; Максимов 2012: 116–130; Максимов 2010; Гаряева 2013: 73–79].

Значительное место в исторических работах занимает проблема ущерба, нанесенного оккупантами экономике и социальной сфере КАССР [Согданова 2017: 149–156; Согданова 2016: 86–93; Согданова 2014: 62–68].

Материалы и методы

Статья основана на материалах Государственного архива Российской Федерации и Национального архива Республики Калмыкия. Кроме того, в работе использовались опубликованные документы. Ценность для проведенного исследования составили документы Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников и причиненного ими ущерба гражданам, коллективным хозяйствам (колхозам), общественным организациям, государственным предприятиям и учреждениям СССР, хранящиеся в фонде Р-7021 Государственного архива Российской Федерации.

В фонде «Государственная республиканская комиссия по расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков, 1942–1945» Национального архива Республики Калмыкия [НА РК. Р-68] выявлены многочисленные акты районных комиссий об истреблении мирного населения, акты по определению убытков и ущерба, нанесенных в период оккупации, списки расстрелянных граждан, заявления местных жителей, протоколы допроса свидетелей и многие другие документы. Являясь ценными историческими источниками, они отражают трагедию многих тысяч советских граждан, оказавшихся на оккупированной врагом территории, позволяют глубже понять масштабы и характер преступлений нацистов, способствуют формированию объективных оценок событий военного прошлого.

Оккупация отдельных территорий СССР, в том числе КАССР, нанесла огромный ущерб гражданам, народному хозяйству и социокультурной сфере республики, поэтому рассматривать ее необходимо всесторонне, используя широкий спектр методов. В работе над статьей использованы сравнительно-исторический и статистический методы, метод источниковедческого, структурно-диахронного и системного анализа. Их совокупность позволяет рассмотреть проблему исследования как единое

целое, изучить все аспекты оккупации и выявить преступления нацизма в рассматриваемом регионе.

Принципы нацистской оккупационной политики

Главной целью нацистской агрессии против Советского Союза была ликвидация нашего государства, превращение его в сырьевой придаток рейха, истребление мирных жителей с целью заселения советской территории германскими колонистами.

Основной чертой «нового порядка», установленного гитлеровцами на временно оккупированной территории СССР, были тотальный контроль и террор, распространившиеся на все население и на все сферы жизни. Тысячи жителей погибли в 1941–1943 гг. от тяжелых условий работы, голода, отсутствия медицинского обеспечения. Именно голод стал одним из самых страшных явлений оккупационного периода. Голод использовался захватчиками как один из механизмов реализации плана «Ост» — сокращение численности населения «восточных земель» [ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 14. Л. 3–4; ГА РФ. Ф. Р-7445. Оп. 2. Д. 168. Л. 10–12].

После захвата территорий СССР гитлеровцы создали оккупационную администрацию, в обязанности которой входила реализация «нового порядка». Для реализации политики массового уничтожения людей был создан карательный аппарат. В него входили: СС (военные формирования отрядов охраны), тайная полевая полиция вермахта, гестапо (политическая полиция), СД (служба безопасности). В тылу немецких армий использовались оперативные группы (айнзацгруппы) и оперативные отряды (айнзацкоманды) СД [ГА РФ. Ф. Р-7445. Оп. 2. Д. 141. Л. 115–122; ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 183. Л. 24].

К середине августа 1942 г. немецко-фашистские войска заняли территорию Калмыцкой АССР. Из 13 улусов полностью оккупированы были 5 улусов: Западный, Яшалтинский, Приютинский (в настоящее время — Приютненский район), Троицкий (в настоящее время — Целинный район), Сарпинский и город Элиста с тремя пригородными колхозами. Частично были оккупированы 3 улуса: Кетченеровский, Малодербетовский и Черноземельский.

Оккупанты совершали массовые преступления, акты террора, издевательства, геноцида, жертвами которых становились мирные граждане — женщины, дети, старики. За кратковременное пребывание немецких войск в Калмыкии было расстреляно около 3 тыс. человек, что составило 1,36 % общей численности населения КАССР [Максимов 2012: 116–130].

Ввиду близости линии фронта на захваченной территории Калмыкии в течение всего периода оккупации сохранялось военное управление. К 1 октября 1942 г. в Элисте была окончательно сформирована администрация — Элистинское городское управление. Созданная структура управления под надзором оккупационных властей занималась сбором и подготовкой имущества и скота для отправки в Германию и обеспечением продовольствием немецко-румынских войск, оккупировавших часть территории Калмыкии [НА РК. Ф. Р-322. Оп. 1. Д. 1. Л. 5–8].

Местную комендатуру в населенных пунктах республики создавали штабы действующих частей вермахта. Немецким комендантам подчинялась местная гражданская администрация — городские и районные управы. В сельской местности функционировали сельские правления, возглавляемые старостами [НА РК. Ф. Р-322. Оп. 1. Д. 2. Л. 8–11].

Деятельность городского управления и его служб сосредоточивалась в основном на организации обеспечения продовольствием (хлебом, мясом, молоком, маслом, овощами и т. д.) и фуражом, необходимым имуществом командования и частей 16-й мотодивизии, расположенных в Элисте и ее окрестностях. В оккупированных улусах эти задачи выполняли сельские правления во главе со старостами и полицейскими службами под надзором военных комендантов.

При оккупационной администрации функционировал ряд отделов (военный, полиции и карательных отрядов, сельскохозяйственный, транспортный, регистрации и прописки населения, по делам военнопленных, финансовый и др.). Так, финансовый отдел обеспечивал проведение финансовой и налоговой политики, организовывал сбор налогов с населения, сборов с организаций, предприятий и учреждений, вел учет их имущества. Земельный отдел занимался

организацией сбора зерна, скота, сельскохозяйственного сырья — кожи, шерсти для отправки в Германию, за пределы Калмыкии на продовольственные нужды немецкой армии [НА РК. Ф. Р-322. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–5; НА РК. Ф. Р-326. Оп. 1. Д. 10. Л. 38–39].

Помимо обеспечения нужд немецких войск, оккупационные власти вели широкую пропагандистскую и агитационную работу. Захватчики всяческими способами старались привлечь на свою сторону местное население. Основной задачей, которую ставили перед собой редакции оккупационных газет, являлась попытка подорвать у граждан доверие к советской власти. В оккупационных газетах печатались по большей части пропагандистские материалы, тексты объявлений военной комендатуры, городского управления, сводки верховного командования германской армии и т. д. [Свободная земля 1942: № 2; Свободная земля 1942: № 7; Свободная земля 1942: № 14].

Преступления против гражданского населения

Преступной кульминацией нацистского «нового порядка» стало спланированное уничтожение жителей оккупированной территории. Эти преступления против человечности проводились как по частной инициативе захватчиков, так и в рамках комплексных мероприятий по «зачистке тыла», «борьбе с партизанами», «очистке территории от представителей неполноценных рас» [ГА РФ. Ф. 7445. Оп. 2. Д. 141. Л. 433–435; ГА РФ. Ф. Р-7445. Оп. 1. Д. 1890. Л. 1–80]. Чудовищным и бесчеловечным стало проведение оккупантами и их пособниками карательных акций, в ходе которых деревни сжигались вместе с жителями.

Население подвергалось насилию, только в одном Малодербетовском улусе было расстреляно 150 человек, ограблено более 2 тысяч колхозных дворов. Более 300 колхозников подвергались зверским избиениям [НА РК. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 658. Л. 14–15]. Всего по КАССР расстреляно, повешено, замучено, изнасиловано женщин, подвергнуто порке людей, угнано в немецкое рабство, подвергнуто тяжким избиениям и истязаниям 2 237 человек [ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 8. Д. 26. Л. 21–28].

Для учета преступлений нацистов и их пособников и причиненного ими ущерба гражданам, колхозам, организациям и учреждениям, была создана Чрезвычайная государственная комиссия (ЧГК) СССР [ГА РФ. Ф. Р-7523. Оп. 4. Д. 113. Л. 1–5].

Сведения о преступлениях немецко-фашистских войск содержатся и в актах районных комиссий о злодеяниях нацистов на оккупированной территории. Так, в акте комиссии Сарпинского улуса о нанесенных немецко-румынскими оккупантами убытков мирному населению от 22 января 1942 г. указывалось, что оккупантами был зверски расстрелян 21 житель улуса, более 1 213 человек, в том числе старики, дети, подверглись избиению и пыткам. В селе Кенкра Кануковского сельсовета нацисты расстреляли колхозников М. А. Панасенко и Н. А. Колесникова, которые выходили тушить свои горевшие дома, подожженные немцами. Анализ документов позволяет полагать, что в большинстве случаев авторами составленных заявлений были рядовые колхозники, иногда даже неграмотные. Создаваемые комиссии возглавляло официальное лицо (председатель сельсовета или председатель колхоза), а в их состав входило несколько колхозников.

Необходимо отметить преступления против детства. Так, в хотоне Аршан Годжур расстреляли всю семью Мучка Тавучкова (3 человека), в том числе Буваш Санджиеву и грудного ребенка [НА РК. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–3]. Оккупанты не делали никакого снисхождения к детям, убивая их вместе с матерями.

Поводом к проведению карательных операций становилась борьба с партизанами, уничтожение красноармейцев, евреев, а также сопротивление, оказываемое гражданским населением при реквизициях продовольствия, проведении общественных работ, угоне в Германию. Так, в сентябре 1942 г. оккупанты произвели массовый расстрел жителей села Троицкого Троицкого улуса [ГА РФ. Ф. 7021. Оп. 8. Д. 27. Л. 57–57об.]. Всего по Троицкому улусу расстреляли 34 еврея [НА РК. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 12. Л. 2–2об.].

В Западном улусе за время оккупации немецко-фашистской армией с 21 августа 1942 по 21 января 1943 гг. фашистами были замучены и убиты жители колхоза

им. Димитрова: Моисей Райнсберг с женой и двумя детьми, Соня Сандлер с четырьмя детьми от 2 до 17 лет только потому, что они принадлежали к еврейской национальности [НА РК. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 6. Л. 194–195об.].

В Кетченеровском районе фашистами были убиты рабочий совхоза Семен Моловечко, его жена Пелагея Моловечко и дочь Мария — за связь с партизанами и их сокрытие. Избили 67-летнюю мать красноармейца Лиджи Боролдаева, обнаружив у нее фотокарточку и гимнастерку сына [НА РК. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 7. Л. 7–8].

Мероприятия оккупационных властей вызывали сопротивление советских граждан. Лица, которые оказывали сопротивление, избивались, более того, им угрожали расстрелом. Так был избит колхозник колхоза им. «Ворошилова», 75-летний Мучка Крылов за возражение против грабительского захвата его овец. Была избита Болха Шатурова 62 лет, когда у нее забирали швейную машинку. Избили учителя Догзмакиновской начальной школы С. Л. Нимрова при сопротивлении, когда у него забирали корову и сапоги. Известны факты изнасилования двумя румынскими солдатами работницы медпункта Марии Москвичевой [ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 8. Д. 27. Л. 27–27об.].

Средством массового уничтожения населения в период оккупации был голод. Продовольствие выдавалось по карточкам, выдавалось 200 г хлеба на человека в сутки [Сталинградская эпопея 2000: 134]. Поиск еды стал самой массовой практикой выживания населения рассматриваемой территории. Городское население было вынуждено искать альтернативные источники получения продуктов питания путем обмена сохранившихся с довоенных времен промышленных товаров на продукты питания или спекуляции на рынке.

Экономическая политика оккупантов. Организация принудительных работ

Экономическая эксплуатация оккупированных территорий осуществлялась согласно разработанному в Германии плану «Ольденбург». Общее управление экономикой оккупированных территорий возлагалось на рейхсмаршала Германа Геринга. Процесс хозяйственного использования территорий СССР детализировался в «Директивах по руководству экономикой

во вновь оккупированных восточных областях» («Зеленая папка» Геринга), утвержденных еще до нападения на СССР [ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 14. Л. 3–4].

Захватив значительную часть КАССР, нацисты пытались заигрывать с местным населением, создавая у последнего иллюзию освобождения от «красного ига». Для этого использовались различные формы и методы агитационно-пропагандистской работы, упор делался на религиозные и национальные чувства местного населения [Максимов 2012: 116–130].

Фактически же экономическая политика оккупантов превращалась в полное ограбление сельчан. Население оккупированных районов было обложено налогами. Жителей обязали сдавать часть продуктов для снабжения частей германской армии и ее союзников. Значительная часть налогов имела натуральное выражение и собиралась для снабжения оккупантов продовольствием. Так, распоряжением по городскому управлению Элисты от 5 октября 1942 г., для обеспечения молоком армии в городе вводилась обязательная сдача молока натурой с владельцев дойных коров [Свободная земля 1942: № 2]. Лица, уклоняющиеся от сдачи молока, привлекались к штрафу либо конфискации коровы.

С населения, занятого сельским хозяйством, взимался подоходный налог. Его платили все трудоспособные граждане в возрасте от 16 до 60 лет. Кроме того, налогом облагались имеющиеся в хозяйстве лошади, коровы, свиньи, а также посевы, огороды, сады и сенокосы. Так, налог на лошадь или верблюда составлял 700 руб., на корову — 1 200 руб., на коз и овец — 100 руб. [Свободная земля 1942: № 2]. Население сельской местности платило земельный, военный налоги, налог со строений и др.

С наступлением холодов оккупанты начали насильственный сбор у местного населения улусов теплых вещей. В акте комиссии по расследованию фактов зверств, насилия, грабежей и издевательств, чинимых немецко-фашистскими войсками над мирным населением села Малые Дербеты Малодербетовского улуса КАССР, сообщалось об изъятии у населения: 12 шт. тулупов, 9 шт. пальто дамских, 5 шт. пальто детских, 21 пара валенок, 5 полушубков, 15 шапок теплых, 10 шарфов теплых,

1 770 пар варежек, 3 500 пар носков шерстяных и много другого имущества [НА РК. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 9. Л. 10–10об.].

Заняв советские территории, оккупанты переписали все население, учли скот, птицу, хлеб, колхозное и государственное, общественное имущество, а затем приступили к грабежу советских людей. Немецко-румынские солдаты обыскивали жилища рабочих, колхозников и служащих, унося с собой их имущество и продукты питания. Так, у жительницы Сарпинского улуса Шайкиной были отобраны предметы домашнего обихода, постельные принадлежности, велосипед, туфли. У Хечи Умкеева забрали белье, майку, патефон, носки, масло и прочее. У Шевенова изъяли 18 овчин и костюм. У Марии Косимовой были отобраны одеяло, подушки, топор и прочие вещи [НА РК. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 7. Л. 7–8]. Подобные факты учтены в актах районных комиссий о злодеяниях немецко-фашистских оккупантов.

В период оккупации гражданское население привлекалось к выполнению общественных работ по строительству оборонительных сооружений, расчистке дорог, заготовке дров и торфа и т. д. По решению оккупационных властей, регистрации на бирже труда подлежали все жители возрастом от 14 до 55 лет, не имевшие постоянной службы или работы. Использование местных жителей на оборонительных работах изначально было санкционировано германским командованием.

Жители Элисты выгонялись на работу с применением оружия. Работать заставляли малолетних детей, больных, нетрудоспособных мужчин и женщин, стариков. За невыход на работу граждане подвергались штрафу до 1 000 руб. или аресту. Так, в октябре 1942 г. Кобакова Капитолина Егоровна, 1926 г. р., за невыход на работу была арестована и посажена в тюрьму на 28 дней, где находились как военнопленные, так и мирные граждане [НА РК. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 5. Л. 14–14об.].

Тюрьма в Элисте находилась в помещении бывшего здания НКВД. Там были устроены одиночные и общие камеры. В общие камеры загоняли до 40 арестантов. Спали заключенные на голом цементированном полу без подстилок. Кормили всех арестованных один раз в день буданом

из прелой ржаной муки [НА РК. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 5. Л. 31–32об.]. Среди узников часто встречались женщины с малолетними и грудными детьми.

Большой урон населению республики причинил насильственный угон наиболее трудоспособной его части на каторжные работы в Германию для работы на предприятиях и в сельском хозяйстве. На оккупированной территории нацисты развернули масштабную агитационно-пропагандистскую кампанию, целью которой являлось рекрутирование максимального количества добровольцев. Мероприятия по отправке рабочей силы в рейх проводились варварскими методами, с применением террора и насилия. Основным методом стали массовые облавы на улицах, рынках и в других местах скопления населения.

Так, в Элисте 31 октября 1942 г. в немецкую комендатуру были насильно доставлены Корниенко Василий Нестерович и Маншин Николай Егорович. В 1942 г. Н. Е. Маншин в письме родным и близким писал об условиях проживания в Германии: «как тяжело переживать разлуку, за нами следят, дисциплина очень трудная, кормят очень плохо, всегда ходим впроголодь. Мамочка, я очень соскучился, но не знаю, скоро или вообще удастся ли нам встретиться?» [НА РК. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 5. Л. 9–9об.].

В 1943 г. в Германию было угнано 548 жителей КАССР [ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 8. Д. 26. Л. 21–28].

Во время немецко-фашистской оккупации в районах и городах КАССР были уничтожены, разрушены и повреждены тысячи промышленных предприятий, школ, больниц и других культурно-бытовых зданий. В Элисте сгорели все правительственные, ведомственные здания, все школы, кроме одной, большинство коммунальных и ведомственных жилых домов, все детские учреждения, магазины. Оккупанты взорвали водопровод, электростанцию, авторемонтные мастерские. Предварительная стоимость убытков в городе определялась в сто миллионов рублей, не считая стоимости оборудования.

Находясь на территории Троицкого улуса, оккупанты превратили здания общественного питания, ресторан, районный магазин и продовольственные склады в конюшни. Полностью уничтожили баню, разрушили все районные учреждения.

Оккупантами немецко-румынской армии был причинен огромный материальный ущерб колхозному сектору [НА РК. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 12. Л. 2–2об.]. Так, только в Сарпинском улусе КАССР захватчики убили или угнали с собой 2 632 головы крупного рогатого скота на сумму 7 896 000 руб., 1 938 лошадей на сумму 2 907 000 руб., 135 голов верблюдов на сумму 540 000 руб., 66 147 голов овец и коз на сумму 29 766 150 руб., 700 свиней на сумму 735 000 руб. и птицы (15 067 штук) на сумму 301 340 руб. Ими было сожжено, уничтожено, вывезено и потравлено 56 000 т сена и соломы на сумму 1 120 000 руб. Было уничтожено и сожжено 2 здания лечебно-ветеринарных построек с оборудованием и частью медикаментов на сумму 39 000 руб. [НА РК. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–3].

Большой урон преступлениями оккупантов был нанесен учреждениям здравоохранения. Так, в Сарпинском улусе было разобрано или сожжено 9 зданий больниц других лечебных учреждений на сумму 101 000 руб., были уничтожены и частично вывезены медикаменты и прочие перевязочные материалы на сумму 53 250 руб. [НА РК. Ф. Р-68. Оп. 1. Д. 11. Л. 1–3].

Заключение

Захватив значительную часть КАССР, оккупанты приступили к уничтожению гражданского населения республики. Жестокость по отношению к мирным жителям захваченной советской территории предусматривалась в документах германского военного руководства, созданных еще накануне и в самом начале Великой Отечественной войны [ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 14. Л. 3–4; ГА РФ. Ф. Р-7021. Оп. 148. Д. 183. Л. 24; ГА РФ. Ф. Р-7445. Оп. 2. Д. 168. Л. 10–12; ГА РФ. Ф. Р-7445. Оп. 2. Д. 141. Л. 115–122]. Уничтожение населения носило повсеместный характер. Политика оккупантов по отношению к гражданам республики предусматривала жесточайшие репрессии за любые формы неповиновения. Причина для убийства могла быть любой — оказание сопротивления при грабеже скота, продуктов или одежды, попытка потушить подожженный дом, связь с партизанами, отказ от принудительных работ и др. Особенно бесчеловечными выглядят преступления и издевательства нацистов над психологически уязвимыми

категориями гражданского населения, в первую очередь стариками и детьми.

Повсеместно оккупанты лишали людей жилья. При определении на постой захватчики выгоняли хозяев из дома, отбирали имущество. Распространенной формой лишения мирного населения жилья стали поджоги целых деревень при отступлении немецко-фашистских войск. Фашистские захватчики использовали рабский труд мирных жителей, насильно отправляли их на принудительные работы в Германию.

Многочисленные акты районных комиссий, партизанские донесения, воспоминания очевидцев и другие документы свидетельствуют о карательной политике нацистов, направленной на централизованное уничтожение мирного населения. В них освещаются все стороны преступлений против человечности, совершенные нацистами

и их пособниками на оккупированной территории КАССР. Уничтожение нацистами гражданского населения в годы оккупации явилось преступной политикой геноцида советского народа. Достаточно сложно подсчитать, какое число жителей республики умерло от голода и болезней за период ее оккупации.

Сегодня все чаще предпринимаются многочисленные попытки прямо или косвенно реабилитировать, обелить нацистских преступников и их пособников. Поэтому сохранение памяти о колоссальных жертвах, которые понесли народы нашего государства в годы войны, является важнейшей государственной задачей. Попыткам фальсификации истории противостоят факты и свидетельства преступной сущности нацизма во всех его проявлениях, ответственность за которые не имеет срока давности.

Источники

- НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.
ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.
Свободная земля 1942 — Свободная земля. 1942. № 2, 7, 14.

Литература

- Авраменко 2020 — Авраменко С. М. Военные преступления нацистской Германии на Смоленщине // Военно-исторический журнал. 2020. № 5. С. 58–65.
Виноградов, Убушаев, Иванова 2019 — Виноградов С. В., Убушаев В. Б., Иванова Е. А. Строительство новых железнодорожных коммуникаций в период Великой Отечественной войны (на примере строительства железной дороги Кизляр — Астрахань в 1941–1942 гг.) // Вопросы истории. 2019. № 12 (3). С. 124–130.
Кичиков 1970 — Кичиков М. Л. Во имя победы над фашизмом. Элиста: Калмиздат, 1970. 208 с.
Гаряева 2013 — Гаряева З. Г. Последствия немецкого оккупационного режима в годы Великой отечественной войны в Западном улусе Калмыцкой АССР // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2013. № 3. С. 73–79.
Ермолов 2010 — Ермолов И. Г. Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941–1944. М.: Центрполиграф, 2010. 383 с.

Sources

- National Archive of the Republic of Kalmykia.
State Archive of the Russian Federation.
Svobodnaya zemlya. 1942. Nos. 2, 7, 14. (In Russ.)

- Ещенко, Красноженова 2017 — Ещенко Ю. Г., Красноженова Е. Е. Социальная политика Советского государства в период Великой Отечественной войны на Юге России // Вопросы истории. 2017. № 10. С. 30–40.
Ковалев 2004 — Ковалев Б. Н. Нацистская оккупация и коллаборационизм в России. 1941–1944 гг. М.: АСТ, Транзиткнига, 2004. 483 с.
Ковалев 2011 — Ковалев Б. Н. Повседневная жизнь населения России в период нацистской оккупации. М.: Молодая гвардия, 2011. 618 с.
Красноженова, Кулик 2018 — Красноженова Е. Е., Кулик С. В. Сталинград в период немецко-фашистской оккупации (июль 1942 – февраль 1943 г.) // Новейшая история России. 2018. Т. 8. № 4. С. 841–853.
Кринко 2000 — Кринко Е. Ф. Жизнь за линией фронта: Кубань в оккупации (1942–1943 гг.). Майкоп: тип. «Качество», 2000. 242 с.
Максимов 2010 — Максимов К. Н. Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М.: Наука, 2010. 403 с.
Максимов 2012 — Максимов К. Н. Установление оккупационного режима нацистов в

- Калмыкии (август–декабрь 1942 г.) // Российская история. 2012. № 1. С. 116–130.
- Максимов 2017 — Максимов К. Н. Германская оккупационная политика в Калмыкии в августе–декабре 1942 г. и ее последствия // Вопросы истории. 2017. № 1. С. 44–56.
- Максимов 2018а — Максимов К. Н. Судьбы военнопленных калмыков в 1940–1950-е гг. // Вопросы истории. 2018. № 5. С. 43–56.
- Максимов 2018б — Максимов К. Н. Репатриация советских граждан, угнанных фашистами в рабство в годы Великой Отечественной войны // Oriental Studies. 2018. № 11 (2). С. 68–78. DOI: 10.22162/2075-7794-2018-36-2-68-78
- Максимов 2019 — Максимов К. Н. Разведывательно-диверсионные планы спецслужб фашистской Германии в Калмыкии в годы Великой Отечественной войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2019. Т. 24. № 1. С. 109–122.
- Никифоров 2012 — Никифоров С. А. Немецко-фашистская оккупация и коллаборационизм на территории областей Центрального Черноземья в годы Великой Отечественной войны. Курск: Региональный финансово-экономический ин-т, 2012. 410 с.
- Новгородский суд 2020 — Новгородский суд признал геноцидом расстрелы в Жестяной Горке [электронный ресурс] // Деловой Петербург. 2020. 27 октября. URL: https://www.dp.ru/a/2020/10/27/Novgorodskij_sud_priznal (дата обращения: 27.11.2021).
- Павлова 2005 — Павлова Т. А. Засекреченная трагедия: гражданское население в Сталинградской битве: монография. Волгоград: Перемена, 2005. 593 с.
- Синицын 2015 — Синицын Ф. Л. Разделяй и властвуй. Нацистская оккупационная политика. М.: Вече, 2015. 480 с.
- Согданова 2017 — Согданова З. Г. Периодическая печать об ущербе, причиненном немецко-фашистскими оккупантами (на примере Ставропольского края и Калмыцкой АССР) // Genesis: исторические исследования. 2017. № 8. С. 149–156.
- Согданова 2016 — Согданова З. Г. Оценка ущерба, причиненного в ходе оккупации в 1942 – начале 1943 г. Яшалтинскому улусу Калмыцкой АССР // Magna adsurgit: historia studiorum. 2016. № 1. С. 86–93.
- Согданова 2014 — Согданова З. Г. Ущерб народному хозяйству Калмыцкой АССР, причиненный в период немецкой оккупации // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. Т. 7. № 4. С. 62–68.
- Сталинградская эпопея 2000 — Сталинградская эпопея. Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ / сост.: А. Т. Жадобин (рук.), В. В. Марковчин, Ю. В. М.: Звонница-МГ, 2000. 480 с. (XX век: История. Лики. Лица. Личины).
- Krasnozhenova, Kulik 2019 — Krasnozhenova E. E., Kulik S. V. The problems of Economic Development of the Cities of the Russian Province in 1941–1945 (on the Materials of the Lower Volga Region). IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2019. Vol. 272. Is. 3. sci. 272(3) 032168.
- Kovalev B. N. Nazi Occupation and Collaborationism in Russia, 1941–1944. Moscow: AST, Tranzitkniga, 2004. 483 p. (In Russ.)
- Krasnozhenova E. E., Kulik S. V. Stalingrad during the German-fascist Occupation (July 1942 — February 1943). Modern History of Russia. 2018. Vol. 8. No. 4. Pp. 841–853. (In Russ.)
- Krasnozhenova E. E., Kulik S. V. The problems of economic development of the cities of the Russian province in 1941–1945 (on the materials of the Lower Volga Region). IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2019. Vol. 272. No. 3. Article 032168. (In Eng.)
- Krinko E. F. Life beyond the Front Line: Kuban under Occupation, 1942–1943. Maykop: Kachestvo, 2000. 242 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Establishing the Nazi's occupation regime in Kalmykia, August–December of

References

- Avramenko S. M. The war crimes of Nazi Germany in Smolensk land. Military Historical Journal. 2020. No. 5. Pp. 58–65. (In Russ.)
- Eshchenko Yu. G., Krasnozhenova E. E. Social policy of the Soviet state during the Great Patriotic War in the South of Russia. Voprosy Istorii. 2017. No. 10. Pp. 30–40. (In Russ.)
- Garyaeva Z. G. Consequences of the German occupation regime in the years of the Great Patriotic War in the Zapadny Ulus of the Kalmyk ASSR. Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies). 2013. No. 3. Pp. 73–79. (In Russ.)
- Kichikov M. L. In the Name of Victory of Fascism. Elista: Kalmizdat, 1970. 208 p. (In Russ.)
- Kovalev B. N. Everyday Life of Russia's Population under Nazi Occupation. Moscow: Molodaya Gvardiya, 2011. 618 p. (In Russ.)

1942. Russian History. 2012. No. 1. Pp. 116–130. (In Russ.)
- Maksimov K. N. German occupation policy in Kalmykia in August–December of 1942 and its consequences. *Voprosy Istorii*. 2017. No. 1. Pp. 44–56. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Reconnaissance and sabotage plans of special agencies of Nazi Germany in Kalmykia during the Great Patriotic War. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. 2019. Vol. 24. No. 1. Pp. 109–122. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Repatriation of Soviet citizens shipped by fascists for forced labor in Germany during the Great Patriotic War. *Oriental Studies*. 2018. Vol. 11. No. 2. Pp. 68–78. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2018-36-2-68-78
- Maksimov K. N. The fates of the Kalmyk prisoners in 1940–1950. *Voprosy Istorii*. 2018. No. 5. Pp. 43–56. (In Russ.)
- Maksimov K. N. The Great Patriotic War: Kalmykia and Kalmyks. Moscow: Nauka, 2010. 403 p. (In Russ.)
- Nikiforov S. A. Central Black Earth Economic Region during the Great Patriotic War: Fascist German Occupation and Collaborationism. Kursk: Regional Institute of Finance and Economics, 2012. 410 p. (In Russ.)
- Novgorod Court recognized mass executions in Zhestyanaya Gorka a genocide. *Delovoy Peterburg*. 2020, October 27. Available at: https://www.dp.ru/a/2020/10/27/Novgorodskij_sud_priznal (accessed: November 27, 2021). (In Russ.)
- Pavlova T. A. Tragedy Classified: Civil Population in the Battle of Stalingrad. Monograph. Volgograd: Peremena, 2005. 593 p. (In Russ.)
- Sinitsyn F. L. Divide et Impera: Nazi Occupation Policies. Moscow: Veche, 2015. 480 p. (In Russ.)
- Sogdanova Z. G. Periodicals about the harm inflicted by German Fascist occupants. *Genesis: Historical Research*. 2017. No. 8. Pp. 149–156. (In Russ.)
- Sogdanova Z. G. The economic damage caused to the Kalmyk ASSR during the Nazi occupation. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2014. Vol. 7. No. 4. Pp. 62–68. (In Russ.)
- Sogdanova Z. G. Yashaltinsky District of Kalmyk ASSR under Nazi occupation, 1942 to early 1943: Assessment of damages. *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2016. No. 1. Pp. 86–93. (In Russ.)
- Vinogradov S. V., Ubushaev V. B., Ivanova E. A. The construction of new railroad communications during the Great Patriotic War (using the example of the construction of the Kizlyar–Astrakhan railroad in 1941–1942). *Voprosy Istorii*. 2019. No. 12 (3). Pp. 124–130. (In Eng.)
- Yermolov I. G. Three Years without Stalin: The Occupied Soviet Citizens between Nazis and Bolsheviks, 1941–1944. Moscow: Tsentrpoligraf, 2010. 383 p. (In Russ.)
- Zhadobin A. T. et al. (comp.) The Epic Battle of Stalingrad: NKVD and Military Censorship Materials from FSB Central Archives. Moscow: Zvonitsa-MG, 2000. 480 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 6, pp. 1176–1187, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(47).084.8

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1176-1187

Возвращенная из небытия: борьба за историческую память о 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. Часть 2

Уташ Борисович Очиров¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, доцент, главный научный сотрудник

 0000-0001-9957-5215. E-mail: utash-ochirov@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Очиров У. Б., 2021

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена анализу историографии истории 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии, которая в годы Великой Отечественной войны являлась единственным сражавшимся на фронте национальным соединением, в большинстве своем укомплектованным калмыками. Дивизия достойно показала себя в боях с врагом, но вокруг нее сложились порочащие ее мифы, не соответствующие действительности, а большая часть ее документов, сданных в архив, исчезла. В результате этой работа по объективному изучению истории соединения растянулось на несколько десятилетий. *Материалы и методы.* При написании статьи базовым стал историко-генетический метод. Также использовались историко-системный и историко-сравнительный методы. Материалами для статьи послужили книги и статьи, делопроизводственная документация и переписка из различных архивных фондов, личная переписка и воспоминания ветеранов 110-й кавдивизии и исследователей ее истории. *Результаты.* В статье последовательно рассматривается историография истории калмыцкого соединения, разделенная на 5 этапов, которые условно можно назвать так: 1) период умалчивания и лжи (1943–1957 гг.); 2) период «стихийных» поисков (1957–1967 гг.); 3) период активизации научной работы (1967–1977 гг.); 4) период спада (1977–2011 гг.); 5) период нового подъема (с 2011 г. и по настоящее время). Лживые мифы, обвинявшие 110-ю кавдивизию в «неустойчивости», «уходе в банду», а то и вовсе к немцам, придали ее истории политическое звучание. Изучение истории дивизии серьезно осложнила пропажа большей части документов соединения, сданных по описи вместе со знаменами после его расформирования. Это все крайне затруднило процесс по сохранению исторической памяти о единственном калмыцком национальном соединении, сражавшемся на фронте, и его исследователям пришлось приложить титанические усилия для решения этой проблемы. Во второй части статьи описаны четвертый и пятый этапы. *Выводы.* Историография истории 110-й Калмыцкой кавдивизии прошла сложный и извилистый путь, в ходе которого ей пришлось пережить и период спада, и период акти-

визации. Но в ходе долгой борьбы справедливость была восстановлена, а историческая память о национальном соединении возвращена народу.

Ключевые слова: Великая Отечественная война 1941–1945 гг., Красная армия, кавалерия, Калмыцкая АССР, национальное соединение, калмыки, историография, исторические мифы, историческая память

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Очилов У. Б. Возвращенная из небытия: борьба за историческую память о 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. Часть 2 // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14 (6). С. 1176–1187. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1176-1187

The Revived from Oblivion: Struggling for Historical Memory of the 110th Kalmyk Cavalry Division. Part 2

Utash B. Ochirov¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Chief Research Associate

 0000-0001-9957-5215. E-mail: utash-ochirov@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Ochirov U. B., 2021

Abstract. Introduction. The article *aims* to analyze the historiography and history of the 110th Kalmyk Cavalry Division, the only ethnic military unit (largely staffed by Kalmyks) that fought at the front during the Great Patriotic War. While the division is worthy of memory and respect for its contribution to the battle against the enemy, its history was surrounded with defamatory myths that have nothing in common with real events. Granted the disappearance of most of the Division's documents handed over to the archives, it has taken several decades to objectively study its history. **Materials and methods.** Besides the historical-genetic method, which was the principal one for the present research, historical-systemic and historical-comparative methods were used. The sources were books and articles, office documentation and correspondence from various archival repositories, personal correspondence and memoirs of the veterans of the 110th Kalmyk Cavalry Division, as well as of the researchers of its history. **Results.** The article is a consistent examination of the historiography of the subject; this may be divided into five stages designated in the article as *i*) a period of silence and lies (1943–1957), *ii*) a period of 'sporadic' searches (1957–1967), *iii*) a period of active scientific work (1967–1977), *iv*) a period of indifference (1977–2011), and *v*) a period of new scholarly interest in the subject (2011–present). The Kalmyk Cavalry Division has long been an object of defamatory insinuations and calumny when it was accused of "unreliability", denounced as "a gang" or even as German collaborators; these had clearly political implications. Meanwhile, the study of the history of the Division was seriously complicated by the loss of most of its documents although after its disbandment these were handed over according to the inventory along with the banners. Also, this interfered with the process of preserving the historical memory of the only ethnic formation that fought against the enemy during the Great Patriotic War. Hence, the difficulty that the scholars in the field have had to overcome was immense. The second part of the article describes the forth and fifth stages. **Conclusions.** The historiography associated with the studies of the history of the Kalmyk Cavalry Division may be described as a difficult and winding path, with periods of both indifference and activation that had to be overcome. However, in the course of a long struggle, justice was restored, and the historical memory of the Kalmyk Division was returned to the people.

Keywords: The Great Patriotic War of 1941–1945, Red Army; cavalry, Kalmyk ASSR, ethnic military unit, Kalmyks, historiography, historical myths, historic memory

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. АААА-А19-119011490038-5 'Sociopolitical and Cultural Development of South Russia's Peoples: Comprehensive Studies of Respective Processes'.

For citation: Ochirov U. B. The Revived from Oblivion: Struggling for Historical Memory of the 110th Kalmyk Cavalry Division. Part 2. *Oriental Studies*. 2021; 14 (6): 1176–1187. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1176-1187

В первой части статьи, опубликованной в № 5 журнала «Oriental Studies», были рассмотрены первые три этапа историография истории 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. Вторая часть статьи начинается с рассмотрения 4-го этапа.

Период спада

После отъезда М. Л. Кичикова группа исследователей пыталась продолжить работу. Н. У. Илишкин собирал воспоминания и материалы о воинах национального соединения, публиковал отдельные статьи в газетах. А. И. Заднепрук, несмотря на преклонный возраст, в 1970-е — начале 1980-х гг. неоднократно выезжал для работы в Центральный архив Министерства обороны (ЦАМО) и сделал значительное количество выписок, которые ныне хранятся в архиве Калмыцкого научного центра РАН (КалмНЦ РАН). А. С. Заярный помогал Заднепруку в его поисках в ЦАМО, продолжал вести переписку с ветеранами. М. Т. Бимбаев опубликовал свою долгожданную рукопись воспоминаний [Бимбаев 1983]. Институт, к тому времени переименованный в Калмыцкий научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики (КНИИИФЭ), под руководством нового директора К. П. Катушова по-прежнему собирал ветеранов, финансировал командировки в архив, выдавал документы, необходимые для работы в архиве. Однако без научного руководителя, в достаточной степени профессионального и авторитетного для членов исследовательской группы, коллективная работа замерла. Архивные выписки, сделанные в ЦАМО в конце 1970-х — начале 1980-х гг., были сданы в архив института и много лет хранились там без движения.

К сожалению, покинув Калмыкию, Мерген Лиджинович не оставил после себя преемника или ученика. Из его коллег почти никто не занимался историей Великой Отечественной войны. В какой-то степени исключением был Ю. О. Оглаев. Однако официально темой его научно-исследовательской работы была история коллективизации сельского хозяйства в Калмыкии, по

которой он защитил кандидатскую диссертацию в 1971 г. и планировал написать докторскую. С 1974 г. Ю. О. Оглаев перешел в Калмыцкий государственный университет, где активно занялся преподавательской и общественной работой. Исследования по истории Калмыкии в период войны 1941–1945 гг. Юлий Очирович вел вне плана, в свободное от работы время. При этом он, помимо истории 110-й кавдивизии, изучал историю 189-го Калмыцкого кавполка, участие калмыков в Сталинградской битве и строительстве железной дороги Астрахань – Кизляр, писал биографию П. В. Лаврентьева (первого секретаря Калмыцкого обкома ВКП(б) периода войны) и т. д.

После начала перестройки Ю. О. Оглаев активно занялся политической деятельностью, стал одним из основателей местного демократического Народного фронта, а после развала СССР — принимал активное участие в восстановлении региональной организации Компартии, был секретарем рескома КПРФ. Юлий Очирович постоянно подвергал критике действующие власти, обличал коррупцию чиновников, как активный оппозиционер и яркий публицист подвергался преследованиям. Однако муза Клио не терпит конкурентов, и совмещать глубокие научные исследования с какой-то иной деятельностью невозможно. Поэтому какие-то значимые научные публикации по истории национального соединения из-под блестящего пера Ю. О. Оглаева так и не вышли, если не считать нескольких статей о воинах 110-й кавдивизии [Илишкин, Оглаев 1988: 168–207]. Тем не менее его имя было хорошо известно широкой общественности. Именно ему после смерти Н. В. Бадминова наследники передали его личный архив, включая воспоминания и переписку с ветеранами 110-й кавдивизии.

На этом этапе для историографии истории 110-й кавдивизии особое значение имели труды П. Э. Алексеевой — главного библиографа нашего института (в 1999 г.

переименованного в Калмыцкий институт гуманитарных исследований (КИГИ РАН)). Прасковья Эрдниевна Алексеева (1924–2020) родилась в станице Граббевская (Цевднякинская) Области Войска Донского. В 1946 г. она окончила Башкирский учительский институт, в 1950 г. — Башкирский пединститут; работала учителем истории, русского языка и литературы в башкирских школах, затем библиотекарем Республиканской научно-медицинской библиотеки. После восстановления автономии работала директором Республиканской библиотеки Калмыцкой АССР. В 1960 г. она была назначена заведующим научной библиотекой Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории (КНИ-ИЯЛИ, ныне КалмНЦ РАН) и работала в ней до самой смерти (без малого 60 лет). П. Э. Алексеева являлась основателем этой библиотеки, приложила титанические усилия для ее организации и комплектования. Если какие-то редкие издания ей не удавалось добыть, то она их переписывала или копировала каким-то иным способом, а потом сшивала в самодельные книги. Еще при жизни П. Э. Алексеевой библиотеке, ныне являющейся крупнейшим хранилищем восточноведной литературы на Юге России, было присвоено ее имя [Очиров 2019б].

Первые работы П. Э. Алексеевой, связанные с историей 110-й кавдивизии, были посвящены библиографии проблемы [Алексеева 2001; Обзор 2002]. Помимо библиотечной работы, она активно занималась и другой деятельностью: популяризовала научные знания, публиковала в газетах статьи на разные темы, собирала различные тематические картотеки персоналий. Самая крупная картотека персоналий была посвящена воинам 110-й Калмыцкой кавдивизии. Эту картотеку П. Э. Алексеева начала собирать в 2005 г., когда выяснилось, что в республике нет списка воинов ее единственного национального соединения времен Великой Отечественной войны, поэтому увековечить их память невозможно. Прасковья Эрдниевна тогда был 81 год, но она восприняла отсутствие этого списка как личный вызов и взяла на себя труд по его составлению. Для поиска воинов 110-й кавдивизии она вручную проверила все опубликованные на тот момент Книги Памяти, перечитала все материалы,

хранящиеся в архиве института, опросила сотни ветеранов и их родственников, объединила имеющиеся списки (ветерана 110-й кавдивизии Ш. М. Налаева, ветерана войны Т. Б. Шураева, члена общества «Мемориал» А. Б. Цобдаева, преподавателя Калмыцкого государственного университета М. А. Лиджиева), а также специальные анкеты, опубликованные в газете «Хальмг үнн» и заполненные читателями. Результатом этого колоссального труда стал аннотированный справочник воинов 110-й кавдивизии, изданный в 2007 г. В нем были опубликованы краткие биографические справки почти на 2,5 тыс. воинов 110-й кавдивизии (треть из числа прошедших через это соединение) [Солдаты Победы 2007].

Однако если говорить о научно-исследовательских трудах, то после отъезда М. Л. Кичикова работа над темой по истории Калмыкии в годы Великой Отечественной войны в целом, и 110-й кавдивизии в частности, практически прекратилась вплоть до конца «нулевых» годов. Если какие-то ученые делали доклады или статьи по истории национального соединения, то они опирались на книгу «В годы суровых испытаний», не вводя в оборот неизвестные ранее материалы. Единственным исключением можно считать статью С. С. Белоусова о некоторых сюжетах воспоминаний ветеранов 110-й кавдивизии, вырезанных цензурой, но сохранившихся в архиве КалмНЦ РАН [Белоусов 2010].

Но для общественности импульс, заданный выходом книги «В годы суровых испытаний», имел широкий резонанс. В общественном сознании миф о «разбежавшейся дивизии» был опровергнут, о национальном соединении теперь упоминали с гордостью. О нем говорили с высоких трибун и школьных парт, писали в газетах и журналах. Если еще в 1975 г. Н. В. Бадьминов мог жаловаться, что его статьи по истории 110-й кавдивизии к 30-летию Победы не берут в газеты, поскольку нет указаний от обкома, то в 1980-е гг. (не говоря уже о более поздних временах) публикации о калмыцком соединении принимали уже без всяких директив [Агарков 1982; Агарков 1984; Бимбаев 1986; Бимбаев 1987; Быков 1992; Быков 1994; Быков 1995; Илишкин 1980; Илишкин 1981; Илишкин 1982; Илишкин 1987; Ипполитова 1998; Кичиков 1992; и др.]. По не-

полным подсчетам библиографов Н. С. Нимеевой и Л. В. Манджиевой, в 1957–1976 гг. в местной печати вышло всего 13 публикаций на темы, связанные со 110-й кавдивизией и ее воинами (включая заметки типа «Бойцы вспоминают минувшие дни» или «Создается история дивизии»), в 1977–1989 гг. — 22 статьи в газетах и сборниках, в 1990–1999 гг. — 41, в 2000–2010 гг. — 97 [Калмыкия... 2010: 44–69].

В постсоветский период в исторической науке произошла смена парадигм. После исчезновения диктата идеологии над наукой многие исследования советского периода были подвергнуты ревизии, их объективность оказалась под сомнением. Мало того, в результате ухода из науки многих историков поколений 1980-х и 1990-х гг. произошел разрыв научной преемственности по многим направлениям исследований, исчез ряд научных школ. Некоторые новые исследователи, не обладая необходимыми знаниями по наработкам своих предшественников, некритично восприняли ранее опровергнутые мифы и стали вновь поднимать их на щит. В эпоху безудержной свободы средств массовой информации многие лживые мифы стали возрождаться и мутировать на просторах интернета и на страницах различных изданий. При этом данные мифы стали публиковаться не только в «желтой» прессе, но и в солидных изданиях, претендующих на научность, с большими списками членов редколлегий, с регалиями и званиями.

К сожалению, в их числе оказался и миф о «разбежавшейся» 110-й кавдивизии. При этом она почему-то стала противопоставляться коллаборационистской калмыцкой части (Verband) доктора Долля: дескать, в кавдивизии служило всего 4,5 тыс. калмыков, а штатная численность корпуса — десятки тысяч человек. На самом деле известно, что название «корпус» для своей части придумал сам доктор Долль, мечтавший о звании генерала [Гучинова 2004: 38], а реальная численность формирования, большей частью составленного из угнанной с оккупированной территории молодежи, не превышала 3,5 тыс. человек. Затем миф мутировал: 110-я кавдивизия стала напрямую увязываться с «фербандом» доктора Долля. И эти утверждения нашли себе место даже на страницах изданий, претендующих на статус научных и энциклопедических.

Например, в энциклопедии «Сталинградская битва» в специальной статье «Калмыцкие формирования вермахта» есть и такое утверждение: *«В середине сент. 1942 при 16-й мд из числа дезертировавших красноармейцев-калмыков 110-й окд (калмыцкой) был сформирован 1-й кэск (калмыцкий). Как и казачьи подразделения нем. армии... он вел разведку и антипартизанскую борьбу... Бойцы эскадрона зарекомендовали себя как храбрые разведчики и хорошие бойцы, стоявшие на четких антисоветских позициях, поэтому опыт создания подобных подразделений был продолжен»* [Сталинградская битва 2012: 286]. Источник этой выдумки из статьи, к сожалению, не ясен, но на самом деле 1-й эскадрон калмыков-коллаборационистов формировался на базе банды ярого врага Советской власти Б. Огдонова и пополнялся добровольцами. Среди них, конечно, были бывшие военнослужащие Красной армии, но ни 1-й эскадрон, ни какой-либо другой не формировался полностью из дезертиров, да еще и из одной дивизии. При этом среди коллаборационистов основную нагрузку в боях на территории Калмыкии несли три туркестанских батальона, сформированные в Польше из военнопленных 1941 года.

Еще более масштабной оказалась ложь в энциклопедии «Великая Отечественная война», вышедшей под эгидой Министерства обороны РФ. В 6-м томе этой «энциклопедии» этот миф расцвел с новыми подробностями: *«В период летнего наступления немцев в 1942 г. резко обострилась оперативная обстановка на территории Калмыцкой АССР. В частях 110-й Калмыцкой национальной кавалерийской дивизии началось массовое дезертирство»*.

С приближением фронта к автономной республике местные антисоветские и националистические элементы начали создавать из дезертиров 110-й дивизии крупные повстанческие формирования. После захвата территории Калмыкии немцами участники повстанческих формирований расправлялись с коммунистами, партизанами и другими патриотами из числа лиц русской национальности» [Великая Отечественная война, 6 2013: 691]. На самом деле все коллаборационистские формирования были созданы уже после оккупации части территории Калмыкии, при этом они не пре-

вышли масштаб эскадрона (т. е. не были крупными). Указанные эскадроны и взводы сражались со всеми советскими партизанскими отрядами, не различая их по национальности (тем более, что все партизанские отряды в Калмыкии по национальному составу были смешанными).

В 10-м томе «энциклопедии» ложь о «крупных формированиях» приняла гигантский размах: *«По данным НКВД СССР, на территории республики действовали 12 таких бандформирований общей численностью свыше 500 человек, а также созданный немцами из местных жителей кавалерийский корпус, насчитывавший свыше 25 эскадронов (до 25 тыс. человек)»* [Великая Отечественная война, 10 2014: 401]. Впрочем, уровень профессионализма таких «историков» хорошо иллюстрирует фотография, опубликованная в этом томе с подписью «Депортация калмыков в Сибирь». На ней видно, как в эшелон грузят мужчин в кепках, в рубашках с засученными рукавами (в декабрьский мороз?) и шестиконечными звездами на спинах и на нарукавных повязках [Великая Отечественная война, 10 2014: 403].

Как видно, миф о 110-й кавдивизии, «проявившей неустойчивость», вновь ожил и обрел политическое значение. В итоге миф о повальном коллаборационизме калмыков настолько сильно вжился в общественное сознание, что в 2020 г. руководитель одного из региональных парламентов не постеснялся заявить об этом в официальном выступлении.

Период нового подъема

Очередной перелом в историографии истории калмыцкого соединения произошел в 2011 г. и был связан с деятельностью С. А. Заярного — внука комиссара 110-й кавдивизии С. Ф. Заярного и сына исследователя кичиковской группы А. С. Заярного.

Сергей Альбертович Заярный родился в 1949 г. в г. Томске. Окончил Московский институт электронного машиностроения. Со школьной скамьи и до самой пенсии работал на предприятии ВПК, которое ныне известно как Головное производственно-техническое предприятие «Гранит» и входит в концерн ПВО «Алмаз-Антей». Он с детства интересовался военной историей и, выйдя на пенсию, занялся исследовани-

ями по истории советской кавалерии. Особый интерес у него вызывали соединения, в которых с Гражданской войны до своей гибели 26 июля 1942 г. служил его дед — С. Ф. Заярный.

Поскольку все перипетии исследований группы М. Л. Кичикова, их споры, переписка отца с ветеранами 110-й кавдивизии были хорошо знакомы Сергею Альбертовичу, он хорошо понимал, до каких пределов продвинулись в своей работе его предшественники, и знал, какие проблемы они не смогли решить. В этом было его важное преимущество над другими исследователями нового поколения, для которых весь этот важнейший историографический пласт оставался «terra incognita». Но, не разобрав этого вопроса, не освоив багажа предшественников, эти ученые не могли двигаться дальше.

Сергей Альбертович в течение нескольких лет ежедневно кропотливо работал в ЦАМО, разыскивая дела 110-й кавдивизии, рассеянные по «чужим» фондам. К тому времени условия работы для исследователей заметно улучшились: исчезли цензура и диктат идеологии над наукой, был открыт широкий доступ к сведениям из-за рубежа, рассекречены многие фонды ЦАМО и других архивов, с развитием информационных технологий появились обширные электронные базы данных с информацией о воинах Красной армии [ОБД Мемориал; ОБД Подвиг народа]. Все это создало условия для возобновления поисков и работы по истории 110-й кавдивизии.

С. А. Заярный смог найти некоторые дела, другие — реконструировать по данным переписки с вышестоящими объединениями или по сведениям соседних соединений. Кроме того, он сумел поднять еще один важный пласт архивных документов, которые не были доступны их предшественникам. Сергей Альбертович начал ввод в научный оборот архивных документов вермахта из трофейных фондов архивов США (National Archives and Records Administration). В их числе были копии переводов документов 110-й кавдивизии и ее соседей, захваченных немцами в боях на Дону. Очевидно, что описание любого сражения, основанное на документах одной стороны, всегда будет односторонним и показывать лишь часть происходящих событий. Лишь когда обладаешь

документами всех противоборствующих сторон и можешь в динамике рассмотреть развитие событий, понять логику мышления их командиров, только тогда возможна полная реконструкция истории сражения. В ходе исследований С. А. Заярный собрал богатейшую коллекцию военных карт, описывающих события того времени, и начертил свои карты, точно и полно отражающие историю сражений, в которых участвовала 110-я кавдивизия.

Все это вкупе с материалами, хранившимися в его семейном архиве, позволило ему в значительной степени продвинуться в изучении истории боевого пути калмыцкого соединения в ходе боев на Дону и Битвы за Кавказ. Результаты своих исследований С. А. Заярный стал размещать на созданном им сайте don1942.ru. Там также было опубликовано огромное количество документов по истории калмыцкого соединения и истории сражения на нижнем Дону в 1942 г. Стремясь развить свои исследования, в 2011 г. он выехал в Элисту для работы в НА РК и Научном архиве КИГИ РАН (с 2016 г. — Калмыцкий научный центр РАН). Сергей Альбертович наладил сотрудничество с нашим институтом, получил поддержку руководства по ряду проектов и, самое главное, нашел единомышленников, готовых работать по истории национального соединения.

Первым проектом, реализованным С. А. Заярным, стала подготовка нового издания справочника П. Э. Алексеевой. После выхода первого издания к Пасковье Эрдниева стали обращаться родственники воинов калмыцкого соединения, которые дополняли опубликованную информацию или предлагали добавить новые персоналии. Сергей Альбертович, опираясь на сведения из ЦАМО, ОБД «Мемориал» и ОБД «Подвиг народа», существенно уточнил судьбу многих воинов 110-й кавдивизии, а также предоставил сведения еще на почти тысячу новых персоналий. Около 200 новых персоналий для справочника предоставил автор этих строк. Все это позволило опубликовать краткие справки о более чем 3,5 тыс. воинах 110-й кавдивизии [[Солдаты Победы 2015](#)].

Помимо подготовки справочного издания С. А. Заярный вместе с автором этих строк начал научно-исследовательскую работу, продолжающуюся и поныне. Была

продолжена работа в ЦАМО. В НА РК к тому времени рассекретили наконец описи военного отдела Калмыцкого обкома и дела по мобилизационной работе Совнаркома Калмыцкой АССР, которые еще в «нулевые» были недоступными. Были подняты и введены в оборот неизвестные ранее материалы из Научного архива КалмНЦ РАН. Существенную помощь нам оказал Ю. О. Оглаев, предоставивший материалы из личного архива Н. В. Бадьмина (воспоминания ветерана и письма к нему от А. И. Надточего). После смерти Юлия Очирова вдова передала эти материалы в Научный архив КалмНЦ РАН. Большой резонанс вызвал круглый стол, посвященный 75-летию формирования 110-й кавдивизии и проведенный КИГИ РАН в 2016 г. На нем был зачитан ряд интересных докладов [[Заярный 2016](#); [Очиров 2016](#); [Хомутников 2016а](#); [Шантаев 2016](#)], но еще большее значение имела реакция населения. Некоторые жители республики приходили в институт, приносили документы из семейных архивов, делились воспоминаниями о предках — воинах национального соединения.

Результаты этих исследований нашли отражение в серии статей [[Заярный 2016](#); [Заярный, Очиров 2017а](#); [Заярный, Очиров 2017б](#); [Заярный, Очиров 2017в](#); [Заярный, Очиров 2018а](#); [Заярный, Очиров 2018б](#); [Заярный, Очиров 2018в](#); [Заярный, Очиров 2018г](#); [Очиров 2016](#); [Очиров 2017а](#); [Очиров 2017б](#); [Очиров 2018](#); [Очиров 2019а](#); [Очиров 2019б](#); и др.] и многотомной монографии, первые тома которой уже опубликованы [[Очиров, Заярный, 1 2018](#); [Очиров, Заярный, 2 2018](#)]. Исследователи смогли решить ряд вопросов по истории калмыцкого соединения. Например, в ходе изучения истории формирования был прослежен в динамике процесс укомплектования 110-й и 111-й Калмыцкой кавдивизий личным и конским составом, вооружением и амуницией. Доказано, что 111-я кавдивизия, комплектовавшаяся южными, более населенными, улусами, была лучше укомплектована рядовым составом, а утверждения о том, что республике не хватило людей для формирования двух дивизий, не соответствуют действительности. Удалось составить полный реестр командного состава 110-й кавдивизии до начала боев, что позволило лучше оценить информативность того или иного офицера и опре-

делить точное место подразделений на поле боя, поскольку в воспоминаниях ветеранов могли быть путаница или ошибки.

Было установлено, что 110-я Калмыцкая кавдивизия сыграла ключевую роль в защите трех переправ через Дон от ударов люфтваффе, несмотря на отсутствие зенитной артиллерии и авиационного прикрытия. Благодаря ей через эти переправы на южный берег Дона были выведены большая часть 37, 24 и 9-й армий Южного фронта, остатки других армий бывшего Юго-Западного фронта, общим количеством 425 тыс. человек, 215 танков, 1 300 орудий, более 8 тыс. тракторов и автомашин (включая РСЗО), 10 тыс. повозок, 22 тыс. лошадей и т. д. Был прослежен в динамике весь процесс наземного сражения 110-й кавдивизии с моторизованной дивизией «Великая Германия», позже усиленной 16-й моторизованной дивизией, артиллерийскими и саперными частями, объединенными под управлением 3-го танкового корпуса. Это позволило ярче и точнее определить значение подвига и силу мужества воинов калмыцкого соединения, восемь дней сражавшихся с многократно превосходящими силами противника.

Удалось решить проблему исчезновения большей части 311-го кавполка. Выяснилось, что Д. С. Лебедин и А. И. Заднепрук были правы в этом споре. 21 или 22 июля 311-й кавполк без двух эскадронов был переброшен на правый фланг 110-й кавдивизии на случай возможного прорыва противника от Семикаракорской. 25 июля немцы, создав плацдарм у Раздорской, вышли в тыл 110-й кавдивизии и отрезали большую часть полка М. П. Василенко от основных сил соединения. Контратаки против многократно превосходящих сил панцерваффе успеха не имели, и после израсходования боеприпасов М. П. Василенко отвел остатки полка к Большой Мартыновке, в расположении кавкорпуса Б. А. Погребова. По всей видимости, М. П. Василенко знал, что 110-ю кавдивизию планируют вернуть в это соединение, поэтому принял такое решение. Однако замена 110-й кавдивизии задержалась, а 29 июля корпус Б. А. Погребова, готовящийся к атаке на вражеский плацдарм, был разгромлен внезапной упреждающей атакой панцерваффе.

Более или менее точно были определены маршруты отступления 110-й кавдивизии и

причины отделения тех или иных частей и групп, уточнена их численность. Доказано, что 110-я кавдивизия вместе с 30-й кавдивизией в ходе сентябрьского рейда через ногайские степи в тыл 1-й танковой армии внесла значимый вклад в срыв первого наступления врага в ходе Моздокско-Малгобекской операции, что нашло отражение в сентябрьских сводках Генштаба, и т. д.

В ходе работы мы ощущали постоянный интерес и поддержку со стороны коллег, потомков воинов 110-й кавдивизии, общественных деятелей, журналистов и других жителей нашей республики. Значительный всплеск интереса к истории 110-й кавдивизии вызвал круглый стол, проведенный в 2013 г. редколлегией газеты «Парламентский вестник Калмыкии» под руководством тогдашнего главного редактора М. И. Ланцыновой. Тексты докладов и итоги дискуссий были опубликованы на страницах газеты в специальном выпуске. В целом количество газетных и журнальных публикаций ощутимо возросло, даже по сравнению с «нулевыми» годами.

Огромный объем работы по популяризации истории 110-й кавдивизии провел Х. П. Хомутников — внук начдива В. А. Хомутникова. Он постоянно организует и участвует почти во всех мероприятиях, связанных с этой темой: круглые столы, митинги, встречи в библиотеках, классные часы в школах и училищах в различных городах и селах Калмыкии. Благодаря этому нам удалось установить новые контакты с потомками воинов 110-й кавдивизии, получить материалы из семейных архивов, записать их воспоминания. Хонгор Петрович провел ряд изысканий о своем деде и истории калмыцкого соединения, результаты которых были отражены в нескольких книгах [Хомутников 2012; Хомутников 2013; Хомутников 2016]. По его инициативе, получившей широкую поддержку народа, общественных организаций, журналистов, Народный Хурал (Парламент) Республики Калмыкия в 2017 г. установил День Памяти воинов 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии — 13 ноября.

Заключение

Историография истории 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии прошла сложный и извилистый путь, в ходе которого ей пришлось пережить и период забвения,

и период спада. Термин «борьба» в названии статьи отнюдь не случаен. В конечном итоге справедливость была восстановлена, и многие лживые мифы разоблачены. Так

историческая память о национальном соединении была возвращена своему народу и защищена от наветов. Тем не менее борьба за историческую память еще не закончена...

Источники

- Бимбаев 1983 — *Бимбаев М. Т.* Судьба моя военная. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1983. 156 с.
- Великая Отечественная война, 6 2013 — Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны / сост. А. В. Опалев и др. М.: Кучково поле, 2013. 864 с.
- Великая Отечественная война, 10 2014 — Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12 т. Т. 10. Государство, общество и война / сост. С. В. Журавлев и др. М.: Кучково поле, 2014. 864 с.
- Калмыкия... 2010 — Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Ретроспективный библиографический указатель / сост. Н. С. Нимеева, Л. В. Манджиева. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2010. 800 с.
- ОБД «Мемориал» — Обобщенный компьютерный банк данных «Мемориал» [электронный ресурс] // URL: <https://obd-memorial.ru/html/> (дата обращения: 15.08.2021 г.).

Sources

- OBD Memorial Open Access Online Database.
- OBD Podvig Naroda Open Access Online Database.
- Alekseeva P. E., Bayanova A. T., Zayarny S. A., Lantsanova L. Yu. (comps.) Soldiers of the Victory. Vol. II: 110th Separate Kalmyk Cavalry Division. List of Names. 2nd ed., rev. and suppl. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2015. 373 p. (In Russ.)
- Alekseeva P. E., Lantsanova L. Yu. (comps.) Soldiers of the Victory. Vol. II: 110th Separate Kalmyk Cavalry Division. List of Names. Elista: Kalmykia Book Publ., 2007. 272 p. (In Russ.)
- Bimbaev M. T. My Military Life. Elista: Kalmykia Book Publ., 1983. 156 p. (In Russ.)
- Nimeeva N. S., Mandzhieva L. V. Kalmykia

- html/ (дата обращения: 15.08.2021 г.).
- ОБД «Подвиг народа» — Обобщенный компьютерный банк данных «Подвиг народа» [электронный ресурс] // URL: <http://podvignaroda.ru/> (дата обращения: 15.08.2021 г.).
- Солдаты Победы 2007 — Солдаты Победы. Т. II. Поименный список воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / сост. П. Э. Алексеева, Л. Ю. Ланцанова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 272 с.
- Солдаты Победы 2015 — Солдаты Победы. Т. II. Поименный список воинов 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии / сост. П. Э. Алексеева, А. Т. Баянова, С. А. Заярный, Л. Ю. Ланцанова. Изд. 2-е, перераб. и доп. Элиста: КИГИ РАН, 2015. 373 с.
- Сталинградская битва 2012 — Сталинградская битва. Июль 1942 — февраль 1943: энциклопедия / под ред. М. М. Загоруйко. 5-е изд., испр. и доп. Волгоград: Издатель, 2012. 800 с.

- in the Great Patriotic War of 1941–1945: A Retrospective Bibliographic Guide. Elista: Dzhangar, 2010. 800 p. (In Russ.)
- Opalev A. V. et al. The Great Patriotic War of 1941–1945. In 12 vols. Vol. 6: Secret War. Intelligence and Counterintelligence during the Great Patriotic War. S. Smirnov et al. (eds.). Moscow: Kuchkovo Pole, 2013. 864 p. (In Russ.)
- Zagorulko M. M. (ed.) The Battle of Stalingrad, July 1942 – February 1943: Encyclopedia. 5th ed., rev. and suppl. Volgograd: Izdatel, 2012. 800 p. (In Russ.)
- Zhuravlev S. V. et al. The Great Patriotic War of 1941–1945. In 12 vols. Vol. 10: Government, Society and War. Yu. Petrov et al. (eds.). Moscow: Kuchkovo Pole, 2014. 864 p. (In Russ.)

Публицистика

- Агарков 1982 — *Агарков Б. И* грянул бой // Советская Калмыкия. 1982. 16 июля (№ 137). С. 3.
- Агарков 1984 — *Агарков Б.* Пламя над Домом // Советская Калмыкия. 1984. 27 ноября (№ 228). С. 4.
- Бимбаев 1986 — *Бимбаев М.* Дивизин дээч халх // Хальмг үнн. 1986. Майин 9 (№ 95). Х. 2.

- Бимбаев 1987 — *Бимбаев М.* Теңгин һазр харслһнд // Хальмг үнн. 1987. Така сарин 17 (№ 139). Х. 3.
- Быков 1992 — *Быков М.* Поклон тебе, солдат России // Приморские известия. 1992. 9 мая (№ 54). С. 2.
- Быков 1994 — *Быков М.* Товарищ, друг, командир // Приморские известия. 1994. 6 сентября (№ 72). С. 4.
- Быков 1995 — *Быков М.* Встреча с прошлым //

- Приморские известия. 1995. 21 марта (№ 33). С. 2.
- Илишкин 1980 — Илишкин Н. Нернь мартгдшго // Хальмг үнн. 1980. Майин 9 (№ 93). Х. 2.
- Илишкин 1981 — Илишкин Н. Багшин зэргтэ йовдл // Хальмг үнн. 1981. 16 декабря (№ 240). Х. 4.
- Илишкин 1982 — Илишкин Н. Такое не забывается: к 40-летию боевого крещения 110-й ОККД // Советская Калмыкия. 1982. 17 июля (№ 138). С. 4.
- Илишкин 1987 — Илишкин Н. О друзьях, товарищах // Советская Калмыкия. 1987. 29 декабря. С. 3.
- Ипполитова 1998 — Ипполитова Н. На Дону и на Волге // Хальмг үнн. 1998. 13 мая (Хөрсарин 17) (№ 84). С. 3.
- Кичиков 1992 — Кичиков М. Жаркие дни июля 42-го...: к 50-летию боев 110-й ОККД на Дону // Известия Калмыкии. 1992. 22 июля (№ 134). С. 3.

Mass Media Periodicals

- Agarkov B. And battle thundered. *Sovetskaya Kalmykiya*. 1982, July 16. No. 137. (In Russ.)
- Agarkov B. Flames over the Don. *Sovetskaya Kalmykiya*. 1984, November 27. No. 228. (In Russ.)
- Bimbaev M. Combat path of division. *Khalmg ünn*. 1986, May 9. No. 95. (In Kalm.)
- Bimbaev M. Defending Don land. *Khalmg ünn*. 1987, July 17. No. 139. (In Kalm.)
- Bykov M. A bow to Russia's soldier. *Primorskie izvestiya*. 1992, May 9. No. 54. (In Russ.)
- Bykov M. Comrade, friend, commander. *Primorskie izvestiya*. 1994, September 6. No. 72. (In Russ.)
- Bykov M. Meeting with past. *Primorskie izvestiya*. 1995, March 21. No. 33. (In Russ.)
- Ilishkin N. About friends, comrades. *Sovetskaya Kalmykiya*. 1987, December 29. (In Russ.)
- Ilishkin N. Name never to be forgotten. *Khalmg ünn*. 1980, May 9. No. 93. (In Kalm.)
- Ilishkin N. Teacher's path of valor. *Khalmg ünn*. 1981, December 16. No. 240. (In Kalm.)
- Ilishkin N. That can never be forgotten: Celebrating 40th anniversary of 110th Cavalry Division's baptism by fire. *Sovetskaya Kalmykiya*. 1982, July 17. No. 138. (In Russ.)
- Ippolitova N. In the Don and Volga. *Khalmg ünn*. 1998, May 13. No. 84. (In Russ.)
- Kichikov M. Hot days of July 1942: Celebrating 50th anniversary of 110th Division's battles on the Don. *Izvestiya Kalmykii*. 1992, July 22. No. 134. (In Russ.)

Литература

- Алексеева 2001 — Алексеева П. Э. Обзор литературы по истории 110-й кд // Великая Отечественная война: события, люди, история. Элиста: АПП «Джангар», 2001. С. 225–233.
- Белоусов 2010 — Белоусов С. С. Оборонительные бои на нижнем Дону весной-летом 1942 г. по воспоминаниям военнослужащих 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии // Великая Отечественная война в пространстве исторической памяти российского общества. Мат-лы Междунар. науч. конф. (г. Ростов-на-Дону; Таганрог, 28–29 апреля 2010 г.). Ростов-н/Д: ЮНЦ РАН, 2010. С. 225–231.
- Гучинова 2004 — Гучинова Э.-Б. Улица «Kalmuk Road»: История, культура и идентичность в калмыцкой общине США. СПб.: Алетей, 2004. 328 с.
- Заярный 2016 — Заярный С. А. Новые данные о боевых действиях 110-й кд на Дону // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2016. № 2. С. 24–46.
- Заярный, Очиров 2017а — Заярный С. А., Очиров У. Б. Отход частей 110-й кд после боев на Дону в июле 1942 г. // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2017. № 1. С. 111–120.
- Заярный, Очиров 2017б — Заярный С. А., Очиров У. Б. Дивизия «Великая Германия» против 110-й Калмыцкой кавдивизии // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2017. № 2. С. 38–68. DOI: 10.22162/2541-9749-2017-4-2-38-68
- Заярный, Очиров 2017в — Заярный С. А., Очиров У. Б. 110-я отдельная Калмыцкая кавалерийская дивизия на защите донских переправ и ее роль в спасении части войск Южного фронта летом 1942 г. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2017. № 6. С. 43–61. DOI: 10.22162/2075-7794-2017-34-6-43-61
- Заярный, Очиров 2018а — Заярный С. А., Очиров У. Б. 292-й кавалерийский полк в боях на майкопском направлении в августе 1942 г. // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2018. № 1. С. 111–137. DOI: 10.22162/2541-9749-2018-5-1-111-137
- Заярный, Очиров 2018б — Заярный С. А., Очиров У. Б. Отход ядра 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии от Маныча к Тереку в августе 1942 г. // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2018. № 2. С. 99–132.
- Заярный, Очиров 2018в — Заярный С. А., Очиров У. Б. «Разбежавшаяся» 110-я калмыцкая кавдивизия: реальность войны и историче-

- ский миф // Новый исторический вестник. 2018. № 4 (58). С. 34–62.
- Заярный, Очиров 2018г — *Заярный С. А., Очиров У. Б.* Боевые действия 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии в ногайских степях в сентябре 1942 г. // Кавказский мир: проблемы образования, языка, литературы, истории и религии. Мат-лы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 80-летию ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет» (Грозный, 25–26 сентября 2018 г.). Махачкала: Алеф, 2018. С. 163–172.
- Илишкин, Оглаев 1988 — *Илишкин Н. У., Оглаев Ю. О.* Родина помнит. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1988. 220 с.
- Обзор литературы по истории 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии: альбом / сост. обзор П. Э. Алексеева. Элиста: АПП «Джангар», 2002. 11 с.
- Очиров 2016 — *Очиров У. Б.* Эффективность применения национальных кавалерийских дивизий в Великой Отечественной войне: мифы и реалии // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2016. № 2. С. 8–23.
- Очиров 2017а — *Очиров У. Б.* Процесс формирования 110 и 111-й Калмыцких кавдивизий по документам Совнаркома Калмыцкой АССР // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2017. № 1 (1). С. 24–82.
- Очиров 2017б — *Очиров У. Б.* Формирование 110-й и 111-й Калмыцких кавалерийских дивизий в 1941–1942 годах: трудности и итоги // Новый исторический вестник. 2017. № 4 (54). С. 55–70.
- Очиров 2018 — *Очиров У. Б.* Аферист в бою: военная биография Н. Л. Иванова // История: факты и символы. 2018. № 4 (17). С. 120–130.
- Очиров 2019а — *Очиров У. Б.* Воины 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии в Широкалге: статистическое исследование // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2019. № 1. С. 23–35. DOI: 10.22162/2541-9749-2019-7-1-23-35
- Очиров 2019б — *Очиров У. Б.* Вклад П. Э. Алексеевой в изучение истории Калмыкии в период Гражданской и Великой Отечественной войн // Монголоведение (Монгол судлал). 2019. № 16. С. 23–47. DOI: 10.22162/2500-1523-2019-1-23-47
- Очиров, Заярный, 1 2018 — *Очиров У. Б., Заярный С. А.* Клятве остались верны: история формирования и боевого пути 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. Т. I. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 528 с.
- Очиров, Заярный, 2 2018 — *Очиров У. Б., Заярный С. А.* Клятве остались верны: история формирования и боевого пути 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. Т. II. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 524 с.
- Хомутников 2012 — *Хомутников Х. П.* Выдающийся сын калмыцкого народа. Элиста: Герел, 2012. 24 с.
- Хомутников 2013 — *Хомутников Х. П.* Жизнь и судьба в годы репрессий. Элиста: ЗАОР «НПП «Джангар», 2013. 108 с.
- Хомутников 2016а — *Хомутников Х. П.* Провокации, фальсификации и ложь в отношении к 110-й ОККД // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2016. № 2. С. 47–61.
- Хомутников 2016б — *Хомутников Х. П.* Они воевали за Отечество. Элиста: ЗАОР «НПП «Джангар», 2016. 144 с.
- Шантаев 2016 — *Шантаев Б. А.* Об истории формирования 110-й ОККД по материалам Национального архива Республики Калмыкия // *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2016. № 2. С. 70–87.

References

- Alekseeva P. E. 110th Cavalry Division: Historical sources reviewed. In: *The Great Patriotic War. Events, Personalities, Chronicles*. Elista: Dzhangar, 2001. Pp. 225–233. (In Russ.)
- Alekseeva P. E. 110th Cavalry Division: Historical Sources Reviewed. Album. Elista: Dzhangar, 2002. 11 p. (In Russ.)
- Belousov S. S. Defensive battles in the Lower Don, spring and autumn of 1942: Memoirs by soldiers of the 110th Kalmyk Cavalry Division. In: *Great Patriotic War in Russia's Social Historical Memory. Conference proceedings* (Rostov-on-Don, Taganrog; April 28–29, 2010). Rostov-on-Don: Southern Scientific Center (RAS), 2010. Pp. 225–231. (In Russ.)
- Guchinova E.-B. *Kalmuk Road: History, Culture and Identity in the U.S. Kalmyk Community*. St. Petersburg: Aletheia, 2004. 328 p. (In Russ.)
- Ilishkin N. U., Oglaev Yu. O. *Motherland Remembers*. Elista: Kalmykia Book Publ., 1988. 220 p. (In Russ.)
- Khomutnikov Kh. P. 110th Kalmyk Cavalry Division: Provocations, falsifications, and lies. *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2016. No. 2. Pp. 47–61. (In Russ.)
- Khomutnikov Kh. P. A Prominent Son of the Kalmyk People. Elista: Gerel, 2012. 24 p. (In Russ.)
- Khomutnikov Kh. P. Life and Fate in the Years of Repression. Elista: Dzhangar, 2013. 108 p. (In Russ.)

- Khomutnikov Kh. P. They Were Fighting for Motherland. Elista: Dzhangar, 2016. 144 p. (In Russ.)
- Ochirov U. B. Efficiency of ethnic cavalry divisions during the Great Patriotic War: Myths and realities. *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2016. No. 2. Pp. 8–23. (In Russ.)
- Ochirov U. B. Investigating Kalmykia's history during the Russian Civil and Great Patriotic Wars: The impact of P. E. Alekseeva. *Mongolian Studies*. 2019. No. 16. Pp. 23–47. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2019-1-23-47
- Ochirov U. B. Soldiers of the 110th Kalmyk Cavalry Division in Shirokovsky forced labor camp: A statistical study. *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2019. No. 1. Pp. 23–35. (In Russ.)
- Ochirov U. B. Swindler in fight: N. L. Ivanov's military biography. *History: Facts and Symbols*. 2018. No. 4 (17). Pp. 120–130. (In Russ.)
- Ochirov U. B. The formation of 110th and 111th Kalmyk Cavalry divisions: Documents of the Kalmyk ASSR Council of People's Commissars reviewed. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2017. No. 1 (1). Pp. 24–82. (In Russ.)
- Ochirov U. B. The Formation of the 110th and 111th Kalmyk Cavalry Divisions in 1941–1942: Difficulties and results. *The New Historical Bulletin*. 2017. No. 4 (54). Pp. 55–70. (In Russ.)
- Ochirov U. B., Zayarny S. A. They Stayed Faithful to the Oath: The Formation and Campaign Record of the 110th Kalmyk Cavalry Division. Vol. I. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. 528 p. (In Russ.)
- Ochirov U. B., Zayarny S. A. They Stayed Faithful to the Oath: The Formation and Campaign Record of the 110th Kalmyk Cavalry Division. Vol. II. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. 524 p. (In Russ.)
- Shantaev B. A. Formation of the 110th Kalmyk Cavalry Division revisited: An insight into historical materials from Kalmykia's National Archive. *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2016. No. 2. Pp. 70–87. (In Russ.)
- Zayarny S. A. 110th Kalmyk Cavalry Division: New data about battles on the Don. *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2016. No. 2. Pp. 24–46. (In Russ.)
- Zayarny S. A., Ochirov U. B. 110th Kalmyk Cavalry Division: Actions in the Nogay Steppe, September 1942. In: The Caucasus World. Education, Language, Literature, History and Religion. Jubilee conference proceedings (Grozny; September 25–26, 2018). Makhachkala: Alef, 2018. pp. 163–172. (In Russ.)
- Zayarny S. A., Ochirov U. B. 110th Kalmyk Cavalry Division: Tactical withdrawal after battles on the Don, July 1942. *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2017. No. 1. Pp. 111–120. (In Russ.)
- Zayarny S. A., Ochirov U. B. 110th Kalmyk Cavalry Division: Tactical withdrawal of key units from the Manych to the Terek. August 1942. *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2018. No. 2. Pp. 99–132. (In Russ.)
- Zayarny S. A., Ochirov U. B. 292nd Cavalry Regiment: Battles near Maykop, August 1942. *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2018. No. 1. Pp. 111–137. (In Russ.) DOI: 10.22162/2541-9749-2018-5-1-111-137
- Zayarny S. A., Ochirov U. B. Panzergrenadier Division Großdeutschland against 110th Kalmyk Cavalry Division. *Magna adsurgit: historia studiorum*. 2017. No. 2. Pp. 38–68. (In Russ.) DOI: 10.22162/2541-9749-2017-4-2-38-68
- Zayarny S. A., Ochirov U. B. The 'runaway' 110th Kalmyk Cavalry Division: The reality of the war and historical myth. *The New Historical Bulletin*. 2018. No. 4 (58). Pp. 34–62. (In Russ.)
- Zayarny S. A., Ochirov U. B. The 110th Separate Kalmyk Cavalry Division in the defensive battles for Don River crossings and its role in the rescue of some Southern Front units in the summer of 1942. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2017. No. 6. Pp. 41–59. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2017-34-6-43-61

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 14, Is. 6, pp. 1188–1209, 2021
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 902.2

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1188-1209

Социальная символика предметов торевтики в кимакском обществе: статус мужчины-воина

Бакыт Мулдашевна Хасенова¹, Гани Калиханович Омаров², Бауыржан Берканович Бесетаев³, Марал Калымжановна Хабдулина⁴

¹ Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (д. 2, ул. Сатпаева, 010000 Нур-Султан, Республика Казахстан)

докторант

 0000-0003-3756-8655. E-mail: alicar@inbox.ru

² Казахский национальный университет им. аль-Фараби (д. 71, пр. аль-Фараби, 050040 Алматы, Казахстан)

кандидат исторических наук, доцент

 0000-0001-9142-8763. E-mail: gany_omarov@mail.ru

³ Казахский национальный университет им. аль-Фараби (д. 71, пр. аль-Фараби, 050040 Алматы, Казахстан)

докторант

 0000-0002-7993-5612. E-mail: besetaev86@mail.ru

⁴ Евразийский национальный университет им. Л. Н. Гумилева (д. 2, ул. Сатпаева, 010000 Нур-Султан, Республика Казахстан)

кандидат исторических наук, доцент

 0000-0002-7195-5723. E-mail: mk_khabdulina@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Хасенова Б. М., Омаров Г. К., Бесетаев Б. Б., Хабдулина М. К., 2021

Аннотация. Целью исследования является обоснование значения предметов торевтики в демонстрации статуса мужчины-воина. *Материалы.* Торевтика в эпоху средневековья используется по преимуществу для украшения деталей костюма, элементов воинского и конского снаряжения. Область ее применения позволяет сделать вывод о том, что торевтика играет важнейшую роль для изучения общества эпохи средневековья. Одним из интересных образцов торевтики рассматриваемого времени являются металлические изделия Кимакского каганата, существовавшего в IX–XI вв. в Обь-Иртышском междуречье. В результате изучения погребений кимаксов было выявлено большое количество различных предметов торевтики. Эти из-

делия позволяют обосновать ведущую роль торевтики при демонстрации социальных ролей эпохи средневековья. Кратко описывается история изучения кимаков, которые исследовались в 50–80-е гг. XX в. В последнее десятилетие были получены новые сведения по археологии кимаков. В результате исследования погребений степной элиты из могильников *Каракаба I* и *II*, *Туйетас*, *Аян* выявлена важная информация, которая может дополнить сложившиеся в науке представления о социальной структуре кимакского общества. *Результаты.* В данном исследовании дается характеристика десяти мужских погребениях, которые имеют богатый сопроводительный инвентарь, включающий пояса, воинское и конское снаряжение. Они также содержат такие статусные предметы, как украшения из золота, музыкальные инструменты, одежда из шелка. Приводятся этнографические сведения, которые позволяют сделать вывод о том, что такие предметы, как пояс, конское снаряжение, являлись символом человека, его статуса. Использование письменных источников позволяет сделать вывод о наличии социальной дифференциации в кимакском обществе. Благодаря археологическим материалам удалось получить более подробную информацию. Среди богатых погребений различия проявляются как в погребальном обряде, так и составе инвентаря. Например, имеются как погребения с несколькими поясами, так и погребения, где при наличии богатого сопроводительного инвентаря пояса отсутствуют. Также отличается количество погребенных с человеком лошадей. Таким образом, сделан вывод, что имеющиеся сведения позволяют предположить существование различных групп воинов в кимакском обществе, обозначить которые предстоит при дальнейших исследованиях.

Ключевые слова: торевтика, Восточный Казахстан, Кимакский каганат, погребальный инвентарь, социальная структура, статус, символы

Благодарность. Исследование выполнено по проектам: AP09261115 «Археологические памятники Аягзского района Восточно-Казахстанской области: междисциплинарные исследования», AP09261134 «Пространственная планировка и архитектура культовых мемориалов сакской знати Терисаккан-Есильского региона».

Для цитирования: Хасенова Б. М., Омаров Г. К., Бесетаев Б. Б., Хабдулина М. К. Социальная символика предметов торевтики в кимакском обществе: статус мужчины-воина // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 6. С. 1188–1209. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1188-1209

Social Symbolism of Toreutics in Kimek Society: Status of Male Warrior Revisited

Bakyt M. Khasenova¹, Gani K. Omarov², Bauyrzhan B. Besetayev³, Maral K. Khabdulina⁴

¹ L. N. Gumilyov Eurasian National University (2, Satpayev St., 010000 Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan)

Postgraduate (PhD) Student

 0000-0003-3756-8655. E-mail: alicar@inbox.ru

² Al-Farabi Kazakh National University (71, Al-Farabi Ave., 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan) Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0001-9142-8763. E-mail: gany_omarov@mail.ru

³ Al-Farabi Kazakh National University (71, Al-Farabi Ave., 050040 Almaty, Republic of Kazakhstan) Postgraduate (PhD) Student

 0000-0002-7993-5612. E-mail: besetaev86@mail.ru

⁴ L. N. Gumilyov Eurasian National University (2, Satpayev St., 010000 Nur-Sultan, Republic of Kazakhstan) Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0002-7195-5723. E-mail: mk_khabdulina@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Khasenova B. M., Omarov G. K., Besetayev B. B., Khabdulina M. K., 2021

Abstract. The article *aims* to show the role of toreutic items in the demonstration of the status of a male warrior. *Materials.* In the Middle Ages toreutics was mainly used in decorating costume details and items of military and horse equipment. The field of its application indicates the crucial importance of artistic metalworking in the study of medieval societies. Interesting samples of toreutics in the period under consideration are metal items produced in the Kimak Khaganate that existed in the Ob-Irtysh interfluvium between the 9th and 11th cc. Many of such items found in the burials of the Kimaks clearly indicate the leading role of toreutics in the demonstration of the social roles in the Middle Ages. The article discusses the research history of the Kimaks, which were most actively studied in the 1970s and 1980s. Recently, new information has been obtained thanks to the archaeological research in the region. The study of the steppe elite burials of the mounds Karakaba I and II, Tuyetas, and Ayan produced important data that may shed new light on the social structure of the Kimak society. *Results.* This study focuses on the evidence of ten male burials, which comprise a rich inventory of grave goods, including belts, military and horse equipment, as well as such status items as gold jewelry, musical instruments, and silk clothing. The pertaining ethnographic information discussed in the article shows that such items as belts and horse equipment elements had a symbolic meaning in the society in question, especially in terms of status. The examination of written sources shows social differentiation in the Kimak society. More detailed information was obtained thanks to the archaeological evidence. The differences between the rich burials were noticeable both in terms of the funeral rite and in the grave goods. For example, such burials may comprise several belts or may comprise other valuable goods except for belts; also, the burials differed in terms of the number of horses buried with the deceased. Thus, the authors conclude that the available information indicates the existence of various categories of warriors in the Kimak society, which need to be further researched.

Keywords: toreutics, East Kazakhstan, Kimak Khaganate, grave goods, warriors, social structure, status, symbols

Acknowledgements. The reported study was funded by Ministry of Education and Sciences of Kazakhstan, projects no. AP09261115 ‘Archaeological Sites of Ayagoz District, East Kazakhstan Region: Interdisciplinary Research’, AP09261134 ‘Cult Memorials of Saka Nobility in the Terisaqqan-Esil Region: Spatial Planning and Architecture’.

For citation: Khasenova B. M., Omarov G. K., Besetayev B. B., Khabdulina M. K. Social Symbolism of Toreutics in Kimek Society: Status of Male Warrior Revisited. *Oriental Studies*. 2021; 14 (6): 1189–1209. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1188-1209

Введение

Художественная обработка металла в эпоху средневековья использовалась в оформлении поясов, украшений, конского снаряжения, предметов вооружения, некоторых бытовых предметов. Древние мастера фиксировали таким образом приоритеты общества того времени, нацеленного на демонстрацию воинской доблести и силы, на осуществление защитных мер. Изучение торевтики кимаков — тюркского народа, создавшего в IX в. в Обь-Иртышском междуречье государство, играет особую роль в связи с богатой источниковой базой, позволяющей обосновать значение

предметов торевтики при демонстрации социальных ролей. Отдельные гендерные аспекты в кимакском обществе рассматривались ранее [Арсланова 1987; Хасенова 2012; Хасенова 2016; Хасенова 2019], в рамках данной статьи мы хотим обосновать значение предметов торевтики в демонстрации статуса мужчины-воина.

Кимакский каганат в период своего наивысшего могущества — в середине IX в., по данным письменных источников, — занимал обширную территорию: «приблизительно от юго-восточной части Южного Урала до Приаральских степей на западе, с земель Центрального Казахстана

до Северного Прибалхашья, включая часть территории Северо-Восточного Жетысу на юге, от Западного Алтая до Кулундинской степи на востоке и до лесостепной полосы на севере» [Кумеков 1972: 58].

По данным археологических источников принято считать, что центром каганата является Верхнее Прииртышье [Савинов 2005: 285]. Согласно сведениям арабского географа ал-Идриси, 12 городов кимеков¹, среди них столица каганата, размещались в бассейне реки Гамаш, которая отождествляется исследователями с рекой Иртыш [Кумеков 1972: 118].

История изучения памятников племен эпохи средневековья

Изучение памятников племен эпохи средневековья в казахстанской археологии было целенаправленным и входило в состав задач, поставленных перед сектором археологии, организованным в 1946 г. в составе Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР [Маргулан 2017: 53–54].

О необходимости изучения средневековых объектов на территории Прииртышья пишет следующие строки в своей диссертации Ф. Х. Арсланова, ставшая ведущим специалистом в области изучения данной эпохи: «По своему географическому положению долина верхнего и среднего Иртыша являлась как бы связующим звеном между тюркскими племенами Алтая и Центрального Казахстана... Памятники материальной культуры этих племен изучены слабо, хотя исследование их имеет важное значение для разработки проблемы сложения казахского народа» [Арсланова 1964: 3].

Активное изучение своеобразной и яркой культуры населения Кимакского каганата началось в 50-е гг. XX в. В это время в Прииртышье эпизодические раскопки были осуществлены Е. И. Агеевой, А. Г. Максимовой, С. С. Черниковым [Агеева, Максимова 1957; Археологическая карта 1960: 123, 127].

Этап накопления и исторической интерпретации средневековых древностей Прииртышья приходится на 60–70-е гг. XX в. и осуществлен Ф. Х. Арслановой.

Она раскопала и ввела в научный оборот кимакские материалы могильников *Зевакинский*, *Бобровский*, *Ждановский*, *Покровский* и *Трофимовский* [Арсланова 1963а; Арсланова 1963б; Арсланова 2013а].

Следующий этап изучения кимакских древностей связан с археологическими исследованиями в зоне затопления Шульбинской гидроэлектростанции (Верхнее Прииртышье). Территория, входящая в зону затопления, находилась на правом и левом берегах р. Иртыш, между городами Семей и Усть-Каменогорск (Восточно-Казахстанская область). Здесь в 1980–1983 гг. было раскопано свыше ста курганов [Археологические памятники 1987].

Затем следует длительный перерыв, характеризующийся редкими раскопками кимакских курганов [Алехин 1998; Трифонов, Илюшин, Алехин 1998; Артыкбаев 2007].

В последнее десятилетие начался современный этап изучения культуры этих средневековых племен. Раскопки З. С. Самашева, Г. К. Омарова, Б. Б. Бесетаева на Алтае и в Верхнем Прииртышье расширили наши представления о территории их распространения, а также обогатили источниковую базу для реконструкции социальной истории данного периода (рис. 1).

Пять курганов кимакской знати были исследованы З. С. Самашевым в высокогорной долине Южного Алтая на берегу р. Каракаба [Самашев 2016]. Еще два элитных погребения открыты в Верхнем Прииртышье и в предгорьях Южного Алтая [Омаров, Бесетаев 2019].

Яркие археологические материалы из кимакских погребений включают в себя великолепные образцы торевтики, с помощью которых украшались детали костюма, воинское и конское снаряжение. В результате их изучения были получены важные выводы о символике художественного металла, его значении при демонстрации гендерных и социальных ролей эпохи средневековья. Новые сведения по археологии кимакских погребений представителей знати из могильников *Каракаба*, *Туйетас*, *Аян*, могут существенно дополнить сложившиеся в науке представления о социальной структуре кимакского общества.

¹ Так у автора.

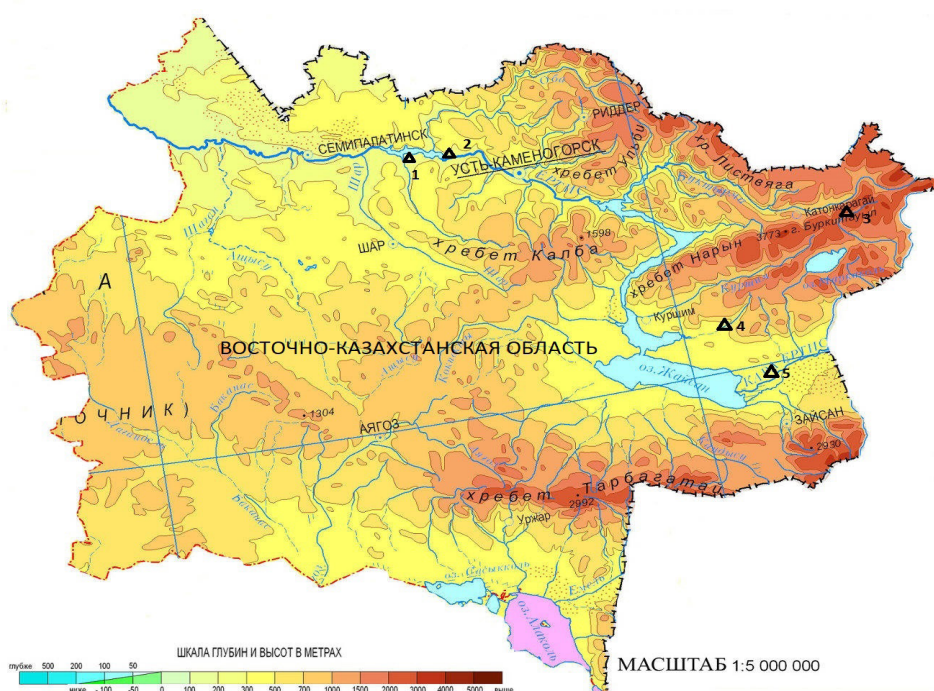

Рис. 1. Локализация памятников кимаков. 1 — памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС, 2 — Зевакинский могильник, 3 — некрополи Каракабы, 4 — могильник Аян, 5 — могильник Туьетас

[Fig. 1. Locations of Kimek monuments. 1 — Sites in the catchment (flooded) area of Shulbinsk Hydropower Plant, 2 — Zevakino burial site, 3 — burial sites of the Qaraqaba, 4 — Ayan burial site, 5 — Tuyetas burial site]

На данный момент учтено 166 кимакских погребений, обнаруженных на территории Верхнего Прииртышья и Казахского Алтая. Из них необходимо выделить отдельно десять мужских погребений, которые имеют богатый сопроводительный инвентарь, включающий пояса, воинское и конское снаряжение. Они украшались предметами торевтики, выполненными с использованием драгоценных металлов — золота и серебра. Ниже приводится информация о составе сопроводительного инвентаря данных погребений.

Материалы

Мужское погребение кургана № 145 Зевакинского могильника сопровождалось наиболее богатым погребальным инвентарем. В него вошли берестяная чаша, золотые серьги, сабля, оформленная серебряными деталями, колчан с наконечниками стрел, накладки на лук, четыре пояса, детали обуви — серебряные пряжки и бляшки, железные топор-тесло, топор, нож, конское снаряжение, детали которого были выпол-

нены из серебра с позолотой (рис. 2, 3). Два пояса украшены серебряными деталями, два дополнительно украшены позолотой (рис. 4–8). Окончательная принадлежность некоторых металлических бляшек автором раскопок Ф. Х. Арслановой не была установлена, она высказала мнение, что они могут принадлежать как к одному из поясов, так и к поводу, но, судя по отсутствию в кимакской археологии случаев обнаружения украшения поводка, можно предположить, что в погребении находились четыре пояса.

В кургане № 254 Зевакинского могильника были обнаружены сабля с серебряными деталями, копье, колчан с наконечниками стрел, накладки на лук, железные нож, топор-тесло, кресало, два пояса, обрывки шелковой и шерстяной ткани. Оба пояса выполнены из серебра и имели три ремешка. Курган датируется IX–X вв. [Арсланова 2013а: 44].

В кургане № 1 Орловского могильника находилось погребение взрослого человека

Рис. 2. Деталь сабли из погребения знатного воина. Курган № 145, Зевакинский могильник.
Раскопки Ф. Х. Арслановой (по: [Арсланова 2013а: фото 5])
[Fig. 2. Saber detail from a noble warrior's grave. Mound no. 145, Zevakino burial site. Excavations
by F. Arslanova]

Рис. 3. Деталь сабли из погребения знатного воина. Курган № 145, Зевакинский могильник.
Раскопки Ф. Х. Арслановой (по: [Арсланова 2013а: фото 6])
[Fig. 3. Saber detail from a noble warrior's grave. Mound no. 145, Zevakino burial site. Excavations
by F. Arslanova]

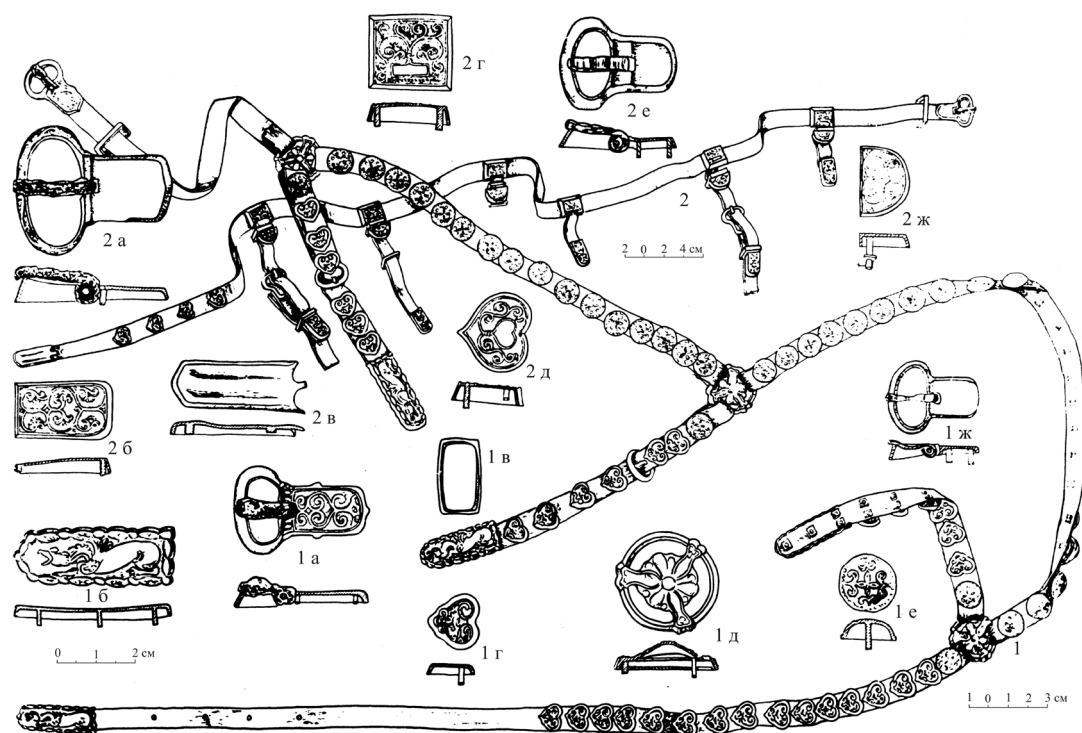

Рис. 4. Два пояса из погребения знатного воина. Курган № 145, Зевакинский могильник. Раскопки Ф. Х. Арслановой (по: [Арсланова 2013а: рис. 4])
 [Fig. 4. Two belts from a noble warrior's grave. Mound no. 145, Zevakino burial site. Excavations by F. Arslanova]

Рис. 5. Наконечник ремня одного из поясов. Курган № 145, Зевакинский могильник. Раскопки Ф. Х. Арслановой (по: [Арсланова 2013а: фото 15])
 [Fig. 5. One of the belt tips. Mound no. 145, Zevakino burial site. Excavations by F. Arslanova]

Рис. 6. Деталь пояса. Курган № 145, Зевакинский могильник. Раскопки Ф. Х. Арслановой (по: [\[Арсланова 2013а: фото 19\]](#))
 Рис. 7. Деталь пояса. Курган № 145, Зевакинский могильник. Раскопки Ф. Х. Арслановой (по: [\[Арсланова 2013а: фото 20\]](#))
 [Fig. 6. Belt detail. Mound no. 145, Zevakino burial site. Excavations by F. Arslanova] [Fig. 7. Belt detail. Mound no. 145, Zevakino burial site. Excavations by F. Arslanova]

Рис. 8. Деталь пояса (?). Курган № 145, Зевакинский могильник. Раскопки Ф. Х. Арслановой (по: [\[Арсланова 2013а: фото 21\]](#))
 [Fig. 8. Belt detail (?). Mound no. 145, Zevakino burial site. Excavations by F. Arslanova]

и подростка. Захоронение взрослого было ограблено, сохранились отдельные предметы: железные удила, стремяна, наконечники стрел, нож, гвозди, точильный камень, бусины, детали пояса. При расчистке скелета подростка были обнаружены бронзовые серьги, пояс с бронзовыми и серебряными элементами, фрагменты шелковой ткани, сабля с серебряными деталями, колчан с наконечниками стрел, накладки на лук, нож, подвески (рис. 9). Курган датируется VIII–IX вв. [Арсланова 1969: 57].

Мужчину в кургане № 1 могильника Аян сопровождали меч с серебряными деталями, колчан с железными наконечника-

ми стрел, серебряная с позолотой поясная гарнитура, богатое конское снаряжение из серебра с позолотой, железные удила, два кинжала, топор-тесло, фрагменты шелковой ткани, окрашенной в зеленый и желтый цвет, серебряная с позолотой накладка на кожаную сумочку, которая не сохранилась (рис. 10–12) [Омаров и др. 2020: 944–946, 953–954].

На основании обнаруженных предметов была выполнена графическая реконструкция облика знатного кимакского воина и его коня (рис. 13). Радиоуглеродный анализ позволил датировать курган VII–VIII вв. [Омаров и др. 2020: 951].

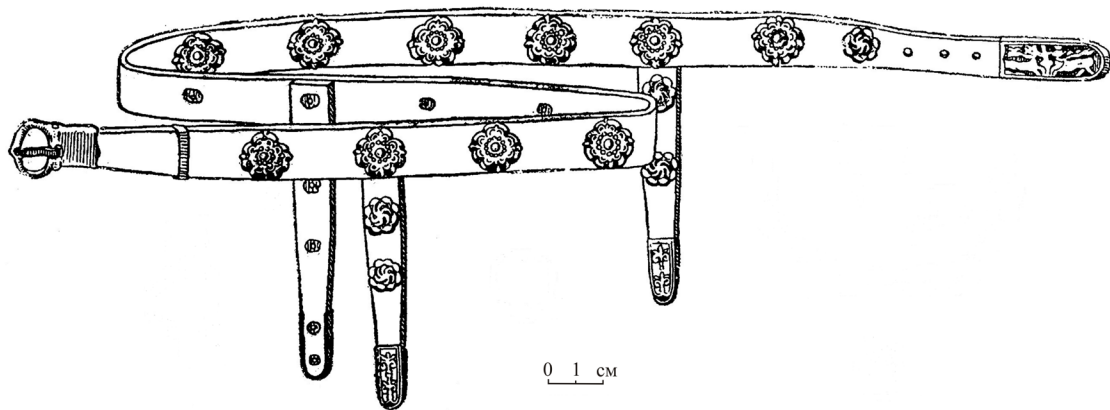

Рис. 9. Пояс. Курган № 1, Орловский могильник. Раскопки Ф. Х. Арслановой (по: [Арсланова 1969: рис. 1, 2])

[Fig. 9. Belt. Mound no. 1, Orlovka burial site. Excavations by F. Arslanova]

Погребение кургана № 9 могильника Каракаба I содержало многочисленный погребальный инвентарь: кожаные сумочка и налучье (саадак), деревянные чаша, блюдо, лук и седло, сабля с серебряными деталями, покрытыми позолотой, берестяной колчан с железными наконечниками стрел, уздечный набор, украшенный серебряными бляшками с позолотой, железные тесло, стремяна, роговые псалий и застежки от пут, фрагменты шелковой ткани [Самашев 2016: 379–387]. При использовании электронного микроскопа удалось выяснить, что рукоять сабли была покрыта кожей скота. Курган датируется VIII в. [Самашев 2016: 409].

В кургане № 11 могильника Каракаба I обнаружены лицевая маска из серебра,

остатки штанов, бронзовая серьга, лук, кожаный саадак, украшенный серебряными деталями (рис. 14), деревянные чаша, седло, музыкальный инструмент и блюдо, глиняный сосуд, берестяной колчан с кожаным клапаном, покрытым серебряными бляшками, железные наконечники стрел, фрагмент пояса с серебряными бляшками, различные предметы конского снаряжения, ремни которого оформлены гарнитурой из железа с серебряными вставками, железный нож [Самашев 2016: 387–393]. Курган датируется VIII в. [Самашев 2016: 409].

Еще один курган данного некрополя — курган № 12 — также содержал захоронение с богатым сопроводительным инвентарем. Погребальный инвентарь

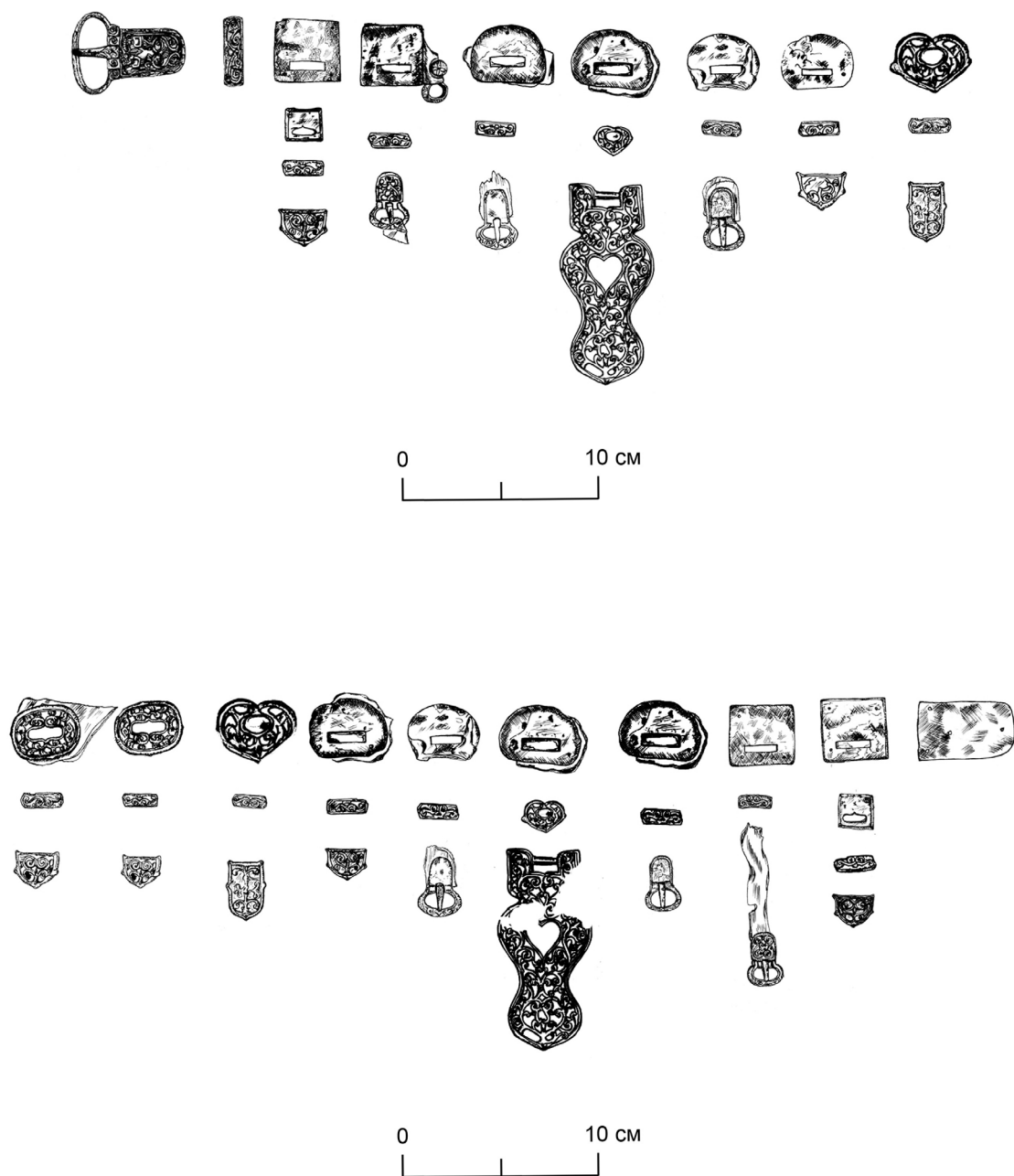

Рис. 10. Пояс. Курган № 1, могильник Аян. Раскопки Г. К. Омарова, Б. Б. Бесетаева
 [Fig. 10. Belt. Mound no. 1, Аyan burial site. Excavations by G. Omarov and B. Besetayev]

Рис. 11. Детали пояса: 1 — пряжка; 2 — детали оформления сумочки. Кургan № 1, могильник Аян.
Раскопки Г. К. Омарова, Б. Б. Бесетаева
[Fig. 11. Belt details: 1 — buckle; 2 — decorative elements of the bag. Mound no. 1, Ayan burial site.
Excavations by G. Omarov and B. Besetayev]

Рис. 12. Конское снаряжение. Кургan № 1, могильник Аян. Раскопки Г. К. Омарова, Б. Б. Бесетаева, реставрация выполнена в лаборатории «Остров Крым». Национальный Музей Республики Казахстан (по: [Ұлы Дала 2019: 346])
[Fig. 12. Horse harness. Mound no. 1, Ayan burial site. Excavations by G. Omarov and B. Besetayev. Restoration by Ostrov Krym Laboratory. National Museum of the Republic of Kazakhstan]

Рис. 13. Графическая реконструкция воинского и конского снаряжения. Курган № 1, могильник Аян. Выполнена Г. К. Омаровым, Б. Б. Бесетаевым, художник Н. Шильмагамбетов
 [Fig. 13. Graphic reconstruction of military equipment and horse harness. Mound no. 1, Ayan burial site. Authored by G. Omarov, B. Besetayev, and artist N. Shilmagambetov]

включал берестяной колчан с железными наконечниками стрел, железные шлем, тесло, плеть (?), саблю в берестяных ножнах, предметы конского снаряжения с ремнями, украшенными серебряными и бронзовыми с позолотой бляшками, пояс с бронзовыми накладными бляшками, деревянные музыкальный инструмент, седло и блюдо, лук с вставленным в него наконечником стрелы, фрагменты шелковой ткани [Самашев 2016: 393–398]. Курган датируется VIII в. [Самашев 2016: 409].

В погребении кургана № 4 *Каракаба II* были обнаружены серебряные серьги, деревянный лук, сабля с серебряными деталями, два берестяных колчана с наконечниками стрел, железные наконечник копья, тесло, два комплекта конского снаряжения с рем-

нями, украшенными бляшками из серебра (?). От деревянного музыкального инструмента сохранилась головка грифа с колками для настройки струн [Самашев 2016: 399–403]. Курган датируется VIII в. [Самашев 2016: 409].

Имеются также два погребения, совершенные по обряду трупосожжения, половая принадлежность была определена на основании состава сопроводительного инвентаря. Обряд трупосожжения в кургане № 29 могильника *Туйетас* можно предположить, судя по обнаружению на дне ямы мощного золистого грунта. Имеются плеть, великолепное конское снаряжение из серебра с позолотой (рис. 15), фрагмент золотой серьги, наконечник стрелы, фрагменты шелковой ткани. Выполнена графическая реконструк-

Рис. 14. Саадак. Курган № 11, могильник *Каракаба I*. Раскопки З. С. Самашева, реставрация выполнена в лаборатории «Остров Крым». Национальный Музей Республики Казахстан (по: [Ұлы Дала 2019: 334])

[Fig. 14. Quiver. Mound no. 11, *Qaraqaba I* burial site. Excavations by Z. Samashev. Restoration by Ostrov Krym Laboratory. National Museum of the Republic of Kazakhstan]

ция конского снаряжения (рис. 16). Курган датируется IX–XI вв. [Омаров, Бесетаев 2019: 40].

В кургане № 97 Зевакинского могильника были обнаружены сабля с бронзовыми деталями, три железных ножа, топор-тесло, наконечники стрел, копье, удила, стремяна. Металлические элементы пояса выполнены из бронзы. Курган датируется VIII–IX вв. [Арсланова 1972: 70].

Таким образом, предметы торевтики в богатых мужских кимакских погребениях представляют собой детали поясов, оформление холодного оружия (сабли, меч), налущья, колчана, конского снаряжения.

Пояса

Все пояса наборные, украшены с помощью металлических бляшек, наконечников ремней, подвесок. По способу оформления делятся на две группы: 1) пояса без подвесных ремешков; 2) пояса с подвесными ремешками. Во второй группе, исходя из способа крепления ремешков, выделяются три типа:

- 1) ремешки крепятся на бляшках;
- 2) ремешки крепятся на бляшках с прорезью;
- 3) ремешки крепятся на тройниках-распределителях.

Первая группа состоит из двух поясов, обнаруженных в кургане № 145 Зевакинского могильника. Они изготовлены из серебра, серебра с позолотой. В оформлении использованы сердцевидные и растительные элементы.

К первому типу относится пояс с тремя ремешками из погребения подростка, обнаруженного в кургане № 1 Орловского могильника (рис. 9). Пояс выполнен из бронзы, с включением серебряных элементов. Поверхность основного ремня украшалась бляшками в виде многолепестковых розеток, на наконечнике ремня изображена сцена с фигурами оленей, стоящими по обе стороны от стилизованного Древа. Ремешки заканчиваются наконечниками ремней, декорированных с помощью двух пальметт [Арсланова 1969: рис. 1, 2].

Второй тип поясов представлен пятью экземплярами, которые были найдены в курганах № 145, 254, 97 Зевакинского могильника, кургана № 1 могильника *Аян*, кургана № 12 могильника *Каракаба I*. Они выполнены из серебра, бронзы, серебра с позолотой. Ремешки крепились к поверхности основного ремня с помощью прямоугольных, сегментовидных, фестончатых, сердцевидных бляшек с прорезью. В случаях, когда удалось установить точное количество ремешков, было зафиксировано, что их было три, шесть, шестнадцать. Неорнаментированные бляшки различной формы украшали поверхность поясов из кургана № 12 могильника *Каракаба I*, кургана № 254 Зевакинского могильника [Самашев 2016: рис. 213, 1–8; Арсланова 2013а: рис. 5, 7, 9, 17].

Пышными растительными побегами оформлены детали поясной гарнитуры из курганов № 145, 254, 97 Зевакинского мо-

Рис. 15. Конское снаряжение. Курган № 29, могильник *Туйетас*. Раскопки Г. К. Омарова, Б. Б. Бесетаева, реставрация выполнена в лаборатории «Остров Крым». Национальный Музей Республики Казахстан (по: [Улы Дала 2019: 345])

[Fig. 15. Horse harness. Mound no. 29, *Tuyetas* burial site. Excavations by G. Omarov and B. Besetayev. Restoration by Ostrov Krym Laboratory. National Museum of the Republic of Kazakhstan]

гильника, кургана № 1 могильника *Аян* (рис. 6–8, 10). Из них два пояса украшены ажурными деталями.

Значительный интерес представляет декоративное оформление пояса с шестнадцатью ремешками, обнаруженного в кургане № 1 могильника *Аян* (рис. 10). Представлены разнообразные формы бляшек: сердцевидные, прямоугольные, сегментовидные, овальные, пятиугольные. Они имеют различные размеры и оформлены по-разному: есть как неорнаментированные, так и ажурные. К поясу крепились две крупные ажурные лировидные подвески. Среди находок также имеется ажурная накладка на поясную сумочку (рис. 11, 2), через которую продевался кожаный ремешок, завершающийся наконечником ремня. К сожалению, сама сумочка не сохранилась. Особый художественный эффект в этом великолепном изделии достигался за счет сочетания изящных ажурных элементов с крупными

детальями, имеющими гладкую поверхность. Пряжка основного ремня украшена сценой с погрудным изображением сидящих рядом мужчины и женщины (рис. 11, 1).

Также насчитывается два саадачных или стрелковых пояса. Такие пояса были найдены в курганах № 145, 254 Зевакинского могильника [Арсланова 2013а: рис. 4, 1; 5, 5–6, 10–11, 13]. В их изготовлении использовались серебро, в одном случае покрытое сверху позолотой. Ремешки на них крепились с помощью тройников-распределителей с тремя прорезями (рис. 6). В декоре поясов задействованы растительные элементы. Также имеются изображения дракона на поверхности наконечников ремней пояса из кургана № 145 Зевакинского могильника (рис. 5).

Воинское снаряжение: оформление холодного оружия, налущья, колчанов

Насчитывается семь экземпляров сабелей и палашей с богатым оформлением. Использовалось преимущественно серебро,

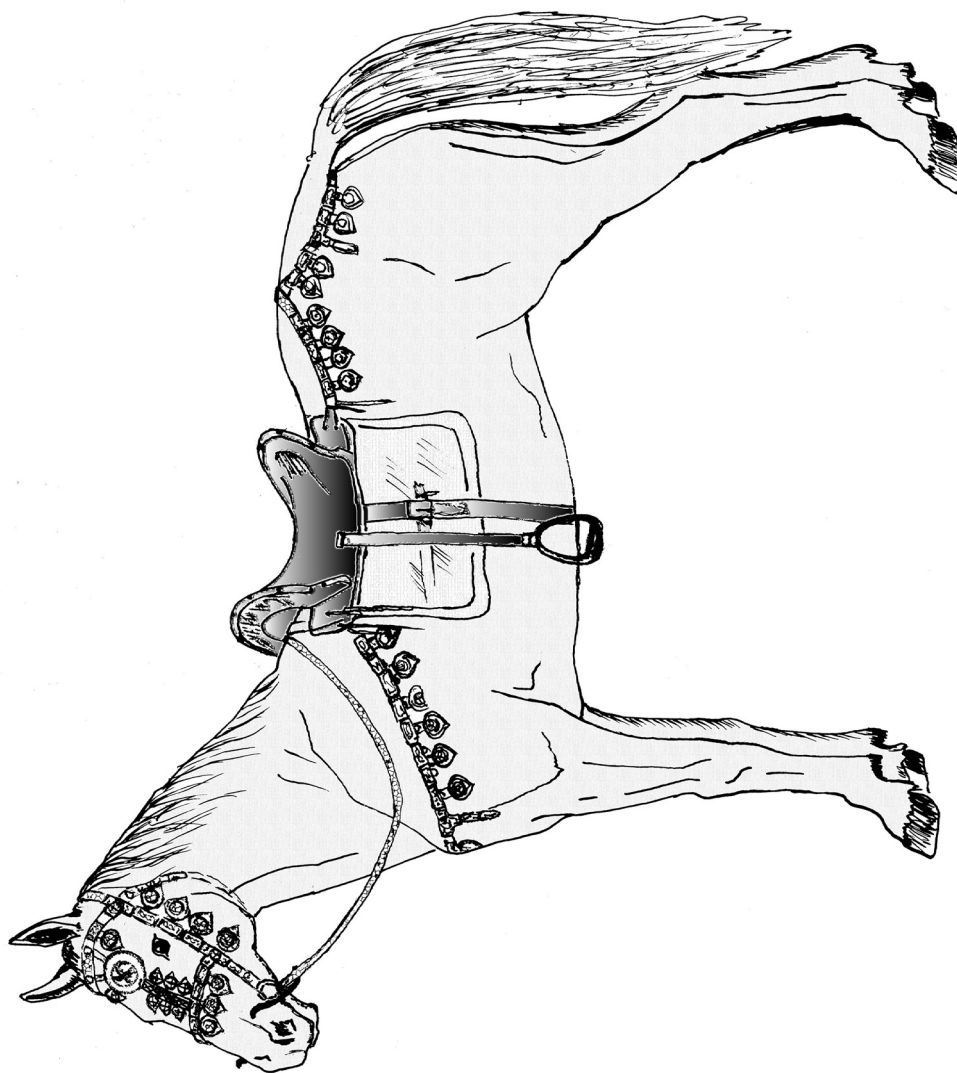

Рис. 16. Графическая реконструкция снаряжения коня. Курган № 29, могильник Туїетас. Выполнена Г. К. Омаровым, Б. Б. Бесетаевым, художник А. Рахметов

[Fig. 16. Graphic reconstruction of horse harness. Mound no. 29, *Tuyetas* burial site. Authored by G. Omarov, B. Besetayev, and artist A. Rakhmetov]

в одном случае оно покрывалось сверху позолотой, также имеется изделие с бронзовыми деталями. В подавляющем большинстве оружие украшалось с помощью растительных элементов. У сабли из кургана № 145 Зевакинского могильника на поверхности окончания ножен и наконечника рукояти изображена сцена с танцующими и играющими на музыкальном инструменте мужчинами, а на поверхности обоймы ножен — сцена с сидящим между двух птиц мужчиной (рис. 2–3).

Еще одна сабля из погребения кимакского воина также имела высокохудожественное оформление. Оружие из кургана № 9 могильника *Каракаба I* украшено изображениями крылатых лошадей, размещенными на окончании и обоймах ножен, наконечнике рукояти.

Предметы торовтики использовались и при оформлении поверхности налучья, колчана. Колчан из кургана № 9 могильника *Каракаба I* был украшен двумя бляшками из серебра с позолотой: 1) ажурной, с изображением идущего оленя; 2) в виде лица человека. Колчан и налучье из кургана № 11 могильника *Каракаба I* оформлены с использованием одинаковых декоративных элементов из серебра: множества мелких полусферических бляшек и одной — крестовидной формы (рис. 14).

Конское снаряжение (9 комплектов)

Выполнено преимущественно из серебра, покрытого в нескольких случаях позолотой, также использовались железо с серебряной инкрустацией, позолоченная бронза. Предметы конского снаряжения обнаружены в погребениях курганов № 145, 254 Зевакинского могильника, кургана № 1 могильника *Аян*, курганов № 9, 11, 12 могильника *Каракаба I*, кургана № 29 могильника *Туйетас*, кургана № 4 могильника *Каракаба II*. Имеются как орнаментированные, так и неорнаментированные детали. В оформлении их поверхности используются геометрические и растительные элементы. Необходимо отметить, преобладание первых из указанных элементов. Изделия украшались с помощью таких геометрических фигур, как ромбы, концентрические круги. В одном случае зафиксировано сочетание растительных элементов со сценой «гона зверей», в которой изображены два льва, преследующие оленя.

Анализ материалов

В эпоху средневековья на территории евразийских степей именно определенные предметы играют решающую роль в качестве маркеров высокого социального положения. В отличие от предшествующего времени — эпохи раннего железного века, погребения представителей степной элиты имеют схожее архитектурное оформление с рядовыми погребениями. Исследователями выявлено, например, что высокой значимостью у половцев обладали котлы, гривны [Плетнева 1981: 215; Потемкина 2012: 7–8].

Представительный комплекс социально значимых предметов выявлен в тюркских погребениях с территории Саяно-Алтая. «Комплекс власти», по мнению Н. Н. Серегина, состоял из предметов вооружения (меч, кинжал, копье, боевой топор, доспех), плетей, стеков, котлов. «Комплекс богатства» включал предметы торовтики из цветных и драгоценных металлов [Серегин 2013: 76].

В эпоху Золотой Орды посуда из драгоценных металлов символизировала принадлежность погребенного к родовой и племенной аристократии [Крамаровский 2001: 82–83; Чхаидзе 2017: 289].

Анализ погребального инвентаря позволил прийти к выводу, что в кимакском обществе важнейшую роль при демонстрации статуса мужчины-воина играли предметы торовтики из драгоценных металлов.

Этнографические данные

Многочисленные этнографические материалы свидетельствуют о том, что такие изделия, как отдельные аксессуары мужского костюма (например, пояса, серьги, перстни), оружие, конское снаряжение, маркировали принадлежность своего владельца в определенной социальной группе. Исследование знаковой сущности этих предметов имеет обширную историографию, в рамках данной публикации хотелось бы обратить внимание, что именно такие предметы, как пояс или конское снаряжение, становились вещественным эквивалентом человека, тем самым они играют значительную роль при исследовании языка символов прошлого. Так, ученый, знаток казахской этнографии Ч. Ч. Валиханов приводит интересную фразу о том, что пояс, повязанный на талии, был основным отличием людей среднего мира: «казахи считают, что на небе есть жители —

люди. Они опоясываются под горлом. Мы живем в середине, на земле, и носим пояс на середине тела, люди же подземные носят пояс на ногах» (цит. по: [Тохтабаева 2005: 232]).

В тувинской сказке «Хайындырынмай Багай-оол» о воинском и конском снаряжении говорится:

Его положено надевать,
и когда к Эрлику отправляться,
и когда на войну отправляться
и когда к всевышнему отправляться.

[Хайындырынмай Багай-оол 1994: 82].

Воинское и конское снаряжение в традиционных обществах степной Евразии, в связи с их милитаризованностью, играло ведущую роль в репрезентации своего владельца.

Археологические данные

По аналогии с выделенными Н. Н. Серегиним символами власти в древнетюркском обществе [Серегин 2015: 80–82], в богатых кимакских погребениях мужчин-воинов к таковым также относятся боевой топор, копье, плетень, защитный доспех. Топор был найден в погребении кургана № 145 Зевакинского могильника, копья — в погребении кургана № 254, кургана № 97 Зевакинского могильника, кургана № 4 могильника *Каракаба II*. Имеется один шлем (курган № 12 могильника *Каракаба I*). Плетни обнаружены в кургане № 29 могильника *Туйетас*, и, возможно, этот предмет находился в составе сопроводительного инвентаря кургана № 12 могильника *Каракаба I*.

Уникальной для средневековой археологии степной Евразии является находка трех музыкальных инструментов, которые были найдены в погребениях курганов № 11, 12 могильника *Каракаба I*, кургана № 4 могильника *Каракаба II* [Самашев 2016: 393, 397, 403].

На данный момент в науке известны одно изделие из древнетюркского погребения, обнаруженного в местности Жарганлант Хаирхан Берген (Монгольский Алтай), и три — из половецких погребений [Törbat et al. 2009: fig. 9; Швецов 2017].

Об особом статусе мужчин с богатым инвентарем также свидетельствуют следующие детали погребального обряда: сопроводительное захоронение от двух и более лошадей, погребение зависимого человека. Две лошади были обнаружены в кургане

№ 4 могильника *Каракаба II*, три — в кургане № 1 Орловского могильника, четыре — в кургане № 145 Зевакинского могильника. В кургане № 97 Зевакинского могильника основное погребение сопровождалось безынвентарным захоронением расчлененного тела человека. Череп человека был перевернут вниз [Арсланова 2013а: 48].

Фиксируются определенные манипуляции с телами некоторых умерших. Так, черепа мужчин из кургана № 1 Орловского могильника, курганов № 9, 11 могильника *Каракаба I* имели небольшие округлые отверстия. Относительно двух последних случаев было установлено, что трепанации были прижизненными [Самашев 2016: 408].

Интерес также представляет следующая архитектурная деталь некоторых кимакских курганов. Речь идет об оградах или выкладках из сырцового кирпича, которые были зафиксированы при исследовании кургана № 9 могильника у совхоза № 499, кургана № 11 могильника у с. Леонтьевка, кургана № 29 могильника *Туйетас*. Возведение наземных конструкций из таких (сырцовых) кирпичей — распространенный элемент средневековой погребальной архитектуры. Часто встречается в устройстве склепов городских некрополей.

Сырцовая архитектура совсем не обязательно является признаком исламской культуры, как это было высказано Ф. Х. Арслановой и В. А. Могильниковым [Арсланова 2013б: 131; Могильников 1999: 67–68]. В степной Евразии она широко распространена во все археологические эпохи, наиболее ярко представлена в курганной архитектуре элитных мемориалов раннего железного века [Хабдулина 2019: 25].

Тем самым можно предположить сохранение этой традиции в сооружении ранне-средневековых элитных комплексов. Как уже отмечалось В. А. Могильниковым, для курганов юга западной Сибири, где также была зафиксирована эта деталь при возведении погребальных сооружений, характерно наличие богатого сопроводительного инвентаря [Могильников 1999: 65].

Исследователь кимакских древностей Ф. Х. Арсланова уже обратила внимание на различия в погребальном обряде и инвентаре мужчин, захороненных в Зевакинском могильнике — самом крупном из иссле-

дованных памятников кимаков. Она делит владельцев сабель из кимакских погребений на две группы: владельцы «роскошных» сабель и обладатели более скромных сабель, их она характеризует как средний командный состав. Кроме того, ученый отметил, что для погребений первой группы характерны более богатый и разнообразный инвентарь и наличие сопроводительных захоронений лошадей в количестве до четырех. Все это свидетельствует, по ее мнению, «о высоком ранге погребенных в их воинской и социальной иерархии» [Арсланова 2013а: 52].

В. В. Горбунов проанализировал количество и взаимовстречаемость видов оружия в погребениях сrostкинской культуры и их соотношение с остальным погребальным инвентарем. В результате были определены следующие военно-иерархические группы в структуре средневекового населения Алтая: рядовые воины и младшие командиры, командный состав среднего и высшего звена, главнокомандующий [Горбунов 2007: 60–61].

Наличие богатой источниковой базы позволило исследователям убедительно говорить о структуре войска восточноевропейских кочевников [Плетнева 1958: 196–197; Атавин 2008: 93–96].

Данные письменных источников

Сведения о социальной дифференциации, полученные на основе изучения археологических материалов, коррелируются с данными письменных источников, которые сохранили немногочисленные, но ценные данные о социальной стратификации в Кимакском каганате. Так, в географическом трактате X в. «Худуд ал-алам» говорится, что «хакан кимаков имеет 11 управителей, и их уделы передаются по наследству детям этих управителей» [Кумеков 1972: 117].

Арабский географ ал-Идриси сообщает, что «у хакана кимаков хаджиб, везиры, справедливое и благополучное государство» [Кумеков 1972: 118]. Следует отметить, что у ал-Идриси также содержится важное сообщение о том, что определенные предметы имели статус социального маркера: «только знатные носят одежду из красного и желтого шелка» [Кумеков 1972: 119].

В тюркских эпитафиях также содержатся обобщенные представления о струк-

туре общества того времени. В надписях тюркские каганы и их приближенные выделяют два сословия — знать и народ. «В Бугутской надписи эти два сословия именуются: куркапыны, т. е. «обладающие саном», и стоящие ниже их «сородичи и народ» (стк. 12) [Кляшторный 2005: 151].

В надписях второго Тюркского каганата равноценный стереотип обращения: беги и народ (*тюрк беглер бодун* ‘тюркские беги и народ’). Беги и «простой народ» фигурируют в памятниках енисейских кыргызов. Наиболее резкое противопоставление знати и народа содержится в терминологии обоих древнеуйгурских памятников середины VIII в.: *атлыг* ‘именитые’ и *игиль кара бодун* ‘простой народ’ [Кляшторный 2005: 151].

В нашем распоряжении также имеется уникальный письменный источник, исходя из которого можно сделать вывод о наличии более развернутой социальной структуры в средневековом обществе. Речь идет о фрагменте, имеющем говорящее название — «о чинах и званиях», датируемом VIII в. и включенном в состав нескольких китайских энциклопедий. Перевод текста был осуществлен известным казахстанским востоковедом Ю. А. Зуевым. В тексте сообщается, что у ранних тюрков «было от знатных до низших чинов и званий всего десять степеней; давались или по внешнему облику, или по цвету лица, бороде или волоса, или по вину-мясу, или по названиям животных тварей» [Зуев 1998: 154].

Необходимо отметить, что в погребениях представителей кимакской знати имеются определенные детали, позволяющие, возможно, более развернуто обозначить их место в социальной структуре общества.

Наиболее богатым погребением в данной выборке является погребение из кургана № 145 Зевакинского могильника. Мужчину сопровождали четыре лошади и собака. В погребении были обнаружены четыре пояса из серебра, украшенные в двух случаях позолотой. В свою очередь в двух погребениях с богато украшенными конским и воинским снаряжением пояса отсутствуют (курган № 9, могильник *Каракоба I*, курган № 4, могильник *Каракоба II*). В кургане № 6 Бобровского могильника обнаружены три лошади, но пояс выполнен из бронзы, а не из драгоценного

металла. Необходима дальнейшая работа в этом направлении для выяснения причин существования таких нюансов в составе погребального инвентаря.

Заключение

Статус мужчины-воина в кимакском обществе демонстрировали богато украшенные пояса, воинское и конское снаряжение, выполненные по преимуществу из серебра, серебра с позолотой. Богатые мужские погребения также содержат такие статусные предметы, как украшения из золота, музыкальные инструменты, одежда из шелка, плетель, копье, боевой топор. Необходимо отметить, что предметы тюркской культуры использовались при оформлении именно определенных предметов, высокий статус которых

можно обозначить также на основании данных этнографии.

Письменные источники содержат определенные сведения о социальной дифференциации у древних тюрок, кимаков. Археологические материалы позволяют дать более развернутую характеристику структуры кимакского общества. Среди богатых погребений различия проявляются как в погребальном обряде, так и составе инвентаря. Эти данные позволяют предположить существование различных групп воинов в кимакском обществе, обозначить которые предстоит при дальнейших исследованиях. Изучение погребений кимакской элиты перспективно для выяснения специфики социальной структуры кимакского общества.

Литература

- Агеева, Максимова 1959 — *Агеева Е. И., Максимова А. Г.* Отчет Павлодарской археологической экспедиции 1955 г. // Труды Института истории, археологии, этнографии АН КазССР. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1959. № 7. С. 32–58.
- Алехин 1998 — *Алехин Ю. П.* Курган кимакской знати на Рудном Алтае // Сохранение и изучение культурного наследия Алтайского края. Вып. IX. Барнаул: Алтайский ун-т, 1998. С. 201–203.
- Арсланова 1963а — *Арсланова Ф. Х.* Бобровский могильник // Известия АН КазССР. Сер. общ. наук. Вып. 4. Алма-Ата, 1963. С. 68–84.
- Арсланова 1963б — *Арсланова Ф. Х.* Средневековый могильник в Прииртышье // Сборник Министерства высшего и среднего специального образования КазССР. История, философия, экономика. Вып. III. Алма-Ата, 1963. С. 278–302.
- Арсланова 1964 — *Арсланова Ф. Х.* Археологические памятники Среднего Прииртышья: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1964. 18 с.
- Арсланова 1969 — *Арсланова Ф. Х.* Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата: Наука, 1969. С. 43–57.
- Арсланова 1972 — *Арсланова Ф. Х.* Курганы с трупосожжением в Верхнем Прииртышье // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1972. С. 56–76.
- Арсланова 1987 — *Арсланова Ф. Х.* Длинные курганы Прииртышья // Источники по истории Западной Сибири. История и археология. Омск: Омский ун-т, 1987. С. 50–69.
- Арсланова 2013а — *Арсланова Ф. Х.* Воинские захоронения кимаков в Зевакинском могильнике // Арсланова Ф. Х. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. III. Астана: Филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана, 2013. С. 28–92.
- Арсланова 2013б — *Арсланова Ф. Х.* Курганы кипчаков у села Леонтьевка // Арсланова Ф. Х. Очерки средневековой археологии Верхнего Прииртышья. Материалы и исследования по археологии Казахстана. Т. III. Астана: Филиал Института археологии им. А. Х. Маргулана, 2013. С. 130–132.
- Артыкбаев 2007 — *Артыкбаев Ж. О.* Среднее Прииртышье в контексте проблем истории евразийских степей. Т. 1. Павлодар: Павлодарский ун-т, 2007. С. 81–101.
- Археологическая карта 1960 — Археологическая карта Казахстана / ред. К. А. Акишев. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. 449 с.
- Археологические памятники 1987 — Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС / ред. К. А. Акишев. Алма-Ата: Наука, 1987. 280 с.
- Атавин 2008 — *Атавин А. Г.* Погребальный обряд и имущественно-социальная структура кочевников лесостепной и степной зоны юга России в конце IX – первой половине XIII вв. (печенеги, торки, половцы) // Древности юга России. Сборник, посвященный памяти А. Г. Атавина. М.: Таус, 2008. С. 71–105.

- Горбунов 2007 — *Горбунов В. В.* Военное искусство населения сродкинской культуры // Алтае-Саянская горная страна и история освоения ее кочевниками. Барнаул: Алтайский гос. ун-т, 2007. С. 60–63.
- Зуев 1998 — *Зуев Ю. А.* Древнетюркская социальная терминология в китайском тексте VIII в. // Вопросы археологии Казахстана. Алматы; М.: Наука, 1998. С. 153–161.
- Кляшторный 2005 — *Кляшторный С. Г.* Степные империи: рождение, триумф, гибель / Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. С. 7–180.
- Крамаровский 2001 — *Крамаровский М. Г.* Золото Чингисидов: культурное наследие Золотой Орды. СПб.: Славия, 2001. 364 с.
- Кумеков 1972 — *Кумеков Б. Е.* Государство кимаков IX–XI вв. по арабским источникам. Алма-Ата: Наука, 1972. 156 с.
- Маргулан 2017 — *Маргулан А. Х.* Объяснительная записка к плану сектора археологии // Археологическое наследие Центрального Казахстана: изучение и сохранение: сборник научных статей, посвящ. 70-летию организации Центрально-Казахстанской археологической экспедиции Академии наук Казахстана / отв. ред.: А. З. Бейсенов, В. Г. Ломан. Т. 1. Алматы: Бегазы-Тасмола, 2017. С. 53–54.
- Могильников 1999 — *Могильников В. А.* Курганы с сырцовыми выкладками на юге Западной Сибири // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 1999. № 2. С. 64–68.
- Омаров, Бесетаев 2019 — *Омаров Г. К., Бесетаев Б. Б.* Средневековые кочевники Восточного Казахстана (по материалам могильников Туйетас и Аян) // Ылы Дала: тарих пен мәдениет. Көне түркілер әлемі. Көрме каталогы (= Великая степь: история и культура. Мир древних тюрок. Каталог выставки). Т. III. Нұр-Сұлтан, 2019. С. 34–41.
- Омаров и др. 2020 — *Омаров Г. К., Бесетаев Б. Б., Баймуханов Н. Б., Сагындыкова С. Т.* Вооружение и конское снаряжение средневековых кочевников Восточного Казахстана (по материалам могильника Аян) // Мир Большого Алтая. 2020. № 6 (2). С. 942–957.
- Плетнева 1981 — *Плетнева С. А.* Печенеги, торки, половцы // Степи Евразии в эпоху средневековья. М.: Наука, 1981. С. 213–222.
- Плетнева 1958 — *Плетнева С. А.* Печенеги, торки и половцы в южнорусских степях // Материалы и исследования по археологии СССР. Вып. 68. М.: Наука, 1958. С. 151–227.
- Потемкина 2012 — *Потемкина Т. М.* Иерархия половецкой знати (по погребениям со статусными предметами) // Степи Европы в эпоху средневековья. Труды по археологии. Половецкое время. Т. 10. Донецк: Донецкий университет, 2012. С. 7–36.
- Савинов 2005 — *Савинов Д. Г.* Древнетюркские племена в зеркале археологии // Кляшторный С. Г., Савинов Д. Г. Степные империи древней Евразии. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. С. 276–301.
- Самашев 2016 — *Самашев З. С.* Памятники средневековых кочевников верховий р. Каракаба в Казахском Алтае // Алтай в кругу евразийских древностей. Коллективная монография, посвященная 70-летию со дня рождения В. Д. Кубарева. Новосибирск: ИАЭ СО РАН, 2016. С. 379–409.
- Серегин 2013 — *Серегин Н. Н.* Социальная организация раннесредневековых тюрок Алтае-Саянского региона и Центральной Азии (по материалам погребальных комплексов). Барнаул: Алтайский ун-т, 2013. 206 с.
- Серегин 2015 — *Серегин Н. Н.* Символы власти в обществе раннесредневековых тюрок Центральной Азии (по археологическим материалам) // Уральский исторический вестник. 2015. № 4 (49). С. 77–85.
- Тохтабаева 2005 — *Тохтабаева Ш. Ж.* Серебряный путь казахских мастеров. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 472 с.
- Трифонов, Илюшин, Алехин 1998 — *Трифонов Ю. И., Илюшин А. М., Алехин Ю. П.* Новые археологические материалы по истории кыпчаков Казахстана // Вопросы археологии Северной и Центральной Азии. Кемерово-Гурьевск: КузГТУ, 1998. С. 220–233.
- Хайындырынмай Багай-оол 1994 — Хайындырынмай Багай-оол (= Тувинские народные сказки). Новосибирск: Наука, 1994. С. 50–225.
- Хабдулина 2019 — *Хабдулина М. К.* Новое в изучении тасмолинской археологической культуры Сарыарки // Turkic Studies Journal. 2019. No. 2. Vol. 1. Pp. 21–33.
- Хасенова 2012 — *Хасенова Б. М.* Женский головной убор: определение гендерной идентичности в кимакском обществе // Кадырбаевские чтения – 2012: сб. мат-лов конф. Актобе: Актюбинский областной центр археологии и этнологии, 2012. С. 365–371.
- Хасенова 2016 — *Хасенова Б. М.* Художественный металл кимаков: символы гендерной идентичности // Золотоордынская цивилизация. 2016. № 9. С. 16–23.

- Хасенова 2019 — *Хасенова Б. М.* Статус женщины в кимакском обществе в трудах Ф. Х. Арслановой // *Археология Казахстана*. 2019. № 1 (3). С. 61–72.
- Чхаидзе 2017 — *Чхаидзе В. Н.* Серебряная посуда из погребений кочевников Восточно-Европейской равнины XIII–XIV вв. // *Поволжская археология*. 2017. № 4 (22). С. 275–296.
- Швецов 2017 — *Швецов М. Л.* Песнь степи // *Археология евразийских степей*. 2017. № 5. С. 108–116.
- Ұлы Дала 2019 — *Ұлы Дала: тарих пен мәдениет. Көне түркілер әлемі (= Великая степь: история и культура. Мир древних тюрков. Каталог выставки).* Каталог. Нұр-Сұлтан, 2019. Т. III. 454 с. (на каз., рус., англ. яз.).
- Törbat et al. 2009 — Törbat Ts., Batsükh D., Bemann J., Höllman Th. O., Zieme P. A Rock Tomb of the Ancient Turkic Period in the Zhargalant Khaikhan Mountains, Khovd aimag, with the oldest preserved Horsehead Fiddle in Mongolia – A preliminary Report // *Current Archaeological Research in Mongolia*. Bonn: University of Bonn, 2009. Pp. 365–383.
- References**
- Ageeva E. I., Maksimova A. G. 1955 Report by Pavlodar Archaeological Expedition. In: *Transactions of the Institute for Historical, Archaeological and Ethnographic Research*. Vol. 7. Alma-Ata: Kazakh SSR Academy of Sciences, 1959. Pp. 32–58. (In Russ.)
- Akishev K. A. (ed.) *An Archaeological Map of Kazakhstan*. Alma-Ata: Kazakh SSR Academy of Sciences, 1960. 449 p. (In Russ.)
- Akishev K. A. (ed.) *Archaeological Sites in the Catchment Area of Shulbinsk Hydropower Plant*. Alma-Ata: Nauka, 1987. 280 p. (In Russ.)
- Alekhin Yu. P. Kurgan of Kimek nobility in the Rudny Altai. In: *Preserving and Exploring Cultural Heritage of the Altai*. Barnaul: Altai State University, 1998. Vol. IX. Pp. 201–203. (In Russ.)
- Arslanova F. Kh. *Archaeological Sites of the Middle Irtysh*. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Alma-Ata, 1964. 18 p. (In Russ.)
- Arslanova F. Kh. Bobrovka burial site. *Izvestiya AN KazSSR. Ser. obshch. nauk*. 1963. No. 4. Pp. 68–84. (In Russ.)
- Arslanova F. Kh. Göktürk burials in Eastern Kazakhstan. In: *Culture of Kazakhstan's Ancient Livestock Breeders and Crop Growers*. Alma-Ata: Nauka, 1969. Pp. 43–57. (In Russ.)
- Arslanova F. Kh. Kimek military burials of Zevakino burial site. In: Arslanova F. Kh. *Essays on Medieval Archaeology of the Upper Irtysh*. Vol. III. Astana: Margulan Institute of Archaeology, 2013. Pp. 28–92. (In Russ.)
- Arslanova F. Kh. Kipchak kurgans near Leontyevka village. In: Arslanova F. Kh. *Essays on Medieval Archaeology of the Upper Irtysh*. Vol. III. Astana: Margulan Institute of Archaeology, 2013. Pp. 130–132. (In Russ.)
- Arslanova F. Kh. Kurgans with cremated remains in the Upper Irtysh. In: *Kazakhstan Explored and Excavated*. Alma-Ata: Nauka, 1972. Pp. 56–76. (In Russ.)
- Arslanova F. Kh. Long kurgans of the Irtysh Valley. In: *Sources on the History of Western Siberia. History and Archaeology*. Omsk: Omsk State University, 1987. Pp. 50–69. (In Russ.)
- Arslanova F. Kh. Medieval burial site in the Irtysh Valley. *Sbornik Ministerstva vysshego i srednego spetsial'nogo obrazovaniya KazSSR. Istoriya, filosofiya, ekonomika*. 1963. No. III. Pp. 278–302. (In Russ.)
- Artykbaev Zh. O. The Middle Irtysh: A Perspective from Contestable Issues of Eurasian Steppe History. Pavlodar: Toraighyrov (Pavlodar) University, 2007. Vol. 1. Pp. 81–101. (In Russ.)
- Atavin A. G. Nomads of South Russia's forest steppe and steppe areas, late 9th to mid 13th centuries AD (Pechenegs, Torks, Cumans): Funeral rites and social hierarchy. In: *Antiquities of South Russia. Collected papers (In memoriam A. G. Atavin)*. Moscow: Taus, 2008. Pp. 71–105. (In Russ.)
- Chkhaidze V. N. Silver tableware from the nomad burials of 13th–14th centuries on the east European Plain. The Volga River Region Archaeology. 2017. No. 4 (22). Pp. 275–296. (In Russ.)
- Gorbunov V. V. People of the Srostki culture and their military art. In: *Altai-Sayan Highlands and History of Colonization by Nomads*. Barnaul: Altai State University, 2007. Pp. 60–63. (In Russ.)
- Habdulina M. K. New data on the study of the Tasmola archaeological culture of Saryarka. *Turkic Studies Journal*. 2019. Vol. 1. No. 2. Pp. 21–33. (In Russ.)
- Khaiyndyrynmay Bagay-ool. In: *Tuvan Folktales*. Novosibirsk: Nauka, 1994. Pp. 50–225. (In Russ.)
- Khasenova B. M. The art metalwork of the Kimaks: Symbols of gender identity. *Golden Horde Civilization*. 2016. Vol. 9. Pp. 16–23. (In Russ.)
- Khasenova B. M. The status of a woman in Kimak society in works of F. Kh. Arslanova.

- Kazakhstan Archeology. 2019. No. 1 (3). Pp. 61–72. (In Russ.)
- Khasenova B. M. Women's headdress: Gender identity in Kimek society. In: Kadyrbaev Readings – 2012. Conference proceedings. Aktobe: Archaeology and Ethnology Center of Aktobe Region, 2012. Pp. 365–371. (In Russ.)
- Klyashtorny S. G. Steppe empires: Emergence, triumph, collapse. In: Klyashtorny S. G., Savinov D. G. Steppe Empires of Ancient Eurasia. St. Petersburg: St. Petersburg State University (Faculty of Asian and African Studies), 2005. Pp. 7–180. (In Russ.)
- Kramarovskiy M. G. The Gold of Genghis Khan's Descendants: Cultural Heritage of the Golden Horde. St. Petersburg: Slaviya, 2001. 364 p. (In Russ.)
- Kumekov B. E. Kimek Confederation, 9th–11th Centuries AD: Arabic Accounts. Alma-Ata: Nauka, 1972. 156 p. (In Russ.)
- Margulan A. Kh. Explanatory note to Schedule of Archaeology Department. In: Beysenov A. Z., Loman V. G. (eds.) Archaeological Heritage of Central Kazakhstan: Research and Preservation. Collected scholarly papers. Almaty: Begazy-Tasmola, 2017. Vol. 1. Pp. 53–54. (In Russ.)
- Mogilnikov V. A. Kurgans with mud-brick structures in the south of Western Siberia. Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii. 1999. No. 2. Pp. 64–68. (In Russ.)
- Omarov G. K., Besetayev B. B., Baimukhanov N. B., Sagyndykova S. T. Weapons and horse equipment of the medieval nomads of the East Kazakhstan (Based on materials from the Ayan burial ground). The World of the Great Altai. 2020. No. 6 (2). Pp. 942–957. (In Russ.)
- Omarov G., Besetayev B. Medieval nomads of Eastern Kazakhstan: A case study of Tuyetas and Ayan burial sites. In: The Great Steppe. History and Culture. World of Ancient Turks. Exhibition catalogue. Vol. III. Nur-Sultan, 2019. Pp. 34–41. (In Russ.)
- Pletneva S. A. Pechenegs, Torks and Cumans in steppes of South Russia. In: Materials and Studies in the Archaeology of the USSR. Moscow: Nauka, 1958. Vol. 68. Pp. 151–227. (In Russ.)
- Pletneva S. A. Pechenegs, Torks, Cumans. In: Steppes of Medieval Eurasia. Moscow: Nauka, 1981. Pp. 213–222. (In Russ.)
- Potemkina T. M. Hierarchy of Cuman nobility: A case study of burials containing status related items. In: Steppes of Medieval Europe. Archaeological Studies. The Cuman Era. Donetsk: Donetsk University, 2012. Vol. 10. Pp. 7–36. (In Russ.)
- Samashev Z. S. Monuments of medieval nomads in the upper reaches of the Qaraqaba River, Southwestern Altai. In: The Altai and Eurasian Antiquities. Collective monograph. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography (SB RAS), 2016. Pp. 379–409. (In Russ.)
- Savinov D. G. Old Turkic tribes in the mirror of archaeology. In: Klyashtorny S. G., Savinov D. G. Steppe Empires of Ancient Eurasia. St. Petersburg: St. Petersburg State University (Faculty of Asian and African Studies), 2005. Pp. 276–301. (In Russ.)
- Seregin N. N. Social Structures of Early Medieval Turks from the Altai-Sayan and Central Asia: A Case Study of Burial Sites. Barnaul: Altai State University, 2013. 206 p. (In Russ.)
- Seregin N. N. Symbols of power in the early middle age Turkic societies of Central Asia (On the basis of archaeological materials). Ural Historical Journal. 2015. No. 4 (49). Pp. 77–85. (In Russ.)
- Shvetsov M. L. The song of the steppe. Arkheologiya Evraziiskikh Stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes). 2017. No. 5. Pp. 108–116. (In Russ.)
- The Great Steppe. History and Culture. World of Ancient Turks. Exhibition catalogue. Vol. III. Nur-Sultan, 2019. 454 p. (In Kaz., Russ. and Eng.)
- Tokhtabaeva Sh. Zh. The Silver Route of Kazakh Craftsmen. Almaty: Dayk-Press, 2005. 472 p. (In Russ.)
- Trifonov Yu. I., Ilyushin A. M., Alekhin Yu. P. Kipchaks of Kazakhstan: Newly discovered archaeological materials reviewed. In: Archaeological Questions of Northern and Central Asia. Kemerovo, Guryevsk: Kuzbass State Technical University, 1998. Pp. 220–233. (In Russ.)
- Törbat Ts. et al. A rock tomb of the ancient Turkic period in the Zhargalant Khairkhan mountains, Khovd aimag, with the oldest preserved horse-head fiddle in Mongolia – A preliminary report. In: Current Archaeological Research in Mongolia. Bonn: University of Bonn, 2009. Pp. 365–383. (In Eng.)
- Zuev Yu. A. Old Turkic social terms in one 8th century Chinese text. In: Archaeological Questions of Kazakhstan. Almaty; Moscow: Nauka, 1998. Pp. 153–161. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 6, pp. 1210–1225, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 903.037

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1210-1225

Погребения с изделиями из шелка эпохи Золотой Орды: проблемы интерпретации

Мария Александровна Очир-Горяева¹, Евгений Гаврилович Буратаев²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-0210-7595. E-mail: mariaochir@gmail.com

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

научный сотрудник

 0000-0003-4496-1666. E-mail: burataev1981@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Очир-Горяева М. А., Буратаев Е. Г., 2021

Аннотация. *Введение.* Эпоха Золотой Орды в восточноевропейских степях ознаменовалась появлением городской культуры. В городских центрах и, прежде всего, в столице Золотой Орды в нижнем течении р. Волги проживали правящая верхушка государства и многонациональное торгово-ремесленное население. Вокруг золотоордынских городов раскопаны и изучены крупные городские кладбища, насчитывающие сотни погребений. В степях же, непосредственно прилегающих к побережью р. Волги, эпоха Золотой Орды представлена немногочисленными погребениями, разбросанными по различным курганным группам. *Цель статьи* — рассмотреть погребения золотоордынской эпохи с изделиями из шелка, исследованные в волго-манычских степях в свете изучения памятников кочевой знати. *Материалы и методы.* Инвентарь большинства золотоордынских погребений волго-манычских степей представлен вооружением, керамикой, останками заупокойной пищи в виде костей животных. Предметы роскоши являются редкими находками. В этом отношении обращает на себя внимание серия погребений эпохи Золотой Орды с изделиями из шелка. Благодаря многочисленным сведениям письменных источников известно, что шелк в средневековье ценился наравне с золотом. Для кочевников волго-манычских степей ношение изделий из шелка свидетельствовало не только о высоком социальном статусе и богатстве персоны, но и указывало на принадлежность его к подданным монгольской империи. *Результаты.* В рассмотренных погребениях шелковые изделия относились исключительно к одежде и головным уборам погребенных. Шелк происходил как из восточных (Китай, Египет), так и западных (Византия) центров производства. Остатки шелковых изделий найдены как в погребениях мужчин, так и женщин. Среди погребений с из-

делями из шелка представлены широтно-ориентированные могилы, в которых погребенные были положены головой на запад, и меридионально-ориентированные могилы, с расположением погребенного головой на север. Последний тип ориентации рассматривается исследователями как черта погребального обряда этнических монголов, в то время как широтно-ориентированные могилы считаются принадлежащими половцам и другим тюркоязычным группам. **Ключевые слова:** восточноевропейские степи, эпоха Золотой Орды, погребения, курганы, шелковая одежда

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490038-5).

Для цитирования: Очир-Горяева М. А., Буратаев Е. Г. Погребения с изделиями из шелка эпохи Золотой Орды: проблемы интерпретации // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 6. С. 1210–1225. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1210-1225

Golden Horde Burials with Silk Items: Problems of Interpretation

Maria A. Ochir-Goryaeva¹, Evgeny G. Burataev²

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Leading Research Associate
 0000-0002-0210-7595. E-mail: mariaochir@gmail.com

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Research Associate
 0000-0003-4496-1666. E-mail: burataev1981@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Ochir-Goryaeva M. A., Burataev E. G., 2021

Abstract. Introduction. The Golden Horde epoch in the East European steppe was marked, among other things, by the emergence of urban culture in the region. The urban centers and, first of all, the Golden Horde capital in the Lower Volga were the seats of the ruling elite, but also the centers of trade and crafts people coming from all over the places. Around the towns, there were cemeteries with hundreds of burials that were opened and examined by specialists. In the steppe, near the bank of the river, the Golden Horde epoch is represented by a limited number of burials scattered among a variety of kurgan groups. The article *aims* to examine Golden Horde burials which comprise silk items; these Volga-Manych sites have previously been part of the studies of steppe elite burials. *Materials and methods.* The grave goods of most sites in question comprised weaponry, ceramics, and animal bones, the traces of funeral feasts, while luxury items were few. Of much interest in this respect are a Volga-Manych series of Golden Horde burials that comprised silk items. According to numerous data of the written sources, silk was equaled to gold in the medieval time. The fact that the Volga-Manych nomads had clothes made of silk was not only the evidence of their high social status and wealth but also a mark that they were the subjects of the Mongolian Empire. *Results.* In the burials under study, the silk finds were exclusively the clothing and headdress items of the buried. The fabric originated from the eastern (China, Egypt) and western (Byzantium) production centers. Remains of silk products were found both in the burials of men and women. These were both latitudinal-oriented graves, in which the buried were laid with their heads to the west, and meridionally-oriented graves, with the person's head to the north. According to the present authors, the latter type may be interpreted as a feature characteristic of ethnic Mongolians' funeral practice, while the former type graves were those of the Polovtsy and other Turkic-speaking groups.

Keywords: Eastern European steppes, the epoch of the Golden Horde, burials, kurgans, silk clothing
Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. АААА-А19-119011490038-5 'Sociopolitical and Cultural Development of South Russia's Peoples: Comprehensive Studies of Respective Processes'.

For citation: Ochir-Goryaeva M. A., Burataev E. G. Golden Horde Burials with Silk Items: Problems of Interpretation. *Oriental Studies*. 2021; 14 (6): 1210–1225. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1210-1225

Введение

Эпоха Золотой Орды в Нижнем Поволжье ознаменовалась крупными политическими и социально-экономическими изменениями. По воле монгольских ханов и силами пленных ремесленников возникли и процветали на берегах р. Волги первые в этом регионе города: столицей Золотой Орды был г. Сарай ал-Махруса (или Сарай-Бату) рядом с современным с. Селитренное на левом берегу р. Ахтубы в Астраханской области; Сарай ал-Джедид или Сарай-Берке (Царевское городище), также на левом берегу р. Ахтубы, на юге Волгоградской области. Известен еще целый ряд городов — Бельджамен (у с. Дубовка), Увек (у г. Саратова), Хаджи-Тархан (у г. Астрахани) [Федоров-Давыдов 1994; Блохин, Яворская 2006].

В это же время степное население Золотой Орды вело свое традиционное кочевое скотоводческое хозяйство и привычный бытовой уклад [Санджиев 1960: 85–114].

Как полагают исследователи, основу кочевого населения в степи продолжали составлять половецкие племенные объединения, попавшие под власть золотоордынских ханов [Федоров-Давыдов 1966; Мысков 2015].

Особенностью волго-манычских степей является то, что большинство раскопанных погребений по культурно-хронологической принадлежности датируется эпохой бронзы. Погребения эпохи бронзы составляют 64,6 % от общего числа всех раскопанных погребений с 1929 по 1998 гг.

Второе место по численности занимают погребения эпохи раннего железного века или скифо-сарматской эпохи, представленные 20,2 % от общего числа. Памятники средневековья, датирующиеся с эпохи великого переселения народов до эпохи Золотой орды, составляют всего 8,5 % от общего числа [Очир-Горяева 2008: табл. 1]. Получается, что количество памятников в эпоху средневековья в 2,3 раза меньше по сравнению с количеством памятников скифо-сарматского времени, и в 13 раз — по сравнению с памятниками эпохи бронзы. Всего с 1929 г. по 2009 г. на территории Калмыкии были

раскопаны 390 средневековых погребений, из которых 124 погребения датируются эпохой Золотой Орды [Очир-Горяева 2008: табл. 1; Бембеева, Очир-Горяева 2021: 8–53, табл. 1; Буратаев 2021: 82–106].

Такое скромное количество погребений требует объяснения. Тем более, что в эпоху развитого средневековья в XI–XIV вв. наступил климатический оптимум с годовой нормой осадков 300–350 мм и преобладанием сухостепных ландшафтов [Якимов и др. 2007: 194–204]. Строительство и процветание городов Золотой Орды на берегах р. Волги было не в последнюю очередь обусловлено исключительно благоприятными климатическими условиями.

Возможно, что прирост городского населения в эпоху Золотой Орды проходил не без участия кочевого населения из степей, непосредственно прилегавших к городским центрам. В отличие от курганов эпохи бронзы или поздних сарматов, курганы кочевников эпохи Золотой Орды редко образуют свои собственные курганные группы [Кольцов, Кольцова, Верещагин 2018: 73–88].

В подавляющем большинстве они расположены по нескольку, чаще по два кургана, среди более древних групп курганов. Эта особенность известна и на материалах степных долин Центральной Азии и Монголии. Похоже погребальная обрядность кочевников того времени не предполагала сооружения своих отдельных некрополей [Серегин 2016: 91–110].

Возможно, малочисленность позднесредневековых погребений в целом, их разбросанность единицами по курганным группам были связаны с тем, что курганный обряд постепенно отходил и совершался только для избранных лиц. Для других, возможно, обходились обычным могильным холмиком. Это предположение подкрепляется тем фактом, что курганы избранных средневековых кочевников отличаются скромными размерами, особенно на фоне курганов бронзового века.

Хотя бурные события появления и расцвета государства Золотая Орда как будто не нашли прямого отражения в курганных

погребениях кочевников степей между рр. Волгой и Доном, но по отдельным археологическим находкам можно предполагать, что кочевая знать в глубинных районах степей все же «приобщалась» к предметам импорта из далеких культурных центров, что значительно обогатило культуру кочевого населения Золотой Орды.

В подавляющем большинстве инвентаря погребений золотоордынских кочевников представлен предметами вооружения, керамикой, останками заупокойной пищи в виде костей животных. Предметы роскоши являются редкими находками. В этом отношении обращает на себя внимание серия погребений эпохи Золотой Орды, в которых обнаружены остатки изделий из шелка. Благодаря многочисленным сведениям письменных источников известно, что шелковые одежды ценились наравне с золотом. Шелка, затканые золотом, приобрели особое значение среди монголов в период правления их китайской династии Юань (1271–1368 гг.). Ношение шелковых одежд свидетельствовало не только о материальных возможностях персоны, но было статусным символом принадлежности к высшему социальному слою. Как известно, золото связывали с золотым родом Чингисхана и причастностью к нему [Юрченко 2013: 148–168].

Погребения с шелком и их интерпретация

В рассматриваемую серию погребений включены погребения с остатками шелковой одежды, сохранность которых позволила определить качество и рисунок ткани. Все рассматриваемые погребения были единственными и основными в кургане. Насыпи всех золотоордынских курганов были небольшими, и в этом плане погребения с шелком не выделялись среди остальных.

В кургане 7 курганный группы *Промзона* был погребен мужчина в узкой и глубокой могильной яме, заложеной рваными камнями песчаника. Насыпь кургана достигала 0,90 м, диаметр — 16 м. Пятно могильной ямы имело подпрямоугольную форму. Западный конец несколько шире восточного. Длинными сторонами пятно было ориентировано по линии СЗЗ–ВВЮ. Стенки ямы были почти отвесные с небольшим сужением книзу. Погребенный был располо-

жен на спине вытянуто, головой на запад. Берестяной колчан с крупными монгольского типа наконечниками стрел, форма стрелян с полукруглой дужкой позволяют датировать погребение эпохой Золотой Орды XIII–XIV вв. [Очир-Горяева 2017: 203–205, илл. 4–22]. Вокруг скелета, особенно с правой стороны, прослеживался тлен темного цвета от кожи (?). На коленный сустав правой ноги и частично на голени был положен берестяной колчан длиной 69 см. Перед устьем колчана найдены фрагменты железных черешковых наконечников стрел в очень коррозированном состоянии. Форма лопастей не восстанавливается. Рядом с наконечниками стрел найдены маленькие бронзовые заклепки с железным стержнем посередине. Вдоль правой бедренной кости и частично под колчаном зафиксированы куски шелка со сложным растительным орнаментом из золотых нитей. Вероятно, остатки полы халата (рис. 1).

Около правой кисти лежали фрагменты железного ножа. Такой же нож из двух фрагментов был найден с северной стороны колчана на правой голени. Там же рядом, на левой голени, найдена кость ноги овцы, положенной в качестве заупокойной пищи. Вдоль северной стенки могильной ямы напротив плечевых костей, напротив бедренной, вдоль левой голени и частично на ней, а также вдоль торцевой восточной стены ямы зафиксированы деревянные плашки от перекрытия. При снятии костей скелета под поясницей найдены фрагменты железного предмета в виде длинного ножа с бронзовой втулкой.

Сохранившиеся фрагменты одежды погребенного были определены как китайский шелк с золотой нитью и орнаментом в виде цветов лотоса — признак высокого социального статуса [Юрченко 2013: 109].

В соседнем кургане 4, в женском погребении, несмотря на его разрушение, сохранилось зеркало со сложным растительным орнаментом, который известен как изображение ветвей мифологического дерева Ваквак, датирующееся первой половиной XIV в. [Юрченко 2013: 274, рис. 70]. Судя по находкам предметов престижа — шелкового халата и китайского зеркала, в средневековых курганах группы *Промзона* были погребены представители местной знати.

Рис. 1. Группа Промзона: курган 7, погребение 1 [Очир-Горяева 2017: рис. 4–22]
[Fig 1. Industrial area (Promzona): mound 7, burial 1]

В курганный группе *Ики-Зегиста* в кургане 3 на дне могильной ямы, на глубине –2,30 м от «0» (–1,90 м от уровня погребенной почвы) лежал скелет молодой женщины вытянуто на спине, головой на восток с небольшим отклонением на север. Насыпь кургана была небольшой, высота насыпи — 0,44 м, диаметр — 14 м [Гаврилина, Надбитова 2006: 173–194].

Погребенная, видимо, была положена в решетчатый гроб: сохранилось несколько тонких поперечных плах. Под скелетом также прослеживались остатки дерева. Под правым коленным суставом были обнаружены железные ножницы, под седлом — железное стремя, два железных кольца и железная пряжка, а также множество мелких железных деталей, украшений и креплений седла. За головой погребенной, у восточной стенки ямы была положена заупокойная пища в виде костей овцы: часть позвоночника и ребра.

На черепе погребенной сохранились остатки шапочки из парчи. Лента из парчи обхватывала лоб. Парчовая лента шириной 1,2 см проходила по лбу и составляла основу шапочки. На ней, видимо, крепилась сама шапочка. На затылке ткань опускалась ниже ленты, прикрывая затылок, а возмож-

но, и часть спины. К сожалению, сохранность головного убора была очень плохой и не позволяла сделать его реконструкцию.

Довольно крупные фрагменты халата из парчи и шелковой внутренней одежды типа рубашки сохранились на костях рук и таза (рис. 2). В районе колен были прослежены остатки халата с округлыми полами, отороченными орнаментированной тканью с золотыми нитями. Под фрагментами ткани от халата на костях ног сохранились куски кожи от сапог, по которым восстанавливается форма голенища: высокого, фигурного, в виде арочки поднимавшейся в центре колена. После снятия скелета под ним были прослежены многочисленные фрагменты ткани и остатки деревянного гроба в виде досок, положенных волокнами вдоль костяка.

Фрагменты шелка были определены известным специалистом Е. В. Елкиной [Елкина 2009]. Внутренняя одежда типа рубашки была сшита из узорного шелка византийского происхождения¹. Узор в виде

¹ Шелковые ткани представляли ценность также в гигиеническом отношении, в них не водятся насекомые (платяные вши), приносящие своим владельцам страдания и дискомфорт во все эпохи вплоть до исторического времени [Додо 2006: 164–165].

Рис. 2. Группа *Ики-Зегиста*: курган 3. Реконструкция. Византийский шелк [Елкина 2009]
[Fig 2. Iki-Zegista: mound 3. Reconstruction. Byzantine silk]

орнаментального кольца диаметром 25 см с изображением внутри них пары птиц у «дерева жизни». Птицы украшены ожерельями на шеях и полосками с пятнышками-перлами на крыльях и хвостах.

По мнению А. В. Елкиной, орнамент с парными птицами и «деревом жизни» в кольцо с орнаментом «побежкой» является хрестоматийно византийским для XII в. [Елкина 2009].

Цветок в узоре «побежка» и орнаменты между кольцами и на крыльях птиц также типичны для византийских тканей. На шелке сохранилась краевая полоска в виде оранжевой полосы с чередованием желтых кружков в 1,5 см в диаметре и одного цветка с восемью лепестками. На гладких кружках прослеживаются изображения, похожие на буквы, вероятно, греческие, которые повторяются два или три раза на разных кружках.

Халат погребенной был изготовлен из китайской парчи, датирующейся, по определению Е. В. Елкиной, XIV в. Композиция узора состоит из кругов диаметром 20 см, сближенных по горизонтали до 2 см друг к другу. Между кругами располагается стилизованный растительный узор с центром в виде цветка хризантемы. Плотный орнамент между кругами выткан золотом на красном фоне. Круги заполнены тонким графиче-

ским рисунком четырех орлиных грифонов вокруг центральной розетки. Грифоны изображены с орлиным клювом, крыльями, львиным крупом и хвостом (рис. 2).

Подкладкой халата служила ткань в мелкую клеточку. Сохранились лишь густо-красные фрагменты сетчатого шелка от этой подкладки. Пустые отверстия вместо ныне исчезнувшей, по-видимому, целлюлозной части ткани свидетельствуют о бывших здесь нитях льна или хлопка.

По краю сохранившейся парчи с кромкой халат понизу был украшен многоцветной тканью из шелка в технике «кэсы». Судя по степени выцветания красок с разных сторон фрагментов кэсы — это было вторичное использование драгоценной ткани [Елкина 2009].

В соседнем кургане 2 той же группы *Ики-Зегиста* было обнаружено погребение мужчины, в кожаном кошельке которого обнаружен дирхем, чеканенный в Сарае при хане Узбеке в 731 г. х. (1330–1331 гг.) (определение монеты было проведено в отделе нумизматики Государственного исторического музея).

Судя по находкам предметов престижа: шелкового халата (рис. 3) и серебряной монеты дирхема в курганах группы *Ики-Зегиста* были также погребены представители местной знати.

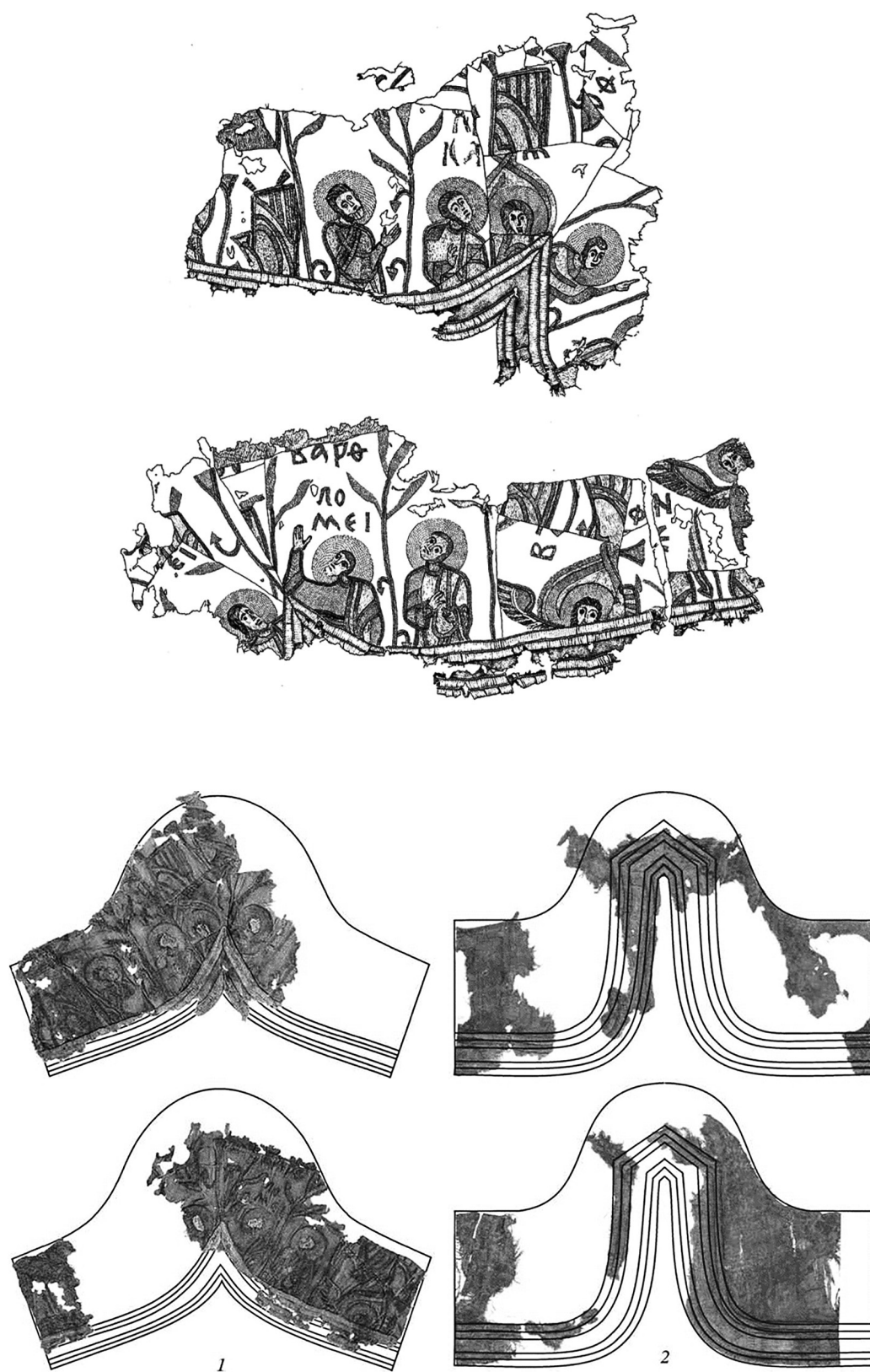

Рис. 3. Группа Ики-Зегиста: курган 3. Реконструкция. Китайский шелк [Доде 2014: 54–66]
[Fig 3. Iki-Zegista: mound 3. Reconstruction. Chinese silk]

Еще одно погребение с изделием из шелка происходит из кургана 8 курганной группы *Гува-2*, раскопанной в 1978 г. Кургана 8 группы *Гува-2* также имел одно единственное погребение. Кургана был расположен на северо-восточном берегу небольшого лимана, насыпь кургана правильной, полусферической формы, диаметром 11 м, высотой около 0,30 м. На дне могильной ямы, на глубине 2,45 м от уровня 0 и в 2,15 м от уровня погребенной почвы, был обнаружен скелет мужчины монголоидного типа, лежащего вытянуто на спине с вытянутыми руками и ногами. Ориентирован погребенный был по длине ямы, головой на север.

Ориентировка головой на север и антропологический тип погребенного дают веское основание полагать, что погребенный был этническим монголом [Федоров-Давыдов 1981: 229–236].

При погребенном был найден следующий инвентарь. Между левой плечевой костью и восточной стенкой ямы лежала заупокойная пища — кости овцы (кость ноги и лопатка). В 17 см на восток от вершины левой плечевой кости находился железный стержень, лежавший горизонтально по линии В–З. Предназначение предмета автором раскопок разъяснено не было, равно как и размеров всех найденных предметов.

Между левой плечевой костью и ребрами находился фрагмент железного предмета, вероятно, кончика лезвия ножа или наконечника стрелы. Справа от середины правой плечевой кости, в 7 см на запад лежал железный черешковый наконечник стрелы ромбического типа. У основания левого предплечья в 5 см на восток лежал плоский ромбический черешковый наконечник стрелы с боковыми выступами. Между левым локтем и восточной стенкой выше дна могилы на 17 см лежали деревянные фрагменты перекрытия либо седла. Фрагменты дерева отмечены также у правой скулы, на тазе, с волокнами, ориентированными вдоль костяка. У основания левых ребер лежала железная пряжка кольчатого типа, видимо, от пояса. Вплотную с наружной стороны середины левых берцовых костей лежал фрагмент железной стрелы черешкового типа.

В выкиде могильной ямы обнаружен фрагмент кольчатых удил, местонахождение точно не зафиксировано. Под поясничными позвонками человека, обнаружены

сочлененные позвонки барана. В полевом отчете за 1978 г., к сожалению, не указано количество и тип позвонков, но на хранении в Национальном музее Республики Калмыкия числится только один позвонок.

В 13 см на восток параллельно левой ноге на ступеньке, проходящей вдоль стены могильной ямы, лежал берестяной колчан с инкрустированными костяными обкладками [Цуцкин 1979: рис. 184]. Резьба на костяных обкладках колчана сочетает в себе геометрический и растительный орнамент. Такой же колчан с костяными обкладками, украшенный искусной художественной резьбой, был обнаружен в соседнем кургане этой же группы [Цуцкин 1979: рис. 184].

Фрагменты ткани обнаружены: под правым локтем, на тазе, под левой бедренной, под берцовыми костями и у стоп (рис. 4). Большой кусок ткани с позолотой обнаружен при снятии правой лопатки и под верхними позвонками. В полевом отчете автор раскопок, однако, не дает никакого описания найденных фрагментов ткани, не представлены они и в альбоме фотографий. В коллекции Национального музея хранятся мелкие фрагменты ткани на деревянных плашках. Сохранность фрагментов не позволяет разглядеть ни узора, ни цвета ткани.

Фрагменты шелка с полихромной вышивкой из серебряных с позолотой и шелковых цветных нитей были найдены на костях ног погребенного. Они были собраны из мелких кусочков разной конфигурации, вырезанных из шелковой ткани с вышивкой, и небольших кусочков другой шелковой ткани красного цвета с черным орнаментом в виде ромбов. Нижние края изделий были обшиты зеленой тканью и поверх вышиты двумя параллельными рядами обметочного шва поверх кожаной ленты. Погребение датируется автором публикации по колчану с костяными резными накладками XIII–XIV вв. [Доде 2014: 54–66].

Как установлено З. В. Доде, эти изделия были украшением штанин на уровне колен или же чехлами сапог [Доде 2014: 54–66].

На наш взгляд, фигурная форма этих шелковых изделий с центральной частью в виде арки явно схожа с фигурным оформлением верхнего края голенищ сапог из кургана 3 группы *Ики-Зегиста* (см. выше). Поэтому вполне возможно, что мы имеем дело с декоративно оформленными отворо-

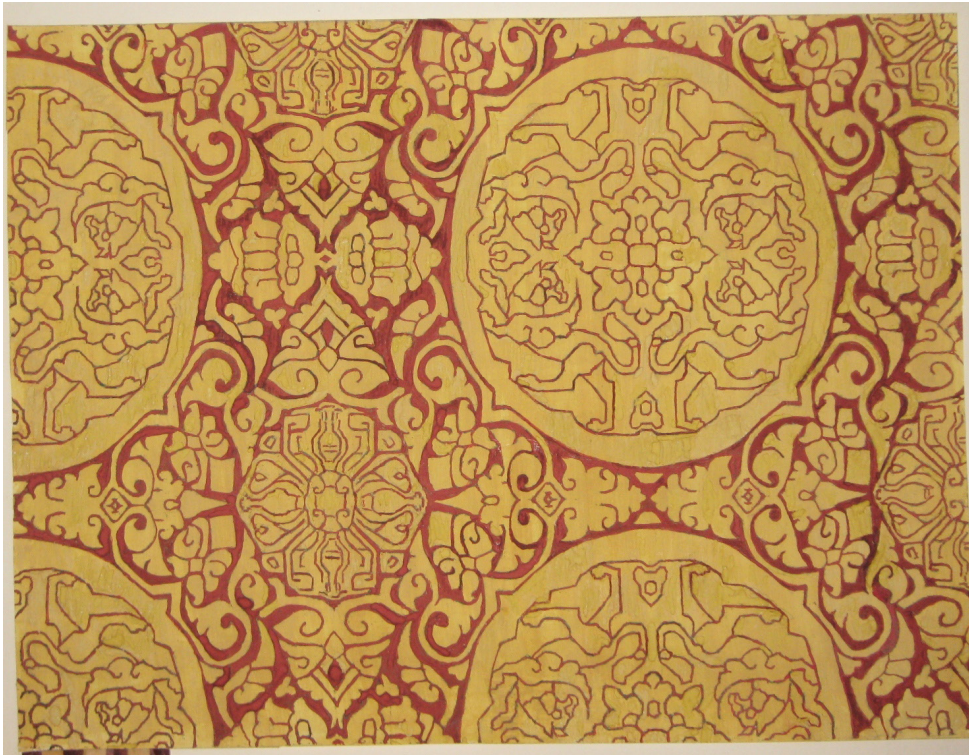

Рис. 4. Гува-1: курган 8, погребение 1 [Елкина 2009]

[Fig 4. Guva-1: mound 8, burial 1]

тами голенищ или крагами сапог. Они совпадают по расположению с украшением сапог аржанского царя из тонкой гладкой золотой пластинки с декоративно оформленным завитком по центру. Они оформляли верхний край голенища мягких войлочных сапог [Cugunov, Parzinger, Nagler 2010: Abb. 50, 225].

Похожие декоративные детали имеются на обуви некоторых половецких каменных изваяний-бабаев. Г. А. Федоров-Давыдов называл эту обувь «кожаными чулками» [Федоров-Давыдов 1966: 177]. Таким образом, декоративные детали из гувинского погребения скорее всего имели отношение к обуви и украшали отвороты или краги кожаных сапог.

Особенность украшения голенища сапог из кургана 8 могильника Гува состоит в том, что мелкие кусочки шелковой ткани с вышивкой были фрагментами христианского литургического сюжета «Вознесение Господне» [Петров 2014: 67–74].

Вышивка по содержанию сюжета датируется в пределах XII – первой трети XIII вв., в то время как ткань могла быть фабрикатом VII–X вв. [Доде 2014: 57].

В опубликованной статье исследовательница представила хорошо обоснованную схему реконструкции фрагмента вышивки и датировку самой ткани, которая соответствует периоду конца VII – конца X вв. По заключению автора (согласно данным радиоуглеродного анализа), ткань была создана до прихода монголов в Европу и впоследствии захвачена ими во время продвижения на Запад. Опираясь на ряд источников, автор связывает находку с актом десакрализации монголом чужих сакральных символов [Доде 2014: 54–66].

Тезис о намеренной десакрализации и намеренном унижении христианской религии представляется слишком преувеличенным. Если учитывать, что монгол, проживавший в степной глубинке, в местечке Гува, скорее всего, никогда не посещал христианские церкви, тем более с такими древними шелковыми убранствами, то он, конечно, не имел представления о святых Луке и Варфоломее. Этой вышивке на момент, как она попала в его руки и в руки женщин-мастериц, что скроили и вышили рассматриваемое нами изделие, было без малого лет триста. Состояние ткани на тот

момент нам не известно. К тому же кочевые умелицы расценивали эти фрагменты ткани как яркую разноцветную вещь, которую можно подремонтировать и использовать для рукоделия¹. И постарались приложить все свои усилия, чтобы качественно выполнить свою работу. Интересен факт, что фигуры апостолов были разрезаны поперек туловища, но подшиты, возможно, случайно в правильной позиции. Например, другая такая же вышивка из аула Коротох из Чечни была нашита на головной убор типа колпака так, что лик Христа оказался перевернутым. З. В. Доде приводит этот пример в той же статье [Доде 2014: 54–66]. Это свидетельствует о том, что мастерицы, украшавшие колпак, осознавали вышивку только как цветной орнамент².

Можно рассуждать и о том, что вышивка в первоначальном ее состоянии, выработав свой ресурс на неизвестном нам поприще, использовалась вторично как красивый кусок материи. Изделия из *Гувы* представляли собой мелкие лоскутки разной конфигурации, сшитые вместе.

Наглядным примером такого же чисто утилитарного использования, а не преднамеренного «унижения» кельтов, является серебряный назатыльник кельтского шлема из юго-восточной Европы, использовавшийся сарматом из погребения у с. Яшкуль в качестве нагрудного украшения коня [Очир-Горяева, Лапа 2002: 179–191; Ochir-Goryaeva 2002: 353–387].

Более того, вторичное использование инокультурных ценных вещей, представляющих художественную ценность, с вольным или невольным игнорированием их первоначального назначения, практиковалось повсеместно и в различные исторические эпохи. В высших кругах Российской империи также не считали зазорным перешивать использованные одежды богатых

граждан в литургические наряды высшего православного духовенства. В 2017 г. на выставке «Эрмитажная энциклопедия текстиля» были выставлены одеяния священников с масонской символикой (лучезарной дельтой), с китайским императорским драконом и орнаментами родом из мусульманских стран. Светлое церковное одеяние было перешито из свадебного платья Александры Федоровны, жены Николая I [Эрмитажная энциклопедия 2017]. Объяснялось это очень просто. Обладать китайскими, персидскими тканями могла только высшая знать. Когда кто-то умирал, то его вещи по традиции передавались в дар церкви. Там они распарывались и перешивались в облачения. Как следует из интервью куратора выставки Т. Лехович, чужеродные орнаменты в ином культурном контексте теряли свою первоначальную семантику, становясь просто красивым узором [Авраменко 2017: 2].

Если уж высокообразованное привилегированное православное духовенство прибегало ко вторичному использованию шелковых одежд грешных светских мирян, независимо от семантики их узоров, то для варваров, степняков-язычников эпохи позднего средневековья, это тем более допустимо.

В курганный группе *Большой Царын-1а* в кургане 2 было обнаружено захоронение взрослого мужчины. Насыпь кургана была небольшой, высота — 0,70 м, диаметр — 18 м. Могильная яма с подбоем вдоль западной стенки была ориентирована меридионально. Дно входной ямы находилось в 2,17 м от поверхности кургана и в 1,47 м от уровня погребенной почвы. С восточной стороны находился подбой, дно которого было на 0,28 м ниже дна входной ямы. Ширина подбоя — около 0,70 м. Подбой был отделен от входной ямы плашками. Отмечены следы вертикально расположенных трех плашек в южной части. На дне подбоя находился скелет взрослого мужчины, положенного на спине вытянуто, головой на север с небольшим отклонением к востоку. Погребальный инвентарь насчитывает 25 наименований. Среди них берестяной колчан с железными черешковыми наконечниками стрел, предметы конского снаряжения, остатки одежды. Под тазовыми костями погребенного были обнаружены три позвонка овцы. Во входной яме была обна-

¹ Также в советское время, многие из нас с гордостью ходили с яркими импортными пакетами, не подозревая, что они из сети дешевых супермаркетов.

² Из общения со старшим поколением калмыков, не умевших читать, замечено, что они на сложных рисунках не распознают изображения людей и животных, поскольку не выработаны навыки подобного восприятия. Речь идет о людях XX в., можно представить, каким было восприятие безграмотных людей в средние века.

ружена вертикально поставленная трубчатая кость овцы. По погребальному инвентарю погребение датируется XIII–XIV вв.

Вокруг черепа погребенного на некотором расстоянии была повязка из широкой полосы черного шелка¹ с вышитыми на ней арабскими буквами [Цуцкин 1978: фото 31]. Расположение ленты таково, что нет твердых оснований, что лента обматывала голову погребенного, вполне возможно, она была нашта на головной убор, т. е. служила украшением меховой или войлочной шапки (рис. 5).

В отчете Е. В. Цуцкина приводился перевод надписи на ленте как «Владыка миров». В 2018 г. одновременно в трех изданиях была опубликована одна та же статья И. Шингирей — под разными названиями, но с одним и тем же содержанием, посвященная данному погребению как истинно мусульманскому [Shingiray 2018a; Shingiray 2018б; Shingiray 2018в]. Прежде всего, была опубликована новая версия перевода надписи на ленте, которая была сделана по фотографии, где была видна только часть изделия. Переведены были только те буквы, которые были видны на фото. Привлеченные И. Шингирей специалисты считают: вышитая надпись является повторяющейся формулой, состоящей из одной неразборчивой буквы, за которой следует арабское слово *аль-алим* ‘мудрый’, ‘ученый’, ‘знающий’ [Shingiray 2018a: 201–206]². Это выражение часто использовалось в сочетании с именем султана или эмира, т. е. было атрибутом королевского статуса.

Сама лента определена специалистами как тираз — текстиль с вышитой на нем эпиграфической надписью из арабских букв, содержащей королевский титул и выполненной в стиле, позволяющем говорить о его возможном мамлюкском происхождении [Shingiray 2018a; Shingiray 2018б; Shingiray 2018в]. Все три статьи одинаковы по своим основным тезисам и во всех повторениях этой статьи утверждается тезис, что, несмотря на то, что все черты погребального обряда противоречат исламскому погреб-

альному обряду, все же погребенного можно рассматривать как представителя исконного ислама «“Indigenised” Islam» [Shingiray 2018б] или же как исламизирующееся тело «An Islamicate Body» [Shingiray 2018в].

С учетом вышеприведенного сюжета о вторичном использовании шелковых одежд с чужеродной семантикой для одеяний священников православной церкви в XVII–XIX вв., для интерпретации этого погребения как мусульманского все-таки недостаточно аргументов. Во-первых, меридиональная ориентация и конструкция могилы с подбоем в восточной стороне, ориентировка погребенного головой на север, соответствует полностью погребальному обряду этнических монголов. Многочисленный инвентарь также свидетельствует в пользу языческих воззрений погребенного и его родных, проводших похороны по своим обычаям. Позвонки овцы, положенные под поясницу погребенного, являются также одним из этноопределяющих признаков монгольского погребального обряда [Кичиков, Цуцкин 1997: 63–79].

Таким образом, «истинно исламской» остается только шелковая лента с вышитыми арабскими буквами. Этот необычный предмет выглядит в типичном кочевническом погребении воина, совершенного по языческому обычаю, как чисто случайное явление. Расположение ленты на некотором расстоянии от черепа можно понимать, что эта лента была не на голове погребенного, а на его головном уборе. Это, скорее всего, украшение мехового или войлочного головного убора. Для владельца тираза это была просто красивая лента с вышитым рисунком, которой местные мастерицы украсили его головной убор. И это еще один пример использования драгоценного шелкового изделия в качестве украшения, а не религиозного символа.

Тиразы датируются ранним средневековьем и распространены были широко в арабском мире. При Фатимидском халифе аль-Муиззе (953–975 гг.) халиф награждал достойных подданных почетными одеяниями с тиразами. Ленты с искусно вышитой эпиграфикой подтверждали верность халифу и Богу. В Фатимидском Египте шелковые одежды, расшитые золотыми тиразовыми лентами, предназначались для визирей и других высокопоставленных чиновников, в

¹ В полевом отчете не упоминается цвет ткани, но один из авторов статьи (М. А. Очир-Горьева) зачищала и зачерчивала это погребение и хорошо помнит, что ткань имела черный цвет.

² Translation: Doris Behrens-Abouseif and Sheila S. Blair.

Рис. 5. Большой Царын-1а: курган 2 [Цуцкин 1978]

[Fig 5. Bolshoi Tsaryn-1a: mound 2]

то время как широкая публика носила льняную одежду. В конце XII в. политическая ситуация изменилась, и некоторые дворяне потеряли свое богатство, они продавали свои роскошные одежды на рынках. Тиразы также служили валютой или инвестициями и продавались и перепродавались. Позднее только в Мамлюкском султанате на территории современного Египта сохранилось производство тираз [Ekhtiar, Cohen 2000].

Каким путем эта шелковая лента попала к монголу, проживавшему в степях Сарпинской низменности, можно только гадать. Была ли она, как полагает И. Шингерей, дипломатическим даром, присланным из Мамлюкского Султаната высшим слоям Золотой Орды, или она был просто еще одним трофеем, попавшим в нижневолжские степи чисто случайно. Тем более с конца XII в. тиразы были в обороте у торговцев и перекупщиков. Факт остается, что мужчина из кургана 3 группы *Большой Царын* был погребен по монгольскому обычаю, все предметы, положенные в могилу, были обычными предметами воина и кочевника.

Погребения с изделиями из шелка представляют собой в количественном отношении небольшую выборку. Тем не менее можно заметить некоторые закономерности погребального обряда. Насыпи двух курганов с захоронениями пожилых мужчин были выше и более крупного диаметра. Если курганы с погребением молодой женщины (*Ики-Зегиста*) и молодого мужчины (*Гува*) были высотой 0,30 и 0,40 см, диаметром 14 и 11 м соответственно, то насыпи пожилых мужчин (*Промзона* и *Большой Царын*) достигали высоты 0,70–0,90 см, диаметром 16 и 18 м. В размерах насыпей явно сыграло роль то, что социальный статус пожилых мужчин был явно более высоким.

В рассмотренных нами погребениях шелковые изделия относились исключительно к одежде и головным уборам. Погребенная молодая женщина из *Ики-Зегисты* была одета в шелковую шапочку, ее халат и внутренняя рубашка были также из шелка. В трех остальных погребениях, где были захоронены мужчины, были также зафиксированы фрагменты наплечной одежды, скорее всего, халата из шелка.

Наилучшей сохранностью и качеством отличался халат мужчины из *Промзоны*, ткань с узором в виде цветков лотоса была заткана золотыми нитями. Молодой мужчина из *Гувы* был также одет в шелковый халат, шелком были украшены также голенища сапог. Пожилой мужчина из курганной группы *Большой Царын* также был в шелковом халате, кроме того, шелковой лентой был украшен его головной убор.

Сами шелковые ткани из рассмотренных погребений были предметами далекого импорта и представляли большую ценность в те времена. Затканый золотой нитью шелк с узором в виде лотосов, с узором в виде хризантем и орлиных грифонов производства китайских мастерских, шелковая ткань с узором в виде медальонов с геральдически расположенными парами птиц у «дерева жизни» производства византийских мастерских. Лента из черного шелка могла быть вышита арабской вязью на территории современного Египта, но могла быть из любого из многочисленных центров арабского мира. Таким образом, можно сделать вывод, что люди, одетые в шелковые одежды, были представителями кочевой знати.

Среди погребений с шелком представлены погребения с широтной и меридиональной ориентировкой могил. В могилах с широтной ориентировкой погребенные были ориентированы головой в одном

случае на запад (мужчина из курганной группы *Промзона*) в другом случае — на восток (женщина из курганной группы *Ики-Зегиста*). Два остальных погребения имели меридионально-ориентированные могилы, оба мужчины из *Гувы* и *Большого Царына* были положены головой на север. В этническом отношении, по признакам погребального обряда одни из них были тюркского, а другие — монгольского происхождения.

Заключение

Останки одежды из шелка или другого текстиля были найдены в ряде других погребений, но в большинстве своем фрагменты текстиля были плохой сохранности, поэтому они не были взяты на специализированный анализ. В связи с этим нет возможности оценить процент погребений, где умершие были погребены в шелковых одеждах. Надо полагать, что явно не каждый кочевник мог позволить себе одежду, сшитую из импортной дорогостоящей ткани.

Несомненно, шелковые одежды, хоть и сшитые из кусочков или переделанные, то есть вторичного использования, являются ценными источниками по культуре степных кочевников эпохи Золотой Орды. В более углубленном изучении нуждаются не только шелковые изделия, но и сами археологические памятники, из которых они происходят.

Литература

- Авраменко 2017 — Авраменко Е. Эрмитаж представил моду, неподвластную времени. «Энциклопедия текстиля» демонстрирует лучшие экземпляры из собрания музея // Известия. Культура. 23 августа 2017 г. URL: <https://iz.ru/634036/evgenii-avramenko/ermitazh-predstavil-sobranie-tkanei> (дата обращения: 10.08.2021).
- Бембеева, Очир-Горяева 2021 — Бембеева Л. А., Очир-Горяева М. А. Археологические погребальные памятники волго-маньчских степей (по материалам раскопок с 1998 по 2009 гг.) // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 1. С. 8–53. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-1-17-8-53
- Блохин, Яворская 2006 — Блохин В. Г., Яворская Л. В. Археология золотоордынских городов Нижнего Поволжья. Волгоград: Изд-во Волгогр. гос. ун-та, 2006. 270 с.
- Буратаев 2021 — Буратаев Е. Г. Погребения периода Золотой Орды Волго-маньчских степей // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2021. № 2. С. 83–106.
- Доде 2014 — Доде З. В. Ткань с христианской символикой в костюме золотоордынской элиты // Российская археология. 2014. № 1. С. 54–66.
- Доде 2006 — Доде З. В. Одежды и шелка из могильника Вербовый лог // Власкин М. В., Гармашов А. И., Доде З. В., Науменко С. А. Погребения знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала. Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VI. Памятники исторической мысли. М.: Памятники исторической мысли, 2006. С. 77–187.
- Гаврилина, Надбитова 2006 — Гаврилина Л. М., Надбитова Д. Д. Золотоордынские погребения могильника *Ики-Зегиста* // Вестник

- института. Элиста: КИГИ РАН, 2006. С. 173–194.
- Елкина 2009 — *Елкина А. В.* Экспертное заключение. Археологическая ткань. Византийский узорный шелк XII в. Ткань-парча. Китай. XIV в. // Научный архив Калмыцкого научного центра РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 105а (2009 г.). 14 л.
- Кичиков, Цуцкин, 1997 — *Кичиков А. Ш., Цуцкин Е. В.* Археологические параллели некоторых мотивов эпоса «Джангар» // Проблемы современного джангароведения: материалы Респ. науч.-практ. конф., посв. 75-летию проф. А. Ш. Кичикова. Кн. 1. Элиста: Изд-во КГУ, 1997. С. 63–79.
- Кольцов, Кольцова, Верещагин 2018 — *Кольцов П. М., Кольцова К. П., Верещагин В. В.* Родовые могильники кочевников Золотой Орды на территории Калмыкии // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: мат-лы VIII Междунар. науч. конф., посвящ. памяти Г. А. Федорова-Давыдова. Археология евразийских степей. 2018. № 4. С. 73–88.
- Мысков 2015 — *Мысков Е. П.* Кочевники Волго-Донских степей в эпоху Золотой Орды Волгоград: Изд-во Волгоградского филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2015. 484 с.
- Очир-Горяева, Лапа 2002 — *Очир-Горяева М. А., Лапа Н. Л.* Комплекс сарматского воинского погребения из фондов Калмыцкого республиканского краеведческого музея // Вестник древней истории. 2002. № 3. С. 179–191.
- Очир-Горяева 2008 — *Очир-Горяева М. А.* Археологические памятники Волго-Манычских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Герел, 2008. 298 с.
- Очир-Горяева 2017 — *Очир-Горяева М. А.* Древние некрополи Ергенинской возвышенности. Элиста: КалмНЦ РАН. 2017. 420 с.
- Петров 2014 — *Петров А. С.* Ткань с шитым образом Вознесения из погребения кочевника в Калмыкии. Проблема атрибуции // Российская археология. 2014. № 1. С. 67–74.
- Санджиев 1960 — *Санджиев Б. С.* Племена, обитающие в степях Дешиг-и-Кыпчака и на территории нынешней Калмыкии в 11–12 вв. // Записки Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. 1. Элиста: КНИИЯЛИ, 1960. С. 85–114.
- Серегин 2016 — *Серегин Н. Н.* Погребальные сооружения тюрок Монголии (2-я половина I тыс. н. э.) // Теория и практика археологических исследований. 2016. № 1(13). 2016. С. 91–110.
- Федоров-Давыдов 1966 — *Федоров-Давыдов Г. А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов (Археологические памятники). М.: Изд-во Московского ун-та, 1966. 272 с.
- Фёдоров-Давыдов 1981 — *Фёдоров-Давыдов Г. А.* Монгольское завоевание и Золотая Орда // Степи Евразии в эпоху средневековья // Археология СССР / отв. ред. С. А. Плетнева. М.: Наука, 1981. С. 229–236.
- Федоров-Давыдов 1994 — *Федоров-Давыдов Г. А.* Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во МГУ, 1994. 228 с.
- Эрмитажная энциклопедия 2017 — Эрмитажная энциклопедия текстиля: Реставрация: каталог выставки. СПб.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 2017. 388 с.
- Юрченко 2013 — *Юрченко А. Г.* Элита монгольской империи: время праздников время казней. СПб.: Евразия, 2013. 432 с.
- Цуцкин 1978 — *Цуцкин Е. В.* Отчет о работе Сарпинской археологической экспедиции Калмыцкого НИИЯЛИ и КГУ в 1977 г. // Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 8 (1978 г.). 41 л.
- Цуцкин 1979 — *Цуцкин Е. В.* Отчет о работе Калмыцко-Астраханской экспедиции КНИИФЭ и КГУ в 1978 г. // Архив ИА РАН, Р-1 19827; Научный архив КалмНЦ РАН. Ф. 14. Оп. 2. Д. 14. 171 л. 1979 г.
- Якимов и др. 2007 — *Якимов А. С., Демкин В. А., Алексеев А. О.* Природные условия степей Нижнего Поволжья в эпоху средневековья (VIII–XIV вв. н. э.). М.: НИА-Природа, Фонд «Инфосфера». 2007. 228 с.
- Ekhtiar, Cohen 2000 — *Ekhtiar M., Cohen J.* Tiraz: Inscribed Textiles from the Early Islamic Period. In: Heilbrunn Timeline of Art History. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2000 (July 2015). URL: http://www.metmuseum.org/toah/hd/tira/hd_tira.htm (дата обращения: 10.08.2021).
- Cugunov, Parzinger, Nagler 2010 — *Cugunov K., Parzinger H., Nagler A.* Der skythenzeitliche Fürstengraben Arzan 2 in Tuva. Archaeologie in Eurasien. Band 26. Steppenvölker Eurasiens. Band 3. Mainz: Verlag Philipp von Zabern. 2010. 330 с.
- Ochir-Goryaeva 2002 — *Ochir-Goryaeva M.* Ein sarmatisches Grab bei Jashkul, Kalmückien // Eurasia Antiqua. 2002. Vol. 8. S. 353–387.
- Shingiray 2018a — *Shingiray I.* “The Wise”, “the Learned”, “the Knowledge able”:

- A Mamluk (?) Tiraz from the Grave of a Golden Horde Steppe Warrior (Kalmykia, Russia) // VIII Международная научная конференция «Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве», посвященная памяти Г. А. Федорова-Давыдова. Археология евразийских степей. № 4. 2018. С. 201–206.
- Shingiray 2018б — *Shingiray I.* An Islamicate Body: A Case Study of a Nomadic Burial from the Core Territory of the Golden Horde [электронный ресурс] // *La Horde d'Or et l'islamisation des steppes eurasiatiques. Indigenous Islam: RMMM (Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée).* Vol. 143. 2018 (October). URL: <https://journals.openedition.org/remmm/10777> (дата обращения: 10.08.2021).
- Shingiray 2018в — *Shingiray I.* 'Nomadic Islam' in the Golden Horde Steppe: a Case-Study of a Burial from Bolshoi Tsaryn, Kalmykia // *Кавказ в системе культурных связей Евразии в древности и средневековье. XXX «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа / отв. ред. У. Ю. Кочкаров. Карачаевск: КЧГУ, 2018. С. 516–518.*
- 2015). Available at: http://www.metmuseum.org/toah/hd/tira/hd_tira.htm (accessed: August 10, 2021). (In Eng.)
- Elkina A. V. Expert Report on Archaeological Fabric (Byzantine figured silk, 12th c. AD. Chinese brocade, 14th c. AD). At: Kalmyk Scientific Center (RAS), Archive. 2009. (In Russ.)
- Fedorov-Davydov G. A. Golden Horde Cities of the Volga. Moscow: Moscow State University, 1994. 228 p. (In Russ.)
- Fedorov-Davydov G. A. Mongol conquest and Golden Horde. In: Pletneva S. A. (ed.) *Medieval Steppes of Eurasia. Ser. 'Archaeology of the USSR'.* Moscow: Nauka, 1981. Pp. 229–236. (In Russ.)
- Fedorov-Davydov G. A. Nomads of Eastern Europe under Golden Horde Khans: Archaeological Sites Reviewed. Moscow: Moscow State University, 1966. 272 p. (In Russ.)
- Gavrilina L. M., Nadbitova D. D. Golden Horde graves of Iki-Zegista burial site. Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies). 2006. Vol. 20. Pp. 194–204. (In Russ.)
- Kichikov A. Sh., Tsutskin E. V. Jangar epic: Archaeological parallels of some motifs. In: *Problems of Contemporary Jangar Studies. Jubilee conference proceedings. Vol. 1.* Elista: Kalmyk State University, 1997. Pp. 63–79. (In Russ.)
- Koltsov P. M., Koltsova K. P., Vereshchagin V. V. Patrimonial burial grounds of nomads of the Golden Horde in the territory of Kalmykia. *Archaeology of the Eurasian Steppes.* 2018. No. 4. Pp. 73–88. (In Russ.)
- Myskov E. P. Volga-Don Nomads of the Golden Horde Era. Volgograd: RANEPa (Volgograd Branch), 2015. 484 p. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A. Ancient Necropolises of the Ergeni Upland. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS). 2017. 420 p. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A. Archaeological Sites of the
- References**
- Avramenko E. Hermitage introduces timeless fashion. Encyclopedia of Textiles exhibits best samples from museum collection. *Izvestiya. Kultura.* August 23, 2017. Available at: <https://iz.ru/634036/evgenii-avramenko/ermitazh-predstavil-sobranie-tkanei> (accessed: August 10, 2021). (In Russ.)
- Bembееva L. A., Ochir-Goryaeva M. A. Archaeological burial monuments of the Volga-Manych steppe: A review of excavations, 1998–2009. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2021. No. 1. Pp. 8–53. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-1-17-8-53
- Blokhin V. G., Yavorskaya L. V. *Archaeology of Golden Horde Cities in the Lower Volga.* Volgograd: Volgograd State University, 2006. 270 p. (In Russ.)
- Burataev E. G. Golden Horde burials of the Volga-Manych steppe. *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS.* 2021. No. 2. Pp. 83–106. (In Russ.)
- Čugunov K., Parzinger H., Nagler A. Der skythenzeitliche Fürstenkurgan Aržan 2 in Tuva. *Archaeologie in Eurasien.* Vol. 26. *Steppenvölker Eurasiens.* Vol. 3. Mainz: Verlag Philipp von Zabern, 2010. 330 p. (In Germ.)
- Dode Z. V. Fabrics with Christian symbols of the costume of the Golden Horde nobles. *Russian Archaeology.* 2014. No. 1. Pp. 54–66. (In Russ.)
- Dode Z. V. Garments and silk finds from Verbovyi Log burial site. In: Vlaskin M. V., Garmashov A. I., Dode Z. V., Naumenko S. A. *Golden Horde Noble Burials in the Don–Sal River System: Exploring Historical and Cultural Heritage of the North Caucasus. Collected materials. Vol. VI: Monuments of Historical Thought.* Moscow: Pamyatniki Istoricheskoy Mysli, 2006. Pp. 77–187. (In Russ.)
- Ekhtiar M., Cohen J. Tiraz: Inscribed textiles from the early Islamic period. In: *Heilbrunn Timeline of Art History.* New York: The Metropolitan Museum of Art, 2000 (July

- Volga-Manych Steppes: A Compendium of Monuments Excavated in Kalmykia, 1929–1997. Elista: Gerel, 2008. 298 p. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A., Lapa N. L. Kalmykia Museum of Local History and Lore: One Sarmatian military burial ground reviewed. *Journal of Ancient History*. 2002. No. 3. Pp. 179–191. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. Ein sarmatisches Grab bei Jashkul, Kalmückien. *Eurasia Antiqua*. 2002. Vol. 8. Pp. 353–387. (In Germ.)
- Petrov A. S. The fabric with the embroidered image of the Ascension from the mound of a nomad in Kalmykia: Attribution problems. *Russian Archaeology*. 2014. No. 1. Pp. 67–74. (In Russ.)
- Sandzhiev B. S. Tribes of Desht-i Qipchaq and present-day Kalmykia, 11th–12th centuries AD. *Zap. KNIIYaLI*. 1960. No. 1. Pp. 85–114. (In Russ.)
- Seregin N. N. Funeral constructions of Turks in Mongolia (2nd half of I millennium AD). *Theory and Practice of Archaeological Research*. 2016. Vol. 13. No. 1. Pp. 91–110. (In Russ.)
- Shingiray I. ‘Nomadic Islam’ in the Golden Horde steppe: A case study of a burial from Bolshoi Tsaryn, Kalmykia. In: Kochkarov U. Yu. (ed.) *The Caucasus as Part of Eurasia’s Cultural Network in Ancient and Medieval Periods*. Krupnov Readings in North Caucasian Archaeology. Karachayeysk: Karachay-Cherkess State University, 2018. Pp. 516–518. (In Eng.)
- Shingiray I. ‘The wise’, ‘the learned’, ‘the knowledgeable’: A Mamluk (?) tiraz from the grave of a Golden Horde steppe warrior (Kalmykia, Russia). *Archaeology of the Eurasian Steppes*. 2018. No. 4. Pp. 201–206. (In Eng.)
- Shingiray I. An Islamicate body: A case study of a nomadic burial from the core territory of the Golden Horde. *Revue des mondes musulmans et de la Méditerranée*. 2018, October. Vol. 143 (La Horde d’Or et l’islamisation des steppes eurasiatiques). Available at: <https://journals.openedition.org/remmm/10777> (accessed: August 10, 2021). (In Eng.)
- The State Hermitage Museum Encyclopedia of Textiles: Restoration. Exhibition catalogue. St. Petersburg: State Hermitage Museum, 2017. 388 p. (In Russ.)
- Tsutskin E. V. Kalmykia-Astrakhan Expedition of Kalmyk History, Philology and Economics Research Institute – and Kalmyk State University: 1978 Activity Report. At: Institute of Archaeology (RAS), Archive. Coll. P-1. File 19827; Kalmyk Scientific Center (RAS), Archive. Coll. 14. Cat. 2. File 14. 1979. (In Russ.)
- Tsutskin E. V. Sarpa Archaeological Expedition of Kalmyk Language, Literature and History Research Institute – and Kalmyk State University: 1977 Activity Report. At: Kalmyk Scientific Center (RAS), Archive. Coll. 14. Cat. 2. File 8. 1978. (In Russ.)
- Yakimov A. S., Demkin V. A., Alekseev A. O. *Natural Conditions of Medieval Lower Volga Steppes, 8th–14th Centuries AD*. Moscow: NIA-Priroda, Infosfera, 2007. 228 p. (In Russ.)
- Yurchenko A. G. *Elites of the Mongol Empire: Times of Holidays, Times of Executions*. St. Petersburg: Evraziya, 2013. 432 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 6, pp. 1226–1245, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(47)

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1226-1245

Газета немецких оккупантов «Свободная земля»: парадигма фашистской пропаганды инвертированной цели войны против Советского Союза

Константин Николаевич Максимов¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник

 0000-0002-9475-6137. E-mail: tsagadam@mail.ru

© КалмНИЦ РАН, 2021

© Максимов К. Н., 2021

Аннотация. *Введение.* В статье анализируется газета «Свободная земля», издававшаяся в Калмыкии в кратковременный период (сентябрь – декабрь 1942 г.) оккупационными фашистскими властями. Она впервые является объектом исследования. Основным назначением газеты являлась пропаганда, которую немцы рассматривали и использовали как одно из важнейших психологических, идеологических оружий войны. Эта нацистская пропаганда газеты военного времени была направлена только на население оккупированных территорий, т. е. оно и являлось объектом массовой психологической, идеологической обработки. Поэтому все жанры газеты несли пропагандистскую нагрузку и были адаптированы к замаскированной нацистской пропаганде. *Материалы и методы.* Объектом анализа является издававшаяся газета «Свободная земля» — печатный орган военной и административной оккупационной власти. В отечественной и зарубежной историографии, посвященной отдельным аспектам фашистской пропаганды в годы Второй мировой войны, не получили освещения газеты региональных оккупационных немецких властей. При исследовании данной темы автор руководствовался принципами объективности, всестороннего анализа, историзма, герменевтики, источниковедческой критики. *Результаты.* Главная цель оккупационной газеты гитлеровцев была внести и закрепить в общественном сознании населения захваченных районов мысль о том, что начатая и проводимая превентивная война немцами не несет гуманитарную катастрофу, а она лишь направлена против «еврейско-большевистского правительства» Советского Союза, германская армия выполняет лишь освободительную миссию, освобожденный народ ждет счастливое будущее. При этом пропаганда внушала, что освобожденные народы должны быть спокойными, уверенными за свое будущее, активно сотрудничать, помогать немецкой армии, тем самым приближать победу, а неповиновение, даже пассивное сопротивление могут привести к серьезным последствиям с угрозой для жизни. Эта газета является одним из важнейших видов исторических источников и в изучении истории Калмыкии военного периода, предоставляющих возможность рассмотреть применявшиеся нацистами в оккупированных районах методы

и приемы целенаправленного распространения фальсифицированной идеи о целях войны для формирования общественного сознания путем замаскированной пропаганды. Газета, дополняя источниковую базу истории Калмыкии, восполняет в ней пробелы, а также имеет важное значение в объективном освещении отдельных проблемных, дискуссионных вопросов.

Ключевые слова: Советский Союз, Германия, Гитлер, фашизм, армия, война, превентивная, нацистская пропаганда, оккупация, Калмыкия, газета «Свободная земля», жанры, история, источники

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Комплексное исследование процессов общественно-политического и культурного развития народов Юга России» (номер регистрации: AAAA-A19-119011490038-5).

Для цитирования: Максимов К. Н. Газета немецких оккупантов «Свободная земля»: парадигма фашистской пропаганды инвертированной цели войны против Советского Союза // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 6. С. 1226–1245. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1226-1245

***Svobodnaya Zemlya* — Newspaper of German Occupants: Against the Soviets. A Paradigm of Fascist Propaganda to Negate War Goals Revisited**

*Konstantin N. Maksimov*¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor, Chief Research Associate

 0000-0002-9475-6137. E-mail: tsagadam@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Maksimov K. N., 2021

Abstract. Introduction. The article aims to analyze the newspaper 'Svobodnaya zemlya' (Free Land), published for a short time (September-December 1942) by German occupying forces in Kalmykia. The newspaper has not been the object of a special study so far. Its main purpose was propaganda, used by the occupiers as one of the most important psychological and ideological weapons of war. The Nazi propaganda targeted the population of the occupied territories, subjecting the people to massive psychological and ideological pressures. Hence, every genre of the newspaper was designed and adapted to carry on disguised Nazi propaganda. **Material and methods.** The source for the research data was 'Svobodnaya zemlya', the organ of the German administration at the time of Nazi occupation of the Kalmyk territory. Notably, the historiography in this country and abroad discusses certain aspects of fascist propaganda during the Second World War, but the regional newspapers of the German occupiers have not been examined so far. In his analysis, the author was guided by the principles of objectivity, comprehensive analysis, historicism, hermeneutics, and source criticism. **Results.** The purpose of the German occupiers' newspaper was to persuade the local population that the preventive war launched and conducted by them was not a humanitarian catastrophe, but it was directed only against the "Jewish-Bolshevik government" of the Soviet Union, and the German army had a liberation mission, a happy future awaiting the liberated people. According to this propaganda, the liberated peoples were to stay calm and confident of their future; also, they were expected to actively cooperate, helping the German army to reach the victory, but any act of disobedience or just passive resistance of individuals would have dire consequences for them, including death punishment. **Conclusion.** The newspaper under study is one of the most important types of historical sources to shed light on the history of Kalmykia in the war period. Added to the source data, it helps fill in some gaps to allow for an objective discussion of controversial issues. Also, the analysis of the newspaper demonstrates some of the methods and techniques used by the Nazis in the occupied regions to deliberately disseminate falsified ideas about the goals of the war as a means of disguised propaganda.

Keywords: Soviet Union, Germany, Hitler, fascism, army, war, preventive, Nazi propaganda, occupation, Kalmykia, 'Svobodnaya zemlya' newspaper, genres, history, sources

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119011490038-5 'Sociopolitical and Cultural Development of South Russia's Peoples: Comprehensive Studies of Respective Processes'.

For citation: Maksimov K. N. *Svobodnaya Zemlya* — Newspaper of German Occupants: Against the Soviets. A Paradigm of Fascist Propaganda to Negate War Goals Revisited. *Oriental Studies*. 2021; 14 (6): 1226–1245. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1226-1245

Введение

Интерес к истории Великой Отечественной войны в последние десятилетия значительно возрос не только с точки зрения научного познания, но и в политических, идеологических целях. В современных условиях в ряде стран, в том числе и на постсоветском пространстве, происходит реинкарнация нацизма, открыто проявляется исторический ревизионизм, прежде всего в смещении акцентов в интерпретации, исторической оценке минувшей мировой войны.

История Второй мировой и Великой Отечественной войн, решающая роль советского народа в победе над фашизмом, а также вопросы превентивности войны, цели и задачи фашистской агрессии против СССР подвергаются сомнению, фальсификации. Ныне манипулируют историей войны и используют ее как инструмент в различных целях, даже в спекулятивных, национально-политических, государственных, межгосударственных интересах, идеологическом противостоянии государств.

В формировании объективной, научно обоснованной истории Великой Отечественной войны, исследовании ее в более широком историческом контексте, защите исторической правды главной опорой служат исторические источники, прежде всего архивные.

Источниковая база истории Великой Отечественной войны весьма обширна, в ее состав входят не только документальные материалы (различные по происхождению, содержанию, видам), но и вещественные. Они отложились и хранятся во многих отечественных и зарубежных архивах. По происхождению они отличаются авторством, местом и временем, целью создания. В этом отношении авторами документальных исторических источников истории Великой Отечественной войны являлись обе противоборствовавшие стороны — советская и германская. В числе множества разно-

видностей документальных исторических источников весьма ценное значение имеют периодические печатные издания, в том числе и газеты.

В период войны фашистская Германия географию издания периодической печати значительно расширила, вплоть до оккупированных территорий, с пропагандистской целью. Центральным учреждением пропаганды Германии являлось Министерство народного просвещения и пропаганды, образованное еще в марте 1933 г. во главе с Й. Геббельсом, «с именем которого была связана чудовищная пропаганда лжи, исходившая из „Третьей империи“» [Филиппов 1970: 109].

В структуру его министерства входил специальный восточный отдел с подразделением «Винета». Этим подразделением, по отчету рейхсминистериума пропаганды, еще до начала похода на Россию «исподволь, в тиши были заготовлены на русском языке, а равно на других языках, листовки, брошюры, плакаты, граммофонные пластинки, фильмы и т. д. и доставлены передовым частям армии. Таким образом, и здесь, что никогда раньше ни при каких походах не имело места, пропаганда шла не вслед за наступающей армией, а вместе с нею вступала в завоеванные земли» [Окороков 2007: 192].

Конкретно вопросами пропаганды на оккупированных территориях СССР, наряду с отделом пропаганды вермахта, руководило и Министерство по делам оккупированных восточных территорий. Фашисты, придя к власти в Германии, к началу войны против Советского Союза накопили достаточный опыт психологической обработки народных масс на примере своего населения. Этот большой опыт фашистов физического и идеологического террора, массовой пропагандистской обработки масс в нацистском духе [Мельников, Черная 1983: 222] был использован гитлеровцами с лихвой на оккупированных территориях СССР.

Пропагандистские службы Германии, полностью инвертировав истинные цели войны, планы захвата и уничтожения Советского государства, порабощения его народа, «расширения жизненного пространства» на Востоке, руководствовались концептуальными изощренными идеями директивы Гитлера о маскирующей пропаганде. С целью активного воздействия на сознание, убеждение людей, особенно немцев в трудные периоды войны, в мощь и непобедимость германской армии, фашистские пропагандисты широко использовали метод большой лжи, всецело одобренный и рекомендованный Гитлером. Он писал: «Если уже врать, так врать нагло: в большую ложь охотнее верят, чем в малую... Люди сами иногда врут в мелочах, однако большой лжи они стесняются. Следовательно, им в голову не придет, что их так бессовестно обманывают...» [Окороков 2007: 78].

«Поэтому пропаганда лжи в „Третьем рейхе“, как впоследствии писал И. Ф. Филиппов, заведующий берлинским отделением ТАСС в предвоенные годы, являлась составной частью государственной политики. И главным режиссером такой пропаганды был Геббельс» [Филиппов 1970: 110].

В этой замаскированной нацистской пропаганде основными лозунгами были вопросы о превентивности войны со стороны Германии, об освободительной миссии ее армии, о войне лишь против большевизма, а не против советского народа. По указанию Гитлера, высказанному им 16 июля 1941 г. на совещании в узком кругу, пропагандисты должны были проводить ложную его идею: «Что мы были вынуждены занять территорию, навести порядок и обеспечить безопасность, и все это — в интересах местного населения ... Все необходимые меры — расстрелы, переселение и т. д. — мы, несмотря на это, предпримем...» [Бахман 1981: 153].

При этом пропаганде отводилась не менее важная роль в формировании негативного образа руководителей большевизма, советского строя. Она должна была убеждать в том, что «германский вермахт и его союзники воюют не против народов Советского Союза, а против еврейско-большевистской системы эксплуатации и террора» [Вторая мировая война 2005: 100]. «Как видно из этого, подобная пропаганда была,

таким образом, — как писал немецкий историк Вольфрам Ветте, — направлена на то, чтобы вогнать клин между советским руководством и народами Советского Союза» [Вторая мировая война 2005: 114].

Следует выделить еще одну особенность пропаганды немецких фашистов в годы Великой Отечественной войны. Авторы ее, замаскированно фальсифицируя с целью оправдания фашистского вероломного, внезапного нападения на СССР, еще тогда в вопросах о причинах возникновения войны и превентивности заложили ложную концепцию для смещения акцентов в их интерпретации, оценке в будущем для неонацистов. Вопросы о том, каковы причины и кто развязал войну, ныне наиболее острые сюжеты истории Второй мировой и Великой Отечественной войн, приобрели политизированный характер. Даже Европарламент, некоторые страны которого капитулировали без сопротивления и больше всего пострадали от фашистской Германии, а отдельные даже были ее сателлитами, и спаслись от фашизма благодаря победе СССР, занял неблагоприятную позицию в этой исторической проблеме. В его резолюции от 19 сентября 2019 г. «О важности сохранения исторической памяти для будущего Европы», наряду с нацистской Германией в развязывании Второй мировой войны, был обвинен и СССР. Цель этой резолюции Европейского парламента, видимо, заключается в том, чтобы обелить, затушевать позорные страницы истории стран Европы накануне и в годы Второй мировой войны.

В. В. Путин, анализируя в статье «75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим» причины, породившие Вторую мировую войну, справедливо отметил: «Все ведущие страны в той или иной степени несут свою долю вины за ее начало» [Путин 2020]. Это, в том числе и особая ответственность Германии за развязывание войны против Советского Союза, убедительно было доказано на основании официальных документальных источников (высших государственных и военных учреждений и должностных лиц Германии, а также допросов свидетелей, показаний, заявлений и т. д.) на Нюрнбергском процессе, состоявшемся в ноябре 1945 – октябре 1946 г.

История вопроса

В отечественной и зарубежной историографии, посвященной вопросам фашистской пропаганды в годы Второй мировой войны, не получили освещения периодическая печать, в том числе и газеты, издававшиеся немецкими нацистами на оккупированных территориях. В вышеупомянутой книге А. В. Окорокова лишь исследованы документы и другие различные пропагандистские материалы (плакаты, листовки, периодические издания), выходившие и распространявшиеся на оккупированных территориях Советского Союза. В ней он рассмотрел немецкие пропагандистские материалы, созданные специально с целью разложения бойцов Красной армии, моральной, психологической обработки населения оккупированных территорий СССР. Однако, как отмечает сам автор, «оценка немецкой политики на временно оккупированных территориях Советского Союза не входит в задачу данной книги. Это требует особого исследования» [Окороков 2007: 65].

В работах отдельных авторов, таких как М. И. Семиряга, И. Г. Ермолов, В. Родионов и другие, вопросы немецкой пропаганды на оккупированных территориях СССР получили лишь фрагментарные отражения [Семиряга 2000; Ермолов 2010; Родионов 2010].

В книге И. Г. Ермолова проблема пропаганды рассматривается лишь с позиций необходимости привлечения врагом населения оккупированных территорий к сотрудничеству.

В. Родионов в своей работе акцентировал внимание на нацистской пропаганде внутреннего характера, рассчитанной на немецкое население в связи с тяжелейшими трудностями продовольственного обеспечения, а также одеждой и обувью в Германии накануне и в годы войны.

В зарубежной историографии преимущественно рассматриваются вопросы становления и развития в основном фронтовой пропаганды, т. е. где объектом ее являлась армия противника, а также армейской пропаганды — объект — своя армия, которая, помимо обычных военных действий, должна была вести расистски мотивированную войну на уничтожение евреев, «недочеловеков» («унтерменшей») [Зульцман 1998: 528, 532].

Р. Зульцман, рассматривая появления пропаганды как оружия войны, отмечает, что пропаганда до сих пор не ограничена какими-либо сдерживающими международными правовыми нормами. Его утверждение о том, что во Второй мировой войне «воюющие стороны все больше и больше отказывались от „абсолютной лжи“» [Зульцман 1998: 545], мягко говоря, не соответствовало фактическому положению в пропагандистской практике фашистской Германии.

В. Ветте в своей работе, анализируя расистские взгляды Гитлера, пришел к выводу, что, согласно его мировоззрению, расизм не исчерпывался только антисемитизмом, и «славянам также было присуще негативное качество». На основе такого его мировоззрения, сформированные антисемитские и антиславянские «образы врага», как пишет автор, стали основным стержнем национал-социалистической пропаганды, адресованной «солдатам вермахта, эсэсовцам и сотрудникам оккупационной администрации». Завершил он свою работу выводом: «Однако более значительным для истории, чем основанные на расистских представлениях преступные идеи Гитлера, представляется тот факт, что нацистскому режиму удалось столь убедительно обработать этими идеями миллионы немцев, что они были готовы вести войну на уничтожение» [Ветте 2005: 118].

В изучении национал-социалистической пропаганды на оккупированных территориях Советского Союза представляет интерес труд известного немецкого историка Норберта Мюллера, изданный в 1971 г. в ГДР и в 1974 г. — в СССР. Он подчеркивал, что эта активная пропаганда увеличилась с началом военных поражений гитлеровских войск на германо-советском фронте, а также с усилением партизанского движения, что привело к изменению немецкой стратегии и, естественно, содержания пропаганды на оккупированной территории. Немцы стали призывать местное население к совместной борьбе против большевизма, обещая скорую победу. «Эти старания, несмотря на все усилия, не увенчались, однако, успехом» [Мюллер 2010: 241].

Известный европейский историк Давид Мотадель в своем крупном труде [Мотадель 2020] описывает попытки Германии путем

религиозной пропаганды, идеологической обработки не только мобилизовать исламский мир в армию рейха, но и с помощью мусульман разжечь смуту во вражеском тылу, особенно в Советском Союзе.

Материалы исследования

Основную источниковую базу данной статьи составили номера газеты «Свободная земля», поскольку они являлись объектом исследования. Для компаративного их анализа, объективного и всестороннего изучения сведений, фактов, имеющих в газете, можно сказать, дополнительно использованы архивные, опубликованные документальные материалы в различных сборниках. В этом отношении ценные сведения почерпнуты из сборников [Нюрнбергский процесс 1990; Органы государственной 2008] и мемуарной литературы отечественных и зарубежных авторов [Еременко 2006; Гречко 1971; Штеменко 2005; Манштейн 2009; Сталинградская эпопея 2012; Адам 2011; Варлимонт 2005], преимущественно военных и государственных деятелей. Помимо этого, при проведении компаративного анализа нацистских пропагандистских материалов автор опирался на труды известных немецких военных историков [Карель, 2 2004; Карель 2005; Тике 2005].

Одна из разновидностей периодической печати — газета, особенно военного периода с замаскированной пропагандой, является сложным историческим источником. При изучении данной темы ориентиром автора была объективность, т. е. опора на факты, точность в их передаче и интерпретации, при этом события, факты рассматривались всесторонне. В исследовании проблемы военной инвертированной пропаганды фашистов подход с позиций историзма означает как рассмотрение последовательного закономерного процесса поражения агрессора и неизбежность победы народа, защищавшего свою независимость, свою свободу, Отечество, с вековыми традициями победы над врагами. Поэтому события тех грозных времен войны автор пытался понять с позиций поколений, перенесших ужасы фашистской оккупации, выстоявших и сокрушивших неприятеля.

Общая характеристика газеты «Свободная земля»

Фашистские оккупанты на захваченных территориях СССР, создавая пронацистские

структуры военного и административного управления, одновременно разворачивали широкую сеть всех видов пропагандистской и идеологической службы. В ней, чтобы иметь возможность влиять на местное население, приоритетное значение отводили изданию газет, рассматривая вообще прессу, по оценке нацистских пропагандистов, как «главное оружие, дающее возможность обрабатывать или организовывать общественное мнение» («Свободная земля». 19.11.1942. № 33) [Без срока давности 2020: 337–338].

Основные направления фашистской пропаганды, главные ее цели и задачи были заранее, еще до нападения на СССР, в варианте операции «Барбаросса» отработаны и подготовлены Отделом пропаганды Штаба оперативного руководства Верховного командования вооруженных сил Германии. Они конкретно были определены директивой начальника штаба Верховного командования вооруженных сил Германии от 6 июня 1941 г. «По вопросам пропаганды в период нападения на Советский Союз» [Нюрнбергский процесс 1989: 560–564].

Для выполнения основных задач пропаганды, согласно директиве начальника штаба Верховного главнокомандования вооруженных сил по вопросам пропаганды в период нападения на Советский Союз от 6 июня 1941 г., оккупационные военные власти (комендатуры) обязывались с помощью командования военных соединений в первую очередь организовать «выпуск нескольких крупных газет под немецкой цензурой», основная задача которых должна была «оказывать на население успокаивающее действие, удерживать от каких бы то ни было актов саботажа» [Дашичев 2005: 252–256].

Заняв в августе 1942 г. часть территории Калмыкии, в том числе ее административный центр — г. Элисту, командование 16-й мотодивизии и военная комендатура (комендант — обер-лейтенант Д. Риттер), действуя, согласно указанной директиве о пропаганде от 6 июня 1941 г., так же, как и оккупанты в других захваченных соседних регионах — на Кубани («Голос Кубани», «Кубань», «Новая Кубань», «Вольный казак» и др.), на Дону («Вольный Дон», «Голос Ростова», «Новый Дон» и др.), на Ставрополье («Заря Кавказа», «Утро Кавказа», «Ставропольское

слово», «Кавказский вестник», «Пятигорское эхо» и др.), буквально через десять дней организовали издание двух нацистских газет оккупационных властей — на русском языке «Свободная земля» (в книгах А. В. Огорокова и С. Чуева ошибочно указана «Свободная Калмыкия») [Огороков 2007: 213; Чуев 2004: 549] и на калмыцком языке — «Теегин херд» («Степной орел»).

Формально газета «Свободная земля» числила учредителем Элистинское городское управление (головы — бургомистры Н. П. Труба и Б. Цуглинов). Хотя она находилась на бюджете горуправы, в ней не указано, что газета является ее печатным органом. Фактически учредителем газеты являлась военная комендатура г. Элисты, в штат которой, согласно директиве от 6 июня 1941 г., входили специалист по активной пропаганде и цензор-офицер Гентцель. С редакцией газеты активно сотрудничал представитель отдела иностранных армий верховного германского командования (ОКВ) ротмистр, профессор Б. фон Рихтгофен, крупный монголовед, специалист по Калмыкии. Ответственным редактором газеты военным комендантом был утвержден Виталий Мануйлов, хотя ни в одном из номеров газеты не указан он как редактор, а лишь имеются статьи в отдельных номерах с указанием его авторства.

В «Записке НКВД СССР в ГКО о выявлении и ликвидации шпионов, диверсантов, немецких пособников и банд в городах и районах, освобожденных Красной Армией от войск противника» от 18 марта 1943 г., подписанной заместителем наркома внутренних дел В. Н. Меркуловым, в числе арестованных при освобождении Калмыкии был указан «редактор газеты „Свободная земля“ Мануйлов В. — бывший кулак» [Органы государственной 2008: 295, 304; НА РК. Ф. Р-326. Оп. 1. Д. 10. Л. 18; НА РК. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 142. Л. 35; НА РК. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 171. Л. 40].

Судя по статьям, опубликованным в газете за его подписью, вряд ли он был простым кулаком, скорее можно отнести его к весьма образованным людям. Он явно не являлся жителем Калмыкии, а был привезен немцами, согласно общим правилам о том, что служба пропаганды следует вместе с войсковыми частями, военной комендатурой. В. Мануйлов в своих статьях в газете,

обращаясь к местному населению, нередко подчеркивал: «ваша Калмыкия».

Первый номер газеты «Свободная земля» вышел в Элисте 6 сентября 1942 г., в воскресенье (к сожалению, не сохранился), второй номер — 8 сентября, во вторник. Газета издавалась периодичностью через день, но она строго не соблюдалась, иногда — через два дня.

В начале октября издатели внесли некоторые изменения во внешнее оформление газеты: рядом с ее названием — «Свободная земля» с обеих сторон были помещены (предполагаю, по предложению ротмистра Б. фон Рихтгофена, знатока калмыцкого фольклора) две фигуры летящей символической птицы из калмыцкого фольклора — сокола. Автор — офицер вермахта Bolko Frhr. von Richthofen под псевдонимом Б. Ф. Ри (в № 32 от 17 ноября 1942 г.) раскрывал смысл летящего сокола: как будто «калмыцкий сокол поднимается из красной тюрьмы и летит на стороне¹ германского орла к солнцу» («Свободная земля». 17.11. 1942. № 32) [Без срока давности 2020: 335].

Основное место в газете «Свободная земля» отведено таким жанрам, как передовая и редакционная статьи, «Сводка Верховного командования Германской армии», информация, меньшее места занимают авторские статьи, очерки, фельетоны. Следует выделить особый раздел (рубрику), характерный для периодической печати военного времени, широко применявшийся нацистами в оккупированных советских территориях, — «В освобожденных областях».

В газете местная военная комендатура и Элистинская городская управа публиковали свои приказы, распоряжения, воззвания, извещения, а также различные объявления, в том числе и отделов городского управления. Все эти жанровые публикации в газете были направлены на достижение поставленной фашистской пропагандистской цели. Поэтому гитлеровская пропаганда действовала по шаблону, в соответствии с известной директивой о пропаганде, инструкциями и указаниями ведомства Й. Геббельса — Министерства народного просвещения и пропаганды.

¹ Видимо, имел в виду «навстречу». — К. М.

Объяснение причин войны в газете «Свободная земля»

Передовые статьи газеты носят только идеологический, пропагандистский характер, лишь немногие были посвящены политическим проблемам. Немалое внимание газета уделяла сложным вопросам войны — объяснению причин возникновения войны с Советским Союзом, о превентивности, ее целях, уверенности в победе Германии, неспособности союзников СССР повлиять на ход войны и другим вопросам. Все они излагались в духе политики национал-социалистов, нацистской идеологии.

Одна из первых передовиц газеты «Почему бушует война» (№ 7, 20 сентября 1942 г.) была посвящена политико-пропагандистскому вопросу — превентивности фашистского нападения на СССР, вызванного якобы подготовленностью И. В. Сталина «на широком фронте напасть на Германию с востока, затопить ее в крови и уничтожить. Когда фюрер узнал об этой опасности, он приказал германским войскам выступить против Советской России» [Без срока давности 2020: 292]. Как видим, немецкая пропаганда, подло, лживо полностью переключая развязывание войны на СССР, стремилась убедить советский народ, что Гитлер был вынужден для спасения Германии нанести опережающий военный удар. Основная концепция содержания передовицы являлась шаблонной, она повторялась и в сбрасываемых на Восточном фронте листовках.

Немецкие пропагандисты в Калмыкии начали внушать населению занятой территории мысль о том, что начавшаяся война была спровоцирована большевиками, И. В. Сталиным, хотя «Германия <...> страстно желала мира и дружбы со всеми народами, в особенности со своими великими соседями Англией, Францией и Россией» («Свободная земля». 20.09.1942. № 7) [Без срока давности 2020: 292]. Передовица завершалась словами: «Германские войска вам помогут в исполнении вашего страстного желания: под защитой национал-социализма стать свободными людьми на свободной земле» («Свободная земля». 20.09.1942. № 7) [Без срока давности 2020: 292].

Пропагандируя и трубя о превентивности нападения, нацисты практически оправдывали свою захватническую политику,

цель «расширения жизненного пространства» на Востоке. Фашистская пропаганда превентивности войны, антисемитизма преследовала и внутреннюю политическую, идеологическую цель — формирование общественного сознания на мобилизацию и сплочение германского общества, беспрекословное выполнение установок верхушки фашистского режима.

В целом все передовицы, редакционные статьи сохранившихся номеров газеты объединялись единой целью нацистской пропаганды. Это, прежде всего, внести в сознание советских людей фашистские ложные концепции о превентивности войны со стороны немцев, об освободительной миссии германской армии, превосходстве и скорой ее победе. Главная задача нацистской пропаганды заключалась в подавлении морального, боевого духа советских людей, в расколе, разложении советского общества, возбуждении его недовольства политикой и деятельностью руководителей Советского государства, провоцировании советского народа на борьбу против большевиков, советской власти.

Выражая основные ложные, дезинформационные постулаты фашистской пропаганды, редактор газеты В. Мануйлов (Н. Русин) в одной из редакционных статей (газета «Свободная земля», № 32, 17 ноября 1942 г.), носившей уже призывной, агитационный характер, писал, что все должны понять, что Германия не ведет завоевательной войны против народов России. Она «вынуждена была вступить в нее только во имя сохранения своей независимости и существования... Народы России, если они не хотят гибнуть миллионами на полях сражений, куда их гонят умирать их жидо-большевистские правители, обязаны повернуть оружие против настоящего врага и прекратить кровавую бойню. Только свержение жидо-большевистской власти приведет Россию к мирной жизни. И русский народ, а за ним и остальные народы России должны знать, что для свержения большевиков понадобится в тысячу раз меньше жертв, чем для продолжения преступной и ненужной войны» («Свободная земля». 17.11.1942. № 32) [Без срока давности 2020: 335].

В связи с этим в передовицах значительное место отводилось пропаганде якобы о безысходности Советского Союза, несо-

стоятельности союзников оказать экономическую и военную помощь СССР, о провале открытия второго фронта. Усиленно пропагандировалась якобы неизбежность победы фашистской армии, и в этом будто спасение, избавление советского народа от большевизма, диктаторского режима И. В. Сталина. Ко всему этому придавались элементы успокаивающих обещаний на устройство якобы свободной и счастливой жизни народов России. Тем самым передовицы по содержанию являются ценными источниками по изучению политики фашистского режима и его методики обмана, лжи, дезинформации, сокрытия, инвертирования истинных его планов и целей в войне против Советского Союза.

Наряду с передовицами в газете значительное место занимали сводки верховного командования германской армии, которым отводилась большая часть первой страницы. Помимо этого, они дополнялись экстренными сообщениями о значимых, на взгляд германского командования, событиях на том или ином театре военных действий. В сводках сообщалось о ежедневных военных событиях, происходивших в основном в близлежащих регионах, и, как правило, они подавались в победных реляциях, как триумфальное шествие немецких войск на Восточном фронте и в Северной Африке.

Цель подобных информационных, представлявших абсолютно ложную картину военной обстановки в целом, конечно, была пропагандистская — оказать психологически угрожающее воздействие, произвести впечатление на население оккупированных территорий якобы о военной мощи, непобедимости германской армии, привить страх, ослабить волю народа к сопротивлению.

Пропаганда ложных информационных об осенне-зимних военных событиях 1942 г. на Восточном фронте не в лучшие времена для германской армии рисовала абсолютно мифическую картину, скрывая катастрофическое положение немецких войск в большой излучине Дона, под Сталинградом, на Кавказе.

Освещение Сталинградской битвы

В военных сводках вермахта в номерах газеты основное внимание было приковано к Сталинграду. Например, в № 14 от 6 октября 1942 г. сообщалось о боевых действиях, происходивших в Сталинграде в течение

4–5 октября: «В Сталинграде части нашей пехоты и танков при содействии авиации, ближнего боя в ожесточенных уличных боях взяли новые кварталы северной части города. Советские войска понесли кровавые потери. Уничтожено 9 танков» [Без срока давности 2020: 295]. Действительно, речь шла об ожесточенных сражениях за поселок Красный октябрь, многие кварталы и отдельные дома которого по несколько раз в день переходили из рук в руки. В эти же дни немцы предприняли наступление на поселок Сталинградского тракторного завода и Орловский выступ. Советские части сковали на Орловском выступе значительные силы противника, немцы в своей сводке «забыли» не только об этом, но и о том, что были уничтожены свыше 2 500 фашистов и до 70 танков [Еременко 2006: 244].

Кроме событий в Сталинграде, в сводках германского командования особое место занимала информация о боевых действиях немецких войск за нефтеносные районы на Кавказе, в том числе и в излучине Терека. Как характеризовал П. Карель, Гитлер был буквально помешан на нефти, и он желал выйти к Тифлису и Баку по старым кавказским военным дорогам и поэтому приказал командующему группы армий «А» генерал-фельдмаршалу Листу уничтожить противника в излучине Терека и продолжить наступление через Терек на Грозный [Карель 1 2004: 471–472].

По утверждениям П. Кареля, а также маршала А. А. Гречко, ожесточенные сражения в районе Терека в течение сентября шли с переменным успехом. Все же противник, по заключению А. А. Гречко, не смог достигнуть оперативного успеха и вынужден был остановиться [Гречко 1971: 120]. Но в Моздоке, как писал П. Карель, как и везде, германским войскам не хватило сил для продолжения наступления. Русские просто оказались слишком сильны, а немецкие войска — слишком малочисленны и вымотаны боями [Карель 1 2004: 468].

Поэтому в сводках немецкого командования боевые действия на Тереке ограничивались фактически общими фразами: «У реки Терек бои продолжаются. Неприятель оказывает ожесточенное сопротивление. Контратака неприятеля отражена» («Свободная земля». 20.09.1942. № 7) [Без срока давности 2020: 292].

Таким образом, гитлеровским войскам не удалось развить успех на грозненском направлении. Советские войска, ведя ожесточенные бои, укрепились на оборонительных рубежах по Тереку, на Терском и Сунженском хребтах, в Алханчуртской долине, в районе Баксана и на других участках фронта. Попытки противника выбить советские части с этих позиций провалились.

Фашистские пропагандистские сводки, скрывая явные крупные поражения и огромные потери своих войск, носили дезинформационный характер, преподносили ложные сведения о боевых успехах германской армии, о разгромленных соединениях советских войск, захваченных пленными и трофеях. Военные сводки вермахта по своим целям фактически являлись одним из рупоров официальной геббельсовской пропаганды. Несмотря на развитие роковых событий во второй половине 1942 г. для германской армии на Восточном фронте, нацистская пропаганда продолжала трубить об успехах немецких и союзных войск на всех театрах войны. Сводки верховного командования вермахта постоянно доносили до сведения читателей о том, что германская армия повсюду сокрушает противников, несмотря на их упорное сопротивление, наносит им огромные потери, стремительно приближается к победе.

Эта ложная информация особенно видна из военной сводки главного командования вермахта в № 17 газеты от 13 октября 1942 г., в которой сообщалось о том, что «с 29 сентября по 9 октября советская авиация потеряла 459 самолетов, а мы — всего 36» [Без срока давности 2020: 301].

Между тем известно, что в этот период с учетом даже напряженных Сталинградской и Северо-Кавказской оборонительных операций ежедневные боевые потери советских самолетов составляло не более 19–20 [Великая Отечественная 2009: 346]. Так что немецкая пропаганда потери советской авиации преувеличила ровно вдвое.

По немецким данным, во второй половине 1942 г. фашисты на всех фронтах, в основном в Сталинграде и на Кавказе, потеряли 5 240 самолетов, т. е. в среднем в месяц по 873 самолета, в день — по 28–29. Из них за период только с 19 ноября по 31 декабря 1942 г. немцы лишились около 3 000 само-

летов [Затянувшийся блицкриг 2006: 422, 465].

Учитывая, что немецкая военная авиация понесла огромные потери в ноябре — декабре 1942 г., рейхсмаршал Г. Геринг пытался использовать Люфтваффе для обеспечения окруженной 6-й армии Ф. Паулюса в достаточном объеме непрерывным материально-техническим, продовольственным снабжением по воздуху. Всего было зарегистрировано 550 потерянных в этой акции машин, т. е. 30 % всех использовавшихся самолетов. «Это было страшно много, — писал П. Карель, — столько не терял ни один воздушный флот мира» [Карель 2005: 284].

Помимо этого, немалый урон был нанесен немецкой авиации в период попытки группы армий «Дон» деблокировать и вызволить оказавшиеся в кольце немецкие войска. В это же время, как писал П. Карель, назревал своего рода супер-Сталинград. Группе армий «Дон» Э. Манштейна пришлось срочно отступать, так как она могла бы оказаться отрезанной, и 1-й танковой и 17-й полевой армиям — покинуть Северный Кавказ [Карель 2005: 295–296].

В ходе масштабного сражения на Волге, внесшего коренной перелом не только в Великой Отечественной войне, но и во Второй мировой войне, ежедневные потери самолетов противоборствующих сторон почти были одинаковы — 19–20. Тем самым немецкие пропагандисты количество потерянных в бою своих самолетов за указанные дни (29 сентября — 9 октября) уменьшили почти в 5–6 раз.

Особенность военных сводок командования вермахта как исторических источников заключалась в том, что они откровенно раскрывали истинную суть фальшивой нацистской пропаганды. Явно наблюдалось: чем трагичнее становилось положение германских войск, тем лживость сводок достигала апогея.

Ложь в военных сводках вермахта, конечно, являлась одной из разновидностей приемов, применявшихся в дезинформационной политике фашистской Германии. Поэтому фашистская пропаганда в военных сводках катастрофическое положение блокированных своих войск под Сталинградом вообще скрывала или иногда ограничивалась лишь описанием незначительных боевых эпизодов в городе. С целью отвле-

чения внимания от неминуемой катастрофы, безысходности 6-й армии Ф. Паулюса и других соединений германской армии, окруженных под Сталинградом, в военных сводках вермахта, опубликованных в газете «Свободная земля», по-прежнему в геббельсовском духе лгали, фальсифицировали, приукрашивали свои дела на других театрах военных действий Восточного фронта.

Рубрика «В освобожденных областях»

Рубрика «В освобожденных областях» в газете «Свободная земля» представляла собой особый вид жанра, применявшийся фашистами только в газетах оккупированных территорий СССР. Основная цель данной рубрики заключалась не только в пропаганде ложной восточной политики фашистской Германии, но и преследовалась практическая задача — обманном путем привлечь население оккупированных советских территорий к сотрудничеству с немцами, активной трудовой деятельности в интересах Германии. Поэтому неслучайно оккупанты восстанавливали именно те предприятия и организации, которые были необходимы для обслуживания и обеспечения продовольствием и вещами военных частей германской армии, для лечения и развлечения солдат, для отвлечения населения от истинных целей нацистских захватчиков.

Скрывая истинные цели войны — расширения «жизненного пространства» на Востоке и порабощения советского народа, в этой рубрике нацистские пропагандисты пытались показать, как фашисты якобы в реальности осуществляют в «освобожденных немцами областях» обещанные свободу от большевизма, обеспечение лучшей экономической и культурной жизни, и убедить население оккупированных территорий в искренности якобы их намерений. Публиковавшиеся сообщения в этой рубрике якобы «о больших достижениях в восстановлении разрушенной экономики, социальной инфраструктуры, развитии культуры» преподносились как реальный успех «нового порядка», установленного нацистами, как результат деятельности оккупационных властей.

Факты, сведения об «огромных успехах» в строительстве «нового порядка, новой жизни», которые нацистские пропагандисты сообщали из оккупированных Украины, Белоруссии, отдаленных западных райо-

нов России в местной газете Элисты, в тех военных условиях представлялось невозможным проверить или узнать из других источников, насколько это достоверно или ложно. С учетом этого фактора создавалась концепция ложной информационной технологии фашистов.

В рубрике «В освобожденных областях» газеты «Свободная земля» немецкие пропагандисты, учитывая идеологию националистов Украины (групп Бандеры и Мельника), активно сотрудничавших еще с 1938 г. с нацистами, особое внимание уделяли распространению якобы крупных достижений Украины благодаря немцам и «новым порядкам». Здесь фашисты, видимо, рассчитывали на позитивное восприятие читателями благосклонного отношения гитлеровцев к украинцам, которые благодаря этому пользуются заслуженной поддержкой и заботой со стороны немцев. Тем самым оккупанты откровенно пропагандировали «самый верный путь достижения благосклонности и помощи с их стороны — сотрудничество с ними» [Без срока давности 2020: 295].

Однако фашисты, согласно национал-социалистической идеологии, и украинцев относили к «унтерменшам» («недочеловекам»), которые, по мнению фашистов, подлежали уничтожению, превращению выживших в рабов «германских господ». В секретном меморандуме по украинскому вопросу в январе 1942 г. генерал-фельдмаршал фон Рейхенау отмечал, что «Украине отводится лишь место региона колониальной эксплуатации, что жизнь местного населения не должна приниматься во внимание и что голодная смерть и уничтожение миллионов украинцев для германских завоевателей не играют никакой роли» [Вторая мировая война 2005: 113, 123].

Поэтому немцы готовили украинцам на будущее соответствующие рецепты на изготовление продуктов питания. В газете «Свободная земля» сообщалось, что «Киевский институт экспериментальной медицины занимается исследованием состава различных растений, могущих служить примесью при изготовлении хлебных и кондитерских изделий. Научные работники института нашли способ употребления дикого каштана в пищу, очищая каштановые ядра от горького привкуса. Институт провел вполне удачные опыты по изготов-

лению муки как из дикого каштана, так из желудей, причем из этой муки, смешанной с пшеничной или ржаной, можно выпекать хлеб и другие изделия» («Свободная земля». 13.12.1942. № 43) [Без срока давности 2020: 365].

А сами немцы, как явствовала информация из Кременчуга («Свободная земля». 22.11.1942. № 34), вывозили, под видом сдачи государству, из Украины в Германию натуральную пшеницу нового урожая 1942 г. В ней отмечалось, что применяется ускоренная технология погрузки зерна в вагоны: «Благодаря такому усовершенствованию, необходимые вагоны для транспорта задерживаются только на несколько часов на перегрузочном месте» [Без срока давности 2020: 341].

В 1945 г. самим немцам пришлось употреблять в пищу полученные суррогатные продукты в результате экспериментального исследования указанным институтом. С прекращением в Германии с весны 1945 г. регулярного снабжения населения продовольствием, местные отделения нацистской партии получили директиву о жизни «при простейших условиях», рекомендовавшую «новейшие питательные средства» — хлеб из рапса, древесная кора, каштаны, кофе из желудей. Директива также предлагала собирать и употреблять в пищу травы, дикie растения, ягоды, корни, грибы, теплокровных животных, лягушек, улиток и т. д. [Родионов 2010: 268–269]. Так что «изобретение» нацистов для украинцев пригодились самим немцам.

В рубрике «В освобожденных областях» газеты «Свободная земля» публиковалась информация не только из оккупированных украинских городов, но и отдельных белорусских, российских городов, районов. По объему информации из оккупированных городов, опубликованных в газете «Свободная земля», после Украины занимает Белоруссия. Во многих номерах газеты была дана информация якобы об успехах оккупационных властей Белоруссии в школьном, культурном, экономическом строительстве, особенно в сельском хозяйстве.

В газете «Свободная земля» рассказывалось о том, что якобы благодаря гитлеровской оккупационной власти в Белоруссии получает развитие наука, в том числе и ар-

хеологические исследования. Сообщалось, что «при раскопках в окрестностях Минска найдены бронзовые чаши, сосуды и предметы обихода, относящиеся к позднейшей эпохе викингов. Видимо, дело касается могил тех северных племен, которые основали древнерусское государство» («Свободная земля». 17.11.1942. № 32) [Без срока давности 2020: 335].

Тем самым, как видим, фашисты вопреки советским ученым, отрицавшим норманнскую теорию происхождения древнерусского государства, под видом новых археологических источников обосновывали выгодную им в тот период свою теорию истории древнерусского государства. Это вполне вписывалось в расистское мировоззрение Гитлера о том, что славянам присуще негативное качество, русский народ не способен к самостоятельной государственности и политике вообще.

Расширяя в сводках географию оккупированных городов, нацистские пропагандисты писали о том, как оккупационные власти «стараятся улучшить» жизнь населения захваченных территорий Советского Союза.

Штампованные, трафаретные, подобного рода лживые пропагандистские информации о переходе «к новому немецкому порядку» и «достижениях» печатались и из городов Северного Кавказа, Крыма, районов Смоленской, Псковской, Курской, Брянской, Ленинградской областей.

К этой же рубрике «В освобожденных областях» относились пропагандистского характера публикации, посвященные якобы проявляемой заботе, огромной помощи немцев временно оккупированной Калмыкии в установлении «нового порядка, строительстве свободной и счастливой жизни, восстановлении экономики, культуры».

Нацистские пропагандисты, отнеся Калмыкию к освобожденным областям, все то, что делалось в интересах немецких военных частей, преподносили как благодеяние, подарок фашистов народу Калмыкии.

Во многих номерах газеты военная комендатура и Элистинское городское управление с чувствами высоких «благодетелей» сообщали, что в Элисте восстанавливаются, строятся предприятия для обеспечения населения продуктами питания. Отмечалось, что уже пущены в эксплуатацию маслобойный завод и мельница, которая будет

производить помол зерна для обеспечения граждан хлебом. В № 35 была опубликована информация о том, что на днях пущена в работу хлебопекарня. Теперь население города вполне будет обеспечено хлебом («Свободная земля». 24.11.1942. № 35) [Без срока давности 2020: 343–344].

На самом деле такая «забота» о помоле зерна и выпечке хлеба, выработке масла вызывалась, конечно, не стремлением обеспечить гражданское население хлебом, растительным маслом, а необходимостью продовольственного снабжения солдат фашистской армии, вывоза сельскохозяйственной продукции и сырья в Германию.

Статьи о культуре, религии «освобожденных народов»

Следующей проблемой для фашистских оккупантов, после «организации», согласно нацистской политике сокращения населения Советского Союза, продовольственного его «обеспечения», являлась имитация проявления заботы о развитии культуры, образования, предоставлении свободы религии «освобожденным» народам. На самом деле фашистские захватчики, учитывая религиозный подъем среди населения СССР с началом войны, с целью отвлечения его и благосклонного расположения жителей оккупированных территорий к себе, провозглашали свободу отправления религиозных традиций, обрядов, право верующих на организацию религиозных объединений. С первых же дней оккупации фашисты, не отдавая предпочтение ни одной из религий, с целью использования ее как отвлекающего средства от сопротивления, с целью привития покорности, под видом проявления заботы о населении разрешали открывать молитвенные дома, церкви, хурулы, привлекать к духовной службе вернувшихся из мест заключения репрессированных советской властью священнослужителей.

Подводя итоги якобы успешной реализации германской религиозной политики в Калмыкии, ротмистр Рихтгофен, как «ярый защитник интересов», традиций калмыков, в статье «Молотов хулит буддийское духовенство», интерпретируя антирелигиозную политику Советского государства с позиции своего якобы гуманизма, гневно обрушился на В. М. Молотова. Он обвинял его в непочтительном отношении к буддийской религии, духовенству, оскорблении рели-

гиозных чувств монголоязычных народов («Свободная земля». 27.12.1942. № 49) [Без срока давности 2020: 376–377].

Смысл статьи заключался, конечно, не в защите нацистом Рихтгофеном буддизма, не в стремлении подъема религиозной культуры, предоставлении права свободного вероисповедания народами Советского Союза, в том числе и Калмыкии. А в том, чтобы, используя религию как инструмент в идеологической обработке населения оккупированных территорий, привести его к покорности, привлечь на свою сторону, очернить советский строй. В конце этой статьи предельно откровенно раскрывалась цель проводимой нацистами религиозной политики. Монгольские народы, говорилось в ней, должны покончить не с буддизмом, как призывал В. М. Молотов, а оказать содействие Германии, Японии и их союзникам в большой освободительной войне стряхнуть большевизм.

Фашистские пропагандисты старались убедить население оккупированных районов СССР, в том числе и Калмыкии, в том, что они являются освободителями советского народа, их миссия — установить «новый порядок», предоставить право свободного развития, оказать помощь в подъеме культуры, образования, благосостояния, восстановить утраченные традиции, обычаи. При этом немцы старались напомнить о том, что они знакомы и относятся к известной калмыцкой культуре с большим уважением.

В газете «Свободная земля» была помещена заметка «Калмыцкая юрта в Гамбургском музее», рассказывавшая о том, что в этнографическом музее Гамбурга, в одном из крупных городов Германии, представлена в производящих впечатление коллекциях культура калмыцкого народа. «Украшением коллекции является, между прочим, в совершенстве воспроизведенная калмыцкая юрта, она обставлена внутри богато и со вкусом. Висящая над ней объяснительная табличка популярно знакомит посетителей музея с калмыцким народом, его историей, языком и старой культурой» («Свободная земля». 08.11.1942. № 28) [Без срока давности 2020: 323].

Автором статьи, подписавшимся под псевдонимом Б. Ф. Ри., являлся тот же ротмистр, профессор Bolko Frhr. von Richthofen

(Болко Фрхр. фон Рихтгофен), крупный специалист по истории восточных народов, в том числе калмыцкого. Он в период оккупации находился при штабе 16-й мотодивизии в качестве особо уполномоченного по Калмыкии отдела иностранных армий главного командования вермахта [[Хальмэг 1943: № 9–10](#)].

В другом номере газеты «Свободная земля» (№ 30 от 12.11.1942) была помещена его же статья под названием «Памятник калмыцкому художнику в Германии». В ней автор писал, что в одном из очень многочисленных, особенно красивых и покровительствующих искусствам, городов Германии — столице Баденской области Карлсруэ стоит памятник одаренному сыну калмыцкого народа — художнику Федору Ивановичу Калмыку. Рихтгофен внес в его биографию некоторые коррективы, придав несколько идеологический оттенок. Он писал, что «Федор Калмык, не найдя в России возможностей для своей деятельности, переехал в Германию» [[Без срока давности 2020: 329](#)]. Между тем, как известно, в 1770 г. шестилетним его привезли из калмыцких кочевий в Петербург в дар Екатерине II, которая в 1774 г. подарила его баденской принцессе Амалии Фредерике. Федор учился живописи у придворного художника немца Меллинга, директора картинной галереи Боккера. Он совершенствовал свое мастерство в Италии, Греции, Англии.

Далее Рихтгофен завершил статью о Федоре Калмыке в духе нацистской пропаганды. В заключение он писал, что «Федор Иванович Калмык счастливым образом соединил свои наследственные способности прирожденного калмыка с основательным знанием западной культуры и искусства, в особенности культуры и искусства Германии и Италии».

Сегодня, когда германцы и итальянцы воюют рядом за освобождение народов СССР, и германцы уже окончательно освободили от большевистского ига большую часть Калмыцкой области, мы особенно охотно вспоминаем о Федоре Ивановиче Калмыке, о его жизненном пути и о его творческих успехах» («Свободная земля». 12.11.1942. № 30) [[Без срока давности 2020: 328–329](#)].

Авторские статьи

Немалое место в газете «Свободная земля» занимали авторские статьи (ротмистра Б. фон Рихтгофена, И. Ф. Агеева, Н. Н. Тарасова, В. Мануйлова, Б. Цуглинова и др.), тематический спектр которых был разнообразен — от политических, идеологических до фольклорных тем. Основная цель статей заключалась в формировании негативного образа советского строя, политики государства и его руководителей, отрицательного отношения к партизанскому движению, демонстрации силы и мощи Германии, в пресечении сопротивления населения оккупированных территорий, в привлечении его на сторону врага. По содержанию они являлись антисоветского, «разоблачительного», идеологического характера, а по назначению — пропагандистским материалом, демонстрировавшим превосходство Германии и призывавшим к сотрудничеству с врагом, якобы несущему свободу, освобождение от большевизма.

В первых семи номерах газеты была напечатана статья ее редактора В. Мануйлова «Большевизм — название огромной страны тюрьмы». Судя по статьям в имеющихся номерах газеты, автор, оперируя известными конкретными фактами, раскрывает в основном деятельность и политику большевиков по установлению советской власти и строительству нового государства социалистического типа. Однако при этом он, интерпретируя главные события и факты в духе нацистской идеологии, пропаганды, стремился показать советское государство только с негативной стороны.

Основная цель статьи, опубликованной в семи номерах, конечно, заключалась не только в том, чтобы вызвать у населения отрицательное отношение к советскому строю, но и привлечь жителей к сотрудничеству с фашистами.

Наибольшее количество авторских публикаций на страницах газеты, безусловно, принадлежало ротмистру Болко фон Рихтгофену, о котором выше уже говорилось. Из сохранившихся 31 номеров газеты в 15 номерах имеются его публикации под псевдонимом Б. Ф. Ри. на разные темы. В газете № 42 от 10 декабря 1942 г. опубликовано даже его стихотворение в переводе с немецкого на калмыцком языке «Мана хальмг сандурачнр» [[Без срока давности 2020: 362](#)].

Правда, его авторство не указано, лишь в примечании сказано, что стихотворение написано немецким офицером. Из немецких офицеров 16-й мотодивизии, временно оккупировавшей часть территории Калмыкии, упражнялся сочинением стихов на калмыцкие темы только ротмистр Б. фон Рихтгофен. Его стихи на немецком языке на калмыцкие сюжеты публиковались и в журнале белой эмиграции «Хальмэг», издававшемся с мая 1943 г. в Берлине Калмыцким национальным комитетом (Хальмэг Тангэчин комитетин судэр) [Максимов 2020: 374–375].

И. Ф. Агеев, назначенный немцами начальником отдела здравоохранения Элистинской горуправы, опубликовал в газете немало статей на разные темы, но большую часть посвятил медицине (различным заболеваниям) и здравоохранению. Только на тему «Советское здравоохранение» была опубликована его статья в четырех номерах газеты (№№ 12–15), поставившая под сомнение наличие нормального медицинского обслуживания населения в стране. В ней он, восхваляя организацию здравоохранения в Германии, развитие медицинской науки, состояние медицинского обслуживания населения, выражал уверенность в том, что с приходом немцев открываются перспективы качественного подъема здравоохранения, лечебного дела в Калмыкии.

Коллаборационисты, занимавшие руководящие должности в оккупационной администрации, почти все выступали со статьями на страницах газеты, в том числе и Б. Цуглинов, второй глава Элистинской горуправы. Весьма объемная его статья «Очистить степь от большевистской скверны» (газета «Свободная земля», № 7 от 20 сентября 1942 г.) [Без срока давности 2020: 293] была посвящена борьбе с партизанским движением в Калмыкии. С явным провалом 1942 г. летней германской кампании, ухудшением положения гитлеровской армии, нарастанием сопротивления советского народа нацисты ухватились за идею разжечь гражданскую войну в России, втянуть местное население в борьбу с партизанским движением. Поэтому главной целью его статьи была скомпрометировать партизан Калмыкии в глазах местного населения, лишить их народной поддержки, привлечь жителей к борьбе с партизанами.

Авторские статьи являются ценными историческими источниками не только в изучении применявшихся нацистами разнообразных приемов и методов пропаганды, но и сущности коллаборационизма, роли коллаборационистов в нацистской пропаганде.

Анонимные статьи

Особую группу в газете представляют статьи без авторства. Судя по содержанию и целевой направленности, они, по всей вероятности, редакторские публикации. Эти статьи носили явно идеологический, политический характер, поскольку активно пропагандировали образ жизни, культуру, якобы достигнутые высокие производственные успехи, превосходство вооружения, сплоченность немецкого общества, веру в победы Германии. Некоторые статьи преподнесены так, будто написаны советскими людьми из оккупированных территорий, посетившими Германию, и как якобы рассказы советских военнопленных, свободно гулявших по Берлину.

Наряду с авторскими статьями на страницах оккупационной газеты печатались под псевдонимом стихотворения с теми же пропагандистскими целями отвлекающего, успокаивающего характера, восторженного ожидания «даруемой фашистами свободной жизни». Стихотворения также несли пропагандистскую нагрузку, воспевая концепцию нацистской пропаганды об освободительной миссии германской армии, избавлении советского народа от большевизма, советской власти, о наступлении прекрасного будущего народа Калмыкии.

Наряду со стихотворениями в газете были напечатаны несколько анекдотов, частушек на антисоветские, антисемитские темы, карикатурного характера на боевые действия Красной армии, советскую действительность, идею строительства коммунизма. Их следует отнести к источникам по изучению пропагандистского материала, носившего разоблачительный, дискредитационный характер.

Нацистские пропагандисты, помещая небольшие информации в газете, в сжатой и краткой форме превозносили якобы неуклонно крепнущую военную мощь, военное преимущество фашистской Германии, единство, сплоченность германского народа вокруг своего «гениального» фюрера. В ко-

нечном итоге — якобы неизбежность победы немецкого народа в войне, «расширение его жизненного пространства» на Востоке.

Наряду с небольшими по объему информациями, пропагандировавшими якобы небывалые успехи Германии на фронте и в тылу, в оккупационной газете помещали подобные же по форме дезинформации якобы о катастрофическом положении в СССР, о неизбежном поражении его армии, уничтожении большевизма.

В фашистской газете «Свободная земля» нацистские пропагандисты немалое значение придавали печатанию такого «малого» жанра, как приказы, распоряжения, воззвания, сообщения, извещения, объявления военной и гражданской администрации оккупационных властей. К этой категории жанра по характеру и назначению были близки некрологи, которые, сообщая, информируя о тех или иных военных событиях, гибели человека в сражениях, имели определенное пропагандистское и агитирующее значение.

Этот «малый» жанр представляет ценный исторический источник по изучению вопросов организации фашистского «нового порядка», управления оккупированными территориями, по изучению органов военной и гражданской администрации, служб по обеспечению и соблюдению установленного захватчиками режима. Помимо этого, в нем имеются представляющие интерес сведения о проводившихся мерах немцами по надзору за мирным населением, учету и принудительному привлечению его к трудовой повинности, сотрудничеству. Он является весьма ценным материалом, раскрывающим фашистскую политику грабежа, насилия с целью снабжения своей армии продовольствием, вещами, а также вывоза в Германию скота, сельскохозяйственной продукции, техники, сырья.

Заключение

Сохранившиеся номера газеты «Свободная земля», издававшейся фашистскими оккупационными властями в кратковременный период (сентябрь–декабрь 1942 г.), являются ценнейшими историческими источниками по изучению сущности национал-социалистической политики пропаганды. Рассматриваемая газета раскрывает, прежде всего, приемы и методы лживой пропаганды о превентивности войны со

стороны фашистской Германии, замаскированной захватнической, грабительской политики, политики «расширения жизненного пространства» на Востоке, превращения советских людей в рабов. Фашистская пропаганда, трубя об освободительной миссии германской армии, скрывала экспансионистские планы, намерения нацистов относительно будущего России.

Во всех видах жанров газеты, которые нацистские пропагандисты применяли в ней, вплоть до объявлений, преследовалась единая цель — пропаганда методами обмана, дезинформации, запугивания демонстрацией силы, морального, психологического воздействия расколоть советское общество, с помощью методов успокоения и лживых обещаний привить населению оккупированных территорий квиетизм, принудить к сотрудничеству.

Газета «Свободная земля» также выполняет источниковую базу истории Калмыкии военного периода, особенно периода ее оккупации частями германской армии. Она является ценным историческим источником по исследованию вопросов подготовки нацистов к оккупации и управлению захваченным регионом, по изучению структуры военного и административного органов управления оккупированной территорией, их задач и функций, административного персонала, поступившего на службу фашистам, организации пропагандистской службы. В газете имеются важные сведения о проводившей немцами политике в конкретной оккупированной территории с ее особенностями, о политике грабежа с целью обеспечения своей армии продовольствием, теплыми вещами, вывоза в Германию скота, сельскохозяйственной продукции, сырья.

Газета как исторический источник позволяет изучить фашистские методы принуждения населения под страхом смерти, обмана к созданию бытовых условий для солдат, к строительству военно-оборонительных объектов (дорог, мостов, окопов, траншей, аэродромов, укрытия для танков и др.), издевательства над мирным населением.

Немаловажное значение имеет газета как исторический источник в объективном освещении некоторых вопросов истории Калмыкии военного периода. В частности, к

таким проблемам, получившим неоднозначное освещение в историографии, относятся количество сформированных немцами эскадронов до отступления их из Калмыкии, введение и распределение оккупантами видов налогов независимо от национальностей, сведения об отдельных личностях и т. д. Все эти факты и сведения позволят дополнить, уточнить и объективно осветить отдельные страницы истории Калмыкии периода войны.

Газета «Свободная земля» является ценным историческим источником, свидетельствующим о провале, полной неудаче активно проводившейся массовой пропаганды на оккупированной территории Калмыкии, о напрасной потуге фашистских пропагандистов.

Положительные тенденции в развитии довоенного периода экономики, культуры, образования, социальной инфраструктуры, национальной государственности населением Калмыкии воспринимались как результат легитимного социально-политического строя. Новое положение в политической, государственной жизни советского общества в массовом сознании калмыцкого народа отражалось весьма позитивно. Население Калмыкии со всеми народами Советского Союза поднялось не только на борьбу за свою независимость, государственный суверенитет, спасение Отечества, но и за спасение существующего советского строя, сохранение сложившихся жизненных устоев, на защиту своего права на выживание.

В дни испытаний российский народ продемонстрировал свои лучшие качества, традиции, складывавшиеся в многовековой совместной борьбе с внешними врагами, показал твердость нравственных сил, преданность своей земле, мужество, готовность к самопожертвованию во имя победы над врагом, умение сплотиться и организовать. Истоки и мотивы советского народа, вставшего единой силой на защиту своей Родины, достаточно ёмко раскрыл известный американский военный историк Дэвид Гланц. Он отмечал: «Чаще всего встречающееся суждение — советский народ защищал свое Отечество, Россию от чужезем-

ного вторжения — правильно, но неполно. Это стремление свойственно всем народам. Но в СССР исторически сложилось так, что патриотизм отдельных народов стал неотделим от признания русских „старшим братом“ и „чувства единой семьи“. Каждый народ, спасая себя от порабощения, вместе с другими народами защищал единую Родину — Советский Союз, в составе которого узбеки и казахи, татары и чуваша, многие другие народы обрели государственность, создали свою промышленность, получили возможность для развития своего языка, национальной культуры, подготовки национальных кадров и т. д.» [Гланц 2009: 294–295].

Главный вывод в том, что гитлеровцы не учли уроки истории всех тех, кто, как писал У. Леги, видный военный деятель США, «пытался завоевать Россию и потерпел поражение», а также своевременно не смогли понять то, что американцы в годы Второй мировой войны осознали потенциал и роль России на мировой арене. Корделл Хэлл, государственный секретарь США в 1933–1944 гг., в своих воспоминаниях писал о том, что «Россия, страна непредсказуемой мощи» [Вторая мировая 1990: 403, 351].

Ведь были тогда умные в политике американцы, объективно, реалистично оценивавшие и понимавшие Россию и выстроившие с ней союзнические отношения. Да, действительно, вполне солидаризуясь с мнением Б. Громова, Героя Советского Союза, председателя Всероссийской общественной организации ветеранов «Боевое братство», в оценке качеств отдельных категорий личности США в политике по отношению к России [Громов 2021], можно сказать, что ныне политики США, мягко говоря, не отличаются этим качеством, нежели их коллеги времен Второй мировой войны.

Политика настоящего, как известно, складывается из оценок политики прошлого. Поэтому на виртуальной встрече в декабре 2021 г. президент России В. В. Путин и президент США Д. Байден с пониманием признали: «Союзничество в годы Второй мировой войны должно быть примером совместной работы сегодня» [Латухина 2021].

Источники

Без срока давности 2020 — Без срока давности: преступления нацистов и их пособников против мирного населения на оккупированной территории РСФСР в годы Великой Отечественной войны. Республика Калмыкия: Сб. арх. док. / отв. ред. серии Е. П. Малышева, Е. М. Цунаева; сост. С. П. Замбаева, Э. А. Илюмжинова, Р. М.

Кичаев, К. Н. Максимов, А. В. Манджиев, С. С. Манджиева, Г. В. Семенова, В. В. Тактинова, Р. Б. Тогаева (отв. ред.), В. В. Чуджаева. М.: Фонд «Связь эпох», Икс-Хистори, 2020. 400 с.

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Хальмэг 1943 — Журнал «Хальмэг». 1943. № 9–10.

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.
Zambaeva S. P. et al. (comps.), Togaeva R. B. (ed.)
Without Statutes of Limitations: Crimes of Nazi
Invaders and Their Collaborationists against

Civilians in Occupied Territories of the RSFSR during the Great Patriotic War. Republic of Kalmykia. E. Malysheva, E. Tsunaeva (series eds.). Moscow: Svyaz Epokh, X-History, 2020. 400 p. (In Russ.)

Khalmeg (journal). 1943. No. 9–10.

Литература

Адам 2011 — *Адам В.* Воспоминания адъютанта Паулюса. М.: Вече, 2011. 480 с.

Бахман 1981 — *Бахман К.* Кем был Гитлер в действительности. М.: Прогресс, 1981. 207 с.

Варлимонт 2005 — *Варлимонт В.* В ставке Гитлера. Воспоминания немецкого генерала. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. 575 с.

Великая Отечественная 2009 — Великая Отечественная без грифа секретности. Книга потерь. Новейшее справочное издание / авт.: Г. Ф. Кривошеев и др., ред. А. В. Кирилин. М.: Вече, 2009. 384 с.

Ветте 2005 — *Ветте В.* Образ врага: расистские элементы в немецкой пропаганде против Советского Союза // Вторая мировая война: Взгляд из Германии: сб. ст. / авт.: К. Штрайт, А. В. Исаев, Г.-А. Якобсен, Г. Шрайбер и др.; сост. М. Чернов. М.: Яуза, Эксмо, 2005. С. 94–124.

Вторая мировая война 1990 — Вторая мировая война в воспоминаниях У. Черчилля, Ш. де Голля, К. Хэлла, У. Леги, Д. Эйзенхауэра / сост. Е. Я. Трояновская. М.: Политиздат, 1990. 558 с.

Вторая мировая война 2005 — Вторая мировая война: Взгляд из Германии: сб. ст. / авт.: К. Штрайт, А. В. Исаев, Г.-А. Якобсен, Г. Шрайбер и др.; сост. М. Чернов. М.: Яуза, Эксмо, 2005. 416 с.

Гланц 2009 — *Гланц Д.* Восставшие из пепла. Как Красная Армия 1941 года превратилась в Армию Победы. М.: Яуза, Эксмо, 2009. 544 с.

Гречко 1971 — *Гречко А. А.* Битва за Кавказ. 2-е изд., доп. М.: Воениздат, 1971. 494 с.

Громов 2021 — *Громов Б.* «Необходимо выстраивать диалог с новым руководством

Афганистана» // Российская газета. 2021. 12 ноября. № 257 (8608). С. 12.

Дашичев 2005 — *Дашичев В. И.* Стратегия Гитлера — путь к катастрофе, 1933–1945: исторические очерки, документы и материалы: в 4 т. Т. 3: Банкротство наступательной стратегии в войне против СССР, 1941–1943. М.: Наука, 2005. 607 с.

Еременко 2006 — *Еременко А. И.* Сталинград: Участникам великой битвы под Сталинградом посвящается. М.: АСТ; Хранитель, 2006. 555 с.

Ермолов 2010 — *Ермолов И. Г.* Три года без Сталина. Оккупация: советские граждане между нацистами и большевиками. 1941–1944. М.: ЗАО Центрполиграф, 2010. 383 с.

Затянувшийся блицкриг 2006 — Затянувшийся блицкриг. Германские генералы о войне в России / Г. фон Рунштедт, К. Дитмар, Э. фон Буттлар [и др.]. М.: Яуза, Эксмо, 2006. 480 с.

Зульцман 1998 — *Зульцман Р.* Пропаганда как оружие войны // Типпельскирх К., Кессельринг А., Гудериан Г. и др. Итоги Второй мировой войны. Выводы побежденных. СПб.; М.: Полигон, 1998. С. 516–545.

Карель 1 2004 — *Карель П.* Восточный фронт. Книга первая. Гитлер идет на Восток. 1941–1943. Изографус, Эксмо, 2004. 560 с.

Карель 2 2004 — *Карель П.* Восточный фронт. Книга вторая. Выжженная земля. 1943–1944. М.: Изографус, Эксмо, 2004. 432 с.

Карель 2005 — *Карель П.* Сталинград. Крах операции «Блау». М.: Эксмо, 2005. 352 с.

Латухина 2021 — *Латухина К.* Двое на одной линии. Владимир Путин и Джо Байден обсудили острые моменты в отношениях России и США // Российская газета. 2021. 9 декабря. № 280 (8631). С. 1–2.

- Максимов 2020 — *Максимов К. Н.* Калмыки и Калмыкия в новейшей истории России. М.: Наука, 2020. 781 с.
- Манштейн 2009 — *Манштейн Э.* Утерянные победы. Воспоминания фельдмаршала. М.: АСТ, 2009. 640 с.
- Мельников, Черная 1983 — *Мельников Д. Е., Черная Л. Б.* Преступник № 1. Нацистский режим и его фюрер. М.: Агентство печати Новости, 1983. 432 с.
- Мотадель 2020 — *Мотадель Д.* Ислам в политике нацистской Германии (1939–1945) / пер с англ. А. Космарского; под науч. ред. А. Захарова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020. 416 с.
- Мюллер 2010 — *Мюллер Н.* Вермахт и оккупация / ред. Г. Ю. Пернавский. М.: Вече, 2010. 368 с.
- Нюрнбергский процесс 1989 — Нюрнбергский процесс: сб. мат-лов. В 8 т. Т. 3. Отв. ред. А. Я. Сухарев. М.: Юрид. лит., 1989. 656 с.
- Нюрнбергский процесс 1990 — Нюрнбергский процесс: Сборник материалов. В 8 т. Т. 4 / отв. ред. А. Я. Сухарев. М.: Юрид. лит., 1990. 672 с.
- Окороков 2007 — *Окороков А. В.* Особый фронт: Немецкая пропаганда на Восточном фронте в годы Второй мировой войны. М.: Русский путь, 2007. 288 с.
- Органы государственной 2008 — Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. док. Т. 4. Кн. 1. Секреты операции «Цитадель». 1 января – 30 июня 1943 / сост. В. Ямпольский, В. Антонов, И. Белик и др. М.: Русь, 2008. 796 с.
- Путин 2020 — *Путин В. В.* 75 лет Великой Победы: общая ответственность перед историей и будущим // Российская газета. 2020. 19 июня. № 133 (8187). С. 1–3.
- Родионов 2010 — *Родионов В.* Расовые мифы нацизма. Врага надо знать! М.: Яуза-пресс, 2010. 384 с.
- Семиряга 2000 — *Семиряга М. И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М.: РОССПЭН, 2000. 863 с.
- Сталинградская эпопея 2012 — Сталинградская эпопея. Свидетельства генерал-фельдмаршала Фридриха Паулюса. 1939–1943. Ред. В. Гёрлиц. М.: Центрполиграф, 2012. 380 с.
- Тике 2005 — *Тике В.* Марш на Кавказ. Битва за нефть. 1942/1943. М.: Эксмо, 2005. 448 с.
- Филиппов 1970 — *Филиппов И. Ф.* Записки о «Третьем рейхе». Изд. 2-е. М.: Международные отношения, 1970. 248 с.
- Чуев 2004 — *Чуев С.* Проклятые солдаты. М.: Яуза, Эксмо, 2004. 576 с.
- Штеменко 2005 — *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны: От Сталинграда до Берлина. М.: АСТ; Транзиткнига, 2005. 746 с.
- Anti-Soviet War, 1941–1943. Moscow: Nauka, 2005. 607 p. (In Russ.)
- Filippov I. F. Notes on the ‘Third Reich’. 2nd ed. Moscow: Mezhdunarodnye Otnosheniya, 1970. 248 p. (In Russ.)
- Glantz D. Colossus Reborn: The Red Army at War, 1941–1943. Moscow: Yauza, Eksmo, 2009. 544 p. (In Russ.)
- Görlitz W. (ed.) Paulus and Stalingrad: A Life of Field Marshal Friedrich Paulus with Notes, Correspondence and Documents from His papers. Moscow: Tsentrpoligraf, 2012. 380 p. (In Russ.)
- Grechko A. A. Battle of the Caucasus. 2nd ed., suppl. Moscow: Voenizdat, 1971. 494 p. (In Russ.)
- Kirilin A. V. (ed.) The Great Patriotic War Unclassified: A New Reference Book of Casualties. Moscow: Veche, 2009. 384 p. (In Russ.)
- Latukhina K. Two on one line: Putin and Biden discussed tensions in Russia–US relations. Rossiyskaya gazeta. 2021, December 9. No. 280 (8631). Pp. 1–2. (In Russ.)

References

- Adam W. With Paulus at Stalingrad. Moscow: Veche, 2011. 480 p. (In Russ.)
- Bachmann K. The Truth about Hitler. Moscow: Progress, 1981. 207 p. (In Russ.)
- Boris Gromov: ‘Need to engage in dialogue with new authorities of Afghanistan’. *Rossiyskaya gazeta*. 2021 November 12. No. 257 (8608). Pp. 12. (In Russ.)
- Carell P. Hitler’s War on Russia. Vol. 1: Hitler Moves East, 1941–1943. Moscow: Izografus, Eksmo, 2004. 560 p. (In Russ.)
- Carell P. Hitler’s War on Russia. Vol. 2: Scorched Earth, 1943–1944. Moscow: Izografus, Eksmo, 2004. 432 p. (In Russ.)
- Carell P. Stalingrad: The Defeat of the German 6th Army. М.: Eksmo, 2005. 352 p. (In Russ.)
- Chuev S. The Cursed Soldiers. Moscow: Yauza, Eksmo, 2004. 576 p. (In Russ.)
- Dashichev V. I. Hitler’s Strategy — The Path Towards Catastrophe, 1933–1945: Historical Essays, Documents and Materials. In 4 vols. Vol. 3: Collapse of Offensive Strategies in

- Maksimov K. N. Kalmyks and Kalmykia in Russian Contemporary History. Moscow: Nauka, 2020. 781 p. (In Russ.)
- Manstein E. Lost Victories: The War Memoirs of Hitler's Most Brilliant General. Moscow: AST, 2009. 640 p. (In Russ.)
- Melnikov D. E., Chernaya L. B. Criminal No. 1: The Nazi Regime and Its Führer. Moscow: Novosti, 1983. 432 p. (In Russ.)
- Motadel D. Islam and Nazi Germany's War. A. Kosmarsky (transl.), A. Zakharov (ed.). Moscow: Gaidar Institute for Economic Policy, 2020. 416 p. (In Russ.)
- Müller N. Wehrmacht and Occupation. G. Pernavsky (ed.). Moscow: Veche, 2010. 368 p. (In Russ.)
- Okorokov A. V. The Special Front: German Propaganda in the Eastern Front of World War II. Moscow: Russkiy Put, 2007. 288 p. (In Russ.)
- Putin V. V. 75th anniversary of the Great Victory: Universal responsibility before history and future. Rossiyskaya gazeta. 2020, June 19. No. 133 (8187). Pp. 1–3. (In Russ.)
- Rodionov V. Racist Myths of the Nazi: Know the Enemy! Moscow: Yauza-Press, 2010. 384 p. (In Russ.)
- Rundstedt G. et al. The Failed Blitzkrieg: German Generals about War in Russia. Moscow: Yauza, Eksmo, 2006. 480 p. (In Russ.)
- Semiryaga M. I. Collaborationism during WWII: Essentials, Typology and Forms. Moscow: ROSSPEN, 2000. 863 p. (In Russ.)
- Shtemenko S. M. General Staff in War Years: From Stalingrad to Berlin. Moscow: AST; Tranzitkniga, 2005. 746 p. (In Russ.)
- Streit C., Isaev A. V. (comps.) World War II: A Look from Germany: Collected articles. Moscow: Yauza, Eksmo, 2005. 416 p. (In Russ.)
- Sukharev A. Ya. (ed.) Nuremberg Trials. Collected materials. In 8 vols. Vol. 3. Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1989. 656 p. (In Russ.)
- Sukharev A. Ya. (ed.) Nuremberg Trials. Collected materials. In 8 vols. Vol. 4. Moscow: Yuridicheskaya Literatura, 1990. 672 p. (In Russ.)
- Sulzmann R. Propaganda as implement of war. In: Tippelskirch K. et al. Outcomes of WWII: Conclusions of the Defeated. St. Petersburg; Moscow: Poligon, 1998. Pp. 516–545. (In Russ.)
- Tieke W. The Caucasus and the Oil: The German-Soviet War in the Caucasus 1942/43. Moscow: Eksmo, 2005. 448 p. (In Russ.)
- Troyanovskaya E. Ya. (comp.) World War II in Memoirs of W. Churchill, Ch. de Gaulle, C. Hull, W. Leahy, D. Eisenhower. Moscow: Politizdat, 1990. 558 p. (In Russ.)
- Warlimont W. Inside Hitler's Headquarters, 1939–1945. Moscow: Tsentrpoligraf, 2005. 575 p. (In Russ.)
- Wette W. Images of the enemy: Racist elements in German propaganda against the Soviet Union. In: Streit C., Isaev A. V. (comps.) World War II: A Look from Germany. Collected articles. Moscow: Yauza, Eksmo, 2005. Pp. 94–124. (In Russ.)
- Yampolsky V. et al. (comps.) Soviet State Security Services in the Great Patriotic War. Collected documents. Vol. 4. Book 1: The Secret of Operation Citadel, 1 January – 30 June 1943. Moscow: Rus, 2003. 796 p. (In Russ.)
- Yeremenko A. I. Stalingrad: To Participants of the Great Battle. Moscow: AST; Khranitel, 2006. 555 p. (In Russ.)
- Yermolov I. G. Three Years without Stalin: The Occupied Soviet Citizens between Nazis and Bolsheviks, 1941–1944. Moscow: Tsentrpoligraf, 2010. 383 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 14, Is. 6, pp. 1246–1258, 2021
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 930

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1246-1258

К вопросу о дискурсивных практиках в конструировании нового человека средствами советской фотографии (на материале публикаций в газете «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда») в 1957–1964 гг.)

Виктория Васильевна Куканова¹, Лариса Бадмаевна Манджикова²,
Любовь Борисовна Манджиева³

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, директор

 0000-0002-7696-4151. E-mail: vika.kukanova@gmail.com

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0000-0003-3902-2664. E-mail: 0862larisa@gmail.com

Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0000-0002-1761-2738. E-mail: mandzhieva@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Куканова В. В., Манджикова Л. Б., Манджиева Л. Б., 2021

Аннотация. *Введение.* Борьба за историческую правду, которая систематически осуществляется государством, делает актуальным обращение к теме Великой Отечественной войны, к исследованию дискурсивных практик в регионах советского государства. *Целью* данной работы является выявление дискурсивных практик в формировании нового человека при помощи фотографий, опубликованных в главной газете Калмыцкой АССР «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда») в период 1957–1964 гг. *Материалы и методы.* Методом сплошной выборки были рассмотрены чуть более 10 тыс. фотографий из газеты «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда») за период 1957–1964 гг., при этом анализировались и локальные фотографии, и те снимки, которые направлялись «центром» (ТАСС) для опубликования в республиканских средствах массовой информации. В качестве методов исследования применяются метод анализа фотографий на различных уровнях, количественные методы, метод экстраполяции. *Выводы.* В ходе анализа фотографий как визуальных свидетельств прошлого, опубликованных в региональной газете

«Хальмг үнн» в период 1957–1964 гг., было выявлено, что в идеологические приемы, использовавшиеся в этот период, не включалась в полной мере тема Великой Отечественной войны, которая выступала одним из способов конструирования общей советской идентичности, поскольку Великая Отечественная война навсегда теперь будет связана с депортацией народа. Визуальный ряд, создаваемый в республиканской газете, создает образ восстанавливаемой республики, что, на наш взгляд, обусловлено спецификой ситуации, а именно с депортацией, которая была осуществлена в годы войны и к тому же была связана с лживыми обвинениями народа в предательстве в период войны. По этой причине центр использует идею возрождения республики, которую воспринимали калмыки как идею возрождения народа, освобождению его от обвинений, очищению от клейма депортированного народа, что выражается в лейтмотиве всех фотографий (стройка, новые дома, новые здания), именно эта дискурсивная практика, используемая в газете, соответствует тем настроениям, которые фактически царили после возвращения из ссылки среди калмыцкого народа. Сочетание реальных эмоций людей и идеологических установок позволило сформировать нового советского человека в Калмыцкой АССР.

Ключевые слова: газета, фотография, визуальный источник, дискурсивные практики, Великая Отечественная война, депортация калмыцкого народа

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Национальные информационные ресурсы в научном и культурном пространстве» (номер государственной регистрации: АААА-А19-119090590086-0).

Для цитирования: Куканова В. В., Манжикова Л. Б., Манджиева Л. Б. К вопросу о дискурсивных практиках в конструировании нового человека средствами советской фотографии (на материале публикаций в газете «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда») в 1957–1964 гг.) // *Oriental Studies*. 2020. Т. 14. № 6. С. 1246–1258. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-58-6-1246-1258

Discursive Practices in the Formation of New Man through Soviet Photography Revisited: A Case Study of the *Khalmg Ünn* Newspaper, 1957–1964

Viktoriya V. Kukanova¹, Larisa B. Mandzhikova², Lyubov B. Mandzhieva³

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate, Director
 0000-0002-7696-4151. E-mail: vika.kukanova@gmail.com

² Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Junior Research Associate
 0000-0003-3902-2664. E-mail: 0862larisa@gmail.com

³ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., Elista 358000, Russian Federation)
Junior Research Associate
 0000-0002-1761-2738. E-mail: 0862larisa@gmail.com

© KalmSC RAS, 2021

© Kukanova V. V., Mandzhikova L. B., Mandzhiev L. B., 2021

Abstract. Introduction. The struggle for historical truth systematically conducted by the Government makes it essential enough to address the topic of the Great Patriotic War for further insights into actual discursive practices across Soviet regions. Goals. The work *aims* at identifying certain patterns of discursive practices once instrumental in the shaping of new man through means of Soviet photography and, specifically, the images published by the *Khalmg Ünn* (Kalm. 'Kalmyk truth') newspaper, a key periodical of the Kalmyk ASSR, between 1957 and 1964. *Materials and methods.* The continuous sampling method has been instrumental in examining over 10.000 photographs published in 1957 to 1964, the analysis having included both local images and ones delivered by the 'Center' (TASS) for further publication in the republican media. The research methods employed are the photograph

analysis method (at various levels), quantitative methods, and that of extrapolation. *Conclusions.* The analysis of 1957–1964 *Khalmg Ünn* photographs as visual evidence of the past reveals that the then ideological techniques did not involve the theme of the Great Patriotic War to the full: despite the latter served a key element in the shaping of common Soviet identity, it was thenceforth closely associated with the drama of Kalmyk Deportation to Siberia. The newspaper's visual imagery depicts a republic under reconstruction which was allegedly determined by the specific situation to have resulted from that the Deportation had been undertaken and explained by false accusations of treason and collaborationism — during war years. So, the Center was articulating the idea of restoration and revival of the Republic to be perceived by the Kalmyks as a revival of the ethnos, withdrawal of any charges, complete rehabilitation — and this is manifested in all photographs (construction sites, new buildings and facilities), this key discursive practice employed was to meet the sentiments of Kalmyks to have just relieved and arrived in ancestral lands. The combination of true emotions and ideological patterns created a platform for the formation of new Soviet man in the Kalmyk ASSR.

Keywords: newspaper, photography, visual source, discursive practice, Great Patriotic War, Kalmyk Deportation

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy — project name 'National Information Resources in Scientific and Cultural Space' (state reg. no. AAAA-A19-119090590086-0).

For citation: Kukanova V. V., Mandzhikova L. B., Mandzhiev L. B. Discursive Practices in the Formation of New Man through Soviet Photography Revisited: A Case Study of the *Khalmg Ünn* Newspaper, 1957–1964. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 14(6): 1246–1258. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2020-58-6-1246-1258

Введение

Визуальная антропология в последнее время обретает особое значение в исследовании вопросов повседневности, дискурсивных практик, которые можно реконструировать в том числе и по фотографиям, сохранившимся до нашего времени. Актуальность анализа фотографий как объектов визуальной антропологии позволяет изучить ту ускользающую реальность, которую достаточно сложно восстановить из архивных материалов, официальных документов, где в большой степени содержится фактологическая информация, сухие цифры.

Фотография — «это почти всегда совместный нарратив модели и фотографа, а позже и человека, который рассматривает данное изображение» [Богданова 2012: 100]. Некоторые исследователи фотографий изучают их с точки зрения искусства, другие же ученые подчеркивают, что нужно рассматривать их как своеобразный «архив, требующий археологического исследования», заключающегося в анализе условий их создания [Краусс 2003: 152].

Целью данной работы является выявление дискурсивных практик в формировании нового человека при помощи фотографий, опубликованных в главной газете Калмыц-

кой АССР «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда») в период 1957–1964 гг., с момента возвращения калмыков из незаконной ссылки в восточные регионы страны в 1957 г. и до 1964 г., до конца периода, когда страной руководил Н. С. Хрущев. Этот период, как известно, называется «оттепелью», когда произошли изменения во внутренней и внешней политике СССР, характеризовавшиеся осуждением культа личности И. В. Сталина и репрессий, освобождением политических заключенных, отказом от жесткой тоталитарной политики, относительной либерализацией политической и общественной жизни, некоторой свободой в творчестве, а также большей открытостью страны миру.

Самое значительное для калмыцкого народа событие произошло 9 января 1957 г.: были приняты Указы Президиума Верховного Совета СССР «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе РСФСР» и Президиума Верховного Совета РСФСР «Об образовании Калмыцкой автономной области в составе Ставропольского края», а 12 января 1957 г. был также принят Указ Президиума Верховного Совета РСФСР «Об административно-территориальном составе Калмыцкой автономной области Ставропольского края». В соот-

ветствии с данными указами восстанавливалась государственность калмыцкого народа в существовавшей до октября 1935 г. форме — в качестве субъекта РСФСР, но в составе другого субъекта — Ставропольского края. Этими же актами устанавливались границы и административно-территориальное устройство Калмыцкой автономной области [Максимов 2009: 614]. Именно с этого времени и начинается история газеты «Хальмг үнн» [Джамбинова и др. 2009: 495], печатного органа Калмыцкого обкома КПСС, Верховного совета и Совета министров Калмыцкой АССР.

Материалы и методы

Методом сплошной выборки были рассмотрены чуть более 10 тыс. фотографий из газеты «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда») за период 1957–1964 гг., при этом анализировались и локальные фотографии, и те снимки, которые направлялись «центром» (ТАСС) для опубликования в республиканских средствах массовой информации. Однако в Научной библиотеке им. П. Э. Алексеевой Калмыцкого научного центра РАН и в Национальной библиотеке им. Амур-Санана отсутствует ряд номеров газеты (всего 50 номеров за период 1959–1964 гг.: за 1959 г. — №№ 30, 38, 41; за 1960 г. — №№ 28–29, 41, 42, 67, 158, 203, 231, 238, 247; за 1961 г. — №№ 69, 110, 119, 155, 169, 196; за 1963 г. — №№ 135, 153, 156, 194, 197, 230; за 1964 г. — №№ 8, 52, 122, 129, 130, 131–150), к нашему сожалению, найти утерянные номера газет уже не представляется возможным. В качестве методов исследования применяются метод анализа фотографий на различных уровнях, количественные методы, метод экстраполяции. Техническое качество изучаемых фотографий различно: часть из них четкая, с хорошей ретушью, часть — с бледным, размытым изображением.

Обращение к теме Великой Отечественной войны

С понятием «Родина» связана самоидентификация, которая основана на официальной эстетизации и собственной (индивидуальной) конструкции указанного выше термина. Доминирующая роль партии отчасти прослеживается и в газетных фотографиях, не случайно в докладе Н. С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» на

первом месте перечисления однородных дополнений стоит слово «партия», а затем уже следует «Родина» [Хрущев 1997: 411, 423], при этом это сочетание слов следует понимать и как партия = Родина. Н. С. Хрущев в своем докладе делает много отсылок к Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. [Хрущев 1997: 392, 406, 408, 409, 410 и др.], тем самым указывая на общность событий, уже ставших историей для советского государства.

Наличие общей истории, в особенности трагических страниц, у народов, которые составляют то или иное государство, важный конструктивный элемент с точки зрения выстраивания определенной идеологии, при этом «СССР ничем не отличался от любого буржуазного государства XIX–XX вв., конструировавшего собственную историческую традицию и формировавшего память о прошлом, обеспечивающую население страны общей национальной идентичностью» [Бушмаков 2019: 26]. Так, «конструирование образа Великой Отечественной войны определялось официальными политико-идеологическими установками» [Клинова, Трофимов 2021: 37], во второй половине 1950-х – первой половине 1960-х гг. акцент был смещен на вклад простых советских людей в Победу над фашистской Германией с роли личности И. В. Сталина¹ в войне, при этом в этот период военная тема уже не освещается на первых страницах советских газет, а занимает второстепенные места в новостной ленте событий² [Клинова, Трофимов 2021: 42].

¹ 9 мая 1945 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 мая 1945 г. был объявлен Праздником Победы, однако Указ Президиума Верховного Совета от 23 декабря 1947 г. отменил праздник. Позже Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26.04.1965 г. 9 мая вернули статус праздника. См. Система Гарант [электронный ресурс] // URL: <https://garant.ru> (дата обращения: 09.10.2021).

² Н. С. Хрущев считал, что 9 мая у советского народа ассоциируется со И. В. Сталиным, возможно, по этой причине он не отменял Указ Президиума Верховного Совета от 23 декабря 1947 г. (см. подробно: Почему День Победы не праздновали 17 лет? [электронный ресурс] // URL: <https://masterok.livejournal.com/5310650.html> (дата обращения: 12.09.2021)).

Газета «Хальмг үнн», как ранее писалось, была официальным печатным органом Калмыцкого обкома КПСС, поэтому нами предполагалось, что поскольку в ней размещается информация официального характера, то должны были быть опубликованы материалы, связанные с образом Родины, в том числе и по теме Великой Отечественной войны, поскольку со дня Победы прошло всего 12 лет. В газете «Хальмг үнн» (1957–1964 гг.) имеются единичные упоминания о Великой Отечественной войне, как правило, в преддверии празднования 9 мая (об этом мы уже упоминали в [Куканова и др. 2019: 1112]), при этом публикация материалов про войну имеет свои особенности. Возникает закономерный вопрос, чем это было обусловлено. С одной стороны, официальные идеологические установки могли стать этому причиной¹, но, с другой стороны, ссылка калмыцкого народа в восточные регионы советского государства и неофициальная причина этой депортации — якобы имевшее место бегство 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии с полей сражений [Убушаев 2007: 152] — могли также обусловить недостаточное внимание к этой теме на страницах газеты.

Рассмотрим тематическое распределение фотографий, опубликованных в газе-

те «Хальмг үнн» за 1957–1964 гг. Данные, приведенные в таблице 1, несколько отличаются от тех, которые были опубликованы в нашей предыдущей работе [Куканова и др. 2019: 1112].

Как показывают данные по тематическому распределению фотографий, приведенные в таблице 1, военной теме и теме депортации уделяется минимальное внимание, из всего массива фотографий, опубликованных в газете «Хальмг үнн» за 1957–1964 гг., на указанные выше темы (не включая тему возвращения домой) приходится 90 единиц, причем в первые годы после возвращения на родину их совсем мало.

На наш взгляд, обращение советской власти к общим историческим событиям, а именно к Великой Отечественной войне, в национальной газете Калмыкии как способу конструирования общности советских людей, объединенных идеей защиты Родины, не могло принести те же самые результаты, как, например, в других национальных субъектах, титульное население которых не подверглось депортации по огульным обвинениям, основанным на мифах советской пропаганды. Представителям власти было бы нецелесообразным и необоснованным обращаться к теме Великой Отечественной войны, поскольку именно в период Великой Отечественной войны состоялись депортации ряда «наказанных» (по выражению исследователей) народов, и огульные обвинения в недостаточном проявлении воинской доблести — как в случае с 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии — служили одними из ложных аргументов среди обвинений, выдвинутых против целых народов. Особенно трагичным являлось и то, что воины-калмыки подверглись репрессиям по национальному признаку: рядовой и сержантский состав калмыков-военнослужащих Красной армии был направлен в Широкаг, т. е. фактически в систему ГУЛАГа. Победа в Великой Отечественной войны дала советскому народу ощущение внутренней спаянности, гражданского единства перед общим врагом, однако не все народы (калмыки, чеченцы, балкарцы и др.) могли ощутить это чувство в полной мере, поскольку официально их «исключили» из этого процесса и из этого триумфального события, они будто были не

¹ Существует несколько мнений об отмене праздника 9 мая И. В. Сталиным: согласно первой точке зрения, фронтовики, увидев, как живут люди за границей, могли задавать «неудобные» вопросы о своей стране; согласно второй точке зрения, если 9 мая продолжать отмечать на государственном уровне, то это должно повлечь исполнение целого ряда мер, которые государство в послевоенный период не могло себе позволить. К. Залесский, вице-президент Ассоциации историков Второй мировой войны 1939–1945 гг. им. О. А. Ржешевского, в интервью отмечает, что «отмена празднования 9 Мая — это политический ход, направленный на утверждение коммунистических идеалов. День Победы — идеал не коммунистический, это идеал народный, потому что победила в войне не советская власть». См. подробно: Интервью с К. Залесским [электронный ресурс] // URL: <https://lenta.ru/articles/2020/05/08/vd/> (дата обращения: 12.09.2021); Почему День Победы не праздновали 17 лет? [электронный ресурс] // URL: <https://masterok.livejournal.com/5310650.html> (дата обращения: 12.09.2021).

Таблица 1. Тематическое распределение фотографий, опубликованных в газете «Хальмг үнн» за 1957–1964 гг.

[Table 1. Photographs published by topics. *Khalmg Ünn* newspaper, 1957–1964]

№	Темы	1957 г.	1958 г.	1959 г.	1960 г.	1961 г.	1962 г.	1963 г.	1964 г.	Итого
1	Строительство, восстановление народного хозяйство	39	61	63	77	36	79	61	140	556
2	Сельское хозяйство	25	63	77	51	152	161	234	141	904
3	Рабочие моменты на производстве	27	59	29	73	167	149	246	268	1 018
4	Передовики производства, депутаты, известные люди республики	74	90	82	313	347	271	242	261	1 680
5	Возвращение на родину	14	12	2	–	–	1		–	29
6	Культура, образование, наука, спорт	19	57	53	107	171	196	150	269	1 022
7	Партийная и агитационная работа	20	29	11	91	60	114	74	65	464
8	Здраво-охранение	3	7	3	1	7	11	8	5	45
9	Война	7	8	4	5	17	22	11	11	90
10	ТАСС СССР	5	196	611	477	371	253	643	329	3 019
	ТАСС международная жизнь	–	63	114	237	385	191	203	99	1 383
Итого:		233	645	1 051	1 432	1 713	1 448	1 872	1 588	10 411

при чем, не принимали никакого участия в указанных событиях.

Тема Великой Отечественной войны и депортации в послевоенный период и некоторое время после смерти И. В. Сталина, по сути, замалчивалась многими поколениями калмыцкого народа, что нашло отражение и на страницах республиканских газет, в научных работах [Очилов 2021: 940–943], и только после 1957 г. ситуация стала меняться [Очилов 2021: 943–946], однако в публикациях газеты «Хальмг үнн» данной теме было уделено небольшое место. Идеологи советской власти избрали для калмыцкого народа иные способы конструирования общей советской идентичности, поскольку

конкретно в этом случае, когда тема войны была прочно связана с темой депортацией, «не работает» репрезентация истории как «института легитимации и механизма по производству идентичности» [Добренко 2008: 8].

«Целевая» аудитория

Не менее важен и поколенческий аспект. Представления о родине — территории Нижнего Поволжья — имели существенное значение для старшего поколения, которое уже в достаточно сознательном возрасте было депортировано в восточные регионы страны, а для поколений, которые выросли или появились на свет уже в местах ссылки, малой родиной стала Сибирь (Казахстан,

Сахалин и т. д.) [Гучинова 2021: 724]. Для них Калмыкия выступала, конечно, родной, но это чувство сформировалось не естественным путем, а через память старших поколений.

Часть калмыков погибла в период войны (или пропало без вести)¹, другая часть более старшего поколения скончалась или в пути следования², или уже в местах ссылки³, третья часть погибла в Широклаге⁴. В 1957 г. в Калмыкию вернулась⁵ в основном молодежь, калмыков почтенного возраста в силу разных причин было уже совсем мало, что будет показано ниже (см. табл. 2). Так, по данным Всесоюзной переписи 1959 г., в Калмыцкой АССР проживало 184 857 чел., из них 64 882 чел. калмыцкой национально-

сти⁶ [Итоги ... 1963: 324]. По возрасту население республики распределялось следующим образом (см. в табл. 2).

Из приведенных в [Итоги ... 1963] данных не ясно, сколько было калмыков в каждой возрастной группе. Однако, исходя из тенденций, характерных в целом для тех лет, попытаемся экстраполировать общие данные по возрастным группам населения Калмыцкой АССР на часть данных в указанной общей совокупности, хотя при этом оговоримся, что в случае с демографией калмыцкого народа не только действовали общие закономерности, характерные для советского общества в целом, но и также имела большое влияние на нее и депортация народа, в результате которой были понесены безвозвратные человеческие потери. Предположим, что количество человек в каждой возрастной группе составляло, согласно демографическим тенденциям, определенную долю (которая вычисляется в процентном соотношении, приведено в 5-м столбце табл. 2). Нам известно, что по переписи 1959 г. проживало в республике 64 882 калмыка. Следовательно, экстраполируя процентные соотношения по возрастным группам, можно предположить, сколько было калмыков в каждой возрастной группе. Цифры, которые получены нами, носят условный характер и не являются точными, поскольку, конечно, имеют ошибки, которые вполне могут вписаться в статистическую погрешность. Наши расчеты приведены в табл. 2, где в 3-м столбце дается распределение населения Калмыцкой АССР по возрастным группам, а в 4-м столбце указываются наши расчетные цифры о предполагаемом количестве калмыцкого населения в возрастных группах.

⁶ Всего в РСФСР насчитывалось 100 603 чел. калмыцкой национальности [Итоги ... 1963: 302], из них в Калмыцкой АССР проживало 64 882 чел. [Итоги ... 1963: 324], Астраханской области — 12 687 чел. [Итоги ... 1963: 320], в Сталинградской — 4 474 чел., Ростовской — 2 660 чел., в Ставропольском крае — 1 764 чел. [Максимов 2009: 630]. Калмыки продолжали возвращаться и после 1959 г., хотя к концу 1959 г. плановое переселение калмыков в основном завершилось [Максимов 2009: 630]. Если отнять все эти цифры от общей, то получается, что 14 136 чел. калмыцкой национальности к моменту переписи так и не вернулись в родную республику или на сопредельные территории.

¹ В 1941–1943 гг. на фронтах Великой Отечественной войны сражалось 25 747 калмыков (из них из Калмыцкой АССР — 21 129, из других областей и краев СССР — 4 618), из них погибли — 4 545, умерли в госпиталях — 1 449, попали в плен или пропали без вести — 7 458 человек [Максимов 2010: 346]. По неофициальным данным, из Калмыкии только в сентябре 1942 г. немцы принудительно отправили на работу в Германию 1 115 чел. [Максимов 2013: 215].

² По официальным данным НКВД СССР от 27 января 1944 г., в пути следования умерли 1 640 чел. [Максимов 2009: 587].

³ По официальным данным, по справке отдела спецпоселений НКВД СССР на 1 октября 1944 г. значилось 83 688 калмыков [Ссылка калмыков 2001: 145]. Через три года на спецпоселении значилось 74 918 калмыков, а еще 1 364 калмыка были освобождены от учета [Куканова, Очиров 2021: 757].

⁴ Данная цифра еще не известна ввиду отсутствия доступа к официальным данным. Военнослужащие, снятые с фронтов Великой Отечественной войны, в Широклаге стали умирать от дистрофии, деменции, пеллагры, преждевременного одряхления организма [Широклаг 2000: 5]. По сведениям Н. К. Шарапова, который работал в отделе статистики Широклага, только за год умерло 911 из 3,6 тыс. калмыков [Широкстрой 1994: 138]. Почти к концу войны, весной 1945 г., «широклаговцев» начали демобилизовать и отправлять к родственникам, на спецпоселение [Очиров, Воробьева 2020: 354–355].

⁵ Оргбюро и Оргкомитет предполагали, что с восстановлением автономной области в прежних границах республики калмыцкое ее население составит 82 тыс. чел. [Максимов 2009: 612].

Таблица 2. Распределение населения Калмыцкой АССР по возрасту и национальности
(сост. по: [Итоги ... 1963: 68–69])

[Table 2. Population of the Kalmyk ASSR by age and nationality]

Возрастная группа	Примерные года рождения	Количество населения в Калмыцкой АССР в 1959 г.	Предполагаемое количество калмыцкого населения*	в %
1	2	3	4	5
0–9 лет	1950–1959	51 752	18,1 тыс.	28,00
10–19 лет	1940–1949	26 719	9,3 тыс.	14,45
20–24 лет	1935–1939	19 077	6,6 тыс.	10,32
25–29 лет	1930–1934	17 457	6,1 тыс.	9,44
30–34 лет	1925–1929	15 712	5,5 тыс.	8,50
35–39 лет	1920–1924	8 020	2,8 тыс.	4,34
40–44 лет	1915–1919	8 022	2,8 тыс.	4,34
45–49 лет	1910–1919	9 930	3,4 тыс.	5,37
50–54 лет	1905–1909	7 756	2,7 тыс.	4,20
55–59 лет	1900–1904	6 119	2,1 тыс.	3,31
60–69 лет	1890–1899	8 024	2,8 тыс.	4,34
70 лет и старше	до 1889	6 269	2,1 тыс.	3,39
		184 857	64 882	100

* В 4-м столбце указывается округленное число.

Из приведенной выше таблицы видно, что около 34 тыс. чел. — это люди, которые родились, во-первых, в довоенной Калмыкии и во время войны (они были депортированы еще детьми, некоторые из них, наверно, помнили родные степи, однако эти воспоминания носили обрывочный, фрагментарный характер, кроме того, взросление проходило уже в ссылке), во-вторых, в местах ссылки (они знают о Калмыкии только со слов старшего поколения, социализация однозначно проходила в местах депортации), в-третьих, в восстановленной республике. Кроме того, в 34 тыс. калмыков входят и калмыки, входящие в возрастную группу от 0–9 лет, которые были еще маленькими детьми и которые, конечно, в таком возрасте еще не читают газет. Надо сказать, что и дети старше этой возрастной группы обычно не читают еще газет. Эта цифра составляет чуть более половины от всех калмыков, по переписи 1959 г.

Остальная часть (чуть более 30 тыс. чел.) — это калмыки, родившиеся в довоенной Калмыкии и депортированные в сознательном возрасте, при этом население, кото-

рое принадлежало к почтенному возрасту, т. е. старше 50 лет, составляло только около 10 тыс. Именно для них, кто родился до 1935 г., Калмыкия по-настоящему была родной землей. Ими и принималось твердое решение вернуться в восстановленную республику, благодаря тяжелому труду молодого и среднего поколений родная земля возродилась из послевоенной разрухи, хотя и прошло со дня Победы более одного десятилетия. Поэтому достаточно определенно можно утверждать, что для советской власти «целевой» аудиторией выступало именно молодое и среднее поколение, мировоззрение и мировосприятие которого можно сформировать или откорректировать.

Инаковость на страницах газет

Советские идеологи в том числе и при помощи газеты формировали советского человека, но при этом использовали способы, характерные для советского пространства в целом. В газетах практически стиралась национальная идентичность, что обнаруживается в газетных фотографиях, на которых проявление элементов этничности (национальных костюмов, инструментов и т. д.),

«чужого» по отношению к советской власти, сводилось к минимуму [Куканова и др. 2019: 1115]. Это так называемое «чужое», но генетически «свое» для калмыков становилось чуждым, инаковым и для них самих, которые рассматривали, например, калмыцкую одежду как устаревшую, не соответствующую облику строителя коммунизма. Границы между «своим» и «чужим» просто не было, поскольку «свое» исчезало из жизни, а «чужое» становилось «своим», т. е. таким образом уничтожалась многоуровневая идентичность, присущая каждому человеку. И дело здесь не в том, что депортация практически уничтожила материальный слой калмыцкой культуры (хотя калмыки оставили в своих домах мебель, вещи, рукописи и многое другое, но все это исчезло, как будто этих вещей и не существовало). Здесь действовал тот же самый неофициальный подход, как и при «удалении» калмыцкого народа из числа победителей¹. Многообразие, которая была присуща еще довоенному советскому обществу, окончательно исчезла в советском государстве уже после войны [Туровская 2003: 237].

Идея возрождения родной республики

Родину, которая была «потеряна» для калмыцкого народа на долгие 13 лет и

¹ Конечно, в официальных документах так не утверждалось, но при этом калмыцкий и другие репрессивные народы полностью удалили из официальных упоминаний, не просто ликвидировали республики, а вычеркнули из истории советского государства. И даже представленные к различным наградам, званиям так и не были награждены по национальному признаку, что уже свидетельствует об «удалении» из списка победителей.

Этот же подход реализовался везде, даже в научных и научно-популярных работах, где удаляли под гнетом цензуры объективную информацию о калмыках. Взять, например, фундаментальную работу Г. Д. Санжеева «Сравнительная грамматика монгольских языков» [Санжеев 1953], где упоминается слово «калмыцкий» несколько раз, но только в наименовании книги А. А. Бобровникова «Грамматика монгольско-калмыцкого языка» [Санжеев 1953: 139, 184, 185, 192], хотя, как известно, калмыцкий язык принадлежит группе монгольских. Более того, в Большой советской энциклопедии, которая была издана в этот период (1950–1957 гг.), исчезла статья про калмыцкий народ [БСЭ 1953:445].

13 дней, вернули, но ведь для многих молодых калмыков малой родиной стали уже те регионы, где они родились или / и социализировались. В этом и заключается парадокс. Как снова инкорпорировать народ в то пространство, которое было отобрано и которое потом возвращено, а для части калмыков и вовсе новое? Однако именно эту идею возвращения, возрождения родины взяла на вооружение советская идеология и стала планомерно и систематически реализовывать ее, используя как один из способов конструирования общей советской идентичности. Идея возрождения, восстановления Калмыцкой АССР стала сплывающей и целительной для калмыцкого народа, оклеветанного, оскорбленного, униженного², которая позволила калмыкам ощутить себя на родной земле, почувствовать, что у них есть родина, заново освоить свое родное пространство.

Эта идея стала планомерно реализовываться в фотографиях, размещенных на страницах газеты «Хальмг үнн». Практически в каждом номере людей запечатлевали, когда они что-то возводят, строят. Именно эти фотографии и становятся символом возрождения родины, но при этом интересно, что нет ни одной фотографии разрушенной Элисты [Бембеев 2000: 219], как будто этой трагической страницы и не было в истории калмыцкого народа, кажется, что родина строится на новом месте, хотя и на освоенном ранее пространстве.

Возникает ощущение, что опыт войны, который подлежал переработке, некоторой замене, у калмыков сменился опытом травмы, связанной с депортацией. На десятилетие была «отложена» переработка опыта войны, ведь известно, что первым шагом «излечения» после войны было возвраще-

² Это отношение к себе калмыцкий народ испытывал долгое время, в особенности в период ссылки, когда действовали самые разные ограничения, начиная с постоянных прохождений процедур отметок в спецорганах, ограничений на передвижения в стране, в получении высшего образования (лицам калмыцкой национальности разрешалось поступать только на определенные специальности), творчестве и т. д. Более того, вплоть до восстановления калмыцкой республики калмыков не призывали в Советскую армию.

ние в родной дом, его восстановление (что является символом восстановления мира, возврата к нормальной жизни), а у калмыков не было такой возможности, поскольку их сняли с фронта Великой Отечественной войны и сразу же, как мы говорили ранее, отправили в Широкаг, а после войны тех, кто выжил в этом лагере, в места проживания их семей, т. е. в ссылку. Статус высланных навечно преследует калмыцкий народ и сегодня, практики историографии и мемориализации этого опыта частично состоялись в 1990-е гг., о чем свидетельствуют книги памяти, опубликованные стихийно, народно [Книги Памяти ... 1993а; Книги Памяти ... 1993б; Книги Памяти ... 1994а; Книги Памяти ... 1998; Книга Памяти ... 2000; и др.]. Однако этот процесс до сих пор не завершен.

В 1957 г., когда была восстановлена калмыцкая государственность, возвращение в республику напоминает «отложенное» на долгие годы чувство преодоления опыта войны и незаконной депортации. Возвращение к нормальной жизни, как видно из фотографий, опубликованных в газете «Хальмг үнн», стало проявляться через «строительство» быта, потому так много фотографий либостроек, либо построенных жилых домов, зданий учреждений и т. д. И самым главным героем этого возрождения республики выступала не партия, а человек: это прослеживается по фотографиям газеты, где много молодежи, которая строит, учится, читает и т. д. Получается, что опыт войны, опыт депортации был будто «упакован» и «отложен» на долгие годы, что приводит в конечном счете к чувству неполноценности, которое сопровождает нас и поныне.

Парадоксально, что на фотографиях газеты 1957–1964 гг. изображены люди, живые, улыбочивые, свободные, счастливые, занятые каким-то делом, сосредоточенные на цели, что соответствует так называемому лирическому «импрессионизму», искусству «оттепели» 1953–1957 гг., и суровому стилю, который появился как раз в этот период [Бобриков 2003]. Воспеваются «природная и телесная радость бытия, — рождающая быющую через край, избыточную силу, не

знающую усталости» [Бобриков 2003] и в то же время долг, ответственность за возрождение, восстановление республики, в общем везде запечатлен труд, работа. Радость на лицах людей была искренней от ощущения счастья вернувшихся домой людей, как на киноплёнках, фотографиях возвратившихся живыми с войны домой солдат, суровость, конечно, присутствует на некоторых фотографиях, но не везде, все же превалирует радость от созидания, радость от возрождения дома.

Заклучение

В ходе анализа фотографий как визуальных свидетельств прошлого, опубликованных в региональной газете «Хальмг үнн» в период 1957–1964 гг., было выявлено, что в идеологические приемы, использовавшиеся в этот период, не включалась в полной мере тема Великой Отечественной войны, которая выступала одним из способов конструирования общей советской идентичности, поскольку Великая Отечественная война у калмыцкого народа навсегда теперь будет связана с его депортацией в восточные регионы страны. Визуальный ряд, создаваемый в республиканской газете, формирует образ восстанавливаемой республики, что, на наш взгляд, обусловлено спецификой ситуации, а именно с депортацией, которая была осуществлена в годы войны и к тому же была связана с лживыми обвинениями народа в предательстве в период войны. По этой причине центр использует идею возрождения республики, которую воспринимали калмыки как идею возрождения народа, освобождению его от обвинений, очищению от клейма депортированного народа, что выражается в лейтмотиве всех фотографий (стройка, новые дома, новые здания). Именно эта дискурсивная практика, используемая в газете, соответствует тем настроениям, которые фактически царили после возвращения из ссылки среди калмыцкого народа. Удачное сочетание реальных (положительных) эмоций людей и идеологических установок позволило сформировать нового советского человека в Калмыцкой АССР.

Литература

- Бембеев 2000 — *Бембеев Т. О.* Герой из героев // Басан Городовиков. Воспоминания, исследования, документы / сост.: К. П. Катушов, Э. Б. Очинова. 2-е изд. Элиста: Калмиздат, 2000. С. 217–227.
- Бобриков 2003 — *Бобриков А. А.* Суровый стиль: мобилизация и культурная революция // Художественный журнал. 2003. № 51–52. [электронный ресурс] // URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/57/article/1137> (дата обращения: 15.08.2021).
- Богданова 2012 — *Богданова Н. М.* Фотография как инструмент социологического анализа практик конструирования визуальной самопрезентации // Журнал социологии и социальной антропологии. 2012. Т. 15. № 2. С. 98–113.
- БСЭ 1953 — Большая советская энциклопедия / гл. ред. Б. А. Введенский. Т. 19: Историзм — Канди. М.: БСЭ, 1953. 705 с.
- Бушмаков 2019 — *Бушмаков А. В.* «Пусть живет в веках беспримерный подвиг советского народа в Великой Отечественной войне!» Память о войне и советская историческая политика в 1965–1980 гг. // Культурный код. 2019. № 3. С. 26–35.
- Гучинова 2021 — *Гучинова Э.-Б. М.* Нарративы детей Сибири о депортации калмыков. Интервью с В. И. Бадмаевым и А. Н. Овшиновым // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 4. С. 722–742. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-722-742
- Джамбинова и др. 2009 — *Джамбинова Р. А., Салдусова А. Г., Ханинова Р. М.* Литература // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 тт. Т. 3. Элиста: Изд. дом. «Герел», 2009. С. 492–528.
- Добренко 2008 — *Добренко Е. А.* Музей революции. Советское кино и сталинский исторический нарратив. М.: Новое литературное обозрение, 2008. 424 с.
- Итоги ... 1963 — Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года. РСФСР. М.: Госстатиздат, 1963. 456 с.
- Клинова, Трофимов 2021 — *Клинова М. А., Трофимов А. В.* Великая Отечественная война: коммеморативные практики и образы в газетной периодике (1946–1965 гг.) // Уральский исторический вестник. 2021. № 2(71). С. 36–45. DOI: 10.30759/1728-9718-2021-2(71)-36-45.
- Книга Памяти ... 1993б — Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Т. 2: Кн. 1. А–К. Высланы... Оставлены навечно / отв. за вып. Т. Ф. Овшинова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 336 с.
- Книга Памяти ... 1994а — Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Т. 2: Кн. 2. Л–Я. Высланы... Оставлены навечно... / отв. за вып. Т. Ф. Овшинова. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 544 с.
- Книга Памяти ... 1998 — Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Т. 2: Кн. 3. А–Я. Высланы... Оставлены навечно... / ред. совет: К. Н. Илюмжинов (пред.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 574 с.
- Книга Памяти ... 2000 — Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Т. 2: Кн. 4. А – Я. Высланы... Оставлены навечно... / ред. совет: В. А. Бембетов, А. В. Дорждеев, А. И. Абушинов и др. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2000. 343 с.
- Книга Памяти... 1993а — Книга Памяти ссылки калмыцкого народа. Т. 1: Кн. 1. Ссылка калмыков: как это было. Сб. док. и материалов / сост.: П. Д. Бакаев, Н. Ф. Бугай, Л. С. Бурчинова [и др.]. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 264 с.
- Краусс 2003 — *Краусс Р.* Подлинность авангарда и другие модернистские мифы / науч. ред. В. Мизиано; пер. с англ. А. Матвеевой, К. Кистяковской, А. Обуховой. М.: Художественный журнал, 2003. 317 с.
- Куканова и др. 2019 — *Куканова В. В., Баянова А. Т., Долеева А. О., Каджиев А. Ю., Манджикова Л. Б.* Национальная газета «Хальмг үнн» («Калмыцкая правда»): опыт анализа повседневности (на материале фотографий 1957–1959 гг.) // *Oriental Studies*. 2019. Т. 13. № 6. С. 1107–1118. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1107-1118
- Куканова, Очинов 2021 — *Куканова В. В., Очинов У. Б.* Исчезающая история «13 лет и 13 дней»: проблемы поиска и сохранения архивных материалов о калмыках на спецпоселении в Сибири // *Монголоведение*. 2021. Т. 13. № 4. С. 744–763. DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-744-763
- Максимов 2009 — *Максимов К. Н.* Репрессии против калмыцкого народа и его реабилитация (1943–1950-е гг.) // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 тт. Т. 2. Элиста: Изд. дом. «Герел», 2009. С. 580–641.
- Максимов 2010 — *Максимов К. Н.* Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М.: Наука, 2010. 406 с.
- Максимов 2013 — *Максимов К. Н.* Калмыкия в советскую эпоху: политика и реалии. Элиста: Изд. дом «Герел», 2013. 464 с.

- Очиров 2021 — Очиров У. Б. Возвращенная из небытия: борьба за историческую память о 110-й Калмыцкой кавалерийской дивизии. Часть 1 // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14 (5). С. 937–955. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-937-955
- Очиров, Воробьева 2020 — Очиров У. Б., Воробьева В. Н. Калмыки-военнослужащие Красной армии в Широклаге: статистическое исследование // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 2. С. 330–357. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-48-2-330-357
- Санжеев 1953 — Санжеев Г. Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1953. 240 с.
- Туровская 2003 — Туровская М. И. Blow up или герой безгеройного времени – 2. М.: ГИК, 2003. 288 с.
- Убушаев 2007 — Убушаев В. Б., Убушаев К. В. Калмыки: выселение, возвращение. 1943–1957 гг. Элиста: КалмГУ, 2007. 496 с.
- Хрущев 1997 — Хрущев Н. С. О культе личности и его последствиях: Доклад на XX съезде КПСС 25 февраля 1956 года // Сталин И. В. Сочинения. Т. 16. М.: Писатель, 1997. С. 381–440.
- Широклаг 2000 — Широклаг. Широкстрой: Списки калмыков-военнослужащих рядового и сержантского состава, отозванных с фронтов в 1944–1945 гг. (Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Т. III. Кн. 1) / сост. А. Б. Баирова, Т. Ч. Бембеева, С. Э. Лиджи-Горяева, Р. В. Неяченко. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2000. 294 с.
- Широкстрой 1994 — Широкстрой: Широклаг: Сб. воспоминаний воинов-калмыков, участников строительства Широковской ГЭС / сост. и вступ. ст. Р. В. Неяченко. Элиста: Джангар, 1994 (Книга памяти ссылки калмыцкого народа. Т. 3. Кн. 2). 190 с.

References

- Atueva V. Z. et al. (comps.) Memorial Book of Kalmyk Deportation. Vol. 1. Book 2: Kalmyk Deportation. How It Was. Collected documents and materials. Elista: Kalmykia Book Publ., 2001. 237 p. (In Russ.)
- Bairova A. B. et al. (comps.) Memorial Book of Kalmyk Deportation. Vol. 3. Book 1: Shirokstroy. Shiroklag. Name lists of Kalmyk soldiers and non-commissioned officers withdrawn from front line combat service in 1944–1945. Elista: Kalmykia Book Publ., 2000. 294 p. (In Russ.)
- Bakaev P. D. et al. (comps.) Memorial Book of Kalmyk Deportation. Vol. 1. Book 1: Kalmyk Deportation. How It Was. Collected documents and materials. Elista: Kalmykia Book Publ., 1993. 264 p. (In Russ.)
- Bembееv T. O. The hero of heroes. In: Katushov K. P., Ochirova E. B. Basan Gorodovikov: Memoirs, Studies, Documents. 2nd ed. Elista: Kalmykia Book Publ., 2000. Pp. 217–227. (In Russ.)
- Bobrikov A. A. The severe style: Mobilization and cultural revolution. *Khudozhestvennyi zhurnal*. 2003. No. 51–52. Available at: <http://moscow-artmagazine.com/issue/57/article/1137> (accessed: August 15, 2021). (In Russ.)
- Bogdanova N. M. Photography as a tool for sociological analysis of visual practices of self-presentation. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2012. Vol. 15. No. 2. Pp. 98–113. (In Russ.)
- Bushmakov A. V. 'Let the unprecedented feat of the Soviet people in the Great Patriotic War live in the centuries!': Memory of the war and Soviet historical policy in 1965–1980. *Cultural Code*. 2019. No. 3. Pp. 26–35. (In Russ.)
- Dobrenko E. A. The Museum of the Revolution: Soviet Cinema and Stalinist Historical Narratives. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie, 2008. 424 p. (In Russ.)
- Dzhambinova R. A., Saldusova A. G., Khaninova R. M. Literature. In: History of Kalmykia from Earliest Times to Present Day. In 3 vols. Vol. 3. Elista: Gerel, 2009. Pp. 492–528. (In Russ.)
- Guchinova E.-B. M. 'Children of Siberia' and their narratives about the Kalmyk Deportation: Interviews with V. Badmaev and A. Ovshinov. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 4. Pp. 722–742. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-56-4-722-742
- Khrushchev N. S. On the cult of personality and its consequences: Report to the 20th Congress of the CPSU, 25 February 1956. In: Stalin I. V. Complete Works. Vol. 16. Moscow: Pisatel, 1997. Pp. 381–440. (In Russ.)
- Klinova M. A., Trofimov A. V. The Great Patriotic War: Commemorative practices and images in newspaper periodicals (1946–1965). *Ural Historical Journal*. 2021. No. 2(71). Pp. 36–45. (In Russ.) DOI: 10.30759/1728-9718-2021-2(71)-36-45
- Krauss R. The Originality of the Avant-Garde and Other Modernist Myths. V. Miziano (ed.), A. Matveeva et al. (transl.). Moscow: Khudozhestvennyi Zhurnal, 2003. 317 p. (In Russ.)
- Kukanova V. V., Bayanova A. T., Doleeva A. O., Kadzhiev A. Yu., Mandzhikova L. B. Nation-

- al newspaper *Khalmg Ünn* ('Kalmyk Pravda'): Analyzing everyday life (A case study of photographs of 1957–1959). *Oriental Studies*. 2019. Vol. 13. No. 6. Pp. 1107–1118. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1107-1118
- Kukanova V. V., Ochirov U. B. The vanishing history of 'thirteen years and thirteen days': Problems of searching and preserving archival materials on repressed Kalmyks in Siberia. *Mongolian Studies*. 2021. Vol. 13. No. 4. Pp. 744–763. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2021-4-744-763
- Maksimov K. N. Kalmykia in the Soviet Era: Policy and Realia. Elista: Gerel, 2013. 464 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Repressions against Kalmyks and subsequent rehabilitation, 1943–1950s. In: History of Kalmykia from Earliest Times to Present Day. In 3 vols. Vol. 2. Elista: Gerel, 2009. Pp. 580–641. (In Russ.)
- Maksimov K. N. The Great Patriotic War: Kalmykia and Kalmyks. Moscow: Nauka, 2010. 406 p. (In Russ.)
- Memorial Book of Kalmyk Deportation. Vol. 2. Book 3: А–Я. The Deported and Left behind Forever. Executive Office of the President of the Republic of Kalmykia. Elista: Kalmykia Book Publ., 1998. 574 p. (In Russ.)
- Memorial Book of Kalmyk Deportation. Vol. 2. Book 4: А–Я. The Deported and Left behind Forever. Executive Office of the President of the Republic of Kalmykia. Elista: Kalmykia Book Publ., 2000. 343 p. (In Russ.)
- Neyachenko R. V. (comp.), Oglaev Yu. O. (ed.) Memorial Book of Kalmyk Deportation. Vol. 3. Book 2: Shirokstroy. Shiroklag. Collected memoirs of survived Kalmyk Red Army servicemen on Shirokovsky Forced Labor Camp. Elista: Dzhangar, 1994. 192 p. (In Russ.)
- Ochirov U. B. The revived from oblivion: Struggling for historical memory of the 110th Kalmyk Cavalry Division. Part 1. *Oriental Studies*. 2021. Vol. 14. No. 5. Pp. 937–955. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-57-5-937-955
- Ochirov U. B., Vorobyova V. N. Kalmyk Red Army soldiers in Shirokovsky Forced Labor Camp: A statistical survey. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 2. Pp. 330–357. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-48-2-330-357
- Ovshinova T. F. (ed.) Memorial Book of Kalmyk Deportation. Vol. 2. Book 1: А–К. The Deported and Left behind Forever. Elista: Kalmykia Book Publ., 1993. 336 p. (In Russ.)
- Ovshinova T. F. (ed.) Memorial Book of Kalmyk Deportation. Vol. 2. Book 2: Л–Я. The Deported and Left behind Forever. Elista: Kalmykia Book Publ., 1994. 544 p. (In Russ.)
- Sanzheev G. D. A Comparative Mongolic Grammar. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1953. 240 p. (In Russ.)
- The Soviet Census of 1959: Outcomes. RSFSR. Moscow: Gosstatizdat, 1963. 456 p. (In Russ.)
- Turovskaya M. I. Blow up: Or Heroes of Non-Heroic Times – 2. Moscow: GIK, 2003. 288 p. (In Russ.)
- Ubushaev V. B., Ubushaev K. V. The Kalmyks: Deportation, Return, 1943–1957. Elista: Kalmyk State University, 2007. 496 p. (In Russ.)
- Vvedensky B. A. (ed.) Great Soviet Encyclopedia. Vol. 19: Историзм – Канди. Moscow: Bolshaya Sovetskaya Entsiklopediya, 1953. 705 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 14, Is. 6, pp. 1259–1266, 2021
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 930

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1259-1266

Востоковедные исследования: проблемы архивной эвристики историко-документального наследия

Татьяна Иннокентьевна Хорхордина¹

¹ Российский государственный гуманитарный университет (д. 6, Миусская пл., 125993 Москва, Российская Федерация)

доктор исторических наук, заведующая кафедрой

 0000-0003-3722-3403. E-mail: ioad@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Хорхордина Т. И., 2021

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются проблемы архивной эвристики историко-документального наследия востоковедного профиля в тесной связи с методами выявления исторических источников, хранящихся в федеральных, региональных, ведомственных архивах. *Цель* исследования — проанализировать вопросы расширения источниковой базы научных исследований, что побуждает обратиться к методике поиска и выявления источников по востоковедной проблематике. Рассматривается метод перекрестного источниковедческого анализа, позволяющий воссоздать картину тех или иных событий, явлений, процессов. *Результаты* исследования состоят в том, что при анализе документов личного происхождения встают проблемы атрибутирования, установления авторства, датировки и степени достоверности источников. Умение работать с каждым документом, точно определять его информационную емкость в соответствии с концептуальной основой научной работы является одной из главных задач исследователя. Речь идет не только о сохранении памяти выдающихся ученых-востоковедов, но и о возможности использования и освоения их творческого наследия, поскольку через восприятие личности ученого можно реконструировать его стиль мышления, деятельность и творческое наследие в контексте востоковедных исследований. Воссоздание творческой лаборатории создания документов личного происхождения позволяет им стать источниками, на основе которых можно судить о развитии событий в тот или иной исторический период и проводить исследования на уровне микропроцессов, основанных на уважении к личности Человека, к его, выражаясь философским языком, «самости». *Выводы* исследования заключаются в установлении соотношения архивоведческого и источниковедческого подходов при исследовании документального наследия, а также многовалентности информационной среды, которая позволяет, в том числе благодаря новейшим информационным технологиям, найти свою информацию в океане исторических источников.

Ключевые слова: архивная эвристика, историко-документальное наследие, востоковедные

исследования, архивный фонд, Российский государственный архив экономики, Байкальская Азия, поиск и выявление источников

Для цитирования: Хорхордина Т. И. Востоковедные исследования: проблемы архивной эвристики историко-документального наследия // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 6. С. 1259–1266. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1259-1266

Oriental Studies: Archival Heuristics of Historical and Documentary Heritage

*Tatyana I. Khorkhordina*¹

¹ Russian State University for the Humanities (6, Miusskaya Sq., 125993 Moscow, Russian Federation) Dr. Sc. (History), Head of Department
 0000-0003-3722-3403. E-mail: ioad@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Khorkhordina T. I., 2021

Abstract. Introduction. The article deals with the issues of archival heuristics of the historical-documentary heritage in the field of Oriental studies in close connection with the methods of identifying historical sources stored in federal, regional, and departmental archives. The article *aims* to analyze the issues of enlarging the source base of scientific research, which makes it necessary to focus on the methodology of searching and identifying sources in the field. Special attention is given to the method of cross-source analysis, which is instrumental in reconstructing the picture of events, phenomena, and processes. The *results* of the research show that when one deals with personal documents there arise issues of their attribution, identification of authorship and dates and their reliability. The researcher should be able to work with every document and to accurately determine its information value in accordance with the conceptual basis of his / her scientific work. Of importance is not only the maintenance of memory of outstanding Orientalists, but also of taking the opportunity to use and master their heritage; in fact, it is through the personality of a scholar that one can reconstruct the style of his / her thinking, work, and creative heritage in the context of Oriental studies. When histories (contexts) of personal documents are reconstructed, they may become valuable sources shedding light on the events of a particular historical period. Hence research may be conducted at the level of micro-processes, provided there is respect for his / her personality, or, to use the philosophical term, the “self” of a person. **Conclusions.** The article indicates the correlation of archival and source-based approaches in the study of documentary heritage, as well as the multivalence of the information environment, where owing to the latest information technologies it becomes possible to find the data one needs in the ocean of historical sources.

Keywords: archival heuristics, historical and documentary heritage, oriental studies, archival repository, Russian State Archive of Economics, Baikal Asia, search and identification of sources

For citation: Khorkhordina T. I. Oriental Studies: Archival Heuristics of Historical and Documentary Heritage. *Oriental Studies*. 2021; 14 (6): 1259–1266. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1259-1266

В проблематике изучения востоковедного историко-документального наследия лежат историко-культурные пласты, ждущие своего исследователя. Выявление в федеральных и региональных, а также негосударственных архивах, рукописных отделах музеев и библиотек исторических источни-

ков восточных народов и введение их в научный оборот существенно расширяют объем информации в области востоковедных исследований. Информационная емкость новых исторических источников, являющихся базой для востоковедных исследований, может существенно корректировать

и общую историографическую интерпретацию генезиса, становления и развития научной мысли, что побуждает обратиться к архивной эвристике — методике поиска и выявления источников.

Когда речь идет об эвристике архивных документов востоковедного профиля, возникает приобретающий особую актуальность вопрос о путях и методах их выявления и местах их архивного хранения (архивы, рукописные отделы музеев и библиотек). Как расширить источниковую базу исследований и, соответственно, диапазон поиска искомых документов? Тем более, что расширение предметного и хронологического диапазона часто служит основанием версий, гипотез, догадок, озарений.

Каков же алгоритм поиска неопубликованных источников? Ключом поиска становится знание не только основных этапов, важных событий истории восточных народов и их документального наследия, но и знание функций, времени, места деятельности фондообразователя (как учреждений, организаций и обществ, так и отдельных личностей), а также история создания и поступления источников в архивы, рукописные отделы музеев и библиотек [Хорхордина, Попов 2018: 15–20].

Основным условием поиска становится исторический принцип организации документов и их хранения, в связи с чем использование фактора происхождения становится определяющим и служит средством сокращения потерь информации.

Документы / исторические источники, как известно, обнаруживаются, согласно закономерностям документирования. Именно поэтому, зная движение документа и то, каким образом он создавался и откладывался в делах фондообразователя, можно определить, где хранится искомый исторический источник. Без методически поставленной работы над изучением научно-справочного аппарата (НСА) архивов, музеев, библиотек, определением состава, происхождения и судеб архивного фонда или документальной коллекции — немыслимы исторический анализ событий, явлений, установление имен и судеб людей.

Поэтому, определяя роль и место архивов в исследовательской работе, важно отметить несостоятельность представлений о неструктурированном океане источников:

структура фондов максимально приближается к историческим структурам фондообразователя, что позволяет с наименьшими издержками найти искомые документы и избежать многих потерь информации. Документ, как известно, легче всего отыскивается и анализируется только в том окружении, в котором он был создан: для исследователя большая удача, если есть архивный фонд (а не коллекция) — корпус генетически взаимосвязанных источников, имеющих между собой естественно-исторические связи. Знание истории обстоятельств создания, условий среды бытования, перемещения и поступления документов в государственные и негосударственные архивы, музеи, библиотеки позволит воссоздать картину тех или иных событий и обогатит наши представления о них.

Конечно, чтобы поиск архивных документов не превратился в тяжелый и тягостный труд, необходим системный подход к корпусу генетически взаимосвязанных источников как исторических явлений, поскольку принцип системности позволит обеспечить полноту и комплексность анализа и выявить взаимосвязи объекта исследования с социокультурной средой его существования.

Это можно показать на конкретном примере. Сотрудниками Российского государственного архива экономики (РГАЭ) проведена колоссальная работа по выявлению уникальных и особо ценных документов, хранящихся в архиве, в том числе источников природного наследия [Методические рекомендации 2014]. В Архиве хранятся уникальные документы, непосредственно относящиеся к объектам природы всемирного наследия, в частности к вулканам Камчатки, озера Байкал, природного заповедника «Остров Врангеля» и др.: прежде всего, это сводные отчеты экспедиций, комплексно обследовавших те или иные объекты с их полными географическими, биологическими описаниями. Эти описания превосходили по полноте и новизне приводимых сведений все предыдущие аналоги или содержали информацию о ранее неизвестных мировой науке свойствах и / или характеристиках природного объекта [Методические рекомендации 2014: 11].

В личном фонде биолога, зоолога М. П. Розанова (1891–1966), занимавшегося

исследованием восточных районов страны, имеется архивное дело, посвященное его участию в научной экспедиции Академии наук на озеро Байкал в 1916 г. [РГАЭ. Ф. 473. Оп. 1. Д. 51]. Здесь же хранится хроника повседневной деятельности экспедиции (так называемые летописи природы).

Михаил Павлович Розанов родился в Ялте в семье известного врача, основоположника городской общественной медицины. После окончания в 1917 г. естественного отделения математического факультета Московского университета оставлен на кафедре зоологии. С 1917 г. работал в Крымском заповеднике, где, рискуя жизнью, боролся против вооруженных браконьеров. Принимал участие в организации Карагандинского, Кавказского и Черноморского заповедников, в разработке проекта создания Бадхызского заповедника (в Каракумах). М. П. Розанов возглавлял научно-исследовательскую экспедицию Дальневосточного НИИ на Камчатке. Был участником экспедиций по Чукотке, Памиру, Таймыру. В 1924 г. стал одним из основателей Всероссийского общества охраны природы. В 1943 г. М. П. Розанов приглашают в Институт эволюционной морфологии АН СССР. В 1946 г. по заданию Всероссийского общества охраны природы обследовал природные объекты в Крыму. По результатам его работы 33 памятника природы были объявлены заповедными. В 1964 г. ему удается добиться прекращения рубки можжевельника в Никитском ботаническом саду и отмены строительства 17-этажного здания в месте будущего заповедника. М. П. Розанов разработал инструкцию по оформлению охранных обязательств на заповедные памятники природы [Сироткина 2019: 111–117].

Такова была подвижническая деятельность этого разностороннего ученого. В его личном фонде отложились документы, раскрывающие его многогранную деятельность в области зоологии, географии, заповедного дела: статьи, доклады за период с 1928 по 1963 гг., документы об организации заповедников за период 1917–1964 гг., о работе экспедиций. Здесь же хранятся и биографические документы, хотя следует отметить, что невозможно отделить творческую деятельность ученого от его жизни, ведь жизнь ученого — это и есть его творчество и научные труды.

Так, для исследователя, анализирующего научное наследие ученых-востоковедов в их личных фондах, соединение биографического и исторического аспектов дает возможность воссоздать своеобразную картину бытия, в которой жили и творили ученые, и проследить их роль на фоне общего развития научной мысли востоковедения.

Возвращаясь к документам М. П. Розанова и историческим источникам о нем, отметим, что дополняют и воссоздают картину его подвижнической деятельности отложившиеся в фонде очерки жены — В. М. Розановой — о нем. Здесь же отложились фотографии заповедников и животных; фотографии экспедиций в Амурский край, Арктику, на Чукотку, Памир, в Туркмению и др. за период с 1914 по 1940 гг.

Итак, М. П. Розанов, будучи еще студентом, принял участие в экспедиции на озеро Байкал. Для организованной Академией наук Байкальской экспедиции в рекордно короткие сроки — в течение летних месяцев 1916 г. — было построено первое в отечественной истории исследовательское судно катер «Чайка», строительство которого началось 15 мая и закончено 6 июля 1916 г.

Авторы-составители «Методических рекомендаций по выявлению уникальных документов в Российском государственном архиве экономики», проделавшие колоссальную работу по поиску и описанию хранящихся в архиве источников, с сожалением отмечают, что сводный отчет экспедиции на Байкал (или дневники ее участников) в фонде М. П. Розанова не отложились: «по-видимому, не сохранились» [Методические рекомендации 2014: 64]. Поэтому находящаяся в фонде коллекция из 57 фотографий об изучении озера Байкал при отсутствии текстового материала не позволяет, — сообщают авторы, — восстановить картину проведенных исследований экспедиции [Методические рекомендации 2014: 65].

Однако методом перекрестного источниковедческого анализа мы все-таки можем восстановить детали работы экспедиции. Документы личного фонда М. П. Розанова значительно дополняются как опубликованными, так и архивными источниками. Так, в 1922 г. в Трудах комиссии РАН по изучению Байкала опубликован отчет руководителя экспедиции, зоолога и географа, сибиряка В. Ч. Дорогостайского (1879–1938) [Дорогостайский 1922: 154–161].

Исследователь Байкала, Ангары и горных озер Хамар-Дабана, в 1916 г. он явился одним из организаторов Комиссии по изучению озера Байкал при Академии наук и создателем первой гидробиологической биологической станции на Байкале.

Хотя публикация В. Ч. Дорогостайского названа отчетом, по существу это дневник, датированный им самим 7-м февраля 1917 г., позволяющий существенно дополнить информацию личного фонда М. П. Розанова о Байкальской экспедиции.

Необходимо иметь в виду, что значительно дополнить и обогатить картину работы экспедиции может хранящийся в Санкт-Петербургском филиале Архива РАН и полный дневник В. Ч. Дорогостайского [СПФ АРАН. Ф. 138. Оп. 1. Д. 16].

Виталий Чеславович Дорогостайский был сибиряком, выпускником Московского университета. Еще в 1902–1903 гг. он собрал на Байкале материал о водорослях, омуле и других видах флоры и фауны, обитавших только в Байкале. Целью экспедиции Академии наук, работавшей на озере Байкал в течение летних месяцев 1916 г., было изучение фауны и флоры этого озера в связи с условиями существования организмов — биологии бассейна.

В результате деятельности экспедиции были изучены донные организмы Байкальской фауны и распределение их по бассейну, микрофлора озера.

М. П. Розанов же производил сборы наземной фауны побережья и помогал при драгировках, занимался изучением физических свойств озера, производил сборы планктона и донного населения. В опубликованном отчете В. Ч. Дорогостайский сообщает об исследовании озера Котокель, питающего Байкал водой по системе рек и находящегося в двух километрах от восточного побережья Байкала: «Любопытно отметить, что озеро Катакель (так в тексте. — Т. Х.), несмотря на его почтенные размеры, очень мелководно. Из рыб в Катакель в большом количестве водятся окунь, щука, плотва и язь. Общий характер фауны совершенно иной, чем в Байкале, что, конечно, объясняется разницей в природных условиях того и другого бассейна, главным образом температурой воды» [Дорогостайский 1922: 159].

Озеро Котокель и сегодня поражает своим природным богатством и обилием рыбы,

а также более теплой водой, в отличие от холодного Байкала.

Исследования экспедиции В. Ч. Дорогостайского интересны для экологов и сегодня, особенно после природной экологической катастрофы весной 2008 г., когда на озере растаял лёд и на поверхность всплыла мертвая рыба. Постепенно с озера исчезли чайки, журавли, цапли, гуси, на побережье погибла вся популяция байкальской выдры. А летом этого же года 16 жителей села Исток, поев леща, были госпитализированы с малоизученным заболеванием «гаффская болезнь». В леще, обитающем на озере, обнаружили яд — карбоминовую кислоту. Это показывает, насколько хрупка экосистема каждого водоёма, как в ней всё взаимосвязано и как любое вмешательство человека может обернуться бедой. Об этом же писал и В. Ч. Дорогостайский, который с самого приезда на Байкал начал измерение температуры воды и собирание проб планктона: «Во время этих исследований, — вспоминал он, — нам совершенно неожиданно пришлось натолкнуться на массу мертвых голомянок (*Comephorus baicalensis*), плававших на поверхности воды» [Дорогостайский 1922: 158].

О причине гибели голомянок он писал: «Какая именно, мы пока не знаем, но самый факт, во всяком случае, заслуживает быть отмеченным» [Дорогостайский 1922: 158].

Эти исследования были проведены уже во время второй и третьей экспедиций на озеро Байкал в 1925 и 1926 гг.

Участники экспедиции, кроме прочего, выяснили, что в отношении горизонтального распределения фауна глубинной части озера Байкал (глубже 200 м) остается приблизительно одинаковой в разных частях Байкала на всем его протяжении.

Кроме данных зоогеографического характера, Байкальской экспедицией был собран весьма обширный — более 6 000 экземпляров — систематический материал по разным группам байкальских животных, рыбам, моллюскам, кольчатым червям, губкам, планариям и особенно по гаммаридам, которыми В. Ч. Дорогостайский специально интересовался.

Таким образом, учитывая естественно-исторические связи документов, зная историческую судьбу архивных фондов и привлекая как опубликованные, так и нео-

публикованные источники, мы можем проанализировать историю востоковедных исследований, в частности, восстановить картину деятельности Байкальской экспедиции 1916 г. и результаты изучения Байкала.

В том же архиве, но в другом фонде — Наркомата земледелия — находится проект заповедников и зоосферы на островах Байкала, дающий представление об инициаторах и этапах прохождения этого проекта, к сожалению, оставшегося в первой половине XX в. нереализованным [РГАЭ. Ф. 478. Оп. 9. Д. 2697].

В РГАЭ хранятся пятилетние и годовые отчеты о работе природных заповедников, а также документы по проектированию сложных технических сооружений непосредственно на территории природных памятников всемирного наследия, причем эти сооружения возводились впервые в нашей стране. Так, в фонде Минсвязи СССР имеются проектные документы о прокладке в 1945 г. морского телеграфного кабеля по дну озера Байкал [РГАЭ. Ф. 3527. Оп. 41с. Д. 15].

Поскольку Байкал — самое глубокоководное озеро в мире, это потребовало от проектировщиков рассчитать прочность кабеля на глубине около 1 500 метров, что было сделано впервые в отечественной практике.

В 1987 г. комиссия ООН по решению экологических проблем пришла к выводу, что устойчивое развитие мира базируется на концепции воздействия совокупности экономических, социальных и экологических факторов на качество жизни людей и состояние общества [Беркин, Макаров, Русинек 2009: 6, 240]. Именно поэтому возникло стремление к интегрированному решению (быть может, пока утопическому), основанному на гармонии экономики, общества и окружающей среды.

Целью же устойчивого развития в пределах Байкальского региона является сохранение уникальной экологической системы Байкала.

В этой связи для экологов особый интерес представляет анализ участия Сибирского отделения Академии наук СССР в дискуссии о целесообразности строительства Байкальского целлюлозно-бумажного комбината на озере Байкал, в которой руководство и ученые СО АН открыто выступили против вмешательства промыш-

ленников и инженеров в уникальную экосистему Байкала. Документы о состоявшейся дискуссии отложились в Архиве РАН в фондах Всесоюзного гидробиологического общества РАН, а также в фонде Института проблем экологии и эволюции имени А. Н. Северцова [Архив РАН. Ф. 1524. Ф. 1987].

Исследования, проведенные Сибирским институтом физиологии и биохимии Сибирского отделения РАН, установили, что на долю ЦБК приходилось около 60 процентов всех сточных вод, сбрасываемых в озеро. Как известно, несмотря на протесты ученых, комбинат был построен, и 42 года наносил ущерб экологии Байкала — сбрасывал сточные воды непосредственно в озеро, и только в 2008 г. ЦБК наконец был переведен на замкнутый цикл.

Напомним, что в декабре 1996 г. на XX сессии ЮНЕСКО, состоявшейся в мексиканском городе Мерида, Комитет по Всемирному наследию ЮНЕСКО признал Байкал объектом Всемирного природного наследия. Учитывая этот статус, Комитет ЮНЕСКО предъявил правительству РФ требование перепрофилировать Байкальский целлюлозно-бумажный комбинат таким образом, чтобы он прекратил быть источником загрязнения, обеспечить деятельность заповедников и национальных парков, а также снизить выброс загрязняющих веществ в реку Селенгу, впадающую в Байкал [Беркин, Макаров, Русинек 2009: 231–241; Хорхордина 2017: 30–34].

Другая разновидность документов, хранящихся в РГАЭ, — комплексные научные описания заповедников, содержащие всеобъемлющую характеристику тех особенностей конкретного заповедника, благодаря которым он и был признан памятником всемирного наследия.

Так, природный заповедник «Остров Врангеля» из всех аналогичных объектов, расположенных за Полярным кругом, не имеет себе равных в мире по биологическому разнообразию, и документы, хранящиеся в Архиве, содержат полную характеристику животного и растительного мира острова.

В Архиве находятся документы о редких природных явлениях, ранее неизвестных человечеству. Из истории событий подобного рода можно выявить в РГАЭ документы, отражающие процесс «гибе-

ли», т. е. распада на ряд составных частей Аральского моря. В Архиве хранятся фонды соответствующих профильных ведомств — Минсельхоза СССР, Минприроды СССР, Гидрометеослужбы, научно-исследовательских организаций природоохранного профиля, которые в служебном порядке осуществляли надзор за ситуацией на Аральском море. Это, прежде всего, подлинники фотодокументы, а также геодезические планы и географические карты, зафиксировавшие начальный момент его распада в 1989 г. [*Методические рекомендации* 2014: 20].

Эти документы дополняются историческими источниками, хранящимися в Архиве РАН, где находятся фонды исследовательских экспедиций Академии наук СССР.

При исследовании документов личного происхождения, историческая ценность которых непреходяща, встают проблемы атрибутирования, установления авторства, датировки и степени достоверности источников и фактического материала. Умение работать с каждым документом, точно определять его информационную емкость, выявлять документальный массив в соответствии с концептуальной основой исследования и есть одна из главных задач в связи с возрастающей потребностью общества в создании информационно-культурной среды. Речь идет не только о сохранении па-

мяти выдающихся ученых-востоковедов, но и об объективной возможности использования и освоения их творческого наследия. В контексте постоянно растущего внимания к источникам личного происхождения через восприятие личности ученого можно прийти не только к восприятию эпохи в целом, но и благодаря антропологическому подходу к изучению трудов востоковедов дается возможность реконструировать их стиль мышления, деятельность и творческое наследие в контексте востоковедных исследований.

А воссоздание творческой лаборатории появления документа как отражения ценностных ориентиров в обществе позволяет документам личного происхождения стать источниками, на основе которых можно судить о развитии событий в тот или иной исторический период и проводить исследования на уровне микропроцессов, основанных на уважении к личности Человека, к его, выражаясь философским языком, «самости».

Таким образом, проблема соотношения архивоведческого и источниковедческого подходов при исследовании документального наследия, а также многовалентность информационной среды и позволяет, в том числе благодаря новейшим информационным технологиям, найти свою информацию в океане исторических источников.

Источники

- Архив РАН — Архив Российской академии наук. Ф. 1524. Ф. 1987.
РГАЭ — Российский государственный архив экономики.
СПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.

Литература

- Беркин, Макаров, Русинек 2009 — *Беркин Н. С., Макаров А. А., Русинек О. Т.* Байкаловедение. Иркутск: Изд-во Иркутского гос. ун-та, 2009. 291 с.
Дорогостайский 1922 — *Дорогостайский В. Ч.* Краткий отчет о работах Байкальской экспедиции Академии наук в 1916 году // *Российская Академия наук: Труды комиссии по изучению озера Байкала*. 1922. Т. 1. С. 154–161.
Методические рекомендации 2014 — Методические рекомендации по выявлению уникальных документов в Российском госу-

Sources

- Archive of the Russian Academy of Sciences (Moscow). Coll. 1524, 1987.
Archive of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch.
Russian State Archive of the Economy.

дарственном архиве экономике / рук. темы Е. А. Тюрина; отв. сост. А. Г. Черешня; сост.: М. М. Альтман, Е. А. Андреева, Н. А. Корчагина. М.: РГАЭ; ВНИИДАД, 2014. 107 с.

- Сироткина 2019 — *Сироткина А. А.* Первые руководители Крымского заповедника: В. Э. Мартино и М. П. Розанов // *Заповедники-2019: Биологическое и ландшафтное разнообразие, охрана и управление: мат-лы IX Всеросс. науч.-практ. конф. (г. Симферополь, 9–11 октября 2019 г.)*. Симферополь: Ариал, 2019. С. 111–117.

Хорхордина 2017 — *Хорхордина Т. И.* Человек и Природа в истории Сибири: исследовательские практики взаимодействия и проблемы выявления новых источников // Человек и Природа: История взаимодействия, источники и информационные ресурсы, визуальные образы и ис-

следовательские практики: мат-лы XXX Междунар. науч. конф. (г. Москва, 25–26 апреля 2017 г.) / отв. ред. В. И. Дурновцев. М.: РГГУ, 2017. С. 30–34.

Хорхордина, Попов 2018 — *Хорхордина Т. И., Попов А. В.* Архивная эвристика. М.: РГГУ, 2018. 294 с.

References

Berkin N. S., Makarov A. A., Rusinek O. T. Baikal Studies. Irkutsk: Irkutsk State University, 2009. 291 p. (In Russ.)

Chereshnya A. G. et al. (comps.) Identifying Unique Documents at the Russian State Archive of the Economy: Methodological Prompts. Moscow: Russian State Archive of the Economy; Russian Research Institute of Document Management and Archive Keeping, 2014. 107 p. (In Russ.)

Dorogostaysky V. Ch. Baikal Expedition of the Academy of Sciences: A concise 2010 activity report. In: Russian Academy of Sciences. Transactions of Lake Baikal Research Commission. 1922. Vol. 1. Pp. 154–161. (In Russ.)

Khorkhordina T. I. Man and Nature in Siberian history: Research practices of interaction

and problems of identifying new sources. In: Durnovtsev V. I. (ed.) Man and Nature: History of Interaction, Sources and Information Resources, Visual Images and Research Practices. Conference proceedings (Moscow; April 25–26, 2017). Moscow: Russian State University for the Humanities, 2017. Pp. 30–34. (In Russ.)

Khorkhordina T. I., Popov A. V. Archival Heuristics. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2018. 294 p. (In Russ.)

Sirotkina A. A. The first leaders of the Crimean Reserve: V. E. Martino and M. P. Rozanov. In: The Nature Reserves – 2019. Biological and Landscape Diversity, Conservation and Management. Conference proceedings (Simferopol; October 9–11, 2019). Simferopol: Arial, 2019. Pp. 111–117. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 14, Is. 6, pp. 1267–1280, 2021
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 397.4

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1267-1280

Хозяйственные обязанности мужчин и женщин в кочевых обществах Центральной Евразии XVIII – начала XX вв.

Александр Дмитриевич Таиров¹, Наталья Александровна Берсенева²

¹ Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)
(д. 76, пр. Ленина, 454080 Челябинск, Российская Федерация)

доктор исторических наук, директор

 0000-0001-8575-0430. E-mail: tairov55@mail.ru

² Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет)
(д. 76, пр. Ленина, 454080 Челябинск, Российская Федерация)

доктор исторических наук, старший научный сотрудник

 0000-0003-2554-6205. E-mail: bersnatasha@mail.ru

© КалмНИЦ РАН, 2021

© Таиров А. Д., Берсенева Н. А., 2021

Аннотация. *Введение.* В ранних кочевых обществах Центральной Евразии существовало разделение труда по гендерному признаку. Однако письменные источники и данные археологии не позволяют охарактеризовать это разделение. Решение проблемы возможно, если обратиться к данным этнографии по кочевым в недавнем прошлом народам. *Целью* исследования является определение хозяйственных обязанностей мужчин и женщин в кочевых обществах Центральной Евразии XVIII – начала XX вв. для реконструкции гендерного разделения труда в обществах ранних кочевников исследуемого региона. *Материалы и методы.* Для характеристики разделения хозяйственных обязанностей по половому признаку использованы источники нового времени по кочевым народам. Авторы исходили из того, что специфика кочевой экономики и экологически сходные условия, которые приводят к выработке однотипных форм кочевого хозяйства, позволяют привлекать данные по кочевым в недавнем прошлом народам для реконструкции хозяйства и культуры древних кочевников евразийских степей. *Результаты и обсуждение.* Изучение источников позволило дифференцировать хозяйственные обязанности в кочевых обществах Центральной Евразии XVIII – начала XX вв. по половому признаку и составить их список. Традиция достаточно жестко закрепляла разделение обязанностей на мужские и женские. Выполнение не свойственных полу работ вызывало негативное отношение окружающих. *Выводы.* В кочевых обществах Центральной Евразии нового времени был четко обозначен круг хозяйственных обязанностей мужчин и женщин. Распределение их не зависело от национальной принадлежности и господствующей в обществе религии. На мужчине лежали обязанности, выполнение которых обеспечивало сохранение и воспроизводство

стада. Мужскими были также основные ремесла. Мужчины занимались обслуживанием и охраной караванов. Мужчины обязаны были защищать семью и аул, имущество и скот от набегов противника и баранты. Женщины занимались воспитанием детей и домашними делами. Они обрабатывали животное сырье, ухаживали за скотом в ауле, заготавливали продукты и топливо на зиму. Распределение хозяйственных обязанностей между мужчинами и женщинами, зафиксированное у кочевников XVIII – начала XX вв. Центральной Евразии позволяет использовать имеющиеся данные для реконструкции гендерного разделения труда в обществах ранних кочевников евразийских степей.

Ключевые слова: башкиры, казахи, калмыки, киргизы, туркмены, кочевники, мужчина, женщина, хозяйственные обязанности

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научных проектов № 20-49-740005 «Образ жизни и социальная структура ранних кочевников Южного Урала в конце VII–III вв. до н. э.» (А. Д. Таиров) и № 20-09-00205 «Культура и общество ранних кочевников Южного Зауралья (по материалам могильника Кичигино I)» (Н. А. Берсенева).

Для цитирования: Таиров А. Д., Берсенева Н. А. Хозяйственные обязанности мужчин и женщин в кочевых обществах Центральной Евразии XVIII – начала XX вв. // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 6. С.1267–1280. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1267-1280

Nomadic Communities of Central Eurasia, 18th – Early 20th Centuries CE: Household and Economic Responsibilities of Men and Women Revisited

Alexandr D. Tairov¹, Natalia A. Berseneva²

¹ South Ural State University (76, Lenin Ave., 454080 Chelyabinsk, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Director of Center for Eurasian Studies
 0000-0001-8575-0430. E-mail: tairov55@mail.ru

² South Ural State University (76, Lenin Ave., 454080 Chelyabinsk, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Senior Research Associate
 0000-0003-2554-6205. E-mail: bersnatasha@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Tairov A. D., Berseneva N. A., 2021

Abstract. Introduction. In early nomadic societies of Central Asia, gender was the major factor in the division of labor. However, the written sources and archaeological evidence in the field do not provide enough detail to describe this division, hence the solution to the problem may be sought in the ethnographical data of the peoples, nomadic in their recent past. The article *aims* to analyze the household responsibilities of men and women in the nomadic societies in Central Eurasia in the 18th – early 20th centuries to use this data for a reconstruction of the gender labor division of the early nomadic societies in the region. *Materials and methods.* The study makes use of published sources on the recent nomads. Notably, the present authors proceed from the fact that, granted the largely conservative character of nomadic economy and the regional environment that remained unchanged in the period in question, the forms of regional nomadic economies were largely of a similar type. Hence, it may be possible to use the data on recently nomadic peoples for the reconstruction of the economy, culture, and socio-economic structures of the ancient nomads of the Eurasian steppes. *Results.* The undertaken analysis of the sources indicates a clear gender division of economic activities in the Eurasian nomadic societies in the 18th – early 20th cc. Tradition prescribed the division of household duties into strictly male and female, and any violation of the gender roles was discouraged. *Conclusions.* The range of economic responsibilities of men and women was clearly circumscribed in the nomadic societies of Central Eurasia, their ethnic affiliation and religion playing no part in the existent labor division structures. Men took care of the herds, keeping them safe and enlarging their

number; crafts were also largely men's field; men's duties included maintenance and protection of caravans, as well as protection of the family and aul, property and livestock from enemy raids and baranta. Women were involved in childcare and domestic chores, including processing of animal raw materials, looking after livestock in the aul, cooking food, and collecting fuel for winter seasons. Thus, the data on labor division between men and women characteristic of the recent nomads makes it possible to reconstruct the gender labor division in the societies of the early nomads in the Eurasian steppe.

Keywords: the Bashkir, the Kazakh, the Kalmyk, the Kyrgyz, the Turkmen, nomads, man, woman, household responsibilities

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR, project nos. 20-49-740005 'Ways of Life and Social Structure of Early Nomads in the Southern Urals, Late 7th–3rd Centuries BCE' (A. Tairov) and 20-09-00205 'Culture and Society of Early Nomads in the Southern Trans-Urals: Exploring Kichigino I Burial Site' (N. Berseneva).

For citation: Tairov A. D., Berseneva N. A. Nomadic Communities of Central Eurasia, 18th – Early 20th Centuries CE: Household and Economic Responsibilities of Men and Women Revisited. *Oriental Studies*. 2021; 14(6): 1267–1280. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1267-1280

Введение

Разделение труда в соответствии с полом издревле присуще человеку. Существовало оно и в кочевых обществах Центральной Евразии I тысячелетия до н. э. Так Геродот в сюжете о происхождении савроматов вкладывает в уста амазонок следующие слова: «...мы стреляем из лука и мечем дротики, и ездим верхом, женским же работам мы не обучены. А ваши женщины не делают ничего из того, что мы перечислили, но, оставаясь в повозках, занимаются женским трудом, не выезжая на охоту и вообще никуда» [Геродот1992, IV: 114].

Гиппократ в сообщении о скифах отмечает, что «между скифами встречается множество евнухов; они занимаются женскими работами и говорят по-женски...» [Гиппократ1992: 29].

Однако дошедшие до нас письменные источники этого времени не позволяют охарактеризовать хозяйственные обязанности мужчин и женщин в кочевых обществах Степной Евразии. Еще меньше возможностей предоставляет археология номадов. Решение проблемы возможно, на наш взгляд, обращением к данным этнографии по кочевым в недавнем прошлом народам Восточной Европы, Южного Урала и Центральной Азии.

Целью исследования является определение хозяйственных обязанностей мужчин и женщин в кочевых обществах Центральной

Евразии XVIII – начала XX вв. для реконструкции гендерного разделения труда в обществах ранних кочевников этого региона.

Материалы и методы

Для характеристики разделения хозяйственных обязанностей по половому признаку использованы русскоязычные источники XVIII – начала XX вв.: путевые записки, работы по истории, географии, этнографии, статистике и т. п. по кочевым народам — башкирам, казахам, калмыкам, киргизам и туркменам.

Методологической основой исследования являются принципы историзма, объективности и системности исторического процесса. Мы исходили из того, что специфика экстенсивной кочевой экономики, которая мало менялась с течением времени, и экологически сходные условия, которые приводят к выработке однотипных форм кочевого хозяйства, позволяют привлекать данные по кочевым в недавнем прошлом народам для реконструкции хозяйства, культуры, социально-экономических структур древних номадов евразийских степей, полупустынь и пустынь [Железчиков 1984: 10–12; Хаза-нов 1975: 23, 24; Юсупов 1987: 129; Ягодин 1971: 107].

Данный подход в исторических исследованиях не нов, так К. А. Акишев, А. Д. Таиров, В. Н. Ягодин использовали данные по казахам XVIII – начала XX вв. для реконструкции пастбищно-кочевой системы

номадов раннего железного века урало-казахстанских степей [Акишев 1972; Таиров 1993; Ягодин 1987].

Сведения о занятиях мужчин и женщин в монгольском обществе XII–XIII вв. имеются в работе С. С. Цыпиловой, опирающейся на сообщения П. Карпини и Г. Рубрука [Цыпилова 2018: 142; Цыпилова 2019: 105].

Используя эти же сообщения, а также привлекая данные археологии и материалы по этнографии монголов, тибетцев и казахов, реконструирует положение женщин в обществе «пазырыкцев» Алтая Н. В. Полосьмак [Полосьмак 2001: 284–287].

Синтез этнографических и археологических данных позволил М. А. Очир-Горяевой обратиться к вопросу о статусе женщины в кочевом обществе [Очир-Горяева 2018]. Для реконструкции форм семьи, положения и роли женщин в социальной структуре, а также хозяйственных функций мужчины и женщины у древних тюрок В. В. Тишин, Н. Н. Сергин, И. А. Рау использовали сведения о монголах XIII в. и казахах XVIII–XIX вв. [Тишин 2012; Тишин, Серегин 2015; Рау 2012].

Краткая характеристика хозяйственных обязанностей женщины в традиционном башкирском, казахском и калмыцком обществе приведена в ряде современных исследований, посвященных правовому положению и социальному статусу женщины (см. например: [Алпысбаева и др. 2020: 375; Джунджузов 2019: 172, 175; Жапекова 2014: 82; Мусабалина 2016: 72–74; Стасевич 2011: 62; Сулейманова 2016: 71–73; Уланов, Тюмидова 2018: 174–175]. Однако специальных исследований, приводящих характеристику хозяйственных обязанностей мужчин и женщин в кочевых обществах Центральной Евразии XVIII – начала XX вв., нам найти не удалось.

Женское и мужское в хозяйстве кочевников Центральной Евразии

Изучение обширного круга русскоязычных источников XVIII – начала XX вв. по истории, географии, этнографии и статистике Центральной Евразии позволило нам дифференцировать хозяйственные обязанности в кочевых обществах этого региона по половому признаку. Причем обязанности эти не зависели от национальной принадлежности и господствующей в обществе религии. В этом нас убеждает сравнение

обязанностей мужчин и женщин у казахов, киргизов, башкир и туркмен, исповедующих ислам, калмыков — приверженцев буддизма, а также крещеных калмыков.

Хозяйственные обязанности женщин в кочевых обществах Центральной Евразии XVIII – начала XX вв.

На женщине лежали, прежде всего, домашние обязанности. Она разводила огонь в очаге, приносила воду, готовила пищу и кормила семью, убирала в жилище и стирала. Она же собирала и заготавливала топливо — кизяк и хворост. Казахская пословица гласила: «Имея хорошую жену, и дрова будешь в доме иметь, а худую — то в приезд твоих родственников и товарищей найдешь дома один дым» [П 1878: 65]. Достаточно часто женщины даже седлали и расседывали лошадей, подводили их к мужчинам [Бентковский 2011: 451, 459; Броневский 1830а: 212; Вульфсон 1901: 33; Добросмыслов 1895: 69; Зеланд 1885: 25, 28; Красовский, 1 1868: 393; Лепёхин 1772: 57; Михайлов 1900: 48; Наливкин 1913: 13; Очерки... 1859: 32; Руденко 1927: 28; Тронов 1891: 12].

При перекочевке женщины собирали и разбирали юрту, складывали и навьючивали на верблюдов юрту и имущество. При необходимости они могли и починить юрту [Броневский 1830а: 212; Вульфсон 1901: 33; Добросмыслов 1895: 13; Зеланд 1885: 28; Красовский, 1 1868: 393; Михайлов 1900: 48; Очерки... 1859: 32; Руденко 1927: 28].

Женщины ухаживали за скотом в ауле — кормили и доили его, охраняли ночью баранов, пасли телят [Георги 1799: 100, 130; Добросмыслов 1895: 49, 105, 189, 237, 246; Зеланд 1885: 28; Красовский, 1 1868: 393; Лепёхин 1772: 55; Михайлов 1900: 48; Очерки... 1859: 32; П 1878: 22; Руденко 1927: 28; Черемшанский 1859: 148].

Они приготавливали кумыс и молочные напитки, изготавливали крупы и масло, заготавливали продукты на зиму [Бентковский 2011: 459; Букейханов 2007: 158; Георги 1799: 100; Ельницкий 1895: 108; Зеланд 1885: 28; Красовский, 1 1868: 400; Лепёхин 1772: 55; Очерки... 1859: 32; П 1878: 60; Черемшанский 1859: 148, 149].

Женщины занимались обработкой шкур и выделыванием кож, стригли овец и вычесывали пух с коз [Бентковский 2011: 451; Броневский 1830а: 232; Букейханов 2007:

176; Военно-статистическое...1852: 52; Георги 1799: 101; Добросмыслов 1895: 52, 57, 68, 275; Красовский, 1 1868: 400; Лепёхин 1772: 38, 39; Лепёхин 1821: 247–248; Материалы... 1915: 107; Назаров 1968: 21].

Они валяли войлок и кошмы, изготавливали веревки (арканы) [Бронеvский 1830а: 232; Военно-статистическое... 1852: 52; Галкин 1867: 35; Георги 1799: 101; Ельницкий 1895: 108; Зеланд 1885: 24; Красовский, 1 1868: 393; Лепёхин 1821: 247–248; Михайлов 1900: 75; Очерки... 1859: 32; Черемшанский 1859: 149].

Женщины пряли, ткали грубые шерстяные ткани, ленты и тесьму [Бентковский 2011: 451; Военно-статистическое...1852: 52; Галкин 1867: 35; Георги 1799: 101, 130; Добросмыслов 1895: 275; Зеланд 1885: 24; Красовский, 1 1868: 393; Левшин 1832: 98; Материалы... 1915: 107; Михайлов 1900: 73, 75; Руденко 1927: 20; Черемшанский 1859: 149].

Они обшивали семью, шили подушки и одеяла, мешки, торбы, дорожные и переметные сумки, потники, вязали и вышивали. Шили женщины и обувь [Бентковский 2011: 451; Военно-статистическое...1852: 52; Гейнс 1897: 84; Добросмыслов 1895: 275–276; Зеланд 1885: 24; Левшин 1832: 92, 98; Лепёхин 1772: 38; Лепёхин 1821: 247–248; Михайлов 1900: 48, 75; Очерки... 1859: 32; Черемшанский 1859: 149].

Женщины изготавливали ковры, плели циновки, обдывали пеньку, выдывали мыло [Букейханов 2007: 174; Галкин 1867: 35; Гинс 1913: 329; Добросмыслов 1895: 56; Ельницкий 1895: 108; Зеланд 1885: 24; Красовский 1 1868: 400; Красовский, 2 1868: 143; Михайлов 1900: 48, 75; Наливкин 1913: 8; Черемшанский 1859: 149].

У казахов женщины иногда выступали в роли баксы, т. е. занимались знахарством [Ибрагимов 1872: 149; П 1878: 56]. Башкирские женщины принимали участие в заготовке сена на зиму, ремонтировали печи, затягивали окна пузырем [Черемшанский 1859: 149].

Хозяйственные обязанности мужчин в кочевых обществах Центральной Евразии XVIII – начала XX вв.

Столь же разнообразны были обязанности мужчин. Они выбирали наиболее оптимальные пути кочевания и пастбища для разных пород скота, определяли места

стоянок, осуществляли выпас и охрану стад [Букейханов 2007: 194–195; Гейнс 1897: 85; Ельницкий 1895: 108; Красовский, 1 1868: 393–394; Красовский 1 1868: 22; Лепёхин 1772: 55; Михайлов 1900: 48; Очерки... 1859: 32; Юзефович 1880: 821].

Организация водопоя скота тоже лежала на мужчинах. Если не было естественных источников воды, то им приходилось рыть и чистить колодцы, изготавливать деревянные или каменные корыта для воды [Букейхан 1927: 67; Красовский, 3 1868: 22; Левшин 1832: 196; Очерки... 1859: 32; Руденко 1927: 28].

«Каждый адай имеет железную лопату, носит ее за поясом... Как в старину каждый казак обязан был иметь огниво, нож, шылбыр (веревка, которой привязывают лошадь), так каждый адай обязан за поясом иметь железную лопату — бельдеме. Ею он роет и чистит колодцы и расчищает зимою от мерзлой земли место для ночлега овец и верблюдов, колодцы и стоянки аула» [Букейхан 1927: 68].

Для зимнего содержания скота мужчины строили загоны, крытые помещения или землянки, а также производили их ремонт, подготавливали место для ночлега мелкого рогатого скота и верблюдов [Букейхан 1927: 68; Гейнс 1897: 60–61; Красовский, 1 1868: 400; Левшин 1832: 196; Очерки... 1859: 24–25, 31].

Мужчины стригли овец и верблюдов, у последних для управления они продавали палочку в носу. Мужчины производили метку и кастрацию животных, осуществляли их забой и разделку [Букейханов 2007: 173; Вульфсон 1901: 26; Добросмыслов 1895: 48–49, 52, 98, 100, 241, 243, 247–248; Зеланд 1885: 24; Красовский 1 1868: 400].

Мужчины обьезжали лошадей, обрезали их гривы и хвосты, иногда доили их [Добросмыслов 1895: 110–111; Зеланд 1885: 24; Красовский, 1 1868: 394].

При наличии оседлости они обрабатывали землю, заготавливали сено [Ельницкий 1895: 108; Красовский, 1 1868: 400; Лепёхин 1821: 247; Материалы... 1915: 100; Руденко 1927: 28].

Мужчины были кузнецами, медниками, оружейниками, плотниками и столярами, сапожниками и ювелирами, занимались соляным промыслом. Они изготавливали деревянную посуду и детали юрты, были

тележниками и колесниками. Мужским занятием являлась резьба по дереву, кости и камню. У туркмен мужчины также занимались гончарным и мыловаренным ремеслом [Батыров 2014: 34–35; Букейханов 2007: 85–87; Гейнс 1866: 112, 123; Гейнс 1897: 98, 162; Георги 1799: 128; Иванов 1891: 29; Красовский, 1 1868: 394, 396; Материалы... 1903: 143; Михайлов 1900: 75; Назаров 1968: 22; Шнейдер 1927: 136, 143–144].

Мужчины были шорниками, изготавливали и ремонтировали сбрую, делали седла и плети. Иногда мужчины, чаще малоимущие, занимались выделкой кож, шили кожаные одежды и мешки, валяли войлок [Букейханов 2007: 86; Гейнс 1897: 98; Иванов 1891: 29; Красовский, 1 1868: 194, 396; Михайлов 1900: 75].

Мужчины заготавливали дрова, помогали женщинам изготавливать, но не собирать, кизяк [Букейханов 2007: 169; Джунджузов 2019: 175; Добросмыслов 1895: 69; Ельницкий 1895: 108; Руденко 1927: 28; Шмидт 1894: 114].

«Он помогает заготавливать кизяк, но у кочевников вы никогда не увидите мужчину, собирающего скотский помет для топлива» [Руденко 1927: 28].

Покупка необходимых в хозяйстве изделий, а также продуктов и продажа их излишков на базарах осуществлялась мужчинами [Джунджузов 2019: 175; Ельницкий 1895: 108; Зеланд 1885: 28; Шкапский 1896: 11].

Мужчины занимались сопровождением, обслуживанием и охраной торговых караванов [Завалишин 1867: 55–56; Очерки... 1859: 19–24].

Чисто мужским занятием была охота [Георги 1799: 100, 128; Джунджузов: 2019: 175; Красовский, 1 1868: 400; Михайлов 1900: 48; Назаров 1968: 22; Черемшанский 1859: 148].

У казахов врачеванием занимались бакасы — преимущественно мужчины [Броневский 1830а: 217, 219; Ибрагимов 1872: 149; П 1878: 56–57].

Помимо хозяйственных забот, мужчины защищали аулы, имущество и скот от набегов противника и баранты (барымты) или сами участвовали в набеге или баранте [Броневский 1830б: 81–85; Вамбери 1868: 77; Георги 1799: 129; Казанцев 1867: 38–44; Куропаткин 1879: 32–33; Назаров 1968: 20,

26; Наливкин 1913: 14; Очерки... 1859: 34–36; Шмидт 1894: 116–117].

Анализируя хозяйственные обязанности мужчин необходимо иметь в виду, что большинство имеющихся источников относятся к концу XVIII–XIX вв., т. е. ко времени, когда территории Центральной Евразии достаточно прочно вошли в состав Российского государства и в степи прекратились набеги, междоусобицы, а барымта (баранта) преследовалась и была сильно ограничена. Как отмечает источник в Семиречье, «... за более, чем 50 лет русского владычества положение совершенно изменилось. Вооруженные грабежи, наезды и войны постепенно отошли в прошлое...» [Материалы по киргизскому... 1915: 31].

«Степные междоусобия между отдельными родами прекратились и, можно думать, никогда не возобновятся, потому что правительство наше очень удачно налегло на уничтожение корня всех беспорядков — баранты, допускавшейся всеми прежними законоположениями киргиз», — отмечал Н. И. Красовский [Красовский, 3 1868: 10; см. также: Завалишин 1867: 110–111; Даулбаев 1881: 113].

Поэтому из занятий мужчин были исключены такие обязанности, как вооруженная охрана имущества, участие в междоусобных столкновениях, набеге и барымте. Отпала необходимость и вооруженного сопровождения караванов. Кроме того, непосредственное знакомство путешественников и исследователей с бытом кочевников происходило, как правило, в теплое время года, когда круг хозяйственных забот мужчин был весьма ограничен.

Кроме того, надо учитывать, что развитие торговли и поступление в степь товаров фабричного производства в XIX – начале XX вв. вело к сокращению ремесленного производства у кочевников (см. например: [Батыров 2016: 35, 37]).

Все это, на фоне ежедневных хозяйственных забот женщин, приводило к представлениям о том, что у казахов «единственным работником, ни минуты не сидящим без дела, является женщина. Мужчина же, как глава семьи, оставляет за собою только заботы о приискании мест под кочевку, разъезды по базарам, охоту и, в случае бедности, пастьбу скота. Жизнь он проводит постоянно на коне, разъезжая по степи, а

дома сидит около костра в юрте, где все должно быть приготовлено ему женою» [Шкапский 1896: 11; см. также: Завалишин 1867: 117; Зеланд 1885: 28; Ельницкий 1895: 105, 108; Наливкин 1913: 13].

Согласно Ф. А. Михайлову, «остальное от полевых работ время туркмен проводит праздно, развлекаясь охотой, посещением соседей и разговорами у пылающего костра в прихлебку с зеленым чаем... Насколько редко можно видеть туркмена за работой, настолько же туркменку без работы» [Михайлов 1900: 48].

О башкирах И. Г. Георги писал: «мужчины большую половину зимы перед очагом за трубкою табаку, а летом за кумызом в каляканье препровождают. Женщинам напротив того тем больше дела, а особливо в летнюю пору» [Георги 1799: 100].

Хозяйственная деятельность мужчин, не связанная с кустарным ремеслом, велась, главным образом, за пределами поселения, в отличие от женщин, деятельность которой ограничивалась домом, аулом и его ближайшей округой. Калмыцкая пословица гласит: «Хорош ли мужчина, узнаешь в степи, хороша ли женщина, узнаешь в ее доме» [Галимеева 2018: 70].

Традиция достаточно жестко закрепляла разделение хозяйственных обязанностей на мужские и женские. Выполнение не свойственных полу работ вызывало негативное отношение, осуждение и насмешки окружающих. «Бедные женщины, занимающиеся доением, много терпят от нетерпеливости или злости животных. Мужчины же стоят около, но ни один не поможет, потому что для мужчины считается величайшим стыдом принять участие в какой-нибудь женской работе», — писал А. Вамбери о казахах [Вамбери 1868: 73].

«У туркмен, как и у других инородцев, почти все домашние работы выполняются женщинами. По их убеждению, мужчине неприлично заниматься каким-либо домашним делом», отмечал К. Ельницкий [Ельницкий 1895: 127–128].

Вместе с тем «как ни тяжелы обязанности женщины по хозяйству, ни одна из них не ропщет в этом отношении на свою судьбу... жены вовсе не считают мужей своих виновными в установлении тяжелой работы, выпавшей на долю женщины. Напротив, этою работою они гордятся, считая муж-

ской пол и недостойным её и, вместе с тем, вовсе неспособным к ней, и желавший бы облегчить труд своих жен достаточный киргиз, нет сомнения, подвергся бы насмешкам прежде всего от самих же женщин, потерявших бы к такому человеку всякое уважение», — отмечал Н. И. Красовский [Красовский, 1 1868: 395].

Хозяйственные обязанности мужчин и женщин, отмеченные у кочевников XVIII — начала XX вв. Центральной Евразии, вряд ли кардинально отличались от таковых у древних и средневековых номадов евразийских степей. В этом нас убеждают данные о хозяйстве монголов XIII в., приводимые Плано Карпини и Гильомом де Рубруком. «Мужчины ничего вовсе не делают, за исключением стрел, а также имеют отчасти попечение о стадах; но они охотятся и упражняются в стрельбе... Жены их все делают: полушубки, платья, башмаки, сапоги и все изделия из кожи, также они правят повозки и чинят их, выючат верблюдов и во всех своих делах очень проворны и скоры» [Карпини 1993: 32–33].

«Обязанность женщин состоит в том, чтобы править повозками, ставить на них жилища и снимать их, доить коров, делать масло и грут, готовить шкуры и сшивать их... Они шьют также сандалии (sotulares), башмаки и другое платье... Они делают также войлок и покрывают дома. Мужчины делают луки и стрелы, готовят стремяна и уздечки и делают седла, строят дома и повозки, караулят лошадей и доят кобылиц, трясут самый кумыс, то есть кобылье молоко, делают мешки, в которых его сохраняют, охраняют также верблюдов и выючат их. Овец и коз они караулят сообща и доят иногда мужчины, иногда женщины» [Рубрук 1993: 87].

Выводы

Анализ данных по башкирам, казахам, калмыкам, киргизам и туркменам XVIII — начала XX вв., содержащихся в русскоязычных источниках, показал, что в кочевых обществах Центральной Евразии этого времени был четко обозначен круг хозяйственных обязанностей мужчин и женщин. Распределение обязанностей не зависело от национальной принадлежности и господствующей в обществе религии. Такое распределение было жестко закреплено традицией, и выполнение не свойственных полу работ

вызывало негативное отношение окружающих.

На мужчине лежали обязанности, выполнение которых обеспечивало сохранение и воспроизводство стада — основного богатства кочевника. Мужскими были также ремесла, связанные с обработкой металлов, камня, дерева, кости и, частично, кожи. Мужчины занимались отхожими промыслами, в том числе сопровождением, обслуживанием и охраной караванов. Основные виды деятельности мужчин, не занятых ремесленным производством, осуществлялись вне пределов поселения, в отличие от женщин, вся деятельность которых сосредотачивалась в ауле или его самых ближайших окрестностях.

Женщины были заняты, прежде всего, воспитанием детей и домашними делами: готовили пищу, убирали жилище и стирали. Они обрабатывали разнообразное животное сырье, пряли, ткали, обшивали семью, занимались рукоделием. Женщины ухаживали за скотом в ауле, заготавливали продукты и

топливо на зиму. Как отмечал В. В. Тишин, мужчина в кочевом обществе «являлся непосредственным добытчиком средств к существованию, женщина была ответственной за хранение, необходимую переработку и подготовку к использованию продуктов производства и потребления» [Тишин 2012: 98].

Помимо хозяйственных забот, мужчины обязаны были защищать семью и аул, имущество и скот от набегов противника и баранты (барымты). Они и сами, при благоприятных возможностях, участвовали в набеге или баранте.

Распределение хозяйственных обязанностей между мужчинами и женщинами, зафиксированное у кочевников XVIII — начала XX вв. Центральной Евразии, вряд ли сильно отличалось от такового у древних и средневековых номадов этого региона, что позволяет, с определенными оговорками, использовать имеющиеся данные для реконструкции гендерного разделения труда в обществах ранних кочевников евразийских степей.

Источники и литература

- Акишев 1972 — *Акишев К. А.* К проблеме происхождения номадизма в аридной зоне древнего Казахстана // Поиски и раскопки в Казахстане. Алма-Ата: Наука, 1972. С. 31–46.
- Алпыспаева и др. 2020 — *Алпыспаева Г. А., Жуман Г., Джумалиева Л. Т., Абдыкаримова Ш. Т.* Правовое положение казахской женщины в семье и обществе в XIX — начале XX вв. глазами русских современников // Былые годы. 2020. Т. 55. Вып. 1. С. 370–381.
- Батыров 2014 — *Батыров В. В.* Очерки истории традиционной культуры калмыков последней трети XVIII — первой половины XIX вв. (по материалам фондов Национального архива Республики Калмыкия). Элиста: КИГИ РАН, 2014. 250 с.
- Батыров 2016 — *Батыров В. В.* Очерки истории традиционной культуры калмыков второй половины XIX в. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 226 с.
- Бентковский 2011 — *Бентковский И. В.* Женщина-калмычка Большедербетского улуса в физиологическом, религиозном и социальном отношениях // Опальные: Русские писатели открывают Кавказ. Антология: в 3-х т. Т. 2. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. С. 450–468.
- Броневский 1830a — *Броневский С. Б.* Записки генерал-майора Броневского о киргиз-кай-саках Средней орды // Отечественные записки. № 124. 1830. С. 194–285.
- Броневский 1830b — *Броневский С. Б.* Записки генерал-майора Броневского о киргиз-кай-саках Средней орды // Отечественные записки. Ч. 43. 1830. С. 70–96.
- Букейхан 1927 — *Букейхан А. Н.* Казаки Адаевского уезда // Казаки. Антропологические очерки. Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик. Вып. 3. Серия казахстанская. Л.: Изд. Особ. комитета Акад. наук по исследов. союзн. и авт. республик, 1927. С. 59–82.
- Букейханов 2007 — *Букейханов А. Н.* Казахи: историко-этнографические труды. 2-е доп. изд. Астана: Алтын кітап, 2007. 303 с. (Библиотека казахской этнографии, т. 14).
- Вамбери 1868 — *Вамбери А.* Очерки Средней Азии. М.: Тип. А. И. Мамонтова и К°, 1868. 363 с.
- Военно-статистическое... 1852 — Военно-статистическое обозрение Российской Империи. Т. 17. Ч. 3: Киргизская степь Западной Сибири. Сост. Г. К. Сильвергельм. СПб.: Тип. Деп. Ген. штаба, 1852. 74 с.
- Вульфсон 1901 — *Вульфсон Э. С.* Киргизы. М.: Изд. книж. магазина торг. дома С. Курнин и Ко, 1901. 79 с.
- Галимеева 2018 — *Галимеева М. В.* Мужчина в лингвокультуре калмыков и казахов // Вест-

- ник Калмыцкого университета. 2018. № 37 (1). С. 69–75.
- Галкин 1867 — *Галкин М. Н.* Этнографические материалы по Средней Азии и Оренбургскому краю. СПб.: Тип. Кукол-Яснопольского, 1867. 250 с.
- Гейнс 1866 — *Гейнс А. К.* Киргизские очерки. III // Военный сборник. Т. L. 1866. С. 99–126.
- Гейнс 1897 — *Гейнс А. К.* Киргиз-Кайсаки (в Зауральской степи) // А. К. Гейнс. Собрание литературных трудов. Т. I. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1897. С. 21–177.
- Георги 1799 — *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов. Их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповедания и других достопримечательностей. Часть 2. О народах татарского племени и других не решенного еще происхождения Северных Сибирских. СПб.: изданием книгопродавца Ивана Глазунова, 1799. 178 с.
- Геродот — *Геродот.* История // Скифы: Хрестоматия / сост., введение, коммент. Т. М. Кузнецовой. М.: Высшая школа, 1992. С. 38–84.
- Гинс 1913 — *Гинс Г. К.* В киргизских аулах (Очерки из поездки по Средней Азии) // Исторические вести. Т. CXXXIV. 1913. С. 285–332.
- Гиппократ — *Гиппократ.* О воздухе, водах и местностях // Скифы: Хрестоматия / сост., введение, коммент. Т. М. Кузнецовой. М.: Высшая школа, 1992. С. 87–91.
- Даулбаев 1881 — *Даулбаев Б.* Рассказ о жизни киргиз Николаевского уезда Тургайской области с 1830 по 1880 год // Записки Оренбургского отдела Императорского Русского географического общества. Вып. 4. Оренбург: Тип. Б. Бреслина, 1881. С. 98–117.
- Джунджузов 2019 — *Джунджузов С. В.* Семейный быт и хозяйственная деятельность крещеных калмыков Ставропольского калмыцкого войска в первой половине XIX века: влияние аккультурации и приверженность традициям // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2019. № 2 (30). С. 169–178.
- Добросмыслов 1895 — *Добросмыслов А. И.* Скотоводство в Тургайской области. Оренбург: Тип. П. Н. Жаринова, 1895. 360 с.
- Ельницкий 1895 — *Ельницкий К.* Инородцы Сибири и среднеазиатских владений России. Этнографические очерки. СПб.: Изд. Д. Д. Полубояринова, 1895. 135 с.
- Жапекова 2014 — *Жапекова Г. К.* Статус женщины в традиционном казахском обществе // Вестник Казахского национального университета. Серия философия, культурология, политология. 2014. №1 (46). С. 78–86.
- Железчиков 1984 — *Железчиков Б. Ф.* Некоторые вопросы развития скотоводческого хозяйства сарматов Южного Приуралья // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа: Башкирский филиал АН СССР, 1984. С. 3–17.
- Завалишин 1867 — *Завалишин И.* Описание Западной Сибири. Т. 3. Сибирско-киргизская степь. М.: Университетская тип. (Катков и К°), 1867. 145 с.
- Зеланд 1885 — *Зеланд Н.* Киргизы. Этнологический очерк // Записки Западно-Сибирского отделения Императорского Русского географического общества. Кн. VII. Вып. 2. Омск: Тип. Окружного Штаба, 1885. С. 1–78.
- Ибрагимов 1872 — *Ибрагимов И. И.* Этнографические очерки киргизского народа // Русский Туркестан. Сборник, изданный по поводу Политехнической выставки. Вып. 2. М.: Университетская тип. (Катков и Ко), 1872. С. 120–152.
- Иванов 1891 — *Иванов И. С.* Внутренняя киргизская орда (Краткий статистический очерк). Астрахань: Тип. Губерн. правл., 1891. 103 с.
- Казанцев 1867 — *Казанцев И.* Описание киргиз-кайсака. СПб.: Тип. Тов-ва «Общественная польза», 1867. 231 с.
- Карпини 1993 — *Карпини Плано.* История монгалов, именуемых нами татарами // Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы: Гылым, 1993. С. 20–74.
- Красовский, 1 1868 — *Красовский Н. И.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Область Сибирских киргизов. Ч. 1. СПб.: Тип. Траншеля, Ретгера и Шнейдера, 1868. 472 с.
- Красовский, 2 1868 — *Красовский Н. И.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Область сибирских киргизов. Часть II. СПб.: Печатано в типографии Траншеля, Ретгера и Шнейдера, 1868. 464 с.
- Красовский, 3 1868 — *Красовский Н. И.* Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Область Сибирских киргизов. Часть 3. СПб.: Тип. Траншеля, Ретгера и Шнейдера, 1868. 282 с.

- Куропаткин 1879 — *Куропаткин А.* Туркмения и туркмены. СПб.: Тип. В. А. Полетики, 1879. 57 с.
- Левшин 1832 — *Левшин А.* Описание киргиз-казачьих, или киргиз-кайсацких орд и степей. Часть Третья: Этнографические известия. СПб.: Тип. Карла Крайя, 1832. 304 с.
- Лепёхин 1772 — *Лепёхин И. И.* Продолжение Дневных записок путешествия академика и медицины доктора Ивана Лепехина по разным провинциям Российского государства в 1770 году. СПб.: Имп. акад. наук, 1772. 338 с.
- Лепёхин 1821 — *Лепёхин И. И.* Записки путешествия академика Лепёхина // Полное собрание ученых путешествий по России. Т. 3. Ч. 1, 2. СПб.: Имп. Акад. наук, 1821. 540 с.
- Материалы ... 1915 — Материалы по землепользованию кочевого киргизского населения южной части Ферганской области (Ошский, Скобелевский и Кокандский уезды). Ташкент: Тип.-лит. В. М. Ильина, 1915. 230 с.
- Материалы ... 1903 — Материалы по киргизскому землепользованию, собранные и разработанные Экспедицией по исследованию степных областей. Т. V. Тургайская область, Кустанайский уезд. Воронеж: Тип.-лит. В. И. Исаева, 1903. 805 с.
- Материалы по киргизскому... 1915 — Материалы по киргизскому землепользованию района реки Чу и низовьев реки Таласа Черняевского и Аулиеатинского уездов Сыр-Дарьинской области. Ташкент: Тип.-лит. В. М. Ильина, 1915. 225 с.
- Михайлов 1900 — *Михайлов Ф. А.* Туземцы Закаспийской области и их жизнь. Этнографический очерк. Асхабад: Паровая тип. К. М. Федорова, 1900. 80 с.
- Мусабалина 2016 — *Мусабалина Г.* Женщина в традиционной казахской семье: исторический аспект // Вестник тюркского мира. 2016. № 1 (10). С. 71–75.
- Назаров 1968 — *Назаров Ф.* Записки о некоторых народах и землях средней части Азии. М.: ГРВЛ, Наука, 1968. 77 с.
- Наливкин 1913 — *Наливкин В. П.* Туземцы раньше и теперь. Ташкент: Электрич. типо-лит. «Турк. Тов-ва Печатного Дела», 1913. 144 с.
- Очерки... 1859 — Очерки зауральской степи и Внутренней или Букеевской орды. М.: Тип. В. Грачева и комп., 1859. 91 с.
- Очир-Горяева 2018 — *Очир-Горяева М. А.* Возраст и статус женщины в кочевом обществе: этноархеологический экскурс // Монголоведение. 2018. № 15. С. 108–123. DOI: 10.22162/2500-1523-2018-15-108-123
- П 1878 — *П.* Обычай киргизов Семипалатинской области // Русский вестник. Т. 137. М., 1878, № 9, сентябрь. С. 22–66.
- Полосьмак 2001 — *Полосьмак Н. В.* Всадники Укока. Новосибирск: ИНФОЛИО-пресс, 2001. 336 с.
- Рау 2012 — *Рау И. А.* Женщина и мужчина в семье древних тюрков и иных кочевников // Вестник Казахского национального педагогического университета имени Абая. Серия «Социологические и политические науки». 2012. № 2 (38). С. 94–96.
- Рубрук 1993 — *Рубрук Гильом де.* Путешествие в восточные страны Вильгельма де Рубрук в лето благодати 1253 // Путешествие в восточные страны Плано Карпини и Гильома де Рубрука. Алматы: Гылым, 1993. С. 76–173.
- Руденко 1927 — *Руденко С.* Очерк быта казаков бассейна рек Уила и Сагыз// Казаки. Антропологические очерки. Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик. Вып. 3. Серия казахстанская. Л.: Изд. Особ. комитета Акад. наук по исследованию союзных и автоном. респ., 1927. С. 7–32.
- Стасевич 2011 — *Стасевич И. В.* Социальный статус женщины у казахов: традиции и современность. СПб.: Наука, 2011. 202 с.
- Сулейманова 2016 — *Сулейманова Р. Н.* «Положение ее довольно сносно...»: взгляды отечественных исследователей второй половины XIX – начала XX в. на положение женщин в традиционном обществе (на примере башкир) // Женщина в российском обществе. 2016. № 2 (79). С. 69–81.
- Таиров 1993 — *Таиров А. Д.* Пастбищно-кочевая система и исторические судьбы кочевников урало-казахстанских степей в I тысячелетии до новой эры // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург: УИФ «Наука», 1993. С. 3–23.
- Тишин 2012 — *Тишин В. В.* К вопросу о форме семьи у древних тюрков в связи с ее хозяйственными функциями // Этнографическое обозрение. 2012. № 4. С. 92–107.
- Тишин, Серегин 2015 — *Тишин В. В., Серегин Н. Н.* Положение женщины в древнетюркском обществе // Историческая психология и социология истории. 2015. № 1. С. 109–127.
- Тронов 1891 — *Тронов В. Д.* Материалы по антропологии и этнологии киргиз. СПб: Паров. скоропечатня П. О. Яблонского, 1891. 42 с.
- Уланов, Тюмидова 2018 — *Уланов М. С., Тюмидова М. Е.* Положение женщины в тра-

- диционной культуре калмыцкого этноса // Вестник Калмыцкого университета. 2018. № 39 (3). С. 172–179.
- Хазанов 1975 — *Хазанов А. М.* Эпоха древних кочевников в евразийских степях // Ранние кочевники Средней Азии и Казахстана. Краткие тезисы докладов на конференции. Л.: Наука, 1975. С. 23–25.
- Цыпилова 2018 — *Цыпилова С. С.* Женщина в средневековой Монголии: краткий исторический обзор // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 13. № 6. С. 141–145.
- Цыпилова 2019 — *Цыпилова С. С.* Положение и роли монгольской женщины в семье (XII–XIII вв.) // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 10. С. 104–107.
- Черемшанский 1859 — *Черемшанский В. М.* Описание Оренбургской губернии в хозяйственно-статистическом, этнографическом и промышленном отношениях. Уфа: Тип. Оренбург. губ. правл., 1859. 472 с.
- Шкапский 1896 — *Шкапский Ор.* Положение женщины у кочевников Средней Азии // Средне-Азиатский вестник. 1896. № 6–7. С. 1–19.
- Шмидт 1894 — *Шмидт Ю.* Очерк киргизской степи к югу от Арало-Иртышского водораздела, в Акмолинской области. Омск: Тип. Окруж. штаба, 1894. 149 с.
- Шнейдер 1927 — *Шнейдер Е. Р.* Казакская орнаментика // Казаки. Антропологические очерки. Материалы особого комитета по исследованию союзных и автономных республик. Вып. 11. Серия Казакстанская. Л.: Изд. Особ. комитета Акад. наук по исследов. союзн. и авт. республик, 1927. С. 135–171.
- Юзефович 1880 — *Юзефович В.* О быте киргизов Тургайской области // Русский вестник. 1880. № 4. С. 799–832.
- Юсупов 1987 — *Юсупов Х.* Раннекочевнические племена на территории Северо-Западного Туркменистана // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Тезисы докладов советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 129–130.
- Ягодин 1971 — *Ягодин В. Н.* К вопросу о связях Хорезма с Поволжьем и Приуральем в первой половине I тысячелетия н. э. // Археология и этнография Башкирии. Т. IV. 1971. С. 103–107.
- Ягодин 1987 — *Ягодин В. Н.* Кочевники на северо-западных границах Хорезма // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Тезисы докладов советско-французского симпозиума по археологии Центральной Азии и соседних регионов. Алма-Ата: Наука, 1987. С. 133–135.
- Otechestvennye zapiski. 1830. No. 124. Pp. 194–285. (In Russ.)
- Bronevsky S. B. Major General Bronevsky's notes on Kirghiz-Kaisaks of the Middle Horde. Otechestvennye zapiski. 1830. No. 43. Pp. 70–96. (In Russ.)
- Bukeikhan A. N. Qazaqs of Adai Uyezdz. In: The Qazaqs. Anthropological Essays. Vol. 3. Ser. Qazaqstan'. Leningrad: Special Committee for the Research of Soviet Republics (USSR Acad. of Sc.), 1927. Pp. 59–82. (In Russ.)
- Bukeikhanov A. N. The Kazakhs: Historical and Ethnographic Writings. 2nd ed., suppl. Astana: Altyn Kitap, 2007. 303 p. (In Russ.)
- Carpine P. Ystoria Mongalorum quos nos Tartaros appellamus (History of the Mongols, Which We call Tartars). In: William of Rubruck and Giovanni da Pian del Carpine's Journeys to the Eastern Parts. Almaty: Gylym, 1993. Pp. 20–74. (In Russ.)
- Cheremshansky V. M. Orenburg Governorate in Economic, Statistical, Ethnographic, and Industrial Perspectives. Ufa: Orenburg Governorate Office, 1859. 472 p. (In Russ.)
- Daulbaev B. A narrative about Kirghizes of Turgay Oblast, 1830–1880. Zapiski Orenburgskogo

References

- Akishev K. A. Revisiting the origin of nomadism in arid territories of ancient Kazakhstan. In: Surveys and Excavations in Kazakhstan. Alma-Ata: Nauka, 1972. Pp. 31–46. (In Russ.)
- Alpyspaeva G. A., Zhuman G., Jumaliyeva L. T., Abdykarimova Sh. T. Legal status of Kazakh woman in family and society, 19th – early 20th century: Eyewitness accounts of Russian contemporaries. Bylye Gody. 2020. Vol. 55. No. 1. Pp. 370–381. (In Russ.)
- Batyrov V. V. Kalmyk Traditional Culture, Mid to Late 19th Century: Historical Essays. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2016. 226 p. (In Russ.)
- Batyrov V. V., 1770s–1850s: Historical Essays. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2014. 250 p. (In Russ.)
- Bentkovsky I. V. Kalmyk woman of Bolshederbetsky District in physiological, religious and social perspectives. In: The Out of Favor Ones. Russian Writers to Explore the Caucasus. Anthology. In 3 vols. Vol. 2. Stavropol: Stavropol State University, 2011. Pp. 450–468. (In Russ.)
- Bronevsky S. B. Major General Bronevsky's notes on Kirghiz-Kaisaks of the Middle Horde.

- otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. 1881. No. 4. Pp. 98–117. (In Russ.)
- Dobrosmyslov A. I. Livestock Breeding in Turgay Oblast. Orenburg: P. Zharinov, 1895. 360 p. (In Russ.)
- Dzhundzhuzov S. V. Family life and economic activities of the baptized Kalmyks of the Stavropol Kalmyk army in the first half of the XIX century: influence of acculturation and adherence to traditions. *Vestnik of Orenburg State Pedagogical University. Electronic Scientific Journal*. 2019. No. 2 (30). Pp. 169–178. Available at: http://www.vestospu.ru/archive/2019/articles/9_2_2019.html (accessed: July 10, 2021). (In Russ.) DOI: 10.32516/2303-9922.2019.30.9
- Essays on the Trans-Ural Steppe and Inner, Or Bukey, Horde. Moscow: V. Grachev & Co., 1859. 91 p. (In Russ.)
- Galimeeva M. V. The image of the man in Kalmyk and Kazakh linguistic cultures. *Bulletin of Kalmyk University*. 2018. No. 37 (1). Pp. 69–75. (In Russ.)
- Galkin M. N. Central Asia and Orenburg Governorate: Ethnographic Materials. St. Petersburg: Kukol-Yasnopolsky, 1867. 250 p. (In Russ.)
- Georgi J. G. Description of Russia's Peoples, Their Household Rites, Customs, Clothes, Dwellings, Handicrafts, Games, Faiths, and Other Peculiarities. Part Two: Tatar Peoples and Other Yet Unidentified Tribes of Northern Siberia. St. Petersburg: I. Glazunov, 1799. 178 p. (In Russ.)
- Guins G. C. About Kirghiz auls: Travel sketches from Central Asia. *Istoricheskie vesti*. 1913. Vol. CXXXIV. Pp. 285–332. (In Russ.)
- Heins A. K. Kirghiz essays. Part III. *Voennyi sbornik*. 1866. Vol. L. Pp. 99–126. (In Russ.)
- Heins A. K. Kirghiz-Kaisaks (In steppes of the Trans-Urals). In: Heins A. K. *Collected Literary Works*. Vol. I. St. Petersburg: M. Stasyulevich, 1897. Pp. 21–177. (In Russ.)
- Herodotus. Histories (excerpts). In: Kuznetsova T. M. (comp.) *The Scythians: A Chrestomathy*. Moscow: Vysshaya Shkola, 1992. Pp. 38–84. (In Russ.)
- Hippocrates. On Airs, Waters, and Places. In: Kuznetsova T. M. (comp.) *The Scythians: A Chrestomathy*. Moscow: Vysshaya Shkola, 1992. Pp. 87–91. (In Russ.)
- Ibragimov I. I. Kirghiz people: Ethnographic essays. In: *Russian Turkestan. Collected papers*. Moscow: Katkov & Co., 1872. Vol. 2. Pp. 120–152. (In Russ.)
- Ivanov I. S. Inner Kirghiz Horde: A Brief Statistical Essay. Astrakhan: Astrakhan Governorate Office, 1891. 103 p. (In Russ.)
- Kazantsev I. A Description of Kirghiz-Kaisaks. St. Petersburg: Obshchestvennaya Polza, 1867. 231 p. (In Russ.)
- Khazanov A. M. The era of early nomads in Eurasian steppes. In: *Early Nomads of Central Asia and Kazakhstan. Conference abstracts*. Leningrad: Nauka, 1975. Pp. 23–25. (In Russ.)
- Krasovsky N. I. Geography and Statistics of Russia: Materials Collected by General Staff Officers. Land of Siberian Kirghizes. Part 1. St. Petersburg: Tranzschel, Rätger & Schneider, 1868. 472 p. (In Russ.)
- Krasovsky N. I. Geography and Statistics of Russia: Materials Collected by General Staff Officers. Land of Siberian Kirghizes. Part 2. St. Petersburg: Tranzschel, Rätger & Schneider, 1868. 464 p. (In Russ.)
- Krasovsky N. I. Geography and Statistics of Russia: Materials Collected by General Staff Officers. Land of Siberian Kirghizes. Part 3. St. Petersburg: Tranzschel, Rätger & Schneider. 282 p. (In Russ.)
- Kuropatkin A. Turkmenia and Turkmens. St. Petersburg: V. Poletika, 1879. 57 p. (In Russ.)
- Land Use Practices of Kirghiz Nomads in the Southern Part of Fergana Oblast (Osh, Skobelev and Kokand Uyezds). *Collected materials*. Tashkent: V. Ilyin, 1915. 230 p. (In Russ.)
- Land Use Practices of Kirghizes in the Chu and Lower Talas River Basins, Chernyaevsky and Aulieatinsky Uyezds of Syr Darya Oblast. *Collected materials*. Tashkent: V. Ilyin, 1915. 225 p. (In Russ.)
- Land Use Practices of Kirghizes: Materials Collected and Compiled by the Expedition for the Research of Steppe Oblasts. Vol. V: Turgay Oblast, Kostanay Uyezd. Voronezh: V. Isaev, 1903. 805 p. (In Russ.)
- Lepekhin I. I. Across Different Provinces of Russia, 1770: A Continuance of Travel Notes by Ivan Lepekhin, Academician and Medical Doctor. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1772. 338 p. (In Russ.)
- Lepekhin I. I. Travel Notes of Academician Lepekhin. Ser. 'Complete Research Travels across Russia'. Vol. 3. Parts 1, 2. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1821. 540 p. (In Russ.)
- Levshin A. Description of Kirghiz-Qazaq, Or Kirghiz-Kaisak, Hordes and Steppes. Part 3: Ethnographic Messages. St. Petersburg: K. Kray, 1832. 304 p. (In Russ.)

- Mikhailov F. A. Indigenous Peoples of Transcaspiian Oblast and Their Life: An Ethnographic Essay. Ashkhabad: K. Fedorov, 1900. 80 p. (In Russ.)
- Musabalina G. Woman in Kazakh traditional family: A Historical aspect. Herald of Turkic World. 2016. No. 1 (10). Pp. 71–75. (In Russ.)
- Nalivkin V. P. Native Inhabitants: Past and Present. Tashkent: Turkestan Printing Partnership, 1913. 144 p. (In Russ.)
- Nazarov F. Notes on Some Peoples and Lands of Soviet Central Asia. Moscow: Nauka — GRVL, 1968. 77 p. (In Russ.)
- Ochir-Goryaeva M. A. Age and status of the woman in nomadic society: An ethno-archaeological insight. Mongolian Studies. 2018. No. 15. Pp. 108–123. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2018-15-108-123
- P. Kirghizes of Semipalatinsk Oblast: Rites reviewed. Russkiy vestnik. 1878. Vol. 137. No. 9, September. Pp. 22–66. (In Russ.)
- Polosmak N. V. Horsemen of Ukok Plateau. Novosibirsk: INFOLIO-Press, 2001. 336 p. (In Russ.)
- Rau I. A. Woman and man in families of ancient Turks and other nomads. Kazakh National Pedagogical University after Abai Bulletin. Series of Sociological and Political Sciences. 2012. No. 2 (38). Pp. 94–96. (In Russ.)
- Rubruck W. The Journey of William of Rubruck to the Eastern Parts in the Blessed Summer of 1253. In: William of Rubruck and Giovanni da Pian del Carpine's Journeys to the Eastern Parts. Almaty: Gylym, 1993. Pp. 76–173. (In Russ.)
- Rudenko S. Qazaqs of the Uil and Sagyz River Basins: An essay on everyday life. In: The Qazaqs. Anthropological Essays. Vol. 3. Ser. Qazaqstan'. Leningrad: Special Committee for the Research of Soviet Republics (USSR Acad. of Sc.), 1927. Pp. 7–32. (In Russ.)
- Schmidt Yu. Kirghiz Steppe to the South of Aral-Irtysh Watershed, Akmola Oblast: An Essay. Omsk: Omsk District Headquarters, 1894. 149 s.
- Schneider E. R. Qazaq ornamental patterns. In: The Qazaqs. Anthropological Essays. Vol. 3. Ser. Qazaqstan'. Leningrad: Special Committee for the Research of Soviet Republics (USSR Acad. of Sc.), 1927. Pp. 135–171. (In Russ.)
- Shkapsky Or. Status of woman among Central Asian nomads. Sredne-Aziatskiy vestnik. 1896. No. 6–7. Pp. 1–19. (In Russ.)
- Silberhelm (comp.) Military Statistical Review of the Russian Empire. Vol. 17. Part 3: Kirghiz Steppe of Western Siberia. St. Petersburg: Imperial General Staff, 1852. 74 p. (In Russ.)
- Stasevich I. V. Social Status of Kazakh Woman: Traditions and Contemporaneity. St. Petersburg: Nauka, 2011. 202 p. (In Russ.)
- Suleimanova R. N. 'She is reasonably well positioned...': The views of local researchers of the second half of XIX – early XX c. on the position of women in traditional society (On the example of the Bashkirs). Woman in Russian Society. 2016. No. 2 (79). Pp. 69–81. (In Russ.)
- Tairov A. D. Land use system in nomadism: Historical destinies of nomads from Ural and Kazakhstan steppes, 1st Millennium BCE. In: Nomads of Ural and Kazakhstan Steppes. Yekaterinburg: Nauka, 1993. Pp. 3–23. (In Russ.)
- Tishin V. V. Form of family among ancient Turks and its ties to economic functions revisited. Etnograficheskoe obozrenie. 2012. No. 4. Pp. 92–107. (In Russ.)
- Tishin V. V., Seregin N. N. Woman's status in ancient Turkic society. Historical Psychology & Sociology. 2015. No. 1. Pp. 109–127. (In Russ.)
- Tronov V. D. Kirghiz Anthropology and Ethnology. Collected materials. St. Petersburg: P. Yablonsky, 1891. 42 p. (In Russ.)
- Tsybilova S. S. A woman in medieval Mongolia: A brief historical survey. Humanitarian Vector. 2018. Vol. 13. No. 6. Pp. 141–145. (In Russ.)
- Tsybilova S. S. Status and role of the Mongolian woman in the family (The XII–XIII centuries). Manuscript. 2019. Vol. 12. No. 10. Pp. 104–107. (In Russ.)
- Ulanov M. S., Tyumidova M. E. The status of the woman in the traditional culture of Kalmyk ethnos. Bulletin of Kalmyk University. 2018. No. 39 (3). Pp. 172–179. (In Russ.)
- Vámbéry Á. Essays on Central Asia. Moscow: A. Mamontov & Co., 1868. 363 p. (In Russ.)
- Wulfsohn E. S. The Kirghiz. Moscow: S. Kurnin & Co., 1901. 79 p. (In Russ.)
- Yagodin V. N. Khorezm and the Volga – Urals, early to mid-1st millennium CE: Ties revisited. In: Archaeology and Ethnography of Bashkiria. 1971. Vol. IV. Pp. 103–107. (In Russ.)
- Yagodin V. N. Nomads in northwestern frontiers of Khorezm. In: Interaction between Nomadic Cultures and Ancient Civilizations. Symposium abstracts. Alma-Ata: Nauka, 1987. Pp. 133–135. (In Russ.)
- Yelnitsky K. Non-Russian Populations of Siberia and Russian Central Asia: Ethnographic Essays. St. Petersburg: D. Poluboyarinov, 1895. 135 p. (In Russ.)
- Yusupov Kh. Tribes of early nomads in Northwest Turkmenistan. In: Interaction between Nomadic

- Cultures and Ancient Civilizations. Symposium abstracts. Alma-Ata: Nauka, 1987. Pp. 129–130. (In Russ.)
- Yuzefovich V. Kirghizes of Turgay Oblast: Household life reviewed. *Russkiy vestnik*. 1880. No. 4. Pp. 799–832. (In Russ.)
- Zavalishin I. A Description of Western Siberia. Vol. 3: Kirghiz Steppe of Siberia. Moscow: Katkov & Co., 1867. 145 p. (In Russ.)
- Zeland N. The Kirghiz: An ethnological essay. *Zapiski Zapadno-Sibirskogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva*. 1885. Vol. VII. No. 2. Pp. 1–78. (In Russ.)
- Zhapekova G. K. The status of women in traditional Kazakh society. *Al-Farabi Kazakh National University Journal of Philosophy, Culture and Political Science*. 2014. No. 1 (46). Pp. 78–86. (In Russ.)
- Zhelezchikov B. F. Sarmatians of the Southern Cis-Urals: Some issues of livestock breeding economy revisited. In: *Monuments of Nomads from the Southern Urals*. Ufa: USSR Academy of Sciences (Bashkiria Branch), 1984. Pp. 3–17. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 14, Is. 6, pp. 1281–1289, 2021
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 39. 395

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1281-1289

Организация жилого пространства в традиционном этикете башкир

Розалия Рафкатовна Баязитова¹

¹ Институт истории, языка и литературы Уфимского федерального исследовательского центра РАН (д. 71, просп. Октября, 450054 Уфа, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник
 0000-0002-5731-2019. E-mail: rosali8@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Баязитова Р. Р., 2021.

Аннотация. *Введение.* В традиционной культуре важное значение придавали проксемическому поведению. В статье представлены результаты исследования структурирования жилища, соблюдения этноэтикета в рамках традиционного жилого пространства башкир. *Целью* исследования явилось изучение структуры жилого пространства, его предметного содержания и стилистики поведения в жилище. *Материалы и методы.* Источниками подготовки представленной статьи послужили неопубликованные полевые материалы автора, также опубликованные фольклорные тексты, сообщения участников академических экспедиций XVIII в., в которых содержатся ценные сведения о временных и постоянных жилищах башкир. Для достижения поставленной цели были применены сравнительно-исторический, типологический, структурно-семантический, описательный методы исследования. Хронологические рамки исследования охватывают XVIII – начало XX вв. *Результаты.* На основе проведенного исследования можно сделать вывод о том, что структурирование жилого пространства тесно связано с древними верованиями, религией, этнической историей. Вертикальная и горизонтальная детализация частей жилища и анализ распределения пространства внутри юрты показывает, что жилище башкирами воспринималось как модель мира. Горизонтальное структурирование внутреннего пространства было связано с древними познаниями башкир о сторонах света, затем оно обогатилось мусульманским учением. Поведение башкир в помещении строилось согласно структурно-семантической модели жилища, освоенного пространства в целом. Традиционным этикетом регламентировалось поведение индивида в рамках жилого помещения согласно половозрастному статусу и социальному положению. Жилище определяло область окультуренного, защищенного пространства, отделяло «свое» от «чужого», согласно структуре внутреннего пространства, создавало условия для вариативного поведения. В помещении поведение членов семьи, гостей строилось согласно бинарным оппозициям: «левая – пра-

вая», «мужская – женская», «почетная – менее почетная», «гостевая – хозяйственная», «верх – низ», «центр – периферия».

Ключевые слова: традиционный этикет башкир, юрта, почетное место, структура жилища, очаг, правая сторона, левая сторона

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Духовная культура тюркских народов Южного Урала» (номер регистрации: АААА-А17-117040350082-3).

Для цитирования: Баязитова Р. Р. Организация жилого пространства в традиционном этикете башкир // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 6. С. 1281–1289. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1281-1289

Living Space Structure in Bashkir Traditional Etiquette

Rozaliya R. Bayazitova¹

¹ Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Centre of the RAS (71, Oktyabrya Ave., 450054 Ufa, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor, Senior Research Associate

 0000-0002-5731-2019. E-mail: rosali8@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Bayazitova R. R., 2021

Abstract. Introduction. In traditional culture, proxemic behavior is of great importance. The article is based on the results of the research on the structuring of the dwelling and the observance of ethn-etiquette norms within the framework of the traditional living space of the Bashkirs. The aim was to study the structure of the living space, interiors, and the stylistics of behavior in the traditional dwelling. **Materials and methods.** The main research sources were the author's unpublished field materials, as well as published folklore texts, reports of the participants of academic expeditions of the 18th century, which contain valuable information about the temporary and permanent dwellings of Bashkirs. Methods used for the analysis were comparative-historical, typological, structural-semantic, and descriptive. The chronological framework of the study covers the period between the 18th and early 20th centuries. **Results.** The research shows that the structuring of living space is closely related to ancient beliefs, religion, and the ethnic history of the people. Vertical and horizontal divisions of the dwelling and analysis of space distribution inside the yurt indicate that the dwelling was perceived as a model of the world. The horizontal structuring of the inner space was associated with the ancient knowledge of the Bashkirs about the cardinal points, later enriched with Muslim teachings. In their behavior in the interiors, the Bashkirs were guided by the structural-semantic model of the dwelling, the entire developed space. In this aspect, gender, age, and social status were important factors of the traditional etiquette. The dwelling represented a cultivated, protected space, separating "one's own" space from "other's", according to the structure of the internal space, and creating conditions for variable behavior; family members and guests followed binary oppositions, such as left versus right, male versus female, honorable versus less honorable, the parts for guests and household activities, top and bottom, center and periphery.

Keywords: traditional Bashkir etiquette, yurt, place of honor, dwelling structure, hearth, right side, left side

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. АААА-А17-117040350082-3 'Turkic Peoples of the Southern Urals: Spiritual Culture'.

For citation: Bayazitova R. R. Living Space Structure in Bashkir Traditional Etiquette. *Oriental Studies*. 2021; 14 (6): 1281–1289. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1281-1289

Введение

В традиционном обществе поведение человека строилось с учетом пространственно-временных представлений. Эти категории у разных народов наделялись определенной смысловой нагрузкой. Согласно Н. Л. Жуковской: «Пространство и время — важнейшие категории культуры, образующие основную систему координат, в рамках которой возникают, функционируют и развиваются мифология, религия, искусство, наука» [Жуковская 2002: 13]. Названные категории, обусловленные хозяйственной деятельностью, климатом, особенностями мировоззрения и бытия народа, являются важными составляющими этикета, согласно которым определялись нормы и правила поведения человека в объективных физических условиях.

В процессе общения людей важное значение придавалось проксемическому поведению индивидов. В представленной статье рассмотрим некоторые особенности организации жилого пространства в традиционном этикете башкир. Изучению традиционных поселений и жилищ башкир посвящено монографическое исследование С. Н. Шитовой [Шитова 1984].

В трудах отдельных башкирских исследователей раскрываются особенности временных и постоянных жилищ, интерьера и экстерьера жилых помещений [Руденко 2006; Калимуллин 1959; Юсупов 2010; Янбухтина 1993]. В то же время в работах названных авторов вопросы взаимосвязи структуры жилища и культуры поведения, этикета затронуты поверхностно.

Организация жилого пространства, семантика жилища, некоторые вопросы проксемического поведения восточнославянских, монгольских, тюркских народов подробно изучены в трудах отечественных ученых [Байбурин 1983; Бакаева, Сангаджиев 2005; Жуковская 2002; Салмин 1998; Шараева 2020] и др.

Целью настоящего исследования является изучение структуры жилого пространства, его предметного содержания и моделей поведения членов семьи. Как известно,

участники этикетной ситуации соблюдали не только дистанцию, но и учитывали взаимное расположение людей в помещении.

Организация пространства важна и в ритуале, и в повседневной жизни. А. К. Байбурин отмечает: «...жилище и обряд являются конкретными реализациями картины мира», «жилище может быть включено в структуру ритуала» и также «может выступать в качестве основного объекта ритуала» [Байбурин 1983: 14]. Подобный комплекс связей между человеком и жилым пространством характерен и для этикета. Как известно, этническая картина мира, проявляемая в языке, религиозных представлениях, этнических константах в целом, нашла отражение в постройке жилых помещений, определяла социальное поведение людей. Жилище, включенное в этикет, задавало тон, согласно структуре внутреннего пространства, создавало условия для вариативного поведения.

Материалы и методы

Источниками исследования послужили неопубликованные полевые материалы автора, сообщения участников академических экспедиций XVIII в. Для изучения структуры жилого пространства, его предметного содержания и моделей поведения членов семьи были применены сравнительно-исторический, типологический, структурно-семантический, описательный методы исследования.

Общие замечания

Башкиры, как и многие полукочевые народы Евразии, более половины своей жизни проводили во временных жилищах. Традиционно места для поселений выбирали с учетом наличия воды, пастбищ и естественных укрытий для скота. Родственники селились компактно, что способствовало укреплению их взаимоотношений, формированию чувства причастности к большому роду.

По наблюдениям С. И. Руденко, у башкир встречались разные виды жилищ, которые он распределил на две обширные категории: временные и постоянные. К временным постройкам, например, С. И. Руденко относил шалаши (*бесән кыуыш*, *киндер кы-*

уиш, карагас кабыгы, укбаи), деревянные кибитки (*агас тирмә*), балаганчики из досок (*такта аласык*), летние срубные жилища (*бурама*) и другие сооружения [Руденко 2006: 172–185]. Зимой башкиры жили в домах, которые сооружались в виде простых срубов, для их постройки использовались строительный лес, камень, глина, дерн, камыш, солома, тальник.

Как отмечает С. Н. Шитова: «Люди старшего поколения в качестве основных жилищ на летовках в большинстве случаев называют юрту или бревенчатые домики» [Шитова 1984: 129]. У башкир была распространена юрта (*тирмә*) двух типов: монгольская и тюркская. Цвет кошмы юрты указывал на статус ее владельца. Белый цвет войлока символизировал достаток, темный войлок был характерен для жилищ менее состоятельных хозяев. Остов юрты состоял из шести, двенадцати деревянных складных решеток. Купол изготавливали из вогнутых жердей, верхний конец которых вставлялся в брусчатый обод, жилище покрывали войлоком, деревянная дверь была одно- или двустворчатой. Легкость при транспортировке и установке, устойчивость и способность сохранять тепло и прохладу в различных погодных условиях делали юрту идеальным жилищем.

О названии *тирмә* Р. М. Юсупов писал следующее: «Понятие решетка в древней форме *тереме теребе* сохранилось у тувинцев, алтайцев, туркмен (терим). В то же время у башкир под словом *тирме* понимается общее название юрты, а решетка называется *канат*. По нашему мнению, понятие *юрта* как временное жилище вошло в русский язык от названий сезонных стоянок башкир-скотоводов, на которых ставились решетчатые куполообразные жилища: весенняя стоянка (*язгы йорт*), летовка (*йәйге йорт*), осенняя стоянка (*көзгө йорт*)» [Юсупов 2010: 10].

Будучи одним из важных объектов материальной культуры, в традиционном обществе жилище (временное, постоянное) выполняло различные функции. Так, Т. И. Шареева описала следующие функции: «Традиционное кочевое жилище калмыков, как и у других тюрко-монгольских кочевников, обладало рядом функций: создавало комфорт для проживания в условиях кочевой жизни, обеспечивало защиту от природных стихий,

являлось символической и магической моделью, через которую выстраивалась связь человека с вертикальным и горизонтальным членением окружающего мира. В архаических представлениях кочевников жилище также было связано с различными культами: огня, предков, земли, неба и т. д.» [Шареева 2020: 43]. Развитие жилища, его внутреннее убранство, внешнее оформление, конструкция жилища и распределение пространства в нем тесно связаны с особенностями семейного и общественного этикета.

Правила поведения в жилом пространстве, сложившиеся на протяжении веков, регулировали взаимоотношения между членами семьи, гостями согласно полу, возрасту и статусу. Поведение внутри жилища обусловлено также составом семьи. О взаимосвязи структуры семьи и жилища С. А. Токарев писал: «Но каков бы ни был семейный или иной коллектив, обитающий в жилище, он всегда имеет свою структуру, и эта структура непременно отражается, порой существенным образом, и на типе постройки, и на соотношении ее частей, и на распределении предметов обстановки интерьера, на функционировании отдельных помещений, комнат, углов» [Токарев 1970: 15–16].

Строение и распределение внутреннего пространства юрты практически одинаково у многих народов, у которых зафиксирован данный вид жилища, в то же время наблюдаются некоторые особенности, обусловленные этнической историей, верованиями и религией, климатическими условиями. Общее и особенное в жилище разных народов проанализировано Э. П. Бакаевой и Ю. И. Сангаджиевым: «Второстепенные характеристики обладают этнодифференцирующими свойствами, которые позволяют разграничить однотипные конструкции жилища, присущего культурам различных народов» [Бакаева, Сангаджиев 2005: 18].

Этикетная проксемика

Вертикальная и горизонтальная детализация составных частей и анализ распределения пространства юрты между участниками общения показывает, что в прошлом строение жилища воспринималось как модель мира. Поведение башкир строилось согласно структурно-семантической модели жилища, освоенного пространства в целом. Горизонтальное структурирование внутрен-

него пространства было связано с древними познаниями башкир о сторонах света, затем оно обогатилось мусульманским учением. Эти знания нашли отражение в определении почетного места, установлении составных частей жилища (двери, например) и, соответственно, в структурировании внутреннего пространства жилища и т. п.

Рассмотрим некоторые примеры. В юрте члены семьи и гости занимали место, соответствующее их половозрастному, семейному и общественному статусу — от менее почетного места (ближе к двери) к почетному *түр* (напротив двери). Почетное место в башкирской юрте (*түр*) находилось напротив входа, обозначалось оно постельными принадлежностями (*каралды*, *түр юрган*). *Түр* могли занимать старшие по статусу, возрасту. Чаще всего это место хозяина, главы семьи, почетного гостя, муллы, причем гостей на почетное место усаживал хозяин дома. Позднее, как и в юрте, гостевая, обрядовая трапезы в домах всегда проходили в *түр як* — почетной стороне избы.

Относительно «правой – левой» частей юрты существуют разные точки зрения, которые возникают из-за разногласий по исходной точке описания внутренней планировки. «По тюркской традиции внутреннее членение юрты велось от человека, сидящего в тор (расположен в противоположной от двери самой отдаленной от входа части юрты) и ориентированного лицом на восток. В таком случае *он жак* будет находиться по правую руку, а *сол жак* — по левую руку сидящего в тор человека, что и соответствует действительному положению вещей», — отмечает казахский ученый А. Т. Толеубаев [Толеубаев 2000: 167].

Такое структурирование юрты соответствует горизонтальному делению пространства, принятому у башкир, где правая сторона — правильная, почетная. Сейчас утвердилось и бытует иное представление: левая часть от входа — мужская, почетная часть, правая часть — женская, хозяйственная. С. Н. Шитова отмечает: «...выделение женской половины было в некоторой мере условным. Занавес, разделяющий части жилища, задерживали лишь при гостях или на ночь. За ним могли спать взрослые дети или женатый сын с невесткой» [Шитова 1984: 135].

Размещение важных бытовых предметов вдоль стен, подвижные занавески обеспечи-

вали простор внутри юрты. Полы держали в чистоте, так как нельзя было осквернять, загрязнять место, где отдыхают, принимают пищу. «Кочевник иначе относился к пространству пола в юрте. Воспринимал его иначе, чем живущий в избе. Вся его жизнь проходила на полу, где ели, спали, отдыхали, принимали гостей. Поэтому пол в его представлении должен быть безупречно чистым, теплым, мягким, уютным. Во сколько бы слоев ни был застлан пол кошками, паласами и другими мягкими предметами, но каждому, особенно гостям, предлагали еще отдельный маленький коврик, а пожилым, старым еще непременно и подушку» [Янбухтина 1993: 44].

Постоянное жилище башкир сохранило традиции распределения и организации пространства кочевого, полукочевого быта. Размещение вещей и разделение жилой площади на мужскую — почетную, женскую — хозяйственную части, характерные для юрты, сохранились и в избах.

Особенное значение башкиры придавали месту постройки нового дома. Запрещалось строить дом там, где проходила дорога, — дома на таких местах подвергаются пожарам; нельзя ставить дом на свалках, заброшенных местах, перекрестках — жильцов такого дома будут беспокоить тревога, страшные сновидения [ПМА 2003].

Место старой бани считалось непригодной для новостройки. Похожие представления наблюдались и у восточнославянских народов. Согласно А. К. Байбуруну, «ритуальная нечистота бани подчеркивается в системе христианских верований отсутствием икон, что само по себе является значимым» [Байбурун 1983: 36].

Рассмотрение оппозиций «внутренний – внешний», «свой – чужой», «закрытый – открытый» поможет представить правила поведения в рамках жилого пространства. С. А. Токарев писал: «Уже одни неписанные законы приличия налагают на человека неодинаковые нормы поведения в своем доме и вне его: дома можно быть одетым не так, как „на людях“ (одежда „горничная“ и „выходная“), совершать действия, не считающиеся приличными вне дома» [Токарев 1970: 14].

Как любой «переход через границу», вход в помещение и выход из дома регулировались запретами и предписаниями.

Например, нельзя заходить в чужой дом с правой ноги, особенно в первый раз, с пустой посудой, возвращать пустую вещь, где можно что-то хранить. При первичном посещении чужого дома обязательно читают молитву, приносят подарки, произносят благопожелания. Запрещалось выносить за пределы своего пространства определенные предметы, боясь потерять *кот* 'благополучие', особенно после заката солнца, например: выносить горящие головешки, тушить их, после заката отдавать молоко за пределы дома и т. п. Через порог нельзя здороваться, передавать предметы, хлопать дверью, стоять, сидеть, стоять на пороге. Пожилые постоянно предупреждают: «Порог может проклясть» [ПМА 2003; ПМА 2017].

Если жилище служило защитой человека от разных опасностей, то выход из него можно рассматривать как переход в неосвоенный мир. Порог и дверь являются границей двух семантических пространств: «свое — чужое». Подчеркивая символическое значение отдельных предметов быта, явлений природы, обозначения сторон света, чисел, цвета, З. Г. Ураксин писал, что на них существуют определенные запреты, и они имеют магическую силу охраны, излечения от болезней, недугов, сглаза. Например, нельзя сидеть и стоять на пороге (останешься сиротой, несчастным), через порог нельзя передавать в руки вещи и принимать их [Ураксин 2000: 75].

До сегодняшних дней в жилом помещении место у двери считается наименее почетным местом. Пограничное состояние двери четко проявляется в повседневной жизни и обрядах. Элементы двери применяются в народной медицине: «Магический способ лечения от сглаза. *Куз тейһә, ишек тоткаларын сайып күзеккән кешеһә сайынды һөртәләһ.* 'При сглазе споласкивают ручки дверей и этой водой обтирают больного'» [Хисамитдинова 2010: 259].

Дверь была входом для всевозможных злых духов. Для предотвращения беды в дверной косяк втыкали ветку можжевельника, металлические предметы. На ночь, закрывая дверь на засов, обязательно произносится: «Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного». В противном случае домашним будут сниться кошмары. Согласно поверьям, шайтан не выговаривает «р» и поэтому не может произнести «Бисмилла-

хи-р-рахмани-р-рахим» и проникнуть в дом: *Төнө буйы ишек төбөндә: «Бисилла-бисилла», — тип торалар, ти* 'Всю ночь шайтаны могут простоять у двери, проговаривая: «Бисилла-бисилла»' [ПМА 2003]. В данном случае первые слова молитвы охраняют жилище от нечистой силы.

Исходя из представления о пограничном состоянии двери, ворот, до сих пор сохранился запрет распахивать ворота, что означает смерть близких (домашних, членов семьи). В то же время необходимо отметить, что двери юрты, деревянных изб не запирались на замок. По полевым данным, только после 90-х гг. прошлого века двери, ворота начали запирают на ключ.

Некоторые символы жилого пространства

В традиционной башкирской избе печь и нары были главными ориентирами поведения: *мейес янында* 'у печки', *артында* 'за печкой', *башында* 'на печи' и т. п. В организации интерьерного пространства башкирской избы большую роль играет печь, отмечает А. Г. Янбухтина. Всегда свежеевыбеленная, убранная пестрыми ситцевыми занавесками (и в верхней части, и по бокам), она — доминирующая пластическая форма в доме, где все и вся организовано в соответствии и по отношению к ней [Янбухтина 1993: 98]. Выбеленная печь была критерием чистоплотности хозяйки дома, печному пространству присваивали женский статус — *катындар ягы* 'женская сторона', *аиһыу ягы* 'место приготовления пищи' и т. п. Появление мужчин на женской стороне было нежелательно. Огонь, зажжённый в печи, был знаком того, что жизнь в доме идет своим чередом. В народе бытует следующий афоризм: «Встав с постели, в первую очередь взгляни на трубу соседа». Если дым идет, то с соседями все нормально. У башкир сохранилось также такое словосочетание *ут күрше* 'самый близкий сосед'. В прошлом, когда не было спичек, у рядом живущих соседей брали горящие угли для разведения огня. Возможно, это выражение отсюда берет начало, но смысл, вкладываемый в него, значительно шире.

Наряду с основными функциями — производство тепла, еды, обеспечение безопасности и уюта, печь выполняла символическую функцию. Устье, дымоход воспринимались как пограничное пространство меж-

ду мирами. Не случайно при совершении ритуала, магических приемов лечения, знахарки обращаются с просьбами к высшим силам через дымоход, как шаманы, которые выходили на связь с духами по дымовому отверстию юрты. Например, для избавления ребенка от родинок: «В Зилаирском, Хайбуллинском р-нах отец ребенка, пожилая женщина, белолицая девушка или чей-то ребенок кричали в печную трубу имя с добавлением слова *миң*, например, *Миңнихамдия*, чтобы родинка исчезла. Это повторялось несколько раз» [Бикбулатов, Фатыхова 1991: 107]. Во время грозы закрывают выюшку, опасаясь удара молнии. Молния в мифологическом понимании — это наказание свыше.

В жилом помещении отмечались особые места, которые были связующим звеном между миром живых и умерших. «Во многих домах у башкир рядом с дверью был вбит деревянный колышек (*ағас сөй*) для души покойного. Считалось, что душа могла прилетать и садиться туда. Она могла поселиться и на перекладине (*урза*)» [Башкиры 2002: 215].

Аналогичные специальные детали внутри жилого помещения замечены и у других родственных башкирам народов. «В представлении казахов *тор* не только почетное место, но и сакральное. Раньше *тул* — заместитель умершего в течение года после смерти человека — ставился в тор» [Толеубаев 2000: 167].

У алтайцев выделялись места локализации божеств — хранителей юрты: «Налево от постели футов на восемь пол и мешки покрыты коврами. Над коврами с жердей крыши свисают фигурки божков: круглые деревянные обручи шириной в два дюйма, с вписанной в них фигуркой с растопыренными руками и ногами, да еще заячьи шкурки, обернутые в войлок, перевязанные крест-накрест шнуром и подвешенные внутри такого же обруча. Зачем с горизонтально натянутого шнура свисают девять пестрых ленточек или лоскутков, средний из которых вырезан в виде человека или животного? Эти лоскутки называются сомо. А вообще все божки называются в народе *кудай* (бог) ... перед многими юртами на двух шестах натянут шнур, на котором висит множество пестрых тряпочек. Такой шнур тоже называется сомо. Как мне удалось уз-

нать, лоскутки сомо означают девять предков или духов — хранителей юрты. Я никогда еще не видел, чтобы алтаец оказывал своим божкам в переднем углу какие-либо знаки почитания» [Радлов 1989: 141–142].

У чувашей, по данным А. К. Салмина, «столб у печи является локусом, олицетворяющим покойников» [Салмин 1998: 43].

Отдельные бытовые предметы символизировали отчий дом. Например, у башкир символом родительского дома считался кожаный сосуд *хаба*. Значение *хаба* подчеркнуто И. Г. Георги: «Когда напоследок жених собирается вести невесту свою домой, то она ходит из юрты в юрту прощаться с благодарением и плачем; и при сем случае наделяют ее иные скотом, а иные домашнею рухлядью. В родительской юрте обнимает она кумызный мешок, благодарит ему, что столь долго ее питал, и прицепляет к нему небольшой подарок» [Георги 1799: 106].

Особенное отношение к жилищу проявлялось в том, что оно относилось к не отчуждаемому имуществу, т. е. посторонним людям его не дарили, старались сохранить *ата йорто* 'отчий дом'. Согласно минорату, отцовский дом у башкир наследовал младший сын, тем самым обеспечивал пожилым родителям уход и заботу. «Поэтому неслучайно в номенклатуре родства башкир имеется специальный для него термин — *кинйә / кинжә, төпсәк*», — отмечали исследователи [Бикбулатов, Фатыхова 1991: 145]. Заметим, свою долю от отцовского имущества старший сын получал после женитьбы. В традиционном обществе наличие отдельного жилища подтверждало самостоятельность мужчины, так как женщины проблемами обзаведения жилья не занимались.

Заключение

Древние верования и религия, нравственные нормы легли в основу структурирования жилого помещения, правил поведения в жилище. Традиционный этикет регламентировал поведение каждого члена семьи в рамках жилого пространства согласно его статусу. Деление жилого пространства тесно связано с представлениями этноса о картине мира, идеологией общества определенной эпохи, нравственными принципами.

Поведение вне и внутри дома отличалось. Именно в рамках освоенного пространства происходила социализация, осуществлялась трансляция этикета, выполня-

лись домашние работы и т. п. Внутреннее убранство, внешнее оформление, конструкция жилища и распределение пространства в нем тесно связаны с особенностями семейного и общественного этикета. Жилище определяло область окультуренного, защищенного пространства, отделяло «свое» от «чужого», согласно структуре внутреннего пространства, создавало условия для вари-

ативного поведения. В помещении поведение членов семьи, гостей строилось согласно бинарным оппозициям: «левая – правая», «мужская – женская», «почетная – менее почетная», «гостевая – хозяйственная», «верх – низ», «центр – периферия». Жилище относилось к неотчуждаемой собственности. Дом был символом самостоятельности, устойчивости.

Полевые материалы автора

ПМА 2003; ПМА 2017 — Экспедиция в Баймакский, Белорецкий, Бурзянский, Кугарчинский районы Республики Башкортостан. 2003–2017 гг.

Author's Field Data

Expeditions to Baymaksy, Beloretsky, Burzyansky, and Kugarchinsky Districts (Republic of Bashkortostan, Russian Federation), 2003–2017. (In Bash.)

Литература

- Байбури 1983 — *Байбури А. К.* Жилище в обрядах и представлениях восточных славян. Л.: Наука, ЛО, 1983. 191 с.
- Бакаева, Сангаджиев 2005 — *Бакаева Э. П., Сангаджиев Ю. И.* Культура жилища: этнические традиции и современные приоритеты у калмыков. Элиста: Джангар, 2005. 196 с.
- Башкиры 2002 — Башкиры: этническая история и традиционная культура / Н. В. Бикбулатов, Р. М. Юсупов, С. Н. Шитова, Фатыхова Ф. Ф.; под общ. ред. Р. М. Юсупова. Уфа: Башкирская энциклопедия, 2002. 248 с.
- Бикбулатов, Фатыхова 1991 — *Бикбулатов Н. В., Фатыхова Ф. Ф.* Семейный быт башкир. XIX–XX вв. М.: Наука, 1991. 189 с.
- Георги 1799 — *Георги И. Г.* Башкирцы // Описание всех обитающих в Российском государстве народов и их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, вероисповеданий и прочих достопамятностей. Часть вторая. О народах татарского племени и других не решенного еще происхождения Северных Сибирских. СПб.: Имп. АН, 1799. С. 93–108.
- Жуковская 2002 — *Жуковская Н. Л.* Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика: Учебное пособие. М.: Вост. лит., 2002. 247 с.
- Калимуллин 1959 — *Калимуллин Б. Г.* Планировка и застройка башкирских деревень. Уфа: Баш. кн. изд-во, 1959. 108 с.
- Радлов 1989 — *Радлов В. В.* Из Сибири: Страницы дневника / пер с нем. К. Д. Цивиной и Б. Е. Чистовой; прим. и послесл. С. И. Вайнштейна. М.: ГРВЛ, 1989. 749 с.
- Руденко 2006 — *Руденко С. И.* Башкиры: Исто-

- рико-этнографические очерки. Уфа: Китап, 2006. 376 с.
- Салмин 1998 — *Салмин А. К.* Семантика дома у чувашей. Чебоксары: Чуваш. гос. ин-т гум. наук, 1998. 64 с.
- Токарев 1970 — *Токарев С. А.* К методике этнографического изучения материальной культуры // Советская этнография. 1970. № 4. С. 3–17.
- Толеубаев 2000 — *Толеубаев А.* Юрта в представлениях, верованиях и обрядах казахов // Кочевое жилище народов Средней Азии и Казахстана. М.: Наука, 2000. С. 165–178.
- Ураксин 2000 — *Ураксин З. Г.* Этнолингвистический аспект слова в башкирском языке // Ядкар. 2000. № 1. С. 73–77.
- Хисамитдинова 2010 — *Хисамитдинова Ф. Г.* Мифологический словарь башкирского языка. М.: Наука, 2010. 452 с.
- Шараева 2020 — *Шараева Т. И.* Сакральный код в пространстве традиционного жилища у калмыков // Oriental Studies. 2020. Т. 13. № 1. С. 41–54. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-47-1-41-54
- Шитова 1984 — *Шитова С. Н.* Традиционные поселения и жилища башкир. Вторая половина XIX – первая четверть XX в. М.: Наука, 1984. 254 с.
- Юсупов 2010 — *Юсупов Р. М.* Башкирская юрта: происхождение и основные этапы развития // Башкирская юрта. Методическое пособие / Р. М. Юсупов, Р. А. Султангареева, С. Н. Шитова. Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, 2010. С. 5–16.
- Янбухтина 1993 — *Янбухтина А. Г.* Народные традиции в убранстве башкирского дома. Уфа: Китап, 1993. 136 с.

References

- Baiburin A. K. House in Rituals and Representations of East Slavs. Leningrad: Nauka, 1983. 191 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P., Sangadzhiev Yu. I. Dwelling Culture: Ethnic Traditions and Contemporary Priorities among Kalmyks. Elista: Dzhangar, 2005. 196 p. (In Russ.)
- Bikbulatov N. V. et al. The Bashkirs: Ethnic History and Traditional Culture. R. Yusupov (ed.). Ufa: Bashkirkaya Entsiklopediya, 2002. 248 p. (In Russ.)
- Bikbulatov N. V., Fatykhova F. F. Family and Household Life of Bashkirs, 19th–20th Centuries. Moscow: Nauka, 1991. 189 p. (In Russ.)
- Georgi I. G. Bashkirs. In: Description of Russia's Peoples, Their Household Rites, Customs, Faiths, and Other Peculiarities. Part Two: Tatar Peoples and Other Yet Unidentified Tribes of Northern Siberia. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1799. P. 106. Available at: <http://elibrary.ru/nodes/14951-ch-2-o-narodah-tatarskogo-plemeni-i-drugih-neshennogo-esche-proishozhdeniya-severnyh-sibirskih-1799#mode/inspect/page/134/zoom/5> (accessed: October 30, 2021). (In Russ.)
- Kalimullin B. G. Bashkir Villages: Planning and Construction. Ufa: Bashkortostan Book Publ., 1959. 108 p. (In Russ.)
- Khisamitdinova F. G. A Bashkir Mythological Dictionary. Moscow: Nauka, 2010. 452 p. (In Bash. and Russ.)
- Radlov V. V. From Siberia: Pages of the Diary. K. Tsivina, B. Chistova (transl.); S. Vainshtein (comment., afterword). Moscow: GRVL, 1989. 749 p. (In Russ.)
- Rudenko S. I. The Bashkirs: Historical and Ethnographic Essays. Ufa: Kitap, 2006. 376 p. (In Russ.)
- Salmin A. K. Semantics of Chuvash House. Cheboksary: Chuvash State Institute for the Humanities, 1998. 64 p. (In Russ.)
- Sharaeva T. I. Sacred code in the space of Kalmyk traditional dwelling. Oriental Studies. 2020. Vol. 13. No. 1. Pp. 41–54. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2020-47-1-41-54
- Shitova S. N. Bashkir Traditional Settlements and Dwellings, 1850s – 1920s. Moscow: Nauka, 1984. 254 p. (In Russ.)
- Tokarev S. A. Ethnographic research of material culture: Methodology revisited. Sovetskaya etnografiya. 1970. No. 4. Pp. 3–17. (In Russ.)
- Toleubaev A. Yurt in representations, beliefs and rites of Kazakhs. In: Nomadic Dwelling among Peoples of Central Asia Kazakhstan. Moscow: Nauka, 2000. Pp. 165–178. (In Russ.)
- Uraksin Z. G. Ethnolinguistic aspect of Bashkir word. Yadkyar. 2000. No. 1. Pp. 73–77. (In Russ.)
- Yanbukhtina A. G. Bashkir House: Folk Traditions in Interior Design. Ufa: Kitap, 1993. 136 p. (In Russ.)
- Yusupov R. M. Bashkir yurt: Origin and main evolution stages. In: Yusupov R. M. et al. Bashkir Yurt. Ufa: Institute of History, Language and Literature (UFRS RAS), 2010. Pp. 5–16. (In Russ.)
- Zhukovskaya N. L. Nomads of Mongolia: Culture, Traditions, Symbols. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2002. 247 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 14, Is. 6, pp. 1290–1303, 2021
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 3.39.391

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1290-1303

История изучения якутских украшений в XIV–XVIII вв.

Александра Николаевна Прокопьева¹, Капитолина Максимовна Яковлева²

¹ Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН
(д. 1, ул. Петровского, 677027 Якутск, Российская Федерация)
научный сотрудник
 0000-0002-8329-159X. E-mail: sendiele@gmail.com

² Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (д. 58, ул. Белинского,
677000 Якутск, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, доцент
 0000-0002-5381-8960. E-mail: kapa1985@list.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Прокопьева А. Н., Яковлева К. М., 2021

Аннотация. *Введение.* На основании обзора отечественной литературы рассмотрены основные вехи в истории изучения якутских украшений XIV–XVIII вв. *Цель* исследования — сформировать периодизацию изучения якутских украшений XIV–XVIII вв., выделить основные тенденции в этапах изучения и показать вклад исследователей, начиная с отписок служилых людей и заканчивая научными изысканиями современных авторов. Первые сведения о якутских украшениях носили фрагментарный характер и рассматривались лишь при описании костюма в целом. *Материалы и методы.* Проанализированы письменные материалы по изучению якутских украшений от первичных источников (отписки служилых людей, ясачные списки, дневники и наблюдения) до современных статей по теоретическому осмыслению накопленного материала. *Результаты и выводы.* Изучение первоисточников и научной литературы показывает, что в них содержится весьма разнообразный и ценный фактический материал по якутским украшениям. В историографии вопроса можно выделить на три этапа: 1) дореволюционный период; 2) первая половина XX в.; 3) вторая половина XX в. — современность. **Ключевые слова:** украшения, историография, история изучения, кулун-атахская культура, Якутия, якуты, средневековые
Для цитирования: Прокопьева А. Н., Яковлева К. М. История изучения якутских украшений XIV–XVIII вв. // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 6. С. 1290–1303. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1290-1303

14th–18th Century Sakha Jewelry: History of Research Reviewed

Aleksandra N. Prokopieva¹, Kapitolina M. Yakovleva²

¹ Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the RAS
(1, Petrovsky St., 677027 Yakutsk, Russian Federation)

Research Associate

 0000-0002-8329-159X. E-mail: sendiele@gmail.com

² North-Eastern Federal University in Yakutsk (58, Belinsky St., 677000 Yakutsk, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Associate Professor

 0000-0002-5381-8960. E-mail: kapa1985@list.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Prokopieva A. N., Yakovleva K. M., 2021

Abstract. *Introduction.* The article reviews works by Russian scholars to examine key stages of research on 14th–18th century Yakut jewelry. *Goals.* The study aims at outlining respective periods of research and identifying main trends therein with due regard of each explorer's contribution — from local officials and their reports to contemporary scientists and their academic works. Earliest messages on Sakha jewelry were fragmented enough the latter to be perceived only as elements to traditional garments. *Materials and methods.* The paper analyzes original written materials dealing with Yakut jewelry (reports by officials, yasak lists, diaries and observations) towards present-day theoretical articles rethinking the accumulated data. *Results and conclusions.* The related historiography comprises a total of three stages: 1) pre-Revolution period, 2) early-to-mid 20th century, 3) mid-20th century to present day. Our insights into original sources and scientific texts shows those contain diverse and essential factual materials on Yakut jewelry.

Keywords: jewelry, historiography, history of jewelry studies, Kulun-Atakh culture, Yakutia, the Yakut, Middle Ages

For citation: Prokopieva A. N., Yakovleva K. M. 14th–18th Century Sakha Jewelry: History of Research Reviewed. *Oriental Studies*. 2021; 14 (6): 1290–1303. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1290-1303

Введение

XIV–XVIII вв. — один из интересных и все еще малоизученных периодов в истории Якутии, состоящий из двух последовательных этапов: кулун-атахской археологической культуры XIV–XVI вв. и якутской культуры XVII–XVIII вв. В научной литературе можно встретить такие обобщающие обозначения периода XIV–XVIII вв., как «архаичный», «переходный», «ранний» и «раннеякутский». Устойчивый интерес исследователей к этому периоду вызван тем, что с кулун-атахской культурой связывают происхождение и развитие якутского этноса и распространение скотоводческой культуры на территории Якутии [Гоголев 1993: 87].

Самые ранние свидетельства о бытовании металлических украшений были найдены на поселенческих памятниках кулун-

атахской культуры. Это были проволочные серьги и формы для отливки нашивных украшений. Материалы из дохристианских погребений показывают, что в XVII–XVIII вв. среди якутов бытовали шейные гривны, кольца, перстни, парные браслеты, наконечники и нашивные украшения. На основании археологического материала можно сделать вывод, что металлические украшения раннего этапа просуществовали без особых изменений до конца XVIII в. [Гоголев 1990; Кирьянов 2017: 205; Константинов 1971: 68].

Другим важным видом источников являются письменные источники, но они относятся лишь к XVII–XVIII вв. и содержат отрывочные сведения о бытовавших в то время якутских украшениях. Особую ценность представляют названия украшений, вышедшие из употребления к началу XX в.

Некоторые работы, описывавшие народы Якутии, содержали иллюстрации, которые также являются значимым источником информации [Георги 1799; Маак 1994].

В целом за историю научного изучения Якутии сформирован корпус вещественных источников, позволивший выработать типологию и классификацию якутских украшений [Саввинов 2001; Яковлева, Прокопьева 2020].

В трудах по этнической истории украшения приводились как свидетельства межкультурных коммуникаций [Гоголев 1993], украшения рассматривались в контексте погребальной обрядности [Бравина, Попов 2008; Кирьянов 2017], были изучены семантические аспекты орнаментации и форм украшений [Гаврильева 1998; Петрова 2006].

Зачастую в этнографической литературе украшения раннего периода используются как дополнительный аргумент при анализе материала, чем принижается их роль как самостоятельного источника, теряются закономерности временных и территориальных изменений. На сегодняшний день изучение украшений XIV–XVIII вв. является актуальным вопросом, и можно констатировать тот факт, что за последние несколько лет произошел переход из этапа накопления фактического материала к его осмыслению и всестороннему изучению. В связи с этим необходимо упорядочить историографию якутских украшений, подвести некоторые итоги проведенных исследований. На сегодняшний день накоплен достаточный, хоть и несколько разрозненный материал, который может послужить основой для обобщающей работы.

Этапы истории изучения украшений

В целом историю изучения украшений XIV–XVIII вв. можно разделить на три этапа:

1) дореволюционный период — формирование корпуса первичных источников: отписки служилых людей, ясачные списки, дневники и наблюдения путешественников и исследователей Сибири, этнографические сборы для музеев и первые археологические исследования;

2) первая половина XX в. — археологическое изучение якутских погребений XVII–XVIII вв., формирование музейных

коллекций по материальной культуре якутов, первые научные труды о якутском костюме и украшениях;

3) вторая половина XX в. — современность — период теоретического осмысления накопленного материала, расширение источниковой базы, углубление хронологической глубины исследований, изучение происхождения и развития якутских украшений.

1. Дореволюционный период

Первые сведения о якутском костюме и украшениях появляются с началом освоения Сибири русскими землепроходцами. В письменных источниках XVII в. упоминается меховая одежда, украшенная бисером, серебряные диски «туосахта», медные подвески и пуговицы [Токарев 1945: 81].

Из торговых книг можно получить информацию о цене одекуев и бисера, которые обменивались на пушнину. Видимо, первым в литературе упоминанием якутских украшений является дневник польского военнопленного Адама Каменского-Длужника. Примерно в 1660–1661 гг. он попал в Якутию и оставил небольшое описание серег, шейных гривен «серебряные и медные обручи» и дисков «туосахта» в своем дневнике [Зыков 1976: 4].

В XVIII в. письменные источники становятся более разнообразными: это дневники и заметки путешественников, первые издания этнографического характера, многочисленные рисунки, сопровождавшие эти работы. Наиболее известными из них являются труды Я. И. Линденау, Г. Ф. Миллера, И. Г. Георги, И. Биллингса, Ф. Ланганса [Линденау 1983; Миллер 2000; Георги 1799; Биллингс 1978; Ланганс 1824] и др. Эти работы ценны тем, что описание дается наблюдателем, приводятся бытовавшие названия некоторых украшений. Чаще всего в них упоминаются серьги, гривны, кольца и перстни, нашивные украшения. Например, у И. Г. Георги находим следующее описание головного украшения *бастынга*: «Девки заплетают волосы и носят широкие начельники кожаные, совсем покрытые узорами и корольками. От сих начельников висят по сторонам небольшие корольковые нитки с брякушками, а от темени простирается на спину украшение длиною в пядени два, а шириной в ладонь, покрытое узорами и корольками» [Георги 1799: 176].

В этой же книге были даны первые иллюстрации, где были запечатлены якуты в одежде и украшениях. Так как это работы описательного характера, они не дают сведений о том, когда и как носили украшения, зависело ли ношение определенных украшений от социального положения, пола, возраста и т. д.

Кроме письменных и изобразительных материалов, формировался корпус вещественных источников. Известно, что участники Второй Камчатской экспедиции (1733–1743 гг.) собирали предметы для Кунсткамеры [Иванов 1981: 39–42].

Г. Ф. Миллер отправил для коллекции музея несколько ящиков с этнографическими предметами, в том числе «девичий наряд повяска», шапка с «против лба круг[ом] серебрян[ым]» и другие части костюма и украшения [Иванов 1981: 39–42].

Видимо, к этому периоду относятся первые материалы из раскопок погребений, потому что среди коллекции Г. В. Стеллера упомянуты «серебряные и медные могильные бляхи» [СПФ АРАН. Ф. 3. Оп. 1. Д. 813. Лл. 244–245].

В 1747 г. в Кунсткамере произошел пожар, в котором серьезно пострадала сибирская коллекция, в том числе якутская. Возможно, описанные в статье В. П. Дьяконовой гривны с витым рельефом являются фрагментами той коллекции [Дьяконова 1958: 179–186].

Более обширен материал XIX в. — это описания украшений в работах А. Ф. Миддендорфа [Миддендорф 1878], В. В. Радлова [Радлов 1989], В. Л. Серошевского [Серошевский 1993], Р. К. Маака [Маак 1994]. Сами исследователи отмечали, что на протяжении XIX в. произошли существенные изменения в культуре якутов, многое вышло из употребления или смысловая нагрузка отдельных явлений забыта. К таким украшениям можно отнести нагрудники *тосюлюк* и женские амулеты *сасыл тумса* [Маак 1994: 66]. На это указывал и археологический материал, найденный при вскрытии якутских могил [Геккер 1896; Маак 1994; Сарычев 1889; Тимофеев-Терешкин 1915].

Внимание исследователей привлекли металлические украшения из женских погребений: серьги в виде знака вопроса, ложновитые гривны и нашивные украшения

одежды. Р. К. Маак отмечал существенную разницу между бытовавшими в его время украшениями якутских женщин и найденными им в могилах в XVIII в. [Маак 1994: 62].

Издания XIX в. были снабжены иллюстрациями, якутскими терминами, дополнены фольклорными сведениями. Что касается терминологии ювелирного и кузнечного дела, названий украшений, то ценные сведения содержит словарь якутского языка Э. К. Пекарского [Пекарский 1959].

2. Первая половина XX в.

К концу XIX в. созрела необходимость формировать собственный научный и культурный центр в регионе и в результате был основан Якутский областной музей (ныне — Якутский государственный объединенный музей истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского). Благодаря этому событию в Якутии появились собственные кадры, и это определило характер работ в первой половине XX в.

На фоне всеобщего подъема краеведческого движения изучение прошлого Якутии становится одной из основных задач исследователей. В этот период работали такие объединения, как «Саха кэскилэ» («Будущее якутов») и Общество изучения Якутской АССР, внесшие существенный вклад в якутоведение. На территории Якутии работали академические экспедиции, шло полномасштабное изучение края.

В это время большую работу по изучению материальной культуры якутов XVIII в. проделал Е. Д. Стрелов. Он одним из первых опубликовал подробную статью о женской одежде и украшениях, основываясь на материалах якутских погребений [Стрелов 1937]. В этой работе он указывает, что костюм и украшения XVIII в. сильно отличаются от традиционных образцов XIX в. по материалу изготовления, характеру декоративных приемов [Стрелов 1937: 99].

По материалам раскопок якутских погребений в музее была устроена выставка, часть материалов вошла в постоянную экспозицию. В той же статье Е. Д. Стрелов отмечает, что выставленные на обозрение фрагменты одежды и металлические украшения, акварельные реконструкции М. М. Носова вызвали вопросы об их этнической принадлежности у посетителей [Стрелов 1937: 99]. Это говорит о том, насколько сильно и бы-

стро изменились представления о костюме якутов XVIII в. за одно столетие.

В целом в 1930–1950-е гг. отмечается повышенный интерес к истории якутского этноса, что вылилось в планомерное археологическое изучение погребальных памятников якутов. Основной объем работ проводился на территории Центральной Якутии. Здесь под руководством С. И. Боло, И. Д. Новгородова, М. А. Ковынина, И. Г. Березкина были изучены дохристианские погребения якутов [Бравина, Попов 2008: 18–22].

При этом особое внимание уделялось легендарным личностям, известным по фольклорным источникам, историческим лицам. Были составлены картотеки по погребениям известных лиц и собран обширный фольклорный материал, хранящийся сегодня в Национальном архиве Республики Саха (Якутия) [НА РС(Я). Р. 1413. Оп. 2. Ед. хр. 414–416]. Так были изучены погребения князей Мазары Бозекова, Софрона Сыранова, родоначальников Омуруйа, Аба Уос Дьорго, известных воинов Леглю Беге, Суор Бугдюк и т. д. [Новгородов 1955].

Из этих раскопок известно, что в XVII в. комплекс украшений мужчин и женщин не имел выраженных отличий. Например, серьги и шейную гривну носили как женщины, так и мужчины [Гоголев 1958: 73; Константинов 1971: 79]. Благодаря этим раскопкам были установлены составляющие костюма и украшений якутов XVII–XVIII вв., фонды музея пополнились материалами раскопок. К сожалению, не все материалы раскопок дошли до наших дней.

Особый интерес для нашего исследования представляют рисунки и статьи М. М. Носова [Носов 1957; Носов 1988]. Он был художником при Якутском областном музее и участвовал в археологических раскопках якутских погребений. Благодаря тому, что у него была возможность непосредственно на месте раскопок делать зарисовки, до нас дошли подробные сведения о характере обнаруженных материалов. На основании своих наблюдений, тщательного изучения археологического материала М. М. Носов выполнял рисуночную реконструкцию якутского костюма XVII–XIX вв. Его иллюстративное наследие продолжает оставаться одним из важных источников по истории якутского костюма. Особо ценна его

статья «Эволюционное развитие якутской одежды с конца XVIII столетия до 1920-х годов» [Носов 1957], где автор дает систематизацию якутского костюма и украшений. Рисунки М. М. Носова хранятся в Национальном художественном музее Республики Саха (Якутия) и в Архиве Якутского научного центра СО РАН (далее — ЯНЦ СО РАН).

В 1935 г. был создан Институт языка и культуры, и начинается планомерное и системное научное изучение Якутии. Институт проводил свои экспедиционные исследования, был собран богатый материал по материальной и духовной культуре народов Якутии. Здесь стоит отметить А. А. Саввина — известного якутского этнографа и фольклориста. В личном фонде А. А. Саввина в Архиве ЯНЦ СО РАН хранятся ценные фольклорные и этнографические сведения о якутских украшениях [Саввинов 2018].

3. Вторая половина XX века – современность

В годы Великой Отечественной войны планомерным изучением истории Якутии занимался А. П. Окладников. Его исследования стали началом планомерного и систематического изучения Якутии во второй половине XX в. Итогом археологических раскопок, изучения архивных и музейных материалов по истории якутов стал фундаментальный труд «История Якутской АССР» в трех частях [Окладников 1955; Окладников 1957; Окладников 1963]. В монографии уделяется внимание якутскому костюму, дается сравнительно-исторический анализ составных частей комплекса украшений. А. П. Окладников считал, что одежда и украшения указывают на южные корни якутской культуры и связывал их с лесостепными районами Евразии [Окладников 1955: 256].

В 1960-е гг. масштабную работу по изучению якутских погребений вел И. В. Константинов. Он произвел раскопки на территории Центральной, Западной и Северной Якутии, но в его монографию «Материальная культура якутов XVIII века» вошли памятники только Центральной Якутии [Константинов 1971]. В этой работе были обобщены и проанализированы материалы из 54 погребений. В разделе «Личные украшения» он отмечает, что серьги, начельники и шейные украшения встречаются только в женских погребениях и поэтому явля-

ются исключительно женскими для XVIII в. [Константинов 1971: 77].

Из материалов, собранных И. В. Константиновым, наиболее ценным является начальник *бастынга* из погребения девочки. Это известное по письменным и устным источникам украшение очень редко фиксируется среди материалов погребений и является одним из малоизученных из комплекса якутских женских украшений. Большинство археологических материалов из якутских погребений, исследованных И. В. Константиновым, поступало в Якутский государственный объединенный музей истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского. Часть материалов хранится в Музее арктической археологии им. С. А. Федосеевой при Арктическом научно-исследовательском центре АН Республики Саха (Якутия), Мегино-Кангаласском краеведческом музее им. Р. Г. Васильева и Музее дружбы народов им. К. Д. Уткина Нюрбинского района Республики Саха (Якутия).

С конца 1960-х гг. начинается новый виток развития декоративно-прикладного искусства Якутии. Мастера начинают обращаться к этнографическому периоду в поисках источника вдохновения, появляются работы из разных материалов, так или иначе связанные с дореволюционной эпохой. В связи с этим возникает необходимость в теоретическом обосновании и подробном анализе эволюции ювелирного дела якутов. Поэтому появляется ряд работ, посвященных народному искусству Якутии. Одной из первых монографий по этой теме является работа Ф. М. Зыкова, обобщающая архивные и музейные материалы, опубликованные и полевые источники автора о ремесле якутских ювелиров «Ювелирные изделия якутов» [Зыков 1976]. В ней описана организация ювелирного дела, обработка металлов и дано описание ювелирных изделий якутов. Был опубликован сборник статей об актуальных проблемах декоративно-прикладного искусства, в том числе о ювелирном деле [Проблемы народного 1984], были выпущены альбомы и каталоги [Каплан 1972; Народное искусство 1981; Носов 1988]. Но в этих трудах практически не отражены украшения, датируемые временем до XIX в., слабо освещены вопросы технологии изготовления украшений до христианского времени.

Во второй половине XX в. к теме якутских украшений не раз обращались отечественные этнографы. Например, серия статей вышла в сборниках Музея антропологии и этнографии (МАЭ) АН СССР (Кунсткамеры). Одной из наиболее подробных является статья В. П. Дьяконовой «Старинные якутские шейные украшения» [Дьяконова 1958]. На анализе десяти якутских гривен из собрания МАЭ РАН автор приводит их типологию и приходит к выводу, что гривна с петлеобразными изгибами является наиболее древним типом.

Накосные украшения якутов были рассмотрены в статье Н. И. Ключевой и Е. А. Михайловой, где предлагаются классификация украшений народов Сибири, а также выделены таблицы по видам и типам [Ключева, Михайлова 1988]. Расширенная классификация якутских украшений представлена в сборнике МАЭ «Украшения народов Сибири», статья Е. А. Михайловой, где автор выделил проволочные серьги, гривны [Михайлова 2005].

Якутские украшения как часть традиционного костюма привлекали внимание иностранных исследователей. Так, якутские коллекции в музеях Германии описаны в труде У. Йохансен «Die Ornamentik der Jakuten», где автор, используя обширный сравнительный материал, касающийся религии, археологии, этнической истории, выявила параллели якутской орнаментики с народами Южной Сибири [Johansen 1954]. Эту работу дополняет исследование Яны Турза на основе описания якутских коллекций Штутгартского этнографического музея [Turza 1976].

В 1970–1980 гг. активизируется работа Якутского государственного университета в области изучения истории якутского этноса. На территории Центральной и Западной Якутии работала археолого-этнографическая экспедиция под руководством А. И. Гоголева, в ходе которой была открыта кулун-атахская археологическая культура XIV–XVI вв. В поселении XIV в. Уганья была обнаружена бронзовая серьга в виде знака вопроса, которая на данный момент является самым древним известным якутским украшением.

Кроме средневековых поселений, были изучены поселения и погребения XVII–XVIII вв. [Гоголев 1990; Гоголев 1993; Го-

голев 2004]. Изучение погребальных памятников расширило и дополнило материалы И. В. Константинова о материальной культуре якутов [Константинов 1971].

По итогам работ экспедиции вышла монография А. И. Гоголева «Якуты: проблемы этногенеза и формирование культуры», и в нем значительное место уделено сравнительному анализу украшений тюркских народов Сибири [Гоголев 1993: 108–110]. Эти археологические источники составляют основу коллекции по XIV–XVIII вв. Музея археологии и этнографии Северо-Восточного федерального университета.

Воздушные захоронения с уникальными материалами были вскрыты Н. Д. Архиповым на р. Оленек и ее притоках. Из интересных находок можно отметить вышитое металлическими бляшками и бисером нагрудное украшение «тюсюлюк», литые гривны и серьги из женских погребений. Эти и другие материалы из воздушных погребений были переданы Оленекскому историко-этнографическому музею народов Севера, часть — в Музей археологии и этнографии Северо-Восточного федерального университета.

Обобщение и анализ накопленного археологического материала, письменных и фольклорных источников легли в основу монографии Р. С. Гаврильевой о традиционном костюме конца XVII – середины XVIII веков [Гаврильева 1998].

Логическим продолжением этого исследования стали монографии С. И. Петровой о народном и свадебном костюме якутов, о конструктивных особенностях и семантическом составляющем костюма [Петрова 1999; Петрова 2006; Петрова, Заболоцкая 2013]. Благодаря работе С. И. Петровой с мастерами декоративно-прикладного искусства за последнее десятилетие качественно вырос уровень реконструкции якутского костюма и украшений. Если в предыдущие годы интерес у мастеров вызывал костюм образца XIX в., то теперь наблюдается интерес к костюму XVII–XVIII вв.

Археологические исследования якутских памятников XIV–XVIII вв. проводит Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Нестандартные украшения одежды были обнаружены в женском погребении XVII в. *Атласовское-2* [Бравина и др. 2017].

Р. И. Бравина рассматривает костюм и украшения в контексте погребально-поминального обряда и представлений о жизни и смерти [Бравина 1996; Бравина, Попов 2008].

В монографии «Погребально-поминальная обрядность якутов» украшения рассмотрены в качестве сопроводительного материала погребений [Бравина, Попов 2008]. Так, авторы указывают, что само наличие украшений, материал изготовления и конфигурация изделия связаны с социальным статусом погребенных. Особенно это касается редко встречающихся в погребениях XVII–XVIII вв. серебряных украшений, перстней с печатками, гривен и серег в мужских погребениях [Бравина, Попов 2008: 119].

Одной из главных работ последних лет по якутским украшениям является монография А. И. Саввинова, где предложена классификация якутских украшений [Саввинов 2001]. На основе архивных, музейных источников, полевых материалов автора рассмотрено место украшений в составе якутского костюма, проведен семантический анализ.

С 2002 г. на территории Якутии работает совместная Саха-французская археологическая экспедиция (MAFSO), главной целью которой является генетический анализ ДНК раннеякутского населения и определение хронических и патологических заболеваний в условиях проживания в приполярной территории [Мир древних 2012; Keyser et al. 2015; Zvěničgorosky et al. 2016; Crubézy et al. 2017].

В работе экспедиции принимают участие научные организации Якутии: Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера ЯНЦ СО РАН, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутский государственный музей истории и культуры народов Севера. Изучены центральные, западные и северные районы Якутии, за годы работы накоплен большой объем археологического материала. Извлеченные в ходе раскопок находки хранятся в музеях указанных организаций и обладают высоким информационным потенциалом. Благодаря масштабности работ, раскопки MAFSO существенно расширили источниковую базу по костюму и украшениям XVI–XVIII вв.

[Кириянов 2017; Мир древних 2012; Прокопьева 2019].

Одним из итогов работ стала реконструкция одежды и украшений группой мастеров [Петрова, Прокопьева, Кириянов 2020].

Благодаря междисциплинарному характеру исследований, результаты работ позволяют провести анализ половозрастного состава погребенных и сделать выводы о функционировании украшений. Еще одним результатом работ стала диссертация Н. С. Кириянова, в контексте которой были рассмотрены украшения верхоянских и оймяконских якутов XVII–XIX вв. [Кириянов 2019].

Классификации украшений народов алтайской культурой общности была посвящена кандидатская диссертация К. М. Яковлевой [Яковлева 2011]. Изучение украшений из музейных собраний легло в основу работ по классификации головных украшений [Прокопьева 2019; Яковлева, Прокопьева 2019], введены в научный оборот уникальные украшения из погребения подростка [Яковлева, Прокопьева 2018]. Итогом многолетних совместных работ К. М. Яковлевой и А. Н. Прокопьевой стала монография, посвященная якутским украшениям XIV–XVIII вв. [Яковлева, Прокопьева 2020].

В последние годы музеи активизировали работу по выставочной деятельности, выпуску каталогов, сборников научных статей и т. д. Благодаря поддержке Правительства РС(Я) выпущены системные каталоги якутских коллекций в зарубежных музеях [Материальная... 2017; Материальная... 2018].

Национальным художественным музеем Республики Саха (Якутия) был выпущен каталог серебряных изделий из собрания музея [Габышева 2011], альбом-каталог работ М. М. Носова [Михаил Носов 2017].

На базе музеев проводятся научные конференции и семинары, посвященные не только музейному делу, но и искусствоведению и декоративно-прикладному искусству [Циркумпольная 2009].

В выставочной деятельности музеи чаще стали обращать внимание на период XVII–XVIII вв. Так, за последние годы прошли выставки по материалам археологических

раскопок якутских могил XVIII в., где были выставлены фрагменты одежды и украшения; Национальный художественный музей реализует проект «Раритеты Якутии», в контексте которого выставляются коллекции районных музеев.

Заключение

Обзор литературы показывает, что историография содержит весьма разнообразный и ценный фактический материал по якутским украшениям архаичного периода. В ней можно выделить три основных этапа: дореволюционный период, первая половина XX в., вторая половина XX в. – современность. В каждом этапе характер проведенных исследований в целом соответствовал тем научным задачам и тенденциям, которые были актуальны на тот момент. Изучение якутских украшений XIV–XVIII вв. прошло сложный путь от бессистемного собирания древностей до научного исследования. Если первые упоминания украшений были лишь описательного характера, где они рассматривались как дополнительный аргумент при анализе палеоэтнографического материала, то в исследованиях последних лет уже проводятся этнокультурные параллели, сравнительные анализы и типологизация украшений.

Украшения долго не были объектом специального изучения, чем принижалась их роль как самостоятельного источника, но в современных работах виден отход от этой тенденции. Специальных работ, посвященных изучению якутских украшений XIV–XVIII вв., все еще сравнительно мало, но накопленный материал, обладает богатым информационным потенциалом, который станет основой для будущих исследовательских работ. Украшения в силу «нетленности» и ёмкости содержащейся в них научной информации (техничко-технологические параметры, орнамент, конструкция и форма изделий) представляют собой важный исторический источник, позволяющий достаточно обоснованно иллюстрировать этапы этнической истории и культурогенеза народов: древние и средневековые этнические процессы, ранние и поздние этнокультурные взаимосвязи.

Источники

СПФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской академии наук.

НА РС(Я) — Национальный архив Республики Саха (Якутия).

Sources

Archive of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch.

National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia).

Литература

- Биллингс 1978 — *Биллингс И.* О якутах: журнал, или поденник, флотского капитана // Этнографические материалы Северо-Восточной географической экспедиции 1785–1795 гг. / сост. З. Д. Титова. Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1978. С. 19–42.
- Бравина 1996 — *Бравина Р. И.* Погребальный обряд якутов (XVIII–XIX вв). Якутск: Изд-во ЯГУ, 1996. 232 с.
- Бравина, Попов 2008 — *Бравина Р. И., Попов В. В.* Погребально-поминальная обрядность якутов: памятники и традиции (XV–XIX вв.). Новосибирск: Наука, 2008. 296 с.
- Бравина и др. 2017 — *Бравина Р. И., Дьяконов В. М., Петров Д. М., Соловьева Е. Н., Сыроватский В. В., Багашев А. Н., Пошехонова О. Е., Слепченко С. М., Ражев Д. И., Алексеева Е. А., Зубова А. В., Кузьмин Я. В.* Женское погребение XVII в. Атласовское-2 из Центральной Якутии: результаты комплексного исследования // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2017. № 1 (36). С. 44–63.
- Габышева 2011 — *Габышева А. Л.* Коллекция серебра и металла в собрании Национального художественного музея: альбом-каталог. Якутск: Рекламное агентство «Апрель», 2011. 310 с.
- Гаврильева 1998 — *Гаврильева Р. С.* Одежда народа саха конца XVII – середины XVIII века. Новосибирск: Наука, 1998. 144 с.
- Геккер 1896 — *Геккер Н. Л.* Три якутских могилы // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. 1896. Т. XXVI. № 4–5. С. 185–196.
- Георги 1799 — *Георги И. Г.* Описание всех обитающих в Российском государстве народов: их житейских обрядов, обыкновений, одежд, жилищ, упражнений, забав, вероисповеданий и других достопамятностей. Ч. 2: О народах татарского племени и других не решенного еще происхождения Северных Сибирских. СПб.: Имп. акад. наук, 1799. 246 с.
- Гоголев 1990 — *Гоголев А. И.* Археологические памятники Якутии позднего средневековья XIV–XVIII вв. Иркутск: Изд-во Иркутского ун-та, 1990. 192 с.
- Гоголев 1993 — *Гоголев А. И.* Якуты: проблемы этногенеза и формирование культуры. Якутск: Илин, 1993. 136 с.
- Гоголев 2004 — *Гоголев А. И.* Этническая история народов Якутии. Якутск: Изд-во ЯГУ, 2004. 104 с.
- Гоголев 1958 — *Гоголев З. В.* Раскопки якутских могил XVIII в // Труды Якутского филиала СО АН СССР. Вып. 1/8. 1958. С. 65–75.
- Дьяконова 1958 — *Дьяконова В. П.* Старинные якутские шейные украшения // Сборник Музея антропологии и этнографии. Т. XVIII. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. С. 179–186.
- Зыков 1976 — *Зыков Ф. М.* Ювелирные изделия якутов. Якутск: Кн. изд-во, 1976. 64 с.
- Иванов 1981 — *Иванов В. Ф.* Работа Второй Камчатской экспедиции по сбору предметов материальной культуры народов Якутии // Развитие гуманитарных исследований в Якутии: сб. ст. Новосибирск: Наука, 1981. С. 39–42.
- Каплан 1972 — *Каплан Н. И.* На земле чоронов и сэргэ: Народное декоративное искусство якутов // Радуга на снегу. М.: Молодая гвардия, 1972. С. 76–96.
- Кирьянов 2017 — *Кирьянов Н. С.* Материальная культура верхоянских якутов XVIII–XIX вв.: одежда, украшения, инвентарь (по данным погребений) // Известия Алтайского государственного университета. 2017. № 5 (97). С. 203–206.
- Кирьянов 2019 — *Кирьянов Н. С.* Погребальный обряд и материальная культура населения Яно-Индигирского нагорья в XVII–XIX вв. (по результатам археологических исследований): автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Барнаул, 2019. 24 с.
- Клюева, Михайлова 1988 — *Клюева Н. И., Михайлова Е. А.* Накосные украшения у сибирских народов // Материальная и духовная культура народов Сибири: сб. Музея антропологии и этнографии. Л.: Наука, 1988. Т. XLII. С. 113–128.
- Константинов 1971 — *Константинов И. В.* Материальная культура якутов XVIII в.: по материалам погребений. Якутск: Кн. изд-во, 1971. 212 с.
- Ланганс 1824 — *Ланганс Ф.* Якуты // Сибирский вестник. 1824. Ч. 3. Кн. 17/18. С. 127–166.
- Линденау 1983 — *Линденау Я. И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): историко-этнографический материал о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан: Магаданское кн. изд-во, 1983. 176 с.

- Маак 1994 — *Маак Р. К.* Вилуйский округ. 2-е изд. М.: Яна, 1994. 592 с.
- Материальная... 2017 — Материальная и духовная культура народов Якутии в музеях мира (XVII – начала XX вв.). Кн. 1: Сибирская коллекция в музеях США / авт.-сост. З. И. Унарова. Якутск: Бичик, 2017. 784 с.
- Материальная... 2018 — Материальная и духовная культура народов Якутии в музеях мира (XVII – начала XX вв.). Т. 2, кн. 1: музеи Германии: каталог / авт.-сост.: А. Л. Габышева, Ю. В. Луценко, Г. Г. Неустроева, В. В. Тимофеева. Якутск: Салама, 2018. 784 с.
- Миддендорф 1878 — *Миддендорф А. Ф.* Путешествие на Север и Восток Сибири. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1878. 242 с.
- Миллер 2000 — *Миллер Г. Ф.* История Сибири. Т. II. 2-е изд., доп. М.: Вост. лит., 2000. 796 с.
- Мир древних 2012 — Мир древних якутов: опыт междисциплинарных исследований (по материалам саха-французской археологической экспедиции) / ред. Э. Крюбези, А. Алексеев. Якутск: ИД СВФУ, 2012. 226 с.
- Михаил Носов 2017 — Михаил Носов: [альбом-каталог] / авт.-сост. Ю. Луценко. М.: ИП Семенов Н. В., 2017. 200 с.
- Михайлова 2005 — *Михайлова Е. А.* Съёмные украшения народов Сибири // Украшения народов Сибири: сб. Музея антропологии и этнографии. СПб.: МАЭ, 2005. Т. LI. С. 12–119
- Народное искусство 1982 — Народное искусство Якутии / авт.-сост. М. В. Хабарова. Л.: Художник РСФСР, 1981. 143 с.
- Новгородов 1955 — *Новгородов И. Д.* Археологические раскопки музея // Сборник научных статей Якутского республиканского краеведческого музея. Вып. 1. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1955. С. 138–162.
- Носов 1957 — *Носов М. М.* Эволюционное развитие якутской одежды с конца XVIII столетия до 1920-х годов // Сборник научных статей Якутского краеведческого музея. 1957. Вып. II. С. 116–152.
- Носов 1988 — *Носов М. М.* Художественные бытовые изделия якутов XVIII – начала XIX веков: Альбом / ред.-сост. и авт. предисл. И. А. Потапов. Якутск: Якут. кн. изд-во, 1988. 103 с.
- Окладников 1955 — *Окладников А. П.* История Якутской АССР. Т. I. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 432 с.
- Окладников 1957 — *Окладников А. П.* История Якутской АССР. Т. II. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1957. 419 с.
- Окладников 1963 — *Окладников А. П.* История Якутской АССР. Т. III. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. 364 с.
- Пекарский 1959 — *Пекарский Э. К.* Словарь якутского языка. Т. 1–3. М.: Изд-во АН СССР, 1959. 3858 Стлб.
- Петрова 1999 — *Петрова С. И.* Традиционная одежда и мировоззрение наших предков. Якутск: Бичик, 1999. 79 с.
- Петрова 2006 — *Петрова С. И.* Свадебный наряд якутов: традиции и реконструкция. Новосибирск: Наука, 2006. 104 с.
- Петрова, Заболоцкая 2013 — *Петрова С. И., Заболоцкая З. М.* Народный костюм якутов: историко-этнографическое и искусствоведческое исследование. Новосибирск: Наука, 2013. 207 с.
- Петрова, Прокопьева, Кирьянов 2020 — *Петрова С. И., Прокопьева А. Н., Кирьянов Н. С.* Опыт реконструкции якутской женской одежды XVII–XVIII веков (по материалам погребения Ат-Дабан (Ат-Быран) VI) // Научный диалог. 2020. № 3. С. 370–384.
- Проблемы народного 1984 — Проблемы народного прикладного искусства Якутии: сборник научных трудов / редкол.: А. Н. Осипов (отв. ред.) и др. Якутск: ЯФ СО РАН, 1984. 104 с.
- Прокопьева 2019 — *Прокопьева А. Н.* Головное украшение XVIII в. из коллекции МАЭИВШ СВФУ // Эхо арктической одиссеи: судьбы этнических культур в исследованиях ученых-североведов: мат-лы Всеросс. науч.-практ. конф. с междунар. участием, 14–15 нояб. 2019 г. Якутск: Электрон. изд-во НБ РС(Я), 2019. С. 504–508.
- Радлов 1989 — *Радлов В. В.* Из Сибири: страницы дневника. М.: Наука, 1989. 749 с.
- Саввинов 2001 — *Саввинов А. И.* Традиционные металлические украшения якутов XIX – начала XX в. Новосибирск: Наука, 2001. 171 с.
- Саввинов 2018 — *Саввинов А. И.* Этнографические материалы А. А. Саввина: одежда и украшения // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2018. № 2. С. 27–38.
- Сарычев 1889 — *Сарычев Г. А.* Результаты раскопки кургана около г. Якутска: Письмо Сарычева // Известия Восточно-Сибирского отдела Императорского Русского географического общества. 1889. Т. XX. № 2. С. 31–32.
- Серошевский 1993 — *Серошевский В. Л.* Якуты. Опыт этнографического исследования. 2-е изд. М.: Московская типография № 2, 1993. 736 с.
- Стрелов 1938 — *Стрелов Е. Д.* Одежда и украшение якутки в первой половине XVIII в.:

- по археологическим материалам // Советская этнография. 1937. № 2–3. С. 75–99.
- Тимофеев-Терешкин 1915 — *Тимофеев-Терешкин Н. М.* Краткое описание дохристианской могилы якута Эчиэкина // Известия Якутского отдела Русского географического общества. 1915. Т. I. С. 98.
- Токарев 1945 — *Токарев С. А.* Общественный строй якутов XVII–XVIII вв. Якутск: Якутгосиздат, 1945. 412 с.
- Циркумпольная 2009 — *Циркумпольная цивилизация в музеях мира: вчера, сегодня, завтра.* Музеи Республики Саха (Якутия): каталог / сост. А. Н. Решетникова, Е. Н. Колодезникова, Ю. В. Илларионова, Т. Г. Старостина. Якутск: СР НБР Саха, 2009. 128 с.
- Яковлева 2011 — *Яковлева К. М.* Классификация украшений народов алтайской культурной общности: на материале народов Сибири конца XIX – начала XX вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2011. 22 с.
- Яковлева, Прокопьева 2019 — *Яковлева К. М., Прокопьева А. Н.* Типологическая классификация якутского начельника — бастынга // Современная научная мысль. 2019. № 6. С. 186–193.
- Яковлева, Прокопьева 2018 — *Яковлева К. М., Прокопьева А. Н.* Украшения из могильника Ат Дабаан // Проблемы социально-экономического развития Сибири. 2018. № 4 (34). С. 163–167.
- Яковлева, Прокопьева 2020 — *Яковлева К. М., Прокопьева А. Н.* Архаика: украшения якутов XIV–XVIII вв. Якутск: ИД СВФУ, 2020. 80 с.
- Johansen 1954 — *Johansen U.* Die Ornamentik der Jakuten. Wegweiser zur Völkerkunde. Führer durch das Hamburgische Museum für Völkerkunde und Vorgeschichte. H. 3. Hrsg. von Prof. Dr. Franz Termer. Hamburg: Hamburgisches Museum f. Völkerkunde u. Vorgeschichte, 1953. 205 p.
- Turza 1976 — *Turza J.* Die materielle Kultur der Jakuten, dargestellt nach der Sammlung Eugen Alexander und Zuliys Heuss im Linden. Stuttgart, 1976. 182 p.
- Keyser et al. 2015 — *Keyser C., Hollard C., Gonzalez A., Fausser J. L., Crubézy E., Ludes B., Rivals E., Alexeev A. N., Riberon A.* The ancient Yakuts: A population genetic enigma [электронный ресурс] // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. 2015. Vol. 370. Is. 1660. URL: <https://royalsocietypublishing.org/doi/10.1098/rstb.2013.0385> (дата обращения: 20.05.2021). DOI: 10.1098/rstb.2013.0385
- Zvénigorosky et al. 2016 — *Zvénigorosky V., Crubézy E., Gibert M., Thèves C., Hollard C., Gonzalez A., Fedorova S. A., Alexeev A. N., Bravina R. I., Ludes B., Keyser C.* The genetics of kinship in remote human groups // Forensic Science International: Genetics. 2016. Vol. 25. Pp. 52–62.
- Crubézy et al. 2017 — *Crubézy E., Gérard P., Kirianov N., Popov V., Nikolaïeva D., Petit C., Petit M., Romanova L., Keyser C., Ludes B., Melnitchouk O., Bravina R., Alexeev A., Duchesne S.* The Relationship between Archaeology, Genetics, Ethnology and History Reflections on a 2002–2015 Study in Yakutia (1632–1922) // Clashes of Time. The Contemporary Past as a Challenge for Archaeology / ed.: J.-M. Blaising, J. Driessen, J.-P. Legendre, L. Olivier. Louvain: Presses universitaires de Louvain, 2017. Pp. 121–136.
- Crubézy E. et al. The relationship between archaeology, genetics, ethnology and history: Reflections on a 2002–2015 study in Yakutia (1632–1922). In: Blaising J.-M. et al. (eds.) Clashes of Time. The Contemporary Past as a Challenge for Archaeology. Louvain: Presses universitaires de Louvain, 2017. Pp. 121–136. (In Eng.)
- Crubézy E., Alekseev A. (eds.) The World of Ancient Yakuts: An Interdisciplinary Study of Materials Collected by the Sakha-French Archaeological Expedition. Yakutsk: North-Eastern Federal University in Yakutsk, 2012. 226 p. (In Russ.)
- Dyakonova V. P. Old Yakut neck ornaments. In: Collected Papers of the Anthropology and Ethnography Museum. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1958. Vol. XVIII. Pp. 179–186. (In Russ.)

References

- Billings J. About Yakuts: The daily diary of Fleet Captain Joseph Billings. In: Titova Z. D. (comp.) Ethnographic Materials of the North-eastern Geographical Expedition, 1785–1795. Magadan: Magadan Book Publ., 1978. Pp. 19–42. (In Russ.)
- Bravina R. I. et al. The woman's burial of Atlasovskoe-2 of the XVII century in Central Yakutia: Results of a complex research. Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii. 2017. No. 1 (36). Pp. 44–63. (In Russ.)
- Bravina R. I. Yakut Funerary Rites, 18th–19th Centuries. Yakutsk: Yakutsk State University, 1996. 232 p. (In Russ.)
- Bravina R. I., Popov V. V. Funerary and Commemorative Rites of Yakuts: Monuments and Traditions, 15th–19th Centuries. Novosibirsk: Nauka, 2008. 296 p. (In Russ.)

- Gabysheva A. L. Collection of Silver and Metal Items from the National Museum of Art: An Album (Catalogue). Yakutsk: Aprel, 2011. 310 p. (In Russ.)
- Gabysheva A. L. et al. (comps.) Material and Spiritual Culture of Yakutia in Museums of the World, 17th – Early 20th Centuries. Vol. 2. Book 1: Museums of Germany. Catalogue. Yakutsk: Salama, 2018. 784 p. (In Russ.)
- Gavriilyeva R. S. Garments of the Sakha, Late 17th – mid 18th Century. Novosibirsk: Nauka, 1998. 144 p. (In Russ.)
- Georgi J. G. Description of Russia's Peoples, Their Household Rites, Customs, Clothes, Dwellings, Handicrafts, Games, Faiths, and Other Peculiarities. Part Two: Tatar Peoples and Other Yet Unidentified Tribes of Northern Siberia. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1799. 246 p. (In Russ.)
- Gogolev A. I. Archaeological Sites of Late Medieval Yakutia, 14th–18th Centuries. Irkutsk: Irkutsk State University, 1990. 192 p. (In Russ.)
- Gogolev A. I. Peoples of Yakutia: An Ethnic History. Yakutsk: Yakutsk State University, 2004. 104 p. (In Russ.)
- Gogolev A. I. The Yakuts: Issues of Ethnogenesis and Cultural Development Reviewed. Yakutsk: Ilin, 1993. 136 p. (In Russ.)
- Gogolev Z. V. Excavations of 18th century Yakut burials. Trudy Yakutskogo filiala SO AN SSSR. 1958. No. 1/8. Pp. 65–75. (In Russ.)
- Hecker N. L. Three Yakut burials. Izvestiya VSOIRGO. 1896. Vol. XXVI. No. 4–5. Pp. 185–196. (In Russ.)
- Ivanov V. F. Second Kamchatka expedition for the collection of Yakutia's material culture items. In: Humanities Research Development in Yakutia. Collected papers. Novosibirsk: Nauka, 1981. Pp. 39–42. (In Russ.)
- Johansen U. Die Ornamentik der Jakuten. Wegweiser zur Völkerkunde. Führer durch das Hamburgische Museum für Völkerkunde und Vorgeschichte. Vol. 3. F. Termer (ed.). Hamburg: Hamburgisches Museum f. Völkerkunde u. Vorgeschichte, 1953. 205 p. (In Germ.)
- Kaplan N. I. In the land of choron cups and serge hitching posts: Yakut folk decorative art. In: Rainbow on Snow. Moscow: Molodaya Gvardiya, 1972. Pp. 76–96. (In Russ.)
- Keyser C. et al. The ancient Yakuts: A population genetic enigma. Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. 2015. Vol. 370. No. 1660. Available at: <https://royalsocietypublishing.org/doi/10.1098/rstb.2013.0385> (accessed: May 20, 2021). (In Eng.) DOI: 10.1098/rstb.2013.0385
- Khabarova M. V. (comp.) Folk Arts of Yakutia. Leningrad: Khudozhnik RSFSR, 1981. 143 p. (In Russ.)
- Kiryanov N. S. Funerary Rites and Material Culture of Yana-Indigirka Highlanders, 17th–19th Century: A Case Study of Archaeological Materials. Cand. Sc. (History) thesis abstract. Barnaul, 2019. 24 p. (In Russ.)
- Kiryanov N. S. Material' culture of the Verkhoyansk Yakuts of the 18th–19th centuries: Clothing, jewelry, inventory (Based on burial data). Izvestiya of Altai State University. 2017. No. 5 (97). Pp. 203–206. (In Russ.)
- Klyueva N. I., Mikhailova E. A. Plait ornaments among Siberian peoples. In: Material and Spiritual Culture of Siberian Peoples. Collected Papers of the Anthropology and Ethnography Museum. Leningrad: Nauka, 1988. Vol. XLII. Pp. 113–128. (In Russ.)
- Konstantinov I. V. Yakut Material Culture, 18th Century: A Case Study of Burials. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1971. 212 p. (In Russ.)
- Langhans F. J. The Yakuts. Sibirskiy vestnik. 1824. No. 3. Vol. 17/18. Pp. 127–166. (In Russ.)
- Lindenau J. I. Description of Siberia's Peoples, Early to Mid-18th Century: Historical and Ethnographic Materials. Magadan: Magadan Book Publ., 1983. 176 p. (In Russ.)
- Lutsenko Yu. (comp.) Mikhail Nosov. Album (catalogue). Moscow: N. Semenov, 2017. 200 p. (In Russ.)
- Maack R. K. Vilyuysk District. 2nd ed. Moscow: Yana, 1994. 592 p. (In Russ.)
- Middendorf A. T. Travel to Northern and Eastern Siberia. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1878. 242 p. (In Russ.)
- Mikhailova E. A. Removable ornaments of Siberian peoples. In: Ornaments of Siberian Peoples. Collected Papers of the Anthropology and Ethnography Museum. St. Petersburg: Anthropology and Ethnography Museum, 2005. Vol. LI. Pp. 12–119. (In Russ.)
- Miller G. F. History of Siberia. Vol. II. 2nd ed., suppl. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2000. 796 p. (In Russ.)
- Nosov M. M. (comp.) Artistic Household Items of Yakuts, 18th – Early 19th Century. Album. I. Potapov (foreword). Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1988. 103 p. (In Russ.)
- Nosov M. M. Evolution of Yakut garments, late 18th century to 1920s. In: Collected Scholarly Papers of the Yakut Republican Museum of Local History, Lore and Nature. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1957. Vol. II. Pp. 116–152. (In Russ.)
- Novgorodov I. D. Archaeological excavations of the Museum. In: Collected Scholarly Papers of

- the Yakut Republican Museum of Local History, Lore and Nature. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1955. Vol. 1. Pp. 138–162. (In Russ.)
- Okladnikov A. P. History of the Yakut ASSR. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1955. Vol. I. 432 p. (In Russ.)
- Okladnikov A. P. History of the Yakut ASSR. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1957. Vol. II. 419 p. (In Russ.)
- Okladnikov A. P. History of the Yakut ASSR. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1963. Vol. III. 364 p. (In Russ.)
- Osipov A. N. (ed.) Issues of Yakutia's Applied Arts. Collected scholarly papers. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1984. 104 p. (In Russ.)
- Pekarsky E. K. A Dictionary of Yakut. Vols. 1–3. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1959. 3858 cols. (In Yak. and Russ.)
- Petrova S. I. Traditional Garments and Worldviews of Our Ancestors. Yakutsk: Bichik, 1999. 79 p. (In Russ.)
- Petrova S. I. Yakut Wedding Rites: Traditions and Reconstruction. Novosibirsk: Nauka, 2006. 104 p. (In Russ.)
- Petrova S. I., Prokopieva A. N., Kiryanov N. S. Experience of reconstruction of Yakut women's clothing of the 17th–18th centuries (Based on the materials of At-Daban (At-Byran) VI burial). Nauchnyi Dialog. 2020. No. 3. Pp. 370–384. (In Russ.)
- Petrova S. I., Zabolotskaya Z. M. Yakut National Costume: Historical, Ethnographic, and Artistic Features Reviewed. Novosibirsk: Nauka, 2013. 207 p. (In Russ.)
- Prokopieva A. N. Museum of Anthropology, Ethnography, and Higher Education (North-Eastern Federal University): One 18th century head ornament analyzed. In: The Echo of Arctic Odysseys. Destinies of Ethnic Cultures in Studies of North Explorers. Conference proceedings (Yakutsk; November 14–15, 2019). Yakutsk: Sakha (Yakutia) National Library, 2019. Pp. 504–508. (In Russ.)
- Radlov V. V. From Siberia: Pages of the Diary. Moscow: Nauka, 1989. 749 p. (In Russ.)
- Reshetnikova A. N. et al. (comps.) Circumpolar Civilization in Museums of the World: Past, Present, Future. Museums of the Sakha Republic (Yakutia). Catalogue. Yakutsk: Sakha (Yakutia) National Library, 2009. 128 p. (In Russ.)
- Sarychev G. A. Results of excavations at the mound of Yakutsk: Sarychev's letter. Izvestiya VSOIRGO. 1889. Vol. XX. No. 2. Pp. 31–32. (In Russ.)
- Savvinov A. I. Savvin's ethnographic materials: Clothing and jewelry. North-Eastern Journal of Humanities. 2018. No. 2. Pp. 27–38. (In Russ.)
- Savvinov A. I. Yakut Traditional Metal Ornaments, 19th – Early 20th Centuries. Novosibirsk: Nauka, 2001. 171 p. (In Russ.)
- Seroshevsky V. L. The Yakuts: An Ethnographic Study. 2nd ed. Moscow: Moskovskaya Tipografiya No. 2, 1993. 736 p. (In Russ.)
- Strelov E. D. Garments and ornaments of Yakut women, early to mid-18th century: Analyzing archaeological materials. Sovetskaya etnografiya. 1937. No. 2–3. Pp. 75–99. (In Russ.)
- Timofeev-Tereshkin N. M. Pre-Christian burial of one Yakut named Echiekin: A brief description. Izvestiya YaORGO. 1915. Vol. I. P. 98. (In Russ.)
- Tokarev S. A. Social Structure of Yakuts, 17th–18th Centuries. Yakutsk: Yakutgosizdat, 1945. 412 p. (In Russ.)
- Turza J. Die materielle Kultur der Jakuten, dargestellt nach der Sammlung Eugen Alexander und Zuliys Heuss im Linden. Stuttgart, 1976. 182 p. (In Germ.)
- Unarova Z. I. (comp.) Material and Spiritual Culture of Yakutia in Museums of the World, 17th – Early 20th Centuries. Vol. 1: Siberian Collection in U.S. Museums. Yakutsk: Bichik, 2017. 784 p. (In Russ.)
- Yakovleva K. M. Classifying Ethnic Ornaments of Altaic Cultural Community: A Case Study of Siberian Peoples, Late 19th – Early 20th Century. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Ulan-Ude, 2011. 22 p. (In Russ.)
- Yakovleva K. M., Prokopieva A. N. Jewelry from the burial At Dabaan. Issues of Social – Economic Development of Siberia. 2018. No. 4 (34). Pp. 163–167. (In Russ.)
- Yakovleva K. M., Prokopieva A. N. The Antiques: Yakut Jewelry, 14th–18th Centuries. Yakutsk: North-Eastern Federal University in Yakutsk, 2020. 80 p. (In Russ.)
- Yakovleva K. M., Prokopieva A. N. Typological classification of Yakut head rest — bastyn-ga. Modern Scientific Thought. 2019. No. 6. Pp. 186–193. (In Russ.)
- Zvénigorosky V. et al. The genetics of kinship in remote human groups. Forensic Science International: Genetics. 2016. Vol. 25. Pp. 52–62. (In Eng.)
- Zykov F. M. Yakut Jewelry. Yakutsk: Yakutsk Book Publ., 1976. 64 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 14, Is. 6, pp. 1303–1312, 2021
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.512.37

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1303-1312

Графо-фонетические особенности имени Аюки-хана (на материале калмыцких деловых писем XVII–XVIII вв.)

Дарья Бадмаевна Гедеева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0002-8735-9184. E-mail: dgedeeva@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Гедеева Д. Б., 2021

Аннотация. *Введение.* Данная статья посвящена графо-фонетическим особенностям и происхождению имени известного калмыцкого хана Аюки (1642–1724 гг.). Архивные документы, в частности многочисленные деловые письма на калмыцком языке, свидетельствуют о том, что в XVII–XVIII вв. у калмыков, проживавших на территории России, были популярны личные имена санскритского и тибетского происхождения. Вместе с буддизмом, пришедшим из Индии и Тибета, калмыками был воспринят в основном из письменных источников большой пласт антропонимов, связанных с именами божеств, сакральных символов, философских понятий, ритуальных предметов и т. д. Эти имена, отражающие духовные и ценностные запросы народа, активно используются калмыками и в настоящее время. Антропонимия письменного калмыцкого языка XVII–XVIII вв. остается неизученной областью калмыцкой лексикологии. В этой связи исследование даже одного заимствованного антропонима, на наш взгляд, является весьма актуальным. *Целью* данной статьи является графо-фонетический анализ имени калмыцкого хана Аюки и определение его происхождения. *Материалом* исследования послужили деловые письма хана, направленные представителям российской власти и самому царю и императору Петру I в период 1685 по 1724 г. Материалы взяты из фондов Российского государственного архива древних актов (г. Москва) и Национального архива Республики Калмыкия (г. Элиста). *Выводы.* Исследование имени хана показало, что оно имеет санскритское происхождение и в документах писалось в виде транслитерации буквами алфавита Али-гали, а произносилось в калмыцкой среде в тибетском его варианте.

Ключевые слова: Аюка хан, эпистолярные документы, калмыцкое письмо, санскрит, тибетское письмо, алфавит Али-гали, висарга, диакритический знак

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Устное и письменное наследие монгольских народов России, Монголии и Китая: трансграничные традиции и взаимодействия» (номер госрегистрации: АААА-А19-119011490036-1).

Для цитирования: Гедеева Д. Б. Графо-фонетические особенности имени Аюки-хана (на материале калмыцких деловых писем XVII–XVIII вв.) // Oriental Studies. 2021. Т. 14. № 6. С. 1303–1312. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1303-1312

Graphophonic Features of Khan Ayuka's Name: A Case Study of 17th–18th Century Kalmyk Official Letters

Daria B. Gedeeva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate
 0000-0002-8735-9184. E-mail: dgedeeva@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Gedeeva D. B., 2021

Abstract. Introduction. This article discusses the graphemic and phonemic features, as well as the origin of the name of the famous Kalmyk Ayuka Khan (1642–1724). Archival documents, namely, numerous official letters in the Kalmyk language indicate that in the 17th–18th centuries personal names of Sanskrit and Tibetan origin were popular among the Kalmyks of Russia. A large layer of anthroponyms associated with the names of deities, sacred symbols, philosophical concepts, ritual objects, etc. were borrowed by them via Sanskrit and Tibetan written sources, with the spread among them of Buddhist teachings; and most of these items that belong to the spiritual sphere of the people are still in active use. While the anthroponymy of the written Kalmyk language of the period in question has been little discussed, the study of a particular borrowed anthroponym, in my opinion, is of much relevance. This article *aims* to analyze the name ‘Ayuka’ in terms of its graphemic and phonemic composition, as well as its origin. *The study's database* comprises Ayuka Khan's official letters sent to Peter I, as well as to the officials of the Russian government in the period between 1685 and 1724; the documents are part of the collections of the Russian State Archive of Ancient Acts (Moscow) and the National Archives of the Republic of Kalmykia (Elista). **Conclusions.** The study shows that the Khan's name is of Sanskrit origin; in the documents, it was transliterated using the symbols of the Galik script and was pronounced in the Kalmyk environment in its Tibetan version.

Keywords: Ayuka Khan, epistolary documents, Kalmyk script, Sanskrit script, Tibetan script, Galik script, visarga, diacritical mark

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. AAAA-A19-119011490036-1 ‘Oral and Written Heritage of Mongolic Peoples of Russia, Mongolia and China: Cross-Border Traditions and Interactions’.

For citation: Gedeeva D. B. Graphophonic Features of Khan Ayuka's Name: A Case Study of 17th–18th Century Kalmyk Official Letters. *Oriental Studies*. 2021; 14 (6): 1303–1312. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1303-1312

Введение

В российских архивах, в том числе и Национальном архиве Республики Калмыкия, хранится большое количество деловых документов на калмыцком языке, являющихся памятниками калмыцкой деловой письменности XVII–XIX вв.¹ В основном это эпи-

столярные тексты, написанные калмыцкими ханами, нойонами, зайсангами, судьями, на калмыцком языке национальным вертикальным письмом «тодо үзүг» («ясное письмо»), функционировавшим у волжских калмыков с 1648 г. по 1924 гг. Документы, адресантами которых являются представители калмыцкой знати, сохранились в российских архивах, поскольку были адресованы представителям российской администрации.

¹ Под калмыцкой деловой письменностью мы понимаем деловые документы, написанные

буддийскими священнослужителями. Деловые письма были направлены в свое время представителям российской власти в целях решения политических, военных, судебных и хозяйственных вопросов.

Особое место среди них занимают письма известного калмыцкого предводителя — Аюки-хана (1642–1724 гг.), вошедшего в историю как символ крепкой власти и военной славы калмыцкого народа в период Калмыцкого ханства (сер. XVII в. – 1771 г). О его государственной, военно-политической деятельности много написано учеными в рамках исследований истории кочевого народа на завоеванной ими европейской территории [Бакунин 1995; Митиров 1998; Батмаев 1993].

В 2018 г. вышла специальная монография, посвященная жизни и деятельности Аюки-хана. Автор В. Т. Тепкеев провел комплексное исследование исторического периода правления Аюки-хана, когда Калмыцкое ханство играло заметную роль в международных делах в Восточной Европе и Центральной Азии [Тепкеев 2018].

В письмах хана отражена историческая эпоха, когда Россия благодаря Петру I трансформировалась. Вместе с этим в эпистолярных документах имеются интересные сведения о жизни кочевых калмыков: их нравственных ценностях, культурных традициях, государственной политике, судебной практике, хозяйственном укладе.

Его письма интересны не только как исторические тексты, но и как лингвистические источники, зафиксировавшие грамматический строй калмыцкого языка того времени. Интересен также лексический состав, включающий в себя широкий круг топонимов, этнонимов, антропонимов, создающих ономастическое пространство в системе старописьменного калмыцкого языка.

О происхождении калмыцких имен

В данной статье мы обратились к одному из объектов исторической антропоники — имени хана Аюки по материалам его делового эпистолярия.

Антропонимия делового старописьменного калмыцкого языка указанного периода остается малоизученной областью исторической лексикологии. В данной области представлены только статьи Г. М. Ярмаркиной, в которой автор исследует калмыцкие имена в оригинальных письмах и их рус-

ских переводах 1714 г., и В. В. Батырова, где исследователь рассматривает антропонимы нойонов в XIX в. [Ярмаркина 2020; Батыров 2004].

По антропонимикону современного калмыцкого языка, основной пласт которого состоит из традиционных имен прошлых столетий, имеется ряд трудов калмыцких ученых. Основные исследования по систематизации антропонимического фонда, составлению словаря, толкованию значений имен принадлежат калмыцкому исследователю М. У. Монраеву [Монраев 2012; Монраев 1984].

К вопросам калмыцкой антропоники обращались также Р. Л. Сельвина, Э. У. Омакаева, Б. А. Шантаев и др. [Сельвина 1983; Омакаева 2008; Шантаев 2010]. Но в большинстве случаев исследователи писали о личных именах в связи с описанием родильного обряда и обряда имянаречения.

Поводом для написания данной статьи явилась ошибочная, на наш взгляд, трактовка значения имени Аюки-хана в научной литературе и средствах массовой информации¹ [Монраев 2012; Ярмаркина 2020].

Происхождение имени *Аюка* исследователь М. У. Монраев выводит из тюркского слова *аю* ‘медведь’ и калмыцкого уменьшительно-ласкательного суффикса *-ка*, что в переводе означает ‘медвежонок’ [Монраев 2012: 72, 233].

Исследователь Г. М. Ярмаркина делает вывод, что имя *Аюка* со значением ‘медвежонок’ омонимично имени *Аюка*, связанного с именем божества долголетия Амитаюса [Ярмаркина 2020: 500].

В средствах массовой информации, в частности в Википедии, на просторах интернета публикуются статьи, в которых утверждается, что имя хана — это санскритское имя божества долголетия Аюш (Амитаюс), а Аюка — «было ошибкой прочтения его имени с Тодо-бичиг»². Не соглашаясь с данными исследованиями, мы постарались провести графо-фонетический анализ ханского имени и показать его настоящее значение.

¹ К примеру, в Википедии статья о хане Аюке: см. Аюка [электронный ресурс] // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Аюка> (дата обращения: 09.06.2021).

² См.: Аюка [электронный ресурс] // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Аюка> (дата обращения: 09.06.2021).

Имя *Аюка* популярно у современных калмыков. Однако следует заметить, что функционирование этого имени в калмыцкой антропонимике наблюдается только в последние двадцать–тридцать лет. Это можно объяснить уходом старшего поколения, следившего за соблюдением народной традиции имянаречения, при которой детей не называли именами своих ханов, нойонов, зайсангов, священнослужителей — людей высокого ранга, поскольку существовало культурное табу на их имена. Табуирование имен исторических личностей можно заметить и по отсутствию калмыцких фамилий, образованных от имен ханов — *Аюка*, *Церен-Дондук*, *Дондук-Омбо*, *Дондук-Даши*.

Архивные документы, в частности договоры, реестры, дорожные грамоты, вольные грамоты, а также многочисленные эпистолярные документы на калмыцком языке свидетельствуют о том, что в XVII–XVIII вв. у калмыков, проживавших на территории России, были популярны имена санскритского и тибетского происхождения. Распространение буддизма среди калмыков оказало ощутимое влияние на их язык. Санскритские и тибетские слова входили в язык вместе с новой жизненной философией, названиями божеств, литературными и сказочными героями, ритуалами и обрядами, календарным летоисчислением и т. д. Они прочно вошли в активный фонд калмыцкого языка и уже несколько столетий функционируют в составе лексики, отражающей духовную и материальную культуру калмыцкого народа.

О функционировании санскритских и тибетских слов в современном и старописьменном калмыцком языке в свое время писали Ц.-Д. Номинханов, Э. Ч. Бардаев, В. О. Поляев [Номинханов 1967; Номинханов 1975; Бардаев 1983; Поляев 1980].

Особое место в заимствованной из этих языков лексике занимают антропонимы. Эта лексическая группа калмыцкого языка с принятием буддизма качественно изменилась. Если согласно народной традиции имя новорожденному давалось родителями или старшим и уважаемым в роду человеком по обстоятельствам и времени (*Нүүдл(э)* ‘кочевка’, *Хавр(а)* ‘весна’, *Намр(а)* ‘осень’) или обозначали род занятия (*Үкрч* ‘пастух’, *Хөөч* ‘чабан’), названия животных (*Ноха* ‘собака’, *Һаха* ‘свинья’, *Така* ‘курица’), чис-

ла (*Тавн* ‘пять’, *Йисн* ‘девять’), цвет (*Цаһан* ‘белый’, *Улан* ‘красный’), то с принятием буддизма имя чаще всего нарекалось священнослужителем в соответствии с буддийской астрологией. Давались имена высшего порядка — в честь божеств (*Санджи* ‘Будда’, *Аюш* ‘Амитаюс’), буддийского Учения (*Дарма* ‘Учение’), сакральных символов (*Дорджи*, *Баазр*, *Очр* ‘ваджра’, *Бадма* ‘лотос’, *Джунгру*, *Зунгру* ‘свастика’), названий планет (*Нима* ‘солнце’, *Дава* ‘луна’, *Мигмар* ‘Марс’) и т. д.

В текстах деловых писем имена отражены в двух вариантах: устном, как человека называли в жизни, и в виде транслитерации этого же имени с исконного языка буквами алфавита *Али-Гали*: *Дондук* и *Донгрупп*, *Чакдоржаб* и *Цагдор Сгйаб*, *Дондук-Даши* и *Донгрупп Раши*, *Дондук-Омбо* и *Донгрупп Дбаппо*.

Алфавит Али-гали и имя Аюка в текстах деловой письменности XVII–XVIII вв.

Алфавит *Али-гали* использовался при переводе буддийских канонических текстов с санскрита и тибетского на монгольский язык, при решении вопросов транскрипции иноязычных слов. Задачу передачи иноязычных звуков в свое время решил известный переводчик Аюши-гуши, который создал соответствующие монгольские буквы с тибетским значением. Он составил транскрипционный алфавит *Али-Гали* или, по-другому, *галик* «в 1587 году на харачинской земле по побуждению и с помощью третьего далай-ламы, в связи с новым монгольским переводом, точнее переделкой ”устаревшей“ монгольской версии ”Книги пяти покровителей“» [Кара 1972: 74]. Здесь имеется в виду перевод с тибетского языка санскритского сочинения «Панчаракша», выполненный известным переводчиком Шарав Сенге. Дьёрдь Кара пишет, что «сложная задача согласования не соответствующих друг другу фонетических и графических систем получила блестящее решение, можно сказать, на современном мировом уровне» [Кара 1972: 75].

Ойратский просветитель рабджамба Зая-пандита перевел на ойратский язык сочинение *olon nomiyin ündüsün üzügiiyin ilʔal orošiboi* («Разъяснения тантристских букв в многочисленных сочинениях»), посвященное алфавиту *Али-гали*, в колофоне кото-

рого он сообщает, что перевел по просьбе Аюши.

Об алфавите *Али-гали* или, как его часто называют, галик в современной научной литературе сказано немало. Так, о происхождении этого алфавита подробно написано венгерским ученым Дьёрдем Кара в его известном труде «Книги монгольских кочевников» [Кара 1972].

Использованию галиков в ойратском письме *тодо бичиг* посвящена специальная монография *todo galiq üsüq-ün sudulul* («Исследования букв „Тодо галик“») китайского ученого Т. Теребату, которая была издана в 2014 г. [Теребату 2014].

В 2018 г. в Улан-Баторе вышел «Тод үсгийн сурах бичиг» («Учебник Тодо үзүг») монгольского автора Ху. Бямбажав, в котором он наглядно представил таблицы с галиками [Бямбажав 2019].

В калмыцких изданиях, таких как учебник «Солынһы» («Радуга») Н. Содмона [Содмон 1999] и «Практический самоучитель старокалмыцкой письменности» А. В. Бадмаева, галики подробно не рассматриваются, но представлены некоторые его буквы [Бадмаев 1971].

В учебнике «Тодо бичиг» Д. А. Павлова, наиболее полном и объемном в плане грамматики и текстов для чтения, алфавит *Али-гали* не приводится [Павла 1979].

Таким образом, Зая-пандита использовал в переводах канонических текстов с санскрита и тибетского языка буквы алфавита Али-гали. Соответственно личные имена также писались галиками, в частности в имени хана Аюки *ā yuḥ še* в его эпистолярных текстах используются буквы этого алфавита.

Для фонетико-графического анализа ханского имени нами были рассмотрены

около 200 писем с 1685 по 1724 г. Почти все они начинаются с этикетной фразы, характерной для его писем: *bida ā yuḥ še xān ende bida бүгүдэр мөндү* «Мы, Аюка хан, здесь со всеми здоровы». В этих многочисленных письмах имя его писалось в нескольких вариантах: *ā yu še, ā you še, a yu še, ayou še, āḥ yu še, ā yuḥ še, a you še* (фото 1).

Это объясняется тем, что письма писались не самим Аюкой, а его писцами, причем не одним, а в разные периоды разными, что видно по почеркам писем. Вероятно, передача иноязычных звуков знаками галик была усвоена не всеми знатоками письменности того времени, поэтому наблюдался некоторый разнобой. Об этом пишет и Д. Кара: «... писцы были знакомы со «святыми» языками не всегда в достаточной мере, поэтому иноязычные слова и собственные имена появлялись в самых пестрых письменных вариантах» [Кара 1972: 75].

Для анализа графо-фонетических особенностей имени Аюка следует взять за образец вариант *ā yuḥ še*, используемый в колофоне вышеназванного сочинения Зая-пандиты, где указано имя заказчика перевода Аюши (фото 2).

Этот вариант имени наиболее верный, поскольку находится в тексте самого Зая-пандиты [Теребату 2014: 155]. Имя пишется, за редким исключением, в виде трех слогов. Гласная *ā* в начале слова долгая, имеет знак долготы. После второго отрывного слога *yu* пишется диакритический знак *visarga* в виде двух вертикальных кружков, передающий на письме придыхание в индийских системах языка. В санскритском и тибетском горизонтальных письмах знак пишется с правой стороны от буквы. В вертикальном письме *тодо бичиг* он пишется

Фото 1. Варианты написания имени Аюки-хана с использованием букв алфавита Али-гали

[Photo 1. Graphic variants of Khan Ayuka's name with Galik characters]

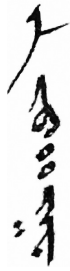

Фото 2. Написание имени Аюка в переводном сочинении Зая-пандиты «Разъяснение тантристских букв в многочисленных сочинениях». *Текст сочинения Зая-пандиты содержится в вышеуказанной

монографии Т. Теробату [Теробату 2014: 155]

[Photo 2. Graphic variant of Khan Ayuka's name in *The Explanation of Tantric Characters across Multiple Writings* translated by Ven. Zaya Pandita]

под буквой (фото 2). В некоторых письмах *visarga* находится под буквой *ā* (фото 1).

В книге «*todo galiq üsüq-ün sudulul*» («Исследования букв „Тодо галик“») Т. Теробату пишет об этом знаке следующее: «*wisarga geqci-ni xamug-un segül-un türültetü abiy-a gesen ixa-a tai .. ene-ni egesiq abay-a-yi dagaldun egeskü nige züyil-un šürgükü abiy-a mün gen-e .. tegün-i latin haliq-yiar h gejü temdegledeq* ‘Висарга — это последний тональный звук. Это тип вибрирующего (трущегося) тона, который сопровождает гласные звуки. Его в латинской транслитерации отмечают как *h*’ [Теробату 2014: 22].

А. А. Бобровников в свое время в «Грамматике монгольско-калмыцкого языка» писал об этом знаке так: «Буква *х*, выражаемая значком 8, называемом *висарга*, произносится как легкое придыхание (лат. *h*)» [Бобровников 1849: 383]. Таким образом, данный знак в имени *Аюка* передает звук, характерный для санскритского произношения. Последний слог имени является галиком, передающим санскритский слог *še*. Таким образом, имя читается как *Аюше*. Почему же в таком случае калмыцкого хана в исторических источниках называют Аюкой? Дело в том, что специальный галик, передающий санскритское *še* читается как тибетское *kha*, санскритское имя *Аюше* идентично тибетскому *Аюка*. Об этом свидетельствует колофон сочинения «Разъяснение тантристских букв в многочисленных сочинениях», переведенного Зая-пандитой, где указывается санскритское имя заказчика перевода — Аюши [Теробату 2014: 155], совпадающее с написанием имени калмыцкого хана *ā yuḥ še*, а рядом дается его тибетская транскрипция: *a yu kha* (фото 3).

Вероятно, в официальных письмах употреблялось его санскритское имя Аюше (Аюш), а в жизни использовалось тибетское Аюка. В нескольких письмах он назы-

вает себя Аюкой, и имя пишется калмыцкими буквами без галиков: *ayouke*, *ayouki* и *ayouka* (фото 4). Здесь следует отметить, что конечная гласная буква в вариантах имени пишется без знака долготы, и это означает, что в устной форме имя должно произноситься как Аюк [айуук], с неясной гласной после согласного звука *к*. Однако русские документы донесли это имя нам как Аюка, соответствующее письменному варианту.

Так, в переводе одного из писем читаем: «1722 г. февраля в 9 день явился в Астрахани в губернской канцелярии от калмыцкого хана Аюки посланец калмычанин денщик и подал лист калмыцкого письма, в котором попереводу написано...» [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 10. Л. 45].

Калмыцкие летописцы XIX в. также называют его Аюкой (от Аюка, а не от Аюк), как и в русских документах. В качестве примера приведем известное изречение хана, которое донес до нас летописец Эмч Габанг Шарап: *ayoukā xāni zarliq nada adali kümün burxani šaḡi ebdekü teyimi sanān törökünē nomiyin sakousun zürekei mini ötör suḡul giḡi zalbardaq* ‘Слова Аюки хана: «Люди, подобные мне, в своих молитвах произносят такие слова: «Если у меня появится мысль навредить религии Будды, то, Защитники Учения, тотчас вырвите мое сердце»’ [Габанг Шарап 1967: 82].

Таким образом, возвращаясь к происхождению имени *Аюка*, можно сделать вывод, что оно имеет не тюркское, а санскритское происхождение и означает имя божества долголетия Аюши (Амитаюса, Амитабхи). Оно также не является результатом неправильного прочтения русских переводчиков, как это утверждает Википедия¹.

¹ См.: Аюка [электронный ресурс] // URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Аюка> (дата обращения: 09.06.2021).

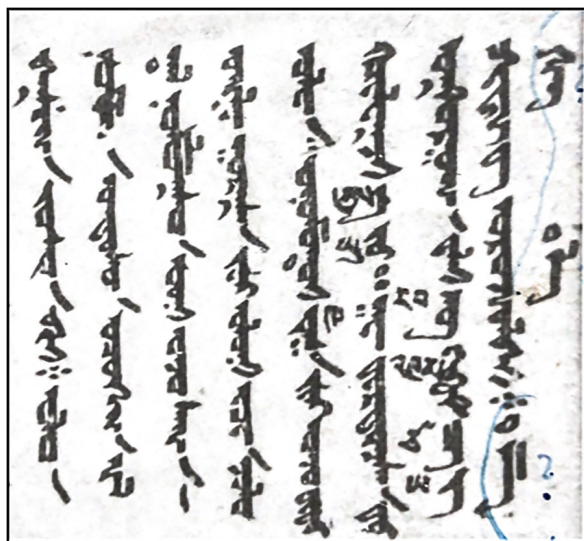

Фото 3. Колофон сочинения «Разъяснения тантристских букв в многочисленных сочинениях»
[Photo 3. Colophon to *The Explanation of Tantric Characters across Multiple Writings*]

О титуле хан в письмах Аюки-хана

В эпистолярной калмыцкой ханской традиции наблюдается интересный факт, когда титул хан имеет различное написание в зависимости от того, кому он принадлежит. О различном графическом написании титула в письмах Аюки-хана в свое время нами была

написана статья [Гедеева 2001]. Поскольку опубликована она была давно, позволю себе напомнить еще раз об этом интересном языковом факте. Дело в том, что в вертикальном письме калмыков *тодо бичиг* встречаются два вида написания титула хан: с долгой гласной (*xān*) и с краткой гласной (*xan*),

Фото 4. Варианты имени Аюка без букв алфавита Али-гали
[Photo 4. Graphic variants of Khan Ayuka's name without Galik characters]

что отражает различие в их значениях. Слово *xān* (соответствует старопис. монг. *xagan*) означает 'великий хан, монарх', а *xan* — 'малый хан, удельный князь'.

В письмах, адресованных российской администрации и самому императору, Аюка называет себя *ā yuḥ še xān*, а Петра I — *yeke saγān xan*. То есть себя, в отличие от Петра I, он относит к категории великих монгольских ханов, которые древнее и знатнее русских царей. Примечательно, что при этом приветственная фраза в его письмах к императору соответствует дипломатическо-

му этикету и в них нет никаких намеков на его превосходство.

Монголовед Д. Кара в 1974 г., исследуя письма Джунгарского хана Галдан Бошогту 1691 г., в котором он обращается за помощью к русскому царю в борьбе с монгольским ханом Очрт, обратил внимание на то, что Галдан хан называет себя и монгольского хана хаганом, а русского царя — ханом. Ученый делает вывод, что данный факт является выражением превосходства ойратского хана над русским царем [Кара 1974: 113].

Такое же обращение монгольского Алтын-хана к русскому царю Алексею Михайловичу зафиксировано в письме 1665 г. Н. П. Шастина в своей статье об этом письме комментирует этот факт так: «Московского царя Лубсан-тайчжи называет „белый хан“, а себя величает „Алтан хаган“. Сопоставление этих двух терминов „хан“ и „хаган“ не случайно. Лубсан хочет показать, что он выше, знатнее, т. к. „хаган“ более почетный титул, чем «хан» [Шастина 1949: 391].

Такое отношение можно объяснить тем, что монголы и ойраты в своих летописях свои родословные вели от индийских и тибетских царей. А также они относили себя к потомкам великого полководца Чингис хана [Балданжапов 1970: 90].

Выводы

Исследование показало, что калмыцкие антропонимы XVII–XVIII вв. являются ценным лингвистическим источником, свидетельствующим о влиянии письменных культур Индии и Тибета на письменность калмыков. В заимствованных именах отразилась буддийская культура, которая в свое время была принята калмыками и вошла в их жизнь настолько органично, что в насто-

ящее время она воспринимается как своя национальная. Графо-фонетический анализ имени Аюки-хана показал, что имя имеет санскритское происхождение и пишется как Аюше и для его обозначения на калмыцком письме использовались буквы алфавита Али-Гали. В жизни имя произносилось как Аюка, что подтверждается письмами, текстами русских переводчиков и историческими летописями. В этом звучании имя дошло и до наших дней. Встречающееся иногда написание имени не галиками, а калмыцкими буквами наталкивает на мысль, что имя в калмыцкой речи произносилось как Аюк, а вариант Аюка в русских документах соответствуют письменной версии.

Употребление в ханских письмах названия титула хан в различных значениях свидетельствует о соответствующем восприятии калмыков себя в историческом пространстве. Несмотря на свою малочисленность, калмыцкий народ, находясь вдали от исторической родины, своих соплеменников, духовных учителей, в окружении народов, чуждых им по языку и религии, помнили о своей причастности к общемонгольской истории и ее духовной культуре.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Литература

- Бадмаев 1971 — Бадмаев А. В. Практический самоучитель старокалмыцкой письменности. Элиста: КНИИЯЛИ, 1971. 108 с.
- Бакунин 1995 — Бакунин В. М. Описание калмыцких народов, а особливо из них торговца, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 151 с.
- Балданжапов 1970 — Балданжапов П. Б. Altan Tobči. Монгольская летопись XVIII в. Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1970. 415 с.
- Бардаев 1983 — Бардаев Э. Ч. Заимствованная лексика в калмыцком языке // Монголо-ведные исследования. Элиста: КНИИИФЭ, 1983. С. 37–53.
- Батмаев 1993 — Батмаев М. М. Калмыки в XVII–XVIII веках. События, люди, быт. В 2 кн. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1993. 381 с.
- Батыров 2004 — Батыров В. В. Антропонимы калмыцких нойонов в XIX в. // Ономастика Поволжья: мат-лы IX междунар. конф. по ономастике Поволжья (г. Волгоград, 9–12

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.

- сентября 2002 г.) / отв. ред.: Р. Ш. Джарылгасинова, В. И. Супрун. М.: Институт этнологии и антропологии, 2004. С. 115–119.
- Бобровников 1849 — Бобровников А. А. Грамматика монголо-калмыцкого языка. Казань: Университетская тип., 1849. 383 с.
- Габанг Шараб 1967 — Габанг Шараб. dörbön oyiradiyin töüke // Biography of Caya Pandita in oirat characters. Corpus scriptorium mongolorum. Instituti linguae et litteraturae Academiae scientiarum Republicae Populi Mongolici. Т. 5. Ulanbator: ШУАХ, 1967. X. 74–98.
- Гедеева 2001 — Гедеева Д. Б. О письмах калмыцкого хана Аюки // Российское монголоведение. Бюллетень V. М.: ИВ РАН, 2001. С. 208–213.
- Кара 1972 — Кара Д. Книги монгольских кочевников: семь веков монгольской письменности. М.: ГРВЛ, Наука, 1972. 229 с.
- Кара 1974 — Кара Д. Поправки к чтению ойратских грамот 1691 г. // Исследования по восточной филологии. М.: Наука, 1974. С. 111–118.

- Митиров 1998 — Митиров А. Г. Ойраты-калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 383 с.
- Монраев 2012 — Монраев М. У. Калмыцкие личные имена (семантика). Изд. 3-е, перераб. и доп. Элиста: ИД «Герел», 2012. 255 с.
- Монраев 1984 — Монраев М. У. Калмыцкие личные имена: [словарь-справочник]. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1984. 96 с.
- Номинханов 1967 — Номинханов Ц.-Д. Тибетские и санскритские лексические элементы в калмыцком языке // Ученые записки Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. 5. Серия филологическая. Элиста: КНИИЯЛИ, 1967. С. 155–160.
- Номинханов 1975 — Номинханов Ц.-Д. Материалы к изучению истории калмыцкого языка. М.: ГРВЛ, Наука, 1975. 324 с.
- Омакаева 2008 — Омакаева Э. У. Триада «язык – культура – этнос» сквозь призму антропонимии: калмыцкие личные имена в контексте буддийской культуры // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. № 2. 2008. С. 62–67.
- Павла 1979 — Павла Д. Тодо бичиг. Хальмг хуучн бичмр келн («Ясное письмо». Старописьменный калмыцкий язык). Элст: Хальмг дэгтр харнач, 1979. 239 х.
- Поляев 1980 — Поляев В. О. Тибетские и санскритские лексические элементы в языке эпоса «Джангар» // «Джангар» и проблемы эпического творчества тюрко-монгольских народов: мат-лы Всесоюз. науч. конф. (г. Элиста, 17–19 мая 1978 г.). М.: Наука, 1980. С. 344–346.
- Сельвина 1983 — Сельвина Р. Л. Отражение древней числовой символики в калмыцкой антропонимике // Ономастика Калмыкии. Элиста: КНИИИФЭ, 1983. С. 73–84.
- Содмон 1999 — Содмон Намжавин. Солынһы. Элст: Хальмыг дэгтер харнач, 1999. 142 с.
- Тепкеев 2018 — Тепкеев В. Т. Аюка хан и его время. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 366 с.
- Шантаев 2010 — Шантаев Б. А. Некоторые особенности соотношения калмыцких этнонимов и антропонимов // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2010. № 2 (21). С. 162–163.
- Шастина 1949 — Шастина Н. П. Алтын-ханы в Западной Монголии в XVII в. // Советское востоковедение. VI. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. С. 383–395.
- Ярмаркина 2020 — Ярмаркина Г. М. Антропонимы в письмах хана Аюки и их русских переводах: предварительный анализ // Монголоведение. 2020. Т. 12. № 3. С. 497–508. DOI: 10.22162/2500-1523-2020-3-497-508
- Бямбажав 2019 — Хөхийн Бямбажав. Тод үсгийн сурах бичиг (= Учебник по «Тодо үзүг»). Улаанбаатар: Соёмбо принтинг, 2019. 128 х.
- Төрөбату 2014 — Тариягчийн Төрөбату. тодо галиг үзүг-үн судул (Исследование букв тодо-галик). Хухэ-Хото: Öbör mongyol-un arad-un keblel-ün хуриге. (= Государственный Издательский дом Внутренней Монголии), 2014. 159 с.

References

- Badmaev A. V. Old Written Kalmyk (Clear Script): A Self-Instruction Guide. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1971. 108 p. (In Russ.)
- Bakunin V. M. Description of the Kalmyk Peoples, in Particular, Torgout People, and Deeds of Their Khans and Landlords (1761). Elista: Kalmykia Book Publ., 1995. 151 p. (In Russ.)
- Baldanzhapov P. B. Altan Tobči: An 18th Century Mongolian Chronicle. Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1970. 415 p. (In Russ.)
- Bardaev E. Ch. Loanwords in Kalmyk. In: Mongolian Studies. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1983. Pp. 37–53. (In Russ.)
- Batmaev M. M. The Kalmyks, 17th–18th Centuries: Events, Personalities, Household Life. In 2 vols. Elista: Kalmykia Book Publ., 1993. 381 p. (In Russ.)
- Batyrov V. V. Anthroponyms of Kalmyk landlords, 19th c. In: Dzhyrylgasynova R. Sh., Suprun V. I. (eds.) Onomastics of the Volga Region. Conference proceedings (Volgograd; September 9–12, 2002). Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology (RAS), 2004. Pp. 115–119. (In Russ.)
- Bobrovnikov A. Grammar of Kalmyk Mongolian. Kazan: Imperial Kazan University, 1849. 383 p. (In Russ.)
- Byambajav Kh. A Coursebook in Clear Script. Ulaanbaatar: Soembo Printing, 2019. 128 p. (In Mong.)
- Gabang Sharab. Dörbön Oyiradiyin Töüke: A History of the Four Oirats. In: Biography of Caya Pandita in Oirat Characters. Ser. 'Corpus Scriptorium Mongolorum'. Vol. 5. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1967. Pp. 74–98. (In Mong.)

- Gedeeva D. B. About letters of Kalmyk Khan Ayuka. In: *Mongolian Studies in Russia. Bulletin V*. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2001. Pp. 208–213. (In Russ.)
- Kara D. Books of Mongolian Nomads: The Seven Centuries of Mongolian Script. Moscow: Nauka — GRVL, 1972. 229 p. (In Russ.)
- Kara D. Oirat documents of 1691: Clarifying notes. In: *Studies in Oriental Linguistics*. Moscow: Nauka, 1974. Pp. 111–118. (In Russ.)
- Mitirov A. G. Oirats-Kalmyks: Centuries and Generations. Elista: Kalmykia Book Publ., 1998. 383 p. (In Russ.)
- Monraev M. U. Kalmyk Personal Names: A Reference Book. Elista: Kalmykia Book Publ., 1984. 96 p. (In Russ.)
- Monraev M. U. Kalmyk Personal Names: Semantics. 3rd ed., rev. and suppl. Elista: Gerel, 2012. 255 p. (In Russ.)
- Nominkhanov Ts.-D. Exploring the History of Kalmyk. Collected materials. Moscow: Nauka — GRVL, 1975. 324 p. (In Russ.)
- Nominkhanov Ts.-D. Tibetan and Sanskrit lexical elements in Kalmyk. In: *Scholarly Notes of the Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History*. Vol. 5. Ser. 'Philology'. Elista, 1967. Pp. 155–160. (In Russ.)
- Omakaeva E. U. Language, culture and ethnos through the prism of anthroponymics: Kalmyk personal names in the context of Buddhist culture. *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS (Oriental Studies)*. 2008. No. 2. Pp. 62–67. (In Russ.)
- Pavla (Pavlov) D. Todo Bichiq (Clear Script): Old Written Kalmyk. Elista: Kalmykia Book Publ., 1979. 239 p. (In Kalm.)
- Polyaev V. O. Language of the Jangar: Tibetan and Sanskrit lexical elements. In: *Jangar and Epic Traditions of Turko-Mongols. Conference proceedings* (Elista; May 17–19, 1978). Moscow: Nauka, 1980. Pp. 344–346. (In Russ.)
- Selvina R. L. Ancient number symbolism in Kalmyk anthroponymics. In: *Onomastics of Kalmykia*. Elista: Kalmyk Research Institute of History, Philology and Economics, 1983. Pp. 73–84. (In Russ.)
- Shantaev B. A. Kalmyk ethnonyms and anthroponyms: Some peculiarities of correlation revisited. *Vestnik Instituta kompleksnykh issledovaniy aridnykh territoriy*. 2010. No. 2 (21). Pp. 162–163. (In Russ.)
- Shastina N. P. Altyn Khans in Western Mongolia, 17th c. In: *Oriental Studies in the USSR*. Vol. VI. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1949. Pp. 383–395. (In Russ.)
- Sodmon N. The Rainbow. Elista: Kalmykia Book Publ., 1999. 142 p. (In Kalm.)
- Tepkeev V. T. Khan Ayuka and His Era. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. 366 p. (In Russ.)
- Töröbatu T. Exploring Galik Characters in Clear Script. Hohhot: Inner Mongolia People's Publ. House, 2014. 159 p. (In Mong.)
- Yarmarkina G. M. Letters of Khan Ayuka and their Russian translations: Anthroponyms revisited. Preliminary analysis. *Mongolian Studies*. 2020. Vol. 12. No. 3. Pp. 497–508. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2020-3-497-508

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 6, pp. 1313–1323, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.512.3

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1313-1323

Семантика послелогов со значением ‘между, среди’ в монгольских языках

Людмила Алексеевна Лиджиева¹, Роза Пюрвеновна Харчевникова²,
 Бамба Эрэндженовна Убушиева³, Мингиян Алексеевич Лиджиев⁴

¹ Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. А. С. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, доцент
 0000-0003-4262-5458. E-mail: lidzhieva-la@mail.ru

² Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. А. С. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 доктор филологических наук, профессор
 0000-0002-5231-9238. E-mail: kharchevnikova-rp@yandex.ru

³ Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. А. С. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, доцент
 0000-0003-1895-2897. E-mail: ubamba@yandex.ru

⁴ Калмыцкий государственный университет имени Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. А. С. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, доцент
 0000-0002-5113-7766. E-mail: mingiyan75@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Лиджиева Л. А., Харчевникова Р. П., Убушиева Б. Э., Лиджиев М. А., 2021

Аннотация. *Введение.* Настоящая статья посвящена семантике послелогов со значением ‘между, среди’ в монгольских языках. В настоящее время особое внимание привлекают исследования пространственной характеристики различных языков. Послелог является одним из средств выражения пространственных отношений. Значение ‘пространство между элементами множества или совокупности, служащих ориентиром’ передает локализация INTER. *Целью исследования* является описание пространственных значений послелогов со значением ‘между, среди’ в монгольских языках. *Материалом исследования* послужили данные, привлеченные из различных монгольских словарей, художественных и публицистических текстов, имеющихся в Калмыцком национальном корпусе и Калмыцкой электронной

библиотеке. **Результаты.** Значение ‘между, среди’ передают такие послелого, как *хооронд / хоорондо / хооронда / хоорнд, дунд / дунда / дунда / дунд, забхарта / заагта / заагт, дундуур / дундуур / дундаахуур / дундахур, дундаас / дундааа / дундааса / дундас* и др. В зависимости от контекста они имеют свои особенности употребления. Данная локализация указывает на ‘нахождение между ориентирами’, ‘движение в пространство между ориентирами’ и ‘движение из пространства между ориентирами’. Значение нахождения в пространстве между или среди ориентиров связано с формой, однородностью объектов, а также расстоянием между ориентирами. Движение в пространство характеризуется направленностью и ненаправленностью действия. **Выводы.** Анализ рассматриваемых послелогов выявил многообразие значений в различных речевых контекстах, а также особенности их употребления в родственных монгольских языках.

Ключевые слова: пространственные отношения, послелого, монгольские языки, значения ‘между’, ‘среди’

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-012-00551 «Категория пространства в монгольских языках: типология и диахрония».

Для цитирования: Лиджиева Л. А., Харчевникова Р. П., Убушиева Б. Э., Лиджиев М. А. Семантика послелогов со значением ‘между, среди’ в монгольских языках // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 6. С. 1313–1323. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1313-1323

Semantics of Postpositions with the Meaning ‘Between, Among’ in Mongolic Languages

Liudmila A. Lidzhieva¹, Roza P. Kharchevnikova², Bamba E. Ubushieva³, Mingiyan A. Lidzhiev⁴

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

 0000-0003-4262-5458. E-mail: lidzhieva-la@mail.ru

² Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0002-5231-9238. E-mail: kharchevnikova-rp@yandex.ru

³ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

 0000-0003-1895-2897. E-mail: ubamba@yandex.ru

⁴ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Associate Professor

 0000-0002-5113-7766. E-mail: mingiyan75@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Lidzhieva L. A., Kharchevnikova R. P., Ubushieva B. E., Lidzhiev M. A., 2021

Abstract. Introduction. This article is devoted to the semantics of postpositions with the meaning ‘between’ and ‘among’ in the Mongolian languages. Currently, the scholars are increasingly paying attention to studies of the spatial characteristics of various languages, and postpositions are one of the means of expressing spatial relations. The meaning of ‘space between the elements of a set or set serving as a reference point’ is conveyed by the localization INTER. The present study *aims* to describe postpositions with the meaning ‘between’ and ‘among’ in the Mongolian languages. The research *material* was the data borrowed from various Mongolian dictionaries, literary and journalistic texts available in the Kalmyk National Corpus and the Kalmyk Electronic Library. **Results.** The meaning ‘between’ and ‘among’ is often conveyed with the help of such postpositions as *hoorond / hoorondo / hooronda / hoornd, dund / dunda / dunda / dund, zabharta / zaagta / zaagt, dunduur / dunduur /*

dundahuur / dundahur, dundaas / dundahaa / dundaasa / dundas, etc. Depending on the context, they may have their own peculiarities of use. The localization indicates 'being between landmarks', 'moving into the space between landmarks', and 'moving out of the space between landmarks'. The meaning 'being in the space between or among landmarks' is related to the shape, uniformity of objects, as well as the distance between landmarks, while 'movement into space' is characterized by directionality and non-directionality of action. *Conclusion.* The analysis of the postpositions in questions shows a variety of their meanings in various speech contexts, as well as peculiarities of their use in related Mongolian languages.

Keywords: spatial relations, postpositions, Mongolian languages, meanings of 'between' and 'among'

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR, project no. 20-012-00551 'Category of Space in Mongolic Languages: Typology and Diachrony'.

For citation: Lidzhieva L. A., Kharchevnikova R. P., Ubushieva B. E., Lidzhiev M. A. Semantics of Postpositions with the Meaning 'Between, Among' in Mongolic Languages. *Oriental Studies*. 2021; 14(6): 1313–1323 (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1313-1323

Введение

В настоящее время в языкознании существует много работ, посвященных описанию пространственной характеристики в языках мира. Исследования, проведенные на материале различных языков, показывают разнообразие подходов к изучению пространственной семантики [Кибрик 1970; Владимирский 1972; Мельчук 1998; Плунгян 2000; и др.]. Пространство является одной из универсальных категорий, которая изучается в философии, естествознании, психологии, культурологии, гуманитарных науках и др.

В. Г. Гак отмечал: «Пространство, наряду со временем, является основным атрибутом материи, основной формой бытия. Однако пространство легче воспринимается человеком: для того, чтобы постичь пространство, достаточно открыть глаза, повернуть голову, протянуть руки и т. п. Пространство — одна из первых реалий бытия, которая воспринимается и дифференцируется человеком. Оно организуется вокруг человека, ставящего себя в центр макро- и микрокосмоса. Не случайно не только пространство дифференцируется подробно языковыми средствами во всех языках, но оно оказывается в основе формирования многих типов номинаций, относящихся к другим, непространственным сферам» [Гак 1998: 670].

В современном языкознании изучению средств выражения понятийных категорий (в том числе категории пространства) по-

священо достаточно большое количество исследований на материале различных языков мира.

Одни исследования посвящены предлогам, наречиям, глаголам в различных языках. Например, анализ работ по изучению семантики предлогов / послелогов в языках мира показывает и разные подходы к исследованию значений данной части речи. Преимущественно в данных работах рассматриваются пространственные значения, выражаемые предлогами / послелогами [Владимирский 1972; Vandeloise 1993; Svorou 1994; Плунгян, Рахилина 1996; Мазурова 2000; Кириченко 2000; Кириченко 2002].

Имеется ряд типологических исследований, где подробно анализируются пространственные показатели. К ним также относятся и сопоставительные работы по анализу пространственных отношений в отдельно взятом языковом ареале или генетической группе [Кибрик 1970; Трофимова 1989; Ганенков 2005; Лиджиева 2017].

Кроме того, выделяются работы, которые направлены на разработку классификации пространственных отношений (построение метаязыка) для типологического анализа средств выражения пространства [Мельчук 1998; Плунгян 2000; Великоретский 2002].

В данной работе используются понятия ориентации и локализации. Они позволяют детально проанализировать и рассмотреть пространственную семантику. В. Д. Великоретский, исследуя пространство западно-

германских и русского языков, отмечает, что «...основные ориентации, как кажется, исчерпывающим образом описывают семантику пространственных конструкций исследуемых языков. Необходимая же степень детализации достигается в результате вычленения оптимального количества элементов другой категории — категории локализации» [Великорецкий 2002: 14–15].

Данный подход описания пространственных значений можно применить и к монгольским языкам.

Исследование посвящено анализу послелогов со значением ‘между, среди’ в монгольских языках. Материалом для исследования послужили художественные и публицистические тексты, привлеченные из национальных корпусов, а также различных словарей монгольских языков.

Послелого со значением ‘между; среди’

В монгольских языках значение местонахождения или осуществления действия между чем-либо может выражаться определенными послелогоми. По мнению А. С. Кириченко, «...первичный графический образ, понимаемый нами как денотат, в процессе вербальной репрезентации подвергается дальнейшему переосмыслению, и на этом этапе происходит наполнение образа тем функциональным содержанием, которое закреплено за данным языковым знаком в виде концепта» [Кириченко 2002: 185].

Значение ‘пространство между элементами множества или совокупности, служащих ориентиром’ передает локализация INTER. Послелого употребляют в эссивной функции. Внутри можно выделить следующие значения:

1) значение нахождения между, среди ориентиров:

а) данная локализация может указывать на нахождение объекта между двумя однородными по своей структуре ориентирами. В монгольских языках данное значение передается послелогоми *хооронд* / *хоорондо* / *хооронда* / *хоорнд* ‘между’, *хоорондох* / *хоорондохи* / *хоорондаки* / *хоорндк* ‘находящийся между’; *дунд* / *дунда* / *дунда* / *дунд* ‘между’. К примеру, Г. Д. Санжеев также отмечает, что *хоорондо* / *хооронд* «обозначает расположение между двумя предметами» [Санжеев 1953: 234]. Например:

– *Хооронд* / *хоорондо* / *хооронда* / *хоорнд* ‘между’: монг. *Аймаг сумын хооронд үүнээс өөр дөт зам байхгүйг та мэднэ* ‘Вы знаете, что между аймаком и сомоном нет короче этого пути’¹ [МНК: 160]; бур. *гол нуур хоёрой хоорондо* ‘между рекой и озером’ [БРС, II 2010: 445]; ойр. *күрээ цахар хойориин хооронда бээхе гер* ‘юрта, расположенная между монастырем и поселением бедняков’ [СЯОС 2001: 423]; калм. *Улачуд болн цаһачуд хоорнд болсн гражданск дэн 1918–1920 жилмүдин туршарт болв* ‘Гражданская война между белыми и красными продолжалась в течение 1918–1920 годов’ [КНК. Илүмжин Н. Хазга туурмжин халхс];

– *хоорондох* / *хоорондохи* / *хоорондаки* / *хоорндк* ‘находящийся между’: монг. *далангийн хоорондох зай* ‘междурядье’ [БАМРС 2002: 109]; бур. *хоёр мурэнэй хоорондохи газар* ‘междуречье’ (местность между двумя реками) [БРС II 2010: 445]; ойр. *Эне хойор үвэлзең хоорондаки зам муу*. ‘Дорога между этими двумя зимниками плохая’ [СЯОС 2001: 363]; калм. *Баран орндг хойрин хоорндк шуһуд Булһн үүл бэрэд сууна* ‘Булгун сидит в углу между бараном и кроватью и шьет’ [КЭБ. Баснга Баатр. Булһна үкл];

– *дунд* / *дунда* / *дунда* / *дунд* ‘между’: монг. *хоёр гэрийн дунд* ‘между двумя юртами, семьями’ [БАМРС, II 2001: 70]; ойр. *гер хашаа хойориин дунда деесен татаатаа*. ‘Между юртой и забором протянута верёвка’ [СЯОС 2001: 133]; калм. *Хойр герин дунд ик сад бээнэ* ‘Между двумя домами находится большой сад’ [КНК. Хальмг үнн. 2006];

б) в рассматриваемых языках встречаются примеры, когда объект находится между множеством ориентиров. «Если объекты, выступающие в роли релятивов, не персонифицированы, а представлены как однородное множество, то в определенных ситуациях их количество может намного превышать два. В таких контекстах между очень близок по значению предлогу среди» [Кириченко 2002: 189].

Данное значение выражают такие послелого, как *дунд* / *дунда* / *дунда* / *дунд* ‘между’, *завһарта* / *заагта* / *заагт* ‘между’, *завсарт* ‘между’, *хооронд* / *хоорондо* / *хооронда* / *хоорнд* ‘между’. Но следует заметить, что степень употребления послелогов с этим

¹ Здесь и далее перевод авторов статьи.

значением в монгольских языках разная. В некоторых языках данное значение не встречается. Например:

– монг. *Бидний дунд маргаан гарав*. ‘Между нами возник спор’ [БАМРС, II 2001: 69–70]; *хадны завсарт* ‘между скалами’ [БАМРС, II 2001: 194]; бур. *модонуудай забһарта* ‘между деревьями’ [БРС, I 2010: 370]; ойр. *Зулаад арадаки холиин чолууни заагта орожси бултава* ‘Убежал и спрятался между камнями у реки на северной стороне’ [СЯОС 2001: 147]; калм. *Уульнид, шавр гермүдин хоорнд чигн эмтэ-ширтэ нег чигн юмн үзгдхи* ‘Ни на улице, ни между домами не видно никого живого’ [КНК. Илүмжин Н.]; *Гермүд заагт хөд кевтдмн* ‘Между домами лежат овцы’ [КНК. Хальмг үнн. 2006];

в) значение ‘среди’ показывает, что объект находится в окружении других, в составе определенного множества. В данном случае множество представляет собой слабодифференцированные объекты. Тогда как средства выражения значения ‘между’ показывают дифференцированные объекты множества. Очень часто данное значение передает нахождение объекта среди множества людей. Данное значение в основном могут передавать послелог *дунд* / *дунда* / *дунда* / *дунд* ‘среди’; *забһарта* / *заагта* / *заагт* ‘среди’: Например:

– *дунд* / *дунда* / *дунда* / *дунд* ‘среди’: монг. *Олны дунд үгээ шинж, ганцаар явахад сэтгэлээ шинж* ‘На людях надо обдумывать свои слова, с самим собой — свои мысли’ [БАМРС, II 2001: 470]; *нөхдийнхөө дунд амьдрах* ‘жить среди друзей’ [БАМРС, I 2001: 100]; ойр. *Араа харһуулха өвсен угаа, ама зээлехе усан угаа һазарта хортан дээсени дунда намааги һагца бийе мини хайадаг чини йуун би?* ‘Почему ты меня одного оставляешь среди врагов-неприятелей в местности, где нет ни травинки, ни капли воды, чтобы утолить голод и жажду?’ [СЯОС 2001: 34]; калм. *Баһчуд дунд нег медэтэ күн үзгдв* ‘Среди молодежи появился пожилой человек’ [КНК. Хальмг үнн. 2006];

– *забһарта* / *заагта* / *заагт* ‘среди’: бур. *Модонуудай забһарта тэнгэрийн хэнэг хүхэржэ харагдана* ‘Между деревьями сияет просвет в небо’ [БРС, II 2010: 527]; ойр. *олнаа заагта ораад бултаха* ‘спрятаться в толпе’ [СЯОС 2001: 79]; калм. *Би шим олн улс заагт келх үгэн келж чадш угав* ‘Я

не могу говорить среди множества людей’ [КНК. Эрнжэнэ К. Һалан хадһл].

М. Н. Орловская отмечает, что в «Сокровенном сказании» послелог *jayura* образован от самостоятельно не употребляемого *=jayur=* со значением «промежуток» посредством окончания местного падежа на *=a*. Широко использовался в тексте «Сокровенного сказания» со значением ‘между’, ‘среди’: *aqa dei jaura adariuqči tula adargin oboqtan bolba* [СС 1990: § 46]. ‘Так как среди старших и младших братьев был буян-забияка, род назвали Адархин’ [Орловская 2000: 142–143].

С. М. Трофимова отмечает, что «в бурятском языке возможна передача этого значения синонимичным послелогом *дотор*, например: *Бидний дотор предатель хүнэй байһынь мэдээгүй яахаб* ‘Среди нас находился предатель’» [Трофимова 2009: 169].

Данное значение характерно и для других монгольских языков. Например: монг. *Үүний дотор кино их сүүрийь эзэлдэг юм* ‘Среди них кино занимает большое место’ [Тодаева 1951: 162]; ойр. *Төре шажһин хойораан алдаад угаа, төрийн олон сээдүүд дотор нере цолаан һутааһаад угаа* ‘Он не выпускал из рук державу и религию, среди множества сайдов (сановников) не опорочил своё имя и титул’ [СЯОС 2001: 108]; калм. *Тедн дотр Гоова, Николай, Жимбин Бадм эдн бас уга* ‘Среди них уже тоже нет Гоовы, Николая, Джимбеева Бадмы’ [КЭБ. Жимбин А. Үүрмүд];

г) послелог со значением нахождения посередине или в середине чего-либо для уточнения употребляются с усилительными словами типа *тэг* ‘середина’, *төв* ‘центр’, *гол* / *һол* ‘середина, центр’, *тал* ‘в середине, прямо’. В данном случае объект расположен не между или среди множества ориентиров, а посреди определенного единого пространства: Например: монг. *хотын (гол дунд) төв дунд* ‘в самом центре города’ [БАМРС, I 2001: 420]; бур. *мүрэнэй тэг дунда* ‘на самой середине реки’ [БРС, I 2010: 301]; ойр. *герин һол дундани бээхе һаң болод тулһа* [СЯОС 2001: 105] ‘стальной таган, находящийся в центре кибитки’; калм. *Селэнэ тал дунд, хаалһин амн деер ик шар цоохр бээшн үзгднэ* ‘В центре села, у края дороги виднеется желто-пестрый дворец’ [КЭБ. Нармин М. Манц һол].

2) пространственное значение ‘движение в пространство между ориентирами’ передается послелогоми *дундуур / дундуур / дундааһуур / дундаһур* ‘среди’; *заагур* ‘между, среди’. Послелогии выступают в лативной функции.

а) значение ненаправленного движения среди множества ориентиров выражается послелогоми *дундуур / дундуур / дундааһуур / дундаһур* ‘среди’; *хоороондуур / хоороондуур / хоорондааһуур / хоорндаһур* ‘между’:

– *дундуур / дундуур / дундааһуур / дундаһур* ‘среди’: монг. *Балданцэрэн тэдний дундуур явлаа* ‘Балданцэрэн шел среди них’ [МНК. 40]; бур. *Мүргэлиэдэй дундуур хоёр хүбүүд хүтэрэлдэн ябана* ‘Среди паломников, взявшись за руки, идут два мальчика’ [БНК. Ч. Цыдендамбаев. Банзарай хүбүүн Доржо]; ойр. *Күрең мөрен күчи өгөл угаа күмени дундааһуур гилес гед харва генээ* ‘Тёмно-рыжий конь, не слушаясь поводыев, промчался среди толпы’ [СЯОС 2001: 94]; калм. *Белкүсцэ өндр нигт көк өвсн дундаһур Сергей йовна* ‘Сергей идет среди высокой густой зеленой травы по пояс’ [КЭБ. Бадмин А. Усна экн — булг];

– *хоороондуур / хоороондуур / хоорондааһуур / хоорндаһур* ‘между’: монг. *Ургасан модны хоорондуур хүмүүс жирэлзэн явах нь үзэгдэнэ* ‘Видно, как между деревьями мелькают фигуры людей’ [БАМРС, III 2001: 343]; бур. *Урда полюсай ута нарин саһан хүрнүүдэй хоорондуур ябажа гараха* ‘Проезжать между снежных застриг на Южном полюсе’ [БРС, I 2010: 391]; ойр. *Эне хойор эргийн хоорондааһуур гүүсен хорон шүү далаада күрвээ* ‘Добрался до ядовито-соленого океана, текущего между этими двумя берегами’ [СЯОС 2001: 402]; калм. *Тегэд, өмн йовх маршруткиг күцжэ авхар, залачнр хаалһиг керчэд, гермүд хоорндаһур йовна* ‘Поэтому, для того чтобы догнать маршрутки, едущие перед ними, шоферы срезают дорогу и проезжают между домами’ [КНК. Хальмг үнн 2006].

б) направленность движения выражается послелогом *заагур* ‘между, среди’. В калмыцком языке *заагар* и *заагур* являются серийными послелогоми. Материал исследования позволяет указать на различие в реализуемых ими значениях. *Заагар* употребляется со значением ‘сквозь, из-за’, а *заагур* — ‘между, среди’, «т. е. показывает направление движения между чем-либо»

[Бадмаев 2002: 99]. Ср. калм. *Минь эн цагла ма хойр нигтэр урһсн модн заагур орад ирүвидн* ‘Именно в это время мы вдвоем оказались среди густо посаженных деревьев’ [букв. вошли в пространство между деревьями] [КЭБ. Нармин М. Боова]; ойр. *Үүлени заагаар харсан наран хурца* ‘Солнце, показывающееся из-за облаков, очень жжет’ [СЯОС 2001: 196]; калм. *Олн зүсн цецгүд / Өвсн заагар шаһалдэж, / Өндэж, нарнд мөрглднэ* ‘Разные цветы / Виднеются из-за травы / Возвышаясь, кланяются солнцу’ [КЭБ. Сусен А. Хомутниковин туск ухалһн].

Употребление послелого *заагар* в значении ‘между’ встречается в случае описания состояния человека. Например: *Цаста зөвэр ачрхжсаһад, дурта дур уга хойрин заагар көг орулв* ‘Цаста, поважничав, неохотно [букв. между желанием и нежеланием] настроила домбру’ [КНК. Эрнжэнэ К. Ыалан хадһл].

в) движение в середине, в центре определенного ориентира передается послелогом *дундуур / дундуур / дундааһуур / дундаһур* ‘среди, по центру, по середине’. В роли ориентира выступает одно большое пространство, например, *село, город, улица, дорога* и т. д. Например: бур. *харгын тэг дундуур ябаха* ‘идти по середине дороги’ [БРС, II 2010: 274]; ойр. *хотон дундааһуур харха* ‘идти по середине хотона’ [СЯОС 2001: 406]; калм. *Хотн дундаһур эк-эцкэн геечкскн күүкд уульж-шуугжэ үүмнэ* ‘По центру села взволновано бегали дети, потерявшие своих родителей’ [КЭБ. Бадмин А. Зултрһн — тегин ноһан].

г) данная локализация INTER может указывать на движение объекта в однородном по своей внутренней структуре ориентире. С одной стороны, такие ориентиры (типа *песок, сахар, соль*) действительно представляют по своей структуре множество однородных объектов, а с другой стороны, они нередко осмысливаются в языке как нечленимые на более мелкие части [Ганенков, Мерданова 2002: 133–134]. Например: монг. *цасан дундуур лаагалдаж явах*. ‘идти, увязая в снегу [букв. среди снега]’ [БАМРС, II 2001: 296].

3) движение из пространства между ориентирами обозначают послелогии *дундаас / дундаһаа / дундааса / дундас* ‘из’, *забһарһаа / заагааса / заагас* ‘из’; *дотро-*

ос / доторхоо / доторааса / дотрас ‘из’. Они выражают исходный пункт действия, движение из определенного пространства. Значение движения из пространства, множества ориентиров образуется путем выделения его отдельных составляющих. Множество ориентиров могут представлять собой совокупности людей, животных, растений и т. д. Послелогии выступают в аблативной функции. Например: монг. *Түүнийг олны дундаас түрэн гаргав*. ‘Вытеснил его из толпы’ [БАМРС, II 2001: 470]; бур. *Олоной дундааа танилаа оложо хараха* ‘Высмотреть в толпе знакомого’ [БРС, II 2010: 404]; ойр. *Эден дундааса неге цөөкөн күмешалхааар бээлээ* ‘Собирались отобрать из них несколько человек’ [СЯОС 2001: 448]; калм. *Иим дала сурхульта көвүд дундас ханцхн терүг яһад дуудулжсахмб?* ‘Почему из многих таких же образованных юношей вызвали только его?’ [КНК. Эрнжэнэ К. *Һалан хадһл*].

Рассматриваемое значение также выражают послелогии *дотроос* / *доторхоо* / *до-*

торааса / *дотрас* (ср. основное значение послелога ‘движение изнутри ориентира’). Например: *Миний хөвгүүдийн дотроос ахмад ану тэр мөн*. ‘Старший из моих сыновей вон тот’ [БАМРС I 2001: 114]; *өөһэдын доторхоо* ‘из своей среды’ [БРС II 2010: 676]; ойр. *Хөөд доторааса негиини бэрүүлэд алаха* ‘Велеть поймать из овец одну и зарезать’ [СЯОС 2001: 62]; калм. *Цуглрсн гмтн дотрас хойр күн һарч ирэд, Булһниг өргэд, жолмд орулад, кевтүлж оркв* ‘Двое из собравшихся людей, подняв Булгун, отнесли и положили ее в юрту’ [КЭБ. Басңга Б. *Булһна үкл*].

Следующий послелог *забһарһаа* / *заагас* ‘из’. *Хаанаб тэрэ тэргэшини? — гэхээр таримал модоной забһарһаа бултайба* ‘Где та телега? — спросил [он], выглянув из-за посаженных деревьев’ [БНК. Д. Батожабай. *Төөригдэһэн хүби заяан*]; калм. *Хулсн заагас зурһан күн һарч ирв* ‘Из-за камышей вышли шесть человек’ [КЭБ. Бадмин А. *Зултрһн — теегин ноһан*]. Итак, представленный материал можно представить в таблице:

Таблица 1. Семантика локализации INTER в монгольских языках
[Table 1. Semantics of localization marker INTER in Mongolic languages]

№	Семантика локализации INTER	монгольский язык	бурятский язык	ойратский язык	калмыцкий язык
Нахождение					
1	Нахождение объекта между двумя однородными по своей структуре ориентирами (эссив)	<i>хооронд</i> ‘между’ <i>хоорондох</i> ‘находящийся между’ <i>дунд</i> ‘между’	<i>хоорондо</i> ‘между’ <i>хоорондохи</i> ‘находящийся между’ <i>дунда</i> ‘между’	<i>хооронда</i> ‘между’ <i>хоорондаки</i> ‘находящийся между’ <i>дунда</i> ‘между’	<i>хоорнд</i> ‘между’ <i>хоорндк</i> ‘находящийся между’ <i>дунд</i> ‘между’
2	Нахождение объекта между множеством ориентиров (эссив)	<i>завсарт</i> ‘между’ <i>дунд</i> ‘между’	<i>забһарта</i> ‘между’ —	<i>заагта</i> ‘между’ —	<i>хоорнд</i> ‘между’ <i>заагт</i> ‘между’
3	Нахождение объекта среди, в окружении других, в составе определенного множества (эссив)	<i>дунд</i> ‘среди’ <i>дотор</i> ‘среди’	<i>дунда</i> ‘среди’ <i>дотор</i> ‘среди’ <i>забһарта</i> ‘среди’	<i>дунда</i> ‘среди’ <i>дотор</i> ‘среди’ <i>заагта</i> ‘среди’	<i>дунд</i> ‘среди’ <i>дотр</i> ‘среди’ <i>заагт</i> ‘среди’
4	Нахождение посередине или в середине чего-либо (эссив)	<i>дунд</i> ‘среди, в центре, в середине’	<i>дунда</i> ‘среди, в центре, в середине’	<i>дунда</i> ‘среди, в центре, в середине’	<i>дунд</i> ‘среди, в центре, в середине’

Движение					
5	Ненаправленное движение среди множества ориентиров (латив)	<i>дундуур</i> 'среди' <i>хоороондуур</i> 'между'	<i>дундуур</i> 'среди' <i>хоороондуур</i> 'между'	<i>дундааһуур</i> 'среди' <i>хоорондааһуур</i> 'между'	<i>дундахур</i> 'среди' <i>хоорндахур</i> 'между'
6	Направленность движения (латив)	—	—	—	<i>заагур</i> 'между, среди'
7	Движение в середине, в центре определенного ориентира (латив)	<i>дундуур</i> 'среди, по центру, по середине'	<i>дундуур</i> 'среди, по центру, по середине'	<i>дундааһуур</i> 'среди, по центру, по середине'	<i>дундахур</i> 'среди, по центру, по середине'
8	Движение объекта в однородном по своей внутренней структуре ориентире (латив)	<i>дундуур</i> 'среди'	—	—	—
9	Значение движения из пространства, множества ориентиров (аблатив)	<i>дундаас</i> 'из' <i>дотроос</i> 'из'	<i>дундаһаа</i> 'из' <i>доторһоо</i> 'из' <i>забһарһаа</i> 'из'	<i>дундааса</i> 'из' <i>доторааса</i> 'из'	<i>дундас</i> 'из' <i>дотрас</i> 'из' <i>заагас</i> 'из'

Заключение

Проведенный анализ семантики предлогов со значением 'между, среди' позволил сделать некоторые предварительные выводы.

Значение нахождения «между, среди ориентиров» имеет свои особенности употребления. Из приведенных примеров видно, что семантика 'между' и 'среди' имеет контекстуальные различия. Но в целом следует отметить, что требования к форме, однородности объектов и расстояния между ориентирами от объекта остаются одинаковыми. Например, объект примерно всегда равноудален от ориентиров и находится на одной прямой плоскости с ними. В монгольских языках сохраняется однородность структуры ориентиров. Послелого употребляются в эссивной функции.

Значение движения в пространство между ориентирами показывает направленность и ненаправленность действия среди множества ориентиров. Отдельно выделяются значения движения в середине, в центре опре-

деленного ориентира. В данном случае не отмечается движение между ориентирами, но значение движения среди большого пространства дает основание выделения этого значения. Также отмечается движение объекта в однородном по своей структуре ориентире.

В значении движения из пространства между, среди чего-либо, ориентирами выступают совокупности людей, животных, растений и т. д. Значение движения из пространства, множества ориентиров образуется путем выделения его отдельных составляющих.

Проведенный анализ семантической характеристики послелогов со значением 'между, среди' показал, что в монгольских близкородственных языках наблюдается сходство представленных значений. Но имеются значения, которые характеризуются разной степенью продуктивности, а также наличием или отсутствием в отдельном языке.

Сокращения

бур. — бурятский язык
калм. — калмыцкий язык

монг. — монгольский язык
ойр. — ойратский язык

Источники

- БАМРС, I 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х т. Т. 1. А–Г / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 520 с.
- БАМРС, II 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х т. Т. 2. Д–О / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 536 с.
- БАМРС, III 2001 — Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х т. Т. 3. Ё–Ф / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2001. 440 с.
- БАМРС 2002 — Большой академический монгольско-русский словарь. В 4-х т. Т. 4. Х–Я / отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. М.: Academia, 2002. 532 с.
- БРС, I 2010 — Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь: в 2 т. Т. 1. А–Н. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2010. 636 с.
- БРС, II 2010 — Шагдаров Л. Д., Черемисов К. М. Бурятско-русский словарь: в 2 т. Т. 2. О–Я. Улан-Удэ: Изд-во ОАО «Республиканская типография», 2010. 708 с.

Sources

- Buryat National Corpus. Available at: <http://web-corpora.net/BuryatCorpus> (accessed: October 10, 2021). (In Bur.)
- Kalmyk Digital Library. Available at: <http://halmglib.org/> (accessed: October 10, 2021). (In Kalm.)

Литература

- Бадмаев 2002 — *Бадмаев Б. В.* Проблема служебных частей речи в современном калмыцком языке: послелогов // Вопросы теоретической грамматики калмыцкого языка. Сб. науч. ст. / отв. ред. Э. Р. Тенишев. Вып. 1. М.; Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2002. С. 90–112.
- Великорецкий 2002 — *Великорецкий А. Д.* Пространство в современных западно-германских и русских языках: опыт построения метаязыка // Грамматикализация пространственных значений в языках мира. М.: Русские словари, 2002. С. 8–34.
- Владимирский 1972 — *Владимирский Е. Ю.* Система предположно-падежных конструкций с пространственным значением в современном русском литературном языке: автореф. дисс. ... канд. филол. наук. М., 1972. 24 с.
- Гак 1998 — *Гак В. Г.* Языковые преобразования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 768 с.

- БНК — Бурятский национальный корпус [электронный ресурс] // Buryat Corpus. URL: <http://web-corpora.net/BuryatCorpus> (дата обращения: 10.10.2021)
- КНК — Калмыцкий национальный корпус [электронный ресурс] // Kalmyk National Corpus. URL: <http://web-corpora.net/KalmykCorpus> (дата обращения: 10.10.2021).
- КЭБ — Калмыцкая электронная библиотека [электронный ресурс] // Самое полное собрание калмыцкой литературы. URL: <http://halmglib.org/> (дата обращения: 11.10.2021).
- МНК — Монгольский корпус [электронный ресурс] // Mongolian National Corpus. URL: <http://web-corpora.net/MongolianCorpus>. (дата обращения: 10.10.2021)
- СС 1990 — Сокровенное сказание монголов: анонимная монгольская хроника 1240 г. / сост., вступ. ст., примеч., пер. на калм. и рус. яз. П. А. Дарваева. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. 280 с.
- СЯОС 2001 — *Тодаева Б. Х.* Словарь языка ойратов Синьцзяна. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2001. 493 с.

- Kalmyk National Corpus. Available at: <http://web-corpora.net/KalmykCorpus> (accessed: October 10, 2021). (In Kalm.)
- Mongolian National Corpus. Available at: <http://web-corpora.net/MongolianCorpus> (accessed: October 10, 2021). (In Mong.)

- Ганенков 2005 — *Ганенков Д. С.* Контактные локализации в нахско-дагестанских языках и их типологические параллели: автореф. дисс. ... канд. фил. наук. М., 2005. 24 с.
- Ганенков, Мерданова 2002 — *Ганенков Д. С., Мерданова С. Р.* Семантика пространственных форм существительных в агульском языке // Грамматикализация пространственных значений в языках мира. М.: Русские словари, 2002. С. 127–156.
- Кибрик 1970 — *Кибрик А. Е.* К типологии пространственных значений (на материале падежных систем дагестанских языков) // Язык и человек. М.: МГУ, 1970. С. 110–156.
- Кириченко 2002 — *Кириченко А. С.* Семантическая структура предлога между // Грамматикализация пространственных значений в языках мира. М.: Русские словари, 2002. С. 183–198.
- Кириченко 2000 — *Кириченко А. С.* Системные семантические характеристики и область

- денотации предлога между // Исследования по семантике предлогов. М.: Русские словари, 2000. С. 338–352.
- Лиджиева 2017 — *Лиджиева Л. А.* Послелог калмыцкого языка в историко-сопоставительном освещении. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2017. 143 с.
- Мазурова 2000 — *Мазурова Ю. В.* Наречия верха и низа в русском языке // Исследования по семантике предлогов. М.: Русские словари, 2000. С. 134–151.
- Мельчук 1998 — *Мельчук И. А.* Курс общей морфологии. Т. II. Ч. 2-я: Морфологические значения / пер. с франц. В. А. Плунгяна; общ. ред. Н. В. Перцова и Е. Н. Саввиной. М.: Языки русской культуры; Вена: WSA, 1998. 544 с.
- Орловская 2000 — *Орловская М. Н.* Язык монгольских текстов XIII–XIV вв. М.: Институт востоковедения РАН, 2000. 187 с.
- Плунгян 2000 — *Плунгян В. А.* Общая морфология: введение в проблематику. М.: Эдиториал УРСС, 2000. 383 с.
- Плунгян, Рахилина 1996 — *Плунгян В. А., Рахилина Е. В.* Полисемия служебных слов: предлоги через и сквозь // Русистика сегодня. 1996. № 3. С. 1–17.
- Санжеев 1953 — *Санжеев Г. Д.* Сравнительная грамматика монгольских языков. Т. 1. М.: Изд-во АН СССР, 1953. 241 с.
- Тодаева 1951 — *Тодаева Б. Х.* Грамматика современного монгольского языка. Фонетика и морфология. М.: Изд-во АН СССР, 1951. 196 с.
- Трофимова 2009 — *Трофимова С. М.* Грамматические категории именных основ в монгольских языках (семантико-функциональный аспект). Элиста: Изд-во КГУ, 2009. 282 с.
- Трофимова 1989 — *Трофимова С. М.* Падежно-послеложные конструкции монгольских языков и их русские эквиваленты. Новосибирск: Наука, 1989. 95 с.
- Svorou 1994 — *Svorou S.* The Grammar of Space. Amsterdam: J. Benjamins Publishing Co., 1994. 290 p.
- Vandeloise 1993 — *Vandeloise C.* Les analyses de la preposition. Dans: Faits linguistiques et effets méthodologiques // Lexique. No. 11 (Les prépositions: méthodes d'analyse. A. M. Bérthonneau & P. Cadiot (Eds.)). Lille: Presses universitaires du Septentrion, 1993. Pp. 15–40.
- Badmaev B. V. Auxiliary parts of speech in modern Kalmyk: postpositions. In: *Tenishev E. R.* (ed.) Issues of Kalmyk Theoretical Grammar. Collected Scholarly Articles. Vol. 1. Moscow, Elista: Kalmyk State University, 2002. Pp. 90–112. (In Russ.)
- Gak V. G. Language Transformations. Moscow: Yazyki Russkoy Kultury, 1998. 768 p. (In Russ.)
- Ganenkova D. S. Contact Localizations in Nakh-Dagestanian (Northeast Caucasian) Languages and Their Typological Parallels. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 2005. 24 p. (In Russ.)
- Ganenkova D. S., Merdanova S. R. Aghul spatial nouns: Semantics revisited. In: Grammaticalization of Spatial Meanings in Languages of the World. Moscow: Russkie Slovarei, 2002. Pp. 127–156. (In Russ.)
- Kibrik A. E. Typology of spatial meanings revisited: A case study of Dagestanian case systems. In: Language and Man. Moscow: Moscow State University, 1970. Pp. 110–156. (In Russ.)
- Kirichenko A. S. The Russian preposition между: Semantic structure revisited. In: Grammaticalization of Spatial Meanings in Languages of the World. Moscow: Russkie Slovarei, 2002. Pp. 183–198. (In Russ.)
- Kirichenko A. S. The Russian preposition между: Systemic semantic characteristics and denotation area. In: Studies in Prepositional Semantics. Moscow: Russkie Slovarei, 2000. Pp. 338–352. (In Russ.)
- Lidzhieva L. A. Kalmyk Postpositions in a Comparative Historical Perspective. Elista: Kalmyk State University, 2017. 143 p. (In Russ.)
- Mazurova Yu. V. Top and bottom: Russian adverbs reviewed. In: Studies in Prepositional Semantics. Moscow: Russkie Slovarei, 2000. Pp. 134–151. (In Russ.)
- Melchuk I. A. A Coursebook of General Morphology. Vol. II. Part 2: Morphological Meanings. V. Plungyan (transl.); N. Pertsov, E. Savvina (eds.). Moscow: Yazyki Russkoy Kultury; Wien: WSA, 1998. 544 p. (In Russ.)
- Orlovskaya M. N. The Language of 13th–14th Century Mongolian Texts. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2000. 187 p. (In Russ.)
- Plungyan V. A. General Morphology: An Introduction. Moscow: Editorial URSS, 2000. 383 p. (In Russ.)
- Plungyan V. A., Rakhilina E. V. Polysemy of function words: The Russian prepositions через и сквозь. Rusistika segodnya. 1996. No. 3. Pp. 1–17. (In Russ.)

- Pyurbееv G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 1: A — Г. Moscow: Academia, 2001. 520 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 2: Д — О. Moscow: Academia, 2001. 536 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 3: Ё — Ф. Moscow: Academia, 2001. 440 p. (In Mong. and Russ.)
- Pyurbееv G. Ts. (ed.) Unabridged Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vols. Vol. 4: X — Я. Moscow: Academia, 2002. 532 p. (In Mong. and Russ.)
- Sanzheev G. D. Comparative Grammar of Mongolic Languages. Vol. 1. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1953. 241 p. (In Russ.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. Buryat-Russian Dictionary. In 2 vols. Vol. 1: A — H. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2010. 636 p. (In Bur. and Russ.)
- Shagdarov L. D., Cheremisov K. M. Buryat-Russian Dictionary. In 2 vols. Vol. 2: O — Я. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2010. 708 p. (In Bur. and Russ.)
- Svorou S. The Grammar of Space. Amsterdam: J. Benjamins Publishing Co., 1994. 290 p. (In Eng.)
- Todaeva B. Kh. Dictionary of Xinjiang Oirat. Elista: Kalmykia Book Publ., 2001. 493 p. (In Oir., Kalm. and Russ.)
- Todaeva B. Kh. Modern Mongolian Grammar: Phonetics and Morphology. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1951. 196 p. (In Russ.)
- Trofimova S. M. Grammatical Categories of Mongolic Nominal Stems: A Functional Semantic Aspect. Elista: Kalmyk State University, 2009. 282 p. (In Russ.)
- Trofimova S. M. Postpositional Case Patterns in Mongolic Languages and Their Russian Equivalents. Novosibirsk: Nauka, 1989. 95 p. (In Russ.)
- Vandeloise S. Les analyses de la preposition. Dans: Faits linguistiques et effets méthodologiques. In: Berthonneau A. M., Cadiot P. (eds.) Les prépositions: méthodes d'analyse. Ser. 'Lexique'. Vol. 11. Lille: Presses universitaires du Septentrion, 1993. Pp. 15–40. (In Fr.)
- Velikoretsky A. D. Space in West Germanic and Russian languages: Constructing a metalanguage. In: Grammaticalization of Spatial Meanings in Languages of the World. Moscow: Russkie Slovari, 2002. Pp. 8–34. (In Russ.)
- Vladimirsky E. Yu. Modern Standard Russian: A System of Prepositional Declension Patterns with Spatial Meanings Reviewed. Cand. Sc. (philology) thesis abstract. Moscow, 1972. 24 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 6, pp. 1324–1352, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.512.1

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1324-1352

Аддитивная частица в тюркских языках Поволжья

Алина Алексеевна Русских¹, Софья Алексеевна Оскольская²

¹ Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (д. 21/4, стр. 5, ул. Ст. Басманная, Москва 109028, Российская Федерация)
 стажёр-исследователь

 0000-0002-2690-8733. E-mail: allruss@list.ru

² Институт лингвистических исследований РАН (д. 9, Тучков пер., Санкт-Петербург 199053, Российская Федерация)
 кандидат филологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0001-8658-2133. E-mail: sonypolik@mail.ru

© КалмНИЦ РАН, 2021

© Русских А. А., Оскольских С. А., 2021

Аннотация. *Введение.* В статье рассматриваются функции аддитивной частицы =DA в трех тюркских языках Поволжья: чувашском, татарском и башкирском. Подробное описание употребления аддитивной частицы включает в себя анализ как типологически ожидаемых функций, так и дополнительных функций, зафиксированных в собранном материале. *Цель* исследования — комплексное описание и сопоставление функций аддитивной частицы =DA в тюркских языках Поволжья. Особое внимание уделяется функциям, не описанным ранее, а также межъязыковым различиям в употреблении этой частицы. *Материалы и методы.* Исследование основано на разных материалах: данные чувашского языка собраны методом элици- тации (малокарачкинский говор). Данные татарского (мишарского диалекта) и башкирского языков (кубалакского говора) получены из опубликованных корпусов устных текстов. *Результаты.* В ходе исследования были зафиксированы следующие функции аддитивной частицы: аддитивность, скалярная аддитивность, формирование уступительных клауз, митаривность, сочинение составляющих, универсальная квантификация, маркирование числительных со значе- нием полного охвата, маркирование неопределенных местоимений, дистрибутивная множе- ственность, употребление в составных числительных и глагольных конструкциях (сложных глаголах и сериальных конструкциях), маркирование контрастивного топика и союзных на- речий. Корпусные данные показывают, что наиболее часто частица встречается в контекстах сочинения и, чуть реже, простой аддитивности. Далее следуют митаривные контексты, упо- требление с универсальными кванторами и неопределенными местоимениями. Из всех рас- смотренных ролей данным частицам дискурсивные функции не характерны и распространены только в башкирском. Также некоторые различия между языками наблюдаются в периферий-

ных функциях, связанных с конъюнкцией: маркирование дистрибутивной множественности и употребление частицы внутри составных числительных зафиксированы только в чувашском и башкирском. Употребление частицы внутри сложных глаголов встретилось только в татарских и башкирских материалах. Наконец, только в башкирском зафиксировано употребление сериальных конструкций, в состав которых входит рассматриваемая частица. В остальном употребление частицы во всех трех языках очень похоже.

Ключевые слова: аддитивная частица, Волго-Камский языковой союз, тюркские языки, чувашский язык, татарский язык, башкирский язык, скалярность, аддитивность, конъюнкция

Благодарность. Данное исследование поддержано грантом РФФИ 20-312-70009 «Грамматические особенности тюркских языков Поволжья».

Для цитирования: Русских А. А. Оскольская С. А. Аддитивная частица в тюркских языках Поволжья // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 6. С. 1324–1352. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1324-1352

Additive Particle in Turkic Languages of the Volga-Kama Sprachbund

Alina A. Russkikh¹, Sofia A. Oskolskaya²

¹ National Research University Higher School of Economics, Linguistic Convergence Laboratory (Bldg. 5, 21/4, Staraya Basmanaya St., 109028 Moscow, Russian Federation)
Research Assistant

 0000-0002-2690-8733. Email: allruss@list.ru

² Institute for Linguistic Studies of the RAS (9, Tuchkov St., 199053 St. Petersburg, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philology), Senior Research Associate

 0000-0001-8658-2133. Email: sonypolik@mail.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Russkikh A. A., Oskolskaya S. A., 2021

Abstract. Introduction. The paper deals with the functions of the additive clitic =*DA* in three Turkic languages of the Volga-Kama Sprachbund: Chuvash, Tatar, and Bashkir. It aims to describe in detail the use of the clitic in the languages in question by way of analyzing typologically expected functions, as well as additional functions observed in the collected data, with special attention paid to those that have not been described before and on differences of its usage. *Materials and methods.* The analysis was based on a variety of source materials, including Chuvash data collected with elicitation during fieldwork (Maloye Karachkino variety) and Tatar (Mishar dialect), Bashkir (Kubalyak variety) data collected from published corpora of oral texts. *Results.* According to our data, the functions of the additive clitic =*DA* may be as follows: proper additivity, scalar additivity, formation of the concessive clauses, mirativity, conjunction, universal quantification, marking of the numerals with collective meaning, marking of indefinites, distributive plurality, usage in complex numerals and verbal constructions (complex verbs and serial constructions), and marking of contrastive topic and conjunctive adverbs. The most frequent contexts for the additive clitic are those of conjunction, slightly less numerous are proper additivity contexts and then mirative contexts, with universal quantifiers and indefinite pronouns. The discursive functions are least typical of the additive clitic in the languages under study, except for the Bashkir material. Also, its use in peripheral, conjunction-related, functions may be specific: Chuvash and Bashkir data (but not Tatar) include the examples of the clitic marking distributive plurality and of its use in complex numerals; then, Tatar and Bashkir data (no data for Chuvash) indicates the use of the particle as a part of complex verbs; and, finally, only Bashkir material includes serial constructions, with the additive clitic as an obligatory part. In all the other functions, the use of the additive clitic appears to be similar in the three Turkic languages of the Volga-Kama Sprachbund.

Keywords: additive clitic, Volga-Kama Sprachbund, Turkic languages, Chuvash, Tatar, Bashkir, scalarity, additivity, conjunction

Acknowledgments. The reported study was funded by RFBR, project no. 20-312-70009 ‘Volga Turkic Languages: Aspects of Grammar’.

For citation: Russkikh A. A., Oskolskaya S. A. Additive Particle in Turkic Languages of the Volga-Kama Sprachbund. *Oriental Studies*. 2021; 14 (6): 1324–1352. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-13254-1352

1. Введение

Во всех тюркских языках зафиксирована частица =*DA* [СИГТЯ 1988: 506]. В грамматиках для этой частицы описывается ряд функций, в частности эмфатическая, аддитивная, образование неопределенных местоимений, а также многие другие в зависимости от языка.

Далее мы будем называть эту частицу аддитивной по одной из центральных функций. Этот термин также используется в работах [König 1991; Forker 2016].

В статье подробно рассматривается и сопоставляется употребление аддитивной частицы в тюркских языках Поволжья: в чувашском, татарском и башкирском. Поскольку эти языки родственны и входят в один языковой союз, ожидается, что употребление аддитивной частицы во многом совпадает. Поэтому особый интерес будут представлять выявленные различия.

Исследование аддитивной частицы в чувашском было проведено в основном с помощью элицитации в ходе экспедиций в с. Малое Карачкино Республики Чувашия (2017–2019 г.). Малокарачкинский говор чувашского языка демонстрирует значительные отличия от литературного чувашского на фонологическом, морфосинтаксическом и лексическом уровнях. Примеры на чувашском языке взяты из материалов А. А. Русских [ПМ Русских], если не указано иное. Исследование аддитивной частицы в татарском и башкирском основано на корпусах устных текстов. Данные татарского языка получены на базе текстов, опубликованных в [Элементы 2017: 651–710].

Эти тексты были записаны в 1999–2000 гг. и представляют собой образцы чистопольского говора мишарского диалекта татарского языка. Объем этого корпуса составляет около 4 000 словоупотреблений.

Источником для башкирских данных послужил Устный корпус башкирского языка (http://lingconlab.ru/spoken_bashkir/) [Устный корпус]. В этом корпусе собраны тексты, записанные в 2011–2017 гг. в дер. Рахметово и с. Баимово Абзелиловского района Республики Башкортостан. Эти тексты относятся к кубалаякскому говору юго-восточной группы восточных говоров башкирского языка. Все примеры на башкирском языке взяты из этого корпуса, если не указано иное. Объем этого корпуса составляет около 25 000 словоупотреблений¹. Столь разные данные для чувашского, с одной стороны, и башкирского и татарского языков, с другой, вызваны доступностью соответствующих источников. Корпусные данные, в отличие от материалов, полученных методом элицитации, часто не позволяют однозначно определить функцию, которую выполняет частица. Тем не менее эти данные сопоставимы друг с другом и позволяют сделать ряд обобщений, которые представлены в этой работе.

2. Общие сведения об аддитивных частицах в тюркских языках Поволжья

Рассматриваемые частицы используются постпозитивно. В источниках по тюркологии они описываются как распространенные в разных группах тюркских языков [СИГТЯ 1988: 512].

Чувашская клитика =*TA* имеет фонетические варианты =*ta* / =*te* / =*da* / =*de* — с озвончением *t* после сонантов и в интервокальной позиции и сингармонизмом гласного с корнем по ряду: например, *atea=da* [ребенок=add] ‘ребенок’ и *piłək=te* [пять=add] ‘все пять’. Помимо одиночной клитики =*TA*, в чувашском также есть парный союз *x=TA y=TA* и редуцированный союз *tada* ‘и’.

(1)	<i>jebĕ=de</i>	<i>xĕr=de</i>	<i>lavka-ja</i>	<i>ka-r-əmər</i>
	я=ADD	девочка=ADD	магазин-OBJ	идти-PST-1PL

¹ Все примеры в статье приведены в той же записи и с тем же глоссированием, что и в корпусе источнике. Исключение составляет рас-

сматриваемая частица: из соображений единообразия она везде записана со знаком «=» и глоссируется ADD.

‘Я с дочкой пошел в магазин’.

[ПМ Леонтьева]

- (2) *sedel ci-n-dze xërlë tada simës omla vird-at*
 стол верх-р_3-LOC зеленый и красный яблоко лежать-NPST.3SG
 ‘На столе лежат красные и зеленые яблоки’.

[ПМ Леонтьева]

В татарском языке рассматриваемая частица имеет варианты $=da / =dä / =ta / =tä$. Выбор гласной также зависит от ряда гласных в предшествующем слове, а выбор согласной — от финали предшествующего слова: если слово заканчивается на гласную или звонкую согласную, используются варианты $=da / =dä$, если слово заканчивается на глухую согласную — варианты $=ta / =tä$.

Употребление аддитивной частицы в мишарском татарском было описано в работе [Пазельская 2002].

В этой статье будут выделены дополнительные контексты употребления аддитивной частицы, не упомянутые в статье А. Г. Пазельской. Во всем корпусе [Элементы 2017: 651–710] было обнаружено 122 употребления частицы $=DA$. Таким образом, частота употреблений этой частицы в мишарском татарском составляет 0,03, или 30 500 ipm.

В башкирском языке аддитивная частица имеет следующие варианты: $=la / =lä / =da / =dä / =ta / =tä$ [Рорре 1964: 59]. Выбор гласной зависит от ряда гласных в предшествующем слове, а выбор согласных — от финали предшествующего слова: варианты $=la / =lä$ употребляются после слова, заканчивающегося на гласную, варианты $=da / =dä$ — после слова, заканчивающегося на -ð, -w, -г или -j, варианты $=ta / =tä$ — после слова, заканчивающегося на звонкий согласный, варианты $=ta / =tä$ — после слова, заканчивающегося на глухой согласный. Всего в корпусе [Устный корпус] было обнаружено 727 примеров употребления аддитивной частицы. Таким образом, частота употреблений этой частицы составляет 0,029 или 29 080 ipm, что сопоставимо с частотностью аддитивной частицы в мишарском татарском.

3. Функции аддитивных частиц

Отправной точкой в исследовании аддитивной частицы в тюркских языках По-

волжья послужили типологические работы, посвященные похожим единицам, прежде всего [König 1991; Forker 2016].

Аддитивные частицы относятся к классу чувствительных к фокусу операторов, содержащих указание на существование как минимум одной верной альтернативы предиката для пропозиции со свободной переменной [König 1991: 33]. В качестве примеров аддитивных частиц можно привести русское тоже, английское also и немецкое auch.

В типологической статье [Forker 2016] показано, что, помимо непосредственно аддитивного значения, такие частицы часто используются в других функциях. К наиболее распространенным относятся скалярная аддитивность, контрастивный топик, образование неопределённых местоимений, уступительных клауз и союзных наречий, а также сочинение составляющих. Отношения между этими функциями могут быть представлены в виде семантической карты, где в качестве центрального значения выступает аддитивность (см. рис. 1).

В качестве периферийных и реже встречающихся у аддитивных частиц функций отмечается образование конструкций с числительными со значением полного охвата (ср. ‘все три’) и адвербиальных клауз со значением ‘как только’, ‘после’, ‘когда’ [Forker 2016: 84–85], использование в качестве комитатива и ассоциативного множественного числа [Creissels 2015], а также употребление в значении универсального квантора [Szabolcsi 2015: 160].

Ниже рассматриваются функции аддитивных частиц и их использование в малокарачкинском говоре чувашского, башкирском и мишарском татарском. Прежде всего, в разделе 4 рассматривается центральная функция — аддитивность. В разделе 5 рассматриваются функции, которые содержат скалярный компонент или диахронически связаны со скалярной аддитивностью.

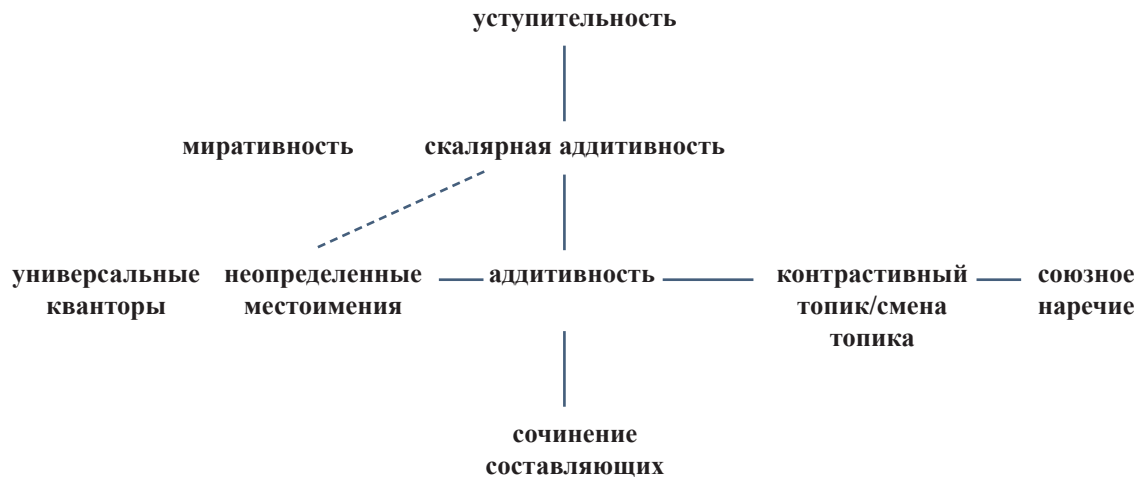

Рис. 1. Семантическая карта аддитивных маркеров² [Forker 2016: 87]
[Fig. 1. Semantic map of additive markers]

Отдельный раздел 6 посвящен функциям, содержащим операцию конъюнкции. Раздел 7 посвящен дискурсивным функциям. Обсуждение всех функций и их сравнение в рассматриваемых языках представлено в разделе 8.

4. Аддитивность

Аддитивный оператор добавляет в семантику исходного высказывания аддитивную пресуппозицию, т. е. утверждает наличие как минимум одной верной альтернативы референта / предиката [Krifka 1999]. В [König 2017: 25] отмечается, что одной из главных особенностей фокусных частиц, в

том числе аддитивных фокусных частиц, является разнообразие позиций, которые они могут занимать относительно фокусной составляющей: иногда частица присоединяется к составляющей, к которой относится, а иногда она может присоединяться ко всей клаузе целиком, даже если относится только к одной составляющей внутри клаузы.

В чувашском языке аддитивное значение обычно кодируется присоединением аддитивной клитики к составляющей (в случае группы — к ее вершине), к которой относится аддитивный фокус, как в (3):

- (3) a. *vasʲə=da* *polʲkə* *taşla-za*
Вася=ADD полька танцевать-CV_SIM
'Вася тоже танцевал польку'.
- (3) b. *vasʲə* *polʲka=da* *taşla-za*
Вася полька=ADD танцевать-CV_SIM
'Вася танцевал и польку тоже'.
- (3) c. *εumar-la* *kon-da=da* / **εumar-la=da* *kon-da* *xitre*
дождь-ATTR день-LOC=ADD дождь-ATTR=ADD день-LOC красивый
'В дождливый день тоже красиво'

[ПМ Русских]

Некоторые носители допускают использование аддитивной клитики на конце клаузы, ассоциируя ее с составляющей, выделенной интонационно:

- (4) *ʲep* *kon-a* *tu-mast-ap=ta*
я ЭТОТ-OBJ делать-NEG.NPST-1SG=ADD
'Я и это не буду делать'

[ПМ Русских].

² Перевод наш. — А. Н., С. Ж.

Аддитивная клитика =*TA* не может относиться ко всей клаузе и использоваться в примерах типа (5) в аддитивной функции. Присоединяясь ко всей клаузе, клитика =*TA* выполняет уже другую функцию, например

- (5) а. *petʲə=da* *əslə*
Петя=ADD умный
'Петя тоже умный'.
*‘Также Петя умный’

[ПМ Русских].

- (5) б. *petʲə* *əslə=da*
Петя умный=ADD
'Петя-то умный!'.
*‘Также Петя умный’

[ПМ Русских]

- (6) *petʲə* *tada* *əslə*
Петя и умный
'Также Петя умный'

[ПМ Русских].

В чувашском языке клитика =*TA* в функции аддитива может присоединяться к именам — существительным, местоимениям, прилагательным, демонстративам, наречиям

- (7) *annarʲ ul Ilwart jan-r-n-a ker-gän xäm a-nɣ=da ɣrɣš-kan.*
потом он Ильварт около-3- входить- и он- ругать-PFCT
OBL-DAT PFCT ACC=ADD

{Моя бабушка меня очень ругала ...} ‘Потом она зашла к Ильварту и его тоже поругала’

[Элементы 2017: 669].

Чаще всего частица присоединяется к именной группе. Однако также зафиксировано два примера, в которых частица относится к наречиям ‘сейчас’, ‘сегодня’.

- (8) *parallel donja-la beð-ðeɲ menän jen-där=ðä jäsä-j*
параллельный мир-LOC мы-GEN с бес-PL=ADD жить-IPFV
'В параллельном мире с нами живут и духи'

[Устный корпус].

Из них в 49 случаях частица оформляет наречие, в 92 случаях — именную группу, в 2 случаях — предложную группу, в четы-

миративность (пример 5b). Обычно в аддитивных контекстах для добавления клаузы носители предлагают использовать *tada*, как в (6).

ям, а также к инфинитивам и причастиям. В татарском корпусе текстов было обнаружено 28 (из 122) употреблений частицы =*DA* в аддитивной функции.

В башкирском корпусе найдено 147 употреблений рассматриваемой частицы в аддитивной функции.

- (9) *unan huɲ beð-ðe al-əp kit-te-lär tayə=la restoran-ya*
тот после мы-ACC брат-CV уходить-PST-PL еще=ADD ресторан-DAT
'После этого нас опять повели в ресторан'

[Устный корпус].

Само наречие *tayə* ‘еще’ имеет спектр рефактивных значений и тем самым близко к аддитивности: оно может выражать повтор действия или добавление. Видимо, именно этим вызвана относительно высокая частотность сочетания этого наречия с

рефактивной частицей. Тем не менее употребление этой частицы с этим наречием не является обязательным.

Таким образом, во всех трех языках в функции аддитива частица =*DA* используется с именными группами и наречиями. Так-

им образом, во всех трех языках в функции аддитива частица =*DA* используется с именными группами и наречиями. Так-

же зафиксировано употребление аддитивной частицы в этом значении с местоимениями, прилагательными, демонстративами, наречиями, инфинитивами и причастиями в чувашском языке и с предложной группой — в татарском и башкирском языках.

5. Скалярность

В настоящем разделе рассматриваются функции, которые содержат скалярный компонент или диахронически связаны со скалярной аддитивностью. Помимо собственно скалярной аддитивности, в этом разделе обсуждается формирование уступительных клауз и миративность. Если первые две функции содержат скалярный компонент, то последняя функция не содержит

его, однако предположительно связана с ним диахронически.

5.1. Скалярная аддитивность

Скалярная аддитивность, в отличие от простой аддитивности, не только предполагает наличие альтернатив(ы), но и упорядочивает их на шкале [König 2017: 25]. Таким образом, аддитивная частица в функции скалярного аддитива указывает на расположение референта / предиката на шкале относительно его альтернатив(ы).

В чувашском языке, как и в случае с простой аддитивностью, при кодировании скалярной аддитивности частица =*TA* располагается за составляющей, к которой относится:

- (10) a. *vasə pol'kə=da taşla-za*
Вася полька=ADD танцевать-CV_SIM
'Вася танцевал даже польку'.
- (10) b. *εumar-la kon-da=da / *εumar-la=da kon-da xitre*
дождь-ATTR день-LOC=ADD дождь-ATTR=ADD день-LOC красивый
'Даже в дождливый день красиво'

[ПМ Русских].

Использование клитики =*TA* в функции скалярного аддитива возможно с существительными, местоимениями, прилагательными, демонстративами, наречиями, причастиями настоящего времени и инфинитивами.

В отличие от простой аддитивности, скалярная аддитивность может также сочетаться с финитными формами глаголов, императивами и юссивами в отрицательных контекстах:

- (11) *petjə εir-tə-ə=da*
Петя писать-PST-3SG=ADD
*{Петя не только позвонил,} 'Петя даже написал'.
*{Петя позвонил,} 'Петя написал тоже'

[ПМ Русских].

- (12) *petjə εir-mar-ə=de*
Петя писать-NEG-PST-3SG=ADD
'Петя даже не написал'.
*'Петя тоже не написал'

[ПМ Русских].

При использовании частицы =*TA* в функции скалярного аддитива в отрицательных контекстах с императивами и юс-

сивами она может присоединяться как к прохибитивной частице *an*, так и к самому глаголу:

- (13) *on bat-n'a an=da εir / OK an εir=da*
ОН.GEN у-OBJ ПРОН=ADD писать ПРОН писать=ADD
'Даже не пиши ему!'

[ПМ Русских].

В корпусе текстов на мишарском татарском языке частица =*DA* выра-

жает скалярную аддитивность в трех примерах:

- (14) *xätta* *čäč-e-n =dä* *änä-se-n-nän* *ür-der-ä.*
 даже волос-3-OBL.ACC=ADD мать-3-OBL-ABL плести-CAUS-ST.IPFV
 {У этой женщины была только некрасивая (одна) дочь, (которая) делать ничего не умела (= работая, не знала),} ‘даже и волосы ей мать заплетала’
 [Элементы 2017: 684].

В примере (14) скалярность выражена частицей *xätta*. Как отмечает А. Г. Пазельская [Пазельская 2002], аддитивная частица является единственным маркером скалярности в контексте отрицания, а в неотрицательных предложениях она является дополнительным маркером вме-

сте с частицей *xätta*. Во всех примерах частица присоединяется к именной группе, выраженной существительным или местоимением.

В башкирском корпусе обнаружено 29 примеров употребления аддитивной частицы в этой функции:

- (15) *jen-där=dä* *bel-mä-j*
 душа-PL=ADD знать-NEG-IPFV
 {А о будущем людей даже шайтаны ничего не знают.} ‘Даже духи не знают’
 [Устный корпус].

В отличие от татарского данная частица может выражать скалярную аддитивность и в неотрицательных предложениях без дополнительных маркеров. Тем не менее примерно половина примеров приходится на отрицательные контексты.

5.2. Уступительные клаузы

В ряде исследований [Forker 2016; Haspelmath 1997; и др.] отмечается, что уступительные клаузы часто содержат аддитивные частицы. Типологически частые случаи использования аддитивных частиц для формирования уступительных клауз объясняются наличием скалярного компонента в уступительных клаузах. В отличие от скалярного аддитива, сферой действия которого обычно является отдельное слово, сфера действия скалярного аддитива в уступительных клаузах распространяется на всю клаузу.

Среди уступительных клауз принято выделять два главных типа: так называемые стандартные уступительные клаузы (‘standard concessive constructions’) и так называемые условно-уступительные (‘concessive conditionals’). Условно-уступительные клаузы делятся дополнительно на три подтипа [Haspelmath, König 1998: 563]: скалярные условно-уступительные клаузы (‘even if’), универсальные условно-уступительные клаузы (‘whatever’), альтернативные условно-уступительные (‘whether or not’). Чаще всего аддитивная частица участвует в формировании скалярных условно-уступительных клауз [Forker 2016: 77].

Стандартные уступительные конструкции — ‘Хотя S1, S2’ — содержат пресуппозицию, указывающую на то, что обычно пропозиции S1 и S2 рассматриваются как взаимоисключающие — в нормальном случае ‘Если S1, то обычно не S2’ [Forker 2016: 77].

Скалярные условно-уступительные клаузы используются для описания ситуаций, где S1 — наименее вероятный выбор на шкале. Универсальные условно-уступительные клаузы¹ используются в ситуациях, где утверждается, что при любой степени S1 S1 приведет/не приведет к S2 [Forker 2016: 78].

Так как семантика S1 допускает любое расположение на шкале, в универсальных условно-уступительных клаузах в S1 обычно содержится универсальный квантор, вопросительное или неопределенное местоимение с семантикой свободного выбора [Forker 2016: 77]. Таким образом, этот подтип сближается по своей функции с употреблением аддитивной частицы при универсальных кванторах или для маркирования неопределенных местоимений (см. разделы 6.2, 6.2).

Альтернативные условно-уступительные клаузы описывают ситуацию, где, как при верном, так и неверном S1, случится S2. В таких клаузах аддитивная частица может присоединяться как к одному дизъюнкту, так и к обоим [Forker 2016: 77]. Этот подтип близок к сочинительной функции аддитивных частиц (см. раздел 6.1).

В малокарачкинском говоре чувашского языка для образования стандартных

³ В другой терминологии «unconditionals» [Zaefferer 2019].

уступительных клауз используется деепричастие предшествования или показатель условности *tək* в сочетании с аддитивной частицей. В (16a) приведен пример стандартной уступительной клаузы в чувашском.

- (16) a. *εutər* *εu-zan=da*
дождь мыть-CV_ANT=ADD
'Хотя идет дождь, мы пойдем гулять'

В случае отсутствия аддитивной частицы, как в (16b), предложение остается грамматичным, однако содержит временное значение, а не уступительное.

- (16) b. *εutər* *εu-zan*
дождь мыть-CV_ANT
'Когда пойдет дождь, мы пойдем гулять'.
* 'Хотя идет дождь, мы пойдем гулять'

[ПМ Русских].

[ПМ Русских].

Для формирования скалярных условно-уступительных клауз в малокарачкиском говоре чувашского языка используется показатель условности с аддитивной частицей. В (17a) приведен пример скалярной условно-уступительной клаузы. Без использования аддитивной частицы, как в (17b), предложение остается грамматичным, однако глагольная форма содержит только

условный компонент, а не условно-уступительный. В чувашском языке для формирования универсальных условно-уступительных клауз в S1 используется неопределенное местоимение с семантикой свободного выбора, показатель времени и показатель условности с аддитивной частицей на глаголе.

- (17) a. *vəl* *sana* *təër-et=tėk=te*
он ты.OBJ звать-NPST[3SG]=COND=ADD
'Даже если он позовет тебя, не приходи!'

an *gil*
PROH прийти

[ПМ Русских].

- (17) b. *vəl* *sana* *təër-et=tėk*
он ты.OBJ звать-NPST[3SG]=COND
'Если он позовет тебя, не приходи'.
* 'Даже если он позовет тебя, не приходи!'

an *gil*
PROH прийти

[ПМ Русских].

В примере (18) также показано, что отсутствие аддитивной частицы делает пред-

ложение неграмматичным.

- (18) *mėnle = de* *bol -in* *lajək* *knege* *εir-ə-n = dək =ta*
Какой = ADD быть - CONC хороший книга писать-FUT-2SG-COND =ADD
**εir-ə -n = tək* *palə* *εin* *pol- mes- ən*
писать-FUT-2SG = знаменитый человек быть - NEG.NPST - 2SG
'Какую хорошую книгу ты бы ни написал, ты не станешь знаменитым'

[ПМ Русских].

Альтернативные условно-уступительные клаузы описывают ситуацию, где как при верном, так и неверном S1 случится S2. В таких клаузах аддитивная частица может присоединяться как к одному дизъюнкту, так и к обоим [Forker

2016: 77]. В чувашском языке возможны два варианта маркирования альтернативных условно-уступительных клауз: они формируются присоединением аддитивной частицы к обоим дизъюнктам или только к последнему (см. (19)):

- (19) *εutər* *pol-at=(te)* *pol-mast=te* *per* *gulat'* *tu-ma* *kaj-a-pər*
дождь быть-NPST=ADD быть-NEG.NPST=ADD мы гулять делать-INF прийти-NPST-1PL
'Будет дождь или нет, мы все равно пойдем гулять'

[ПМ Русских].

В мишарском диалекте татарского языка аддитивная частица также выступает обязательным элементом при формировании уступительной конструкции. В этой функции она присоединяется к условной форме глагола:

- (20) *črsr bul-sa=da, ul barɣber zur kerpe, di-gän.*
 елка быть-COND=ADD этот все.равно большой еж говорить-PFCT
 ‘«Хоть (это) и елка, все равно это большой еж», — сказал (он)’
 [Элементы 2017: 702].

В корпусе обнаружено 8 примеров употребления уступительной конструкции. Среди этих восьми примеров 6 представляют собой стандартные уступительные конструкции, один — универсальную условно-уступительную конструкцию:

- (21) *kaja bar-sa-m=da xezmät-eñ xak-ɣ-n-da xermät*
 где идти-COND-1SG=ADD труд-2SG из.за-3-OBL-LOC уважение
bir-ä-lär i-kän üz-em-ne bik xermät-l-ä-de-lär.
 давать-ST.IPFV-AUX1-PFCT сам-1SG-ACC очень уважение-VRB-ST-PST-PL
 ‘Где бы ни была (= куда бы ни пошла), за (твой) труд, оказывается, уважают, меня очень уважали’
 [Элементы 2017: 666].

В отличие от чувашского, в данном примере используется вопросительное (или немаркированное), а не неопределенное местоимение. Еще один пример содержит скалярную условно-уступительную клаузу:

- (22) *telke ät-kän: “šrlaj bul-sa=da anar-ga kür-e-n-m-ä-sä-m jaxšɣ-rak bul-ɣ-r.”*
 лиса говорить-такой быть-ОН.OBL-видеть-ST-хорошо-быть-ST-
 PFCT COND=ADD DAT PASS-NEG-ST-COND-1SG COMP POT
 ‘Лиса сказала: «Даже если так, лучше будет, если я ей не покажусь (= не увижусь)»’
 [Элементы 2017: 700].

В башкирском языке уступительные клаузы также образуются с помощью сочетания глагольной формы условного деепричастия и аддитивной частицы:

- (23) *öj-där-e-n hat-ha-lar=ða šunda jörö-j tej ul*
 дом-PL-P.3-ACC продавать-COND-PL=ADD TOT.DAT ходить-IPFV сказать тот
 ‘И хотя их дом и продали, он там ходит’
 [Устный корпус].

Всего в корпусе обнаружено 28 примеров употребления уступительных предложений. Среди них представлены все четыре вида уступительных конструкций. 12 примеров представляют собой стандартные уступительные конструкции (пример 23). В 10 примерах используется скалярная условно-уступительная конструкция:

- (24) *bel-hä-m=dä tið=genä iθlä-p bul-ma-j*
 знать-COND-1SG=ADD быстрый=только помнить-CV быть-NEG-IPFV
 ‘Даже если знаю, сразу вспомнить не могу’
 [Устный корпус]

В 4 примерах представлены универсальные условно-уступительные клаузы:

- (25) *qaj-ða ker-hä=lä uqə-j inde*
 где-LOC входить-COND=ADD читать-IPFV уже
 ‘Куда бы ни поступила, будет учиться’
 [Устный корпус].

Как и в татарском, в башкирских универсальных условно-уступительных клаузах используется вопросительное (или немаркированное) местоимение.

(26)	... <i>Mahira</i> Магира	<i>apaj</i> старшая. сестра	<i>beđ-gä</i> мы-DAT	<i>kil-ä</i> приходить- IPFV	<i>inde</i> уже	<i>asəu</i> голодать
	<i>asəq-ma-ha=la</i> голодать- NEG- COND=ADD	<i>asəq-ha=la</i> голодать- COND=ADD	<i>kil-ä</i> приходить-IPFV	<i>jeŋgä</i> невестка	<i>tip</i> сказать.CV	

‘К нам приходила Магира-апай, дочь деда Шарафа, родственника отца, сытая ли, голодная ли, приходила, жена старшего брата...’

[Устный корпус].

При образовании уступительных конструкций в башкирском употребление аддитивной частицы обязательно (см.: [Грамматика 1981: 467]). При этом сама конструкция условного деепричастия в сочетании с аддитивной частицей может выражать и простые условно-временные значения без оттенка уступительности (хотя в уступительной функции эта конструкция встречается чаще).

Вероятно, в таких предложениях аддитивная частица выполняет другую функцию, например, функцию сочинения клаузы (см. раздел 6.1), а условное деепричастие используется в своей основной функции.

5.3. Миративность

Миративное значение редко описывается среди функций аддитивных частиц. Между тем оно фиксируется для аддитивной частицы *timl* в кантонском диалекте китайского языка [Winterstein et al. 2018] и скалярного аддитива *even* в английском [Kim, Jahnke 2011]. Помимо миративного значения отмечается, что в английском *even* в конце предложения может использоваться также для уточнения говорящим предыдущего контекста (так называемые ‘elaborative use’) или его исправления (так называемые ‘corrective use’).

Согласно [Aikhenvald 2012: 473], грамматическая категория миративности может включать в себя внезапное открытие или осознание чего-либо, неожиданность, неподготовленность, контрожидание, новую информацию. Каждый из аспектов может относиться как к говорящему, так и к слушающему/аудитории или главному герою повествования. В данном разделе объединены как прототипические случаи выражения миративного значения, так и случаи, в которых уточняется или исправляется предыдущий контекст.

Наконец, в двух примерах зафиксирована альтернативная условно-уступительная конструкция:

В обеих статьях, [Kim, Jahnke 2011] и [Winterstein et al. 2018], предлагается анализировать миративные, уточняющие и корректирующие употребления простых и скалярных аддитивных частиц как развившиеся диахронически из значения скалярной аддитивности.

В чувашском языке частица *=TA* может использоваться в миративном значении и для уточнения предыдущего контекста. Как можно увидеть из примеров (27)–(28), такие употребления допускаются только в тех случаях, когда аддитивная клитика занимает позицию в конце клаузы:

(27)	<i>atka</i> ребенок	<i>sumar=da</i> больной=ADD
	‘Ребенок в самом деле болеет’	

[ПМ Русских].

(28)	<i>atka=da</i> ребенок=ADD	<i>sumar</i> больной
	‘Ребенок тоже болеет’.	
	‘Даже ребенок болеет’.	
	*‘Ребенок в самом деле болеет’	

[ПМ Русских].

Пример (27) возможен в двух контекстах: когда сам говорящий выражает удивление, обнаружив у ребенка признаки болезни (например, горячий лоб), или когда говорящий сообщает эту информацию слушающему, предполагая, что она будет для него неожиданной.

Уточнение обычно отражает более высокое расположение на шкале по сравнению с тем, что утверждалось ранее. Так, в примере (29) уточняется степень информированности: ‘догадываться’, обладать неточной информацией, заменяется на ‘знать’, обладать точной информацией:

- (29) *vəl* *ɣotla-za* *peli-mes* *vəl* *ona* *pəl-et=te*
 он думать-CV_SIM знать-NEG.NPST он это знать-NPST[3SG]=ADD
 ‘Он не догадывается, он именно знает это’

[ПМ Русских].

Татарская частица =*DA* также может использоваться в миративном контексте или для уточнения предыдущего контекста. На эти употребления указывает А. Г. Пазельская [Пазельская 2002], формулируя эти значения как «удивление: надо же!» и «частицы вот — и». Для миративного контекста «надо же!» она приводит пример, в котором частица является единственным носителем миративного значения:

- (30) *Riṣat=ta* *kil-de!*
 Ришат=ADD приходить-PST
 ‘Надо же, Ришат пришел!’

[Пазельская 2002].

В корпусе обнаружено 7 примеров, в которых присутствует оттенок миративности. Возможно, в большинстве из них частица также выполняет другие функции (например, маркирование неопределенных местоимений), однако выяснить это без элициции сложно.

- (31) *qimmät=tä* *inde* *ike* *meŋ* *äð*
 ценность=ADD уже два тысяча мало
aqsa=dä *huŋ* *ike* *meŋ*
 деньги=ADD после два тысяча
 ‘Дорого же, две тысячи, это же ведь немалые деньги, две тысячи’

[Устный корпус].

В башкирском языке аддитивная частица также употребляется в миративных контекстах:

В корпусе зафиксировано 62 употребления аддитивной частицы в миративных контекстах. В большинстве случаев также сложно однозначно утверждать, какую именно функцию выполняет частица.

6. Конъюнкция

Отдельный ряд исследований посвящен кванторным частицам, способным одновременно кодировать универсальную квантификацию (преимущественно присоединяясь к вопросительным местоимениям), аддитивность и некоторые другие функции. Семантическая связь между универсальными кванторами и аддитивностью объясняется тем, что они оба содержат операторы конъюнкции [Szabolcsi 2015: 188].

Универсальные кванторы способствуют распределению по конъюнктам, в то время как аддитивное значение предполагает конъюнкцию между предложением, содержащим аддитив, и альтернативой, которая находится в пресуппозиции. Одной из разновидностей употребления частиц в функции универсальной квантификации являются конструкции с числительными со значением полного охвата. Под этими конструкциями понимаются такие случаи, когда

квантифицируемая группа выражает выбор *N* предметов из множества *N*, как русское оба или французское *tous les trois* ‘все три’.

Способность кодировать полный охват с числительными упоминается как возможное смежное значение аддитивного, однако менее частотное по сравнению с другими функциями и, в связи с этим, не помещается на семантическую карту [Forker 2016: 85].

В [Русских 2019] было показано, что объединяющим смежным значением для всех рассматриваемых в исследовании языков, кодирующих значение полного охвата с числительными с помощью аддитивных маркеров, является простая аддитивность. Это позволяет предполагать, что именно из аддитивности развивается значение полного охвата.

Союзное значение (сочинение составляющих) также является оператором конъюнкции; в некоторых случаях союзы приносят значение универсальной квантификации (см. подробнее анализ повторяющихся союзов в [Bumford 2013] как универсальных кванторов). Важной особенностью универсальных кванторов, связанных с аддитивными частицами, является дистрибутивность [Gil 1995; Szabolcsi 2015]. Дистрибутивность предполагает наличие семантически множественного компонента — индивидов

больше двух, — который блокирует коллективные интерпретации, возможные с другими универсальными кванторами [Gil 1995: 345]. Далее использование аддитивной частицы для кодирования значения дистрибутивной множественности будет рассмотрено отдельно в разделе 6.5.

Использование аддитивной частицы с неопределенными местоимениями объясняется, с одной стороны, их семантической близостью к универсальным кванторам — некоторые серии местоимений имеют семантику свободного выбора, ср. русское любой [Haspelmath 1997], — с другой стороны, наличием обязательного дистрибутивного компонента [Gil 1995].

Таким образом, использование аддитивной частицы для универсальной квантификации, а также употребления с неопределенными местоимениями, в союзном значении и в значении дистрибутивной множественности возможны из-за конъюнктивного компонента, который также

объясняет обязательную дистрибутивную интерпретацию, появляющуюся в этих контекстах. Ниже будет рассмотрен комплекс функций аддитивных частиц, связанных с конъюнктивным компонентом: сочинение составляющих (6.1), универсальные кванторы (6.2), числительные со значением полного охвата (6.3), неопределенные местоимения (6.4), дистрибутивная множественность (6.5). Помимо этого, будут рассмотрены маргинальные употребления аддитивной частицы, также связанные, как нам кажется, с конъюнктивным компонентом: употребление аддитивной частицы внутри составных числительных (6.6), сложных глаголов и сериальных конструкций (6.7).

6.1. Сочинение составляющих

В экспедиционных материалах Т. Леонтьевой по малокарачклинскому чувашскому [ПМ Леонтьева] частица =*TA* описывается как наиболее универсальное сочинительное средство: аддитивная частица может сочинять клаузы, а также глагольные, пред-

- (32) *olʲə xitre=de əslə xër atəa*
Оля красивый=ADD умный девушка ребенок
'Оля красивая и умная девочка'.

[ПМ Леонтьева]

- (33) *Jep oram-a tok-r-əm=da man-a pit-ren ɛil vër=teĕ*
я улица-OBJ идти-PST-1SG=ADD я-OBJ лицо-AVL ветер дуть=COP_PST
'Я вышел на улицу, и ветер стал дуть мне в лицо'.

[ПМ Леонтьева]

ложные, именные группы и группы прилагательного. Клитика присоединяется к первому конъюнкту:

Т. Леонтьева также отмечает, что при сочинении глаголов и клауз =*TA* вносит семантику последовательности действий. Так, в примерах типа (33) действие в первой

клаузе интерпретируется как предшествующее действию во второй клаузе, тогда как с другими сочинительными средствами такого семантического эффекта не наблюдается.

Использование =*TA* на каждом конъюнкте привносит значение универсальной квантификации:

- (34) *mata=da papa=da atə-i=de gi-ze*
Мама=ADD папа=ADD ребенок-P_3=ADD прийти-CV_SIM
'И мама, и папа, и ребенок пришли' {вся семья пришла}

[ПМ Русских].

Частица =*TA* не может сама по себе кодировать универсальную квантификацию:

- (35) *atəa=da / atə-i=de gi-ze*
ребенок=ADD / ребенок-P_3=ADD прийти-CV_SIM
*'Все дети пришли'.
'Дети тоже пришли'

[ПМ Русских].

Однако при перечислении объектов возможно образование конструкции со значением полного охвата прибавлением =*TA* к последней составляющей. Вероятно, использование *TA*

для кодирования полного охвата в примерах типа (36)–(37) допускается из-за того, что число индивидов в множестве известно (задано перечислением), как и в случае с числительными.

- (36) *aşə-ba* *aməş=ta* *ka-rⁱ-əe*
отец.Р_3-INS мать.Р_3=ADD прийти-PST-3PL
‘Оба родителя ушли’

[ПМ Русских].

- (37) *aşə* *aməş-pa* *ate-i=de* *ka-rⁱ-əe /* *ka-rⁱ-ə*
отец.Р_3 мать.Р_3-INS ребенок-Р_3=ADD прийти-PST-3PL прийти-PST-3SG
‘Мама, папа и ребенок, все трое, ушли’

[ПМ Русских].

Как и в чувашском языке, в мишарском татарском представлено два типа сочинительной конструкции с аддитивной частицей.

В первом случае аддитивная частица присоединяется только к первой составляющей:

- (38) *činownik* *br-lar-nx* *tan-x-gan=da* *jarlxk* *jaz-x-p* *bir-gän.*
чиновник этот-PL-ACC узнавать-ST-
PFCT=ADD ярлык писать-ST-
CONV давать-PFCT
‘Чиновник их узнал и выписал ярлык’

[Элементы 2017: 657].

Если в конструкции составляющих больше двух, то аддитивная частица присоединяется ко всем, кроме последней.

Во втором случае аддитивная частица присоединяется к каждой составляющей, включая последнюю:

- (39) *räxmät* *zawot-ta-gr* *naçalnik-lar-ga=da* *üz-ebez-neñ* *persidätel-lär-gä=dä* *brigadir-lar-ga=da.*
спасибо завод-LOC-ATR начальник-PL-
DAT=ADD сам-1PL-
GEN председатель-PL-
DAT=ADD бригадир-PL-
DAT=ADD
‘Спасибо и заводским начальникам, и нашим председателям, и бригадирам’

[Элементы 2017: 666].

Всего в корпусе обнаружено 35 примеров на первый тип конструкции и 4 примера — на второй тип конструкции. Во всех примерах на первый тип конструкции сочинение происходит между глагольными группами, в то время как во всех четырех примерах на второй тип конструкции сочинение происходит между именными составляющими (существительными или местоимениями), ср. примеры (38) и (39).

У башкирской аддитивной частицы сочинение составляющих — основная функция. На нее приходится наибольшее число употреблений в корпусе: 263. В этой функции аддитивная частица может присоединяться к каждой составляющей (пример 40) или ко всем составляющим, кроме последней (пример 41).

- (40) *Şunəñ* *arqa-hə-nda* *beð-ðeñ* *başqort* *bala-lar-ə*
TOT.GEN спина-Р.3-LOC мы-GEN башкир ребенок-PL-Р.3
rus-sa=la *başqort-sa=la* *həjbät* *bel-ä-lär*
русский-ADV=ADD башкир-ADV=ADD хороший знать-IPFV-PL
‘Из-за этого наши башкирские дети знают и русский, и башкирский’

[Устный корпус].

- (41) *uğa* *oqşa-ma-nə=la* *mašina-nə* *tağə=la* *qəw-a* *başla-nə*
TOT.DAT быть.похожим-
NEG-PST=ADD машина-ACC еще=ADD гнать-
IPFV начинать-PST
‘Ему это не понравилось, еще больше машину гнать начал’

[Устный корпус].

В первом случае дублирующаяся аддитивная частица участвует в сочинении именных или предложных групп, а также

наречий. В корпусе представлено 22 предложения с повторяющейся частицей при сочинении.

Во втором случае аддитивная частица участвует в сочинении клауз и присоединяется к глагольной форме или связке, т. е. к вершине клаузы. В корпусе представлено 241 предложение с такой сочинительной

конструкцией. Отношения между клаузами могут быть как собственно сочинительными (например, при перечислении событий, следующих друг за другом), так и условно-временными:

- (42) *min üđ-em mulla-lar juq=ta üđ-em qasqar-yan-əm bar*
я сам-Р.1SG мулла-PL NEG.EX=ADD сам-Р.1SG кричать-Р.1SG PST-имеется

‘Мне самой, когда мулла нет, самой кричать случалось’

[Устный корпус].

По всей видимости, такая взаимосвязь типа сочинительной конструкции с типом составляющих вызвана разными функциями конструкций: повторяющаяся частица маркирует универсальную квантификацию, которая в принципе в текстах чаще относится к участникам, выраженным именными группами, а не к ситуациям, выраженным глагольными группами. Обычное сочинение именных составляющих маркируется другими средствами (в башкирском языке прежде всего послелогом *mənän*, см. [Пучкова 2017]). А единичное употребление частицы (без дублирования частицы на последнем элементе) маркирует последова-

тельную цепочку событий, которые выражаются отдельными клаузами с глагольными формами в вершине.

6.2. Универсальные кванторы

В малокарачкнском говоре чувашского языка аддитивная частица регулярно используется с универсальными кванторами. В большинстве случаев — с кванторами *pëdëm* ‘весь’, *mën-bog* [что-все] ‘все’ и *kazni* ‘каждый’ — она не обязательна и может опускаться без изменения смысла предложения, см. (43). С кванторным словом *rog* ‘все’ при кодировании дискретных множеств использование аддитивной частицы обязательно, см. (44).

- (43) *pëdëm atea=da / atea gil-ze*
весь ребенок=ADD ребенок прийти-CV_SIM
‘Все дети пришли’

[ПМ Русских].

- (44) *por atea=da / *atea gil-ze*
все ребенок=ADD ребенок прийти-CV_SIM
‘Все дети пришли’

[ПМ Русских].

С кванторными словами *pëdëm* ‘весь’, *mën-bog* [что-все] ‘все’ и *kazni* ‘каждый’ аддитивная частица прикрепляется на вершину именной группы, как в примере выше,

тогда как с универсальным квантором *rog* ‘все’ встречается как контактное, так и неконтактное следование клитики, ср. (44) и (45).

- (45) *por=da atea-zam gil-ze*
все=ADD ребенок-PL прийти-CV_SIM
‘Все дети пришли’

[ПМ Русских].

Ни с одним из кванторов *=TA* не может использоваться для кодирования универсальной квантификации с единичными сущностями. Так, универсальный квантор *pëdëm* может использоваться для квантификации как единоличных сущностей, так и множе-

ства индивидов, однако добавление аддитивной клитики делает невозможной интерпретацию, при которой квантификация происходит над одним объектом, а не над множеством:

- (46) *pëdëm olm-i sip.simës*
весь яблоко-Р_3 зеленый.презеленый
‘Всё яблоко зеленое’. / ‘Все яблоки зеленые’

[ПМ Русских].

- (47) *pëdëm olm-i=de sip.simes*
 весь яблоко-Р_3=ADD зеленый.презеленый
 ‘Все яблоки зеленые’.
 *‘Всё яблоко зеленое’

[ПМ Русских].

В корпусе мишарского татарского зафиксированы употребления аддитивной частицы с кванторными словами хӑг ‘каждый’, бар ‘все’ и beten ‘весь’. При вершинном (~ субстантивированном) употребле-

нии квантора бар ‘все’ использование частицы =*DA* является, по всей видимости, обязательным: во всех четырех примерах, зафиксированных в корпусе, есть эта частица (см. 48).

- (48) *şır-n-nan sır bar-xbız=da mırtazin bakça-sır-n-a ker-de-k=tä...*
 этот-OBL-ABL после все-1PL=ADD Мортазин сад-3-OBL- DAT
 ‘Потом мы все зашли в сад Мортазина...’

[Элементы 2017: 672].

В том примере, где бар ‘все’ употребляется в функции модификатора (~атрибутивно) и обозначает целостность еди-

ной сущности, а не квантификацию множества, как в (48), аддитивная частица отсутствует:

- (49) *...minem kul ast-x-n-da-gır bar xalıx ber-ber- belän dus bul-sın-*
se nar...
 я.gen рука под-3-OBL-LOC- весь народ один- с друг быть-
 ATR один-3 JUSS-PL
 ‘Все (=весь народ), кто (находится) под моей властью (=рукой), пусть дружит друг с другом...’

[Элементы 2017: 698].

С кванторными словами хӑг ‘каждый’ и beten ‘весь’ аддитивная частица используется факультативно: в корпусе она зафиксирована в одном примере со словом хӑг ‘каждый’

из 6 и в двух примерах со словом beten ‘весь’ из 8. Во всех случаях аддитивная частица присоединяется к вершине именной группы, а не собственно к кванторному слову:

- (50) *... beten jeräg-em belän eşl-ä-de-m min xär жір-dä=dä.*
 весь сердце-1SG с работать-ST-PST-1SG я каждый земля-LOC=ADD
 {Я, правда, хотя сама была маленькой, очень старательно работала, чтобы среди людей не остаться в позоре,} ‘всем сердцем я везде (=в каждой земле) работала’

[Элементы 2017: 663].

- (51) *... beten eş-lär-ne=dä eşl-i bel-gän.*
 всякий дело-PL-ACC=ADD работать-ST.IPFV знать-PFCT
 {Уже с малых лет она росла очень умелой девочкой,} ‘и всякую работу умела делать’

[Элементы 2017: 702].

В примерах употребления аддитивной частицы со словами хӑг ‘каждый’ и beten ‘весь’ можно допустить, что частица появилась не только из-за контекста универсальной квантификации, но и по каким-то другим причинам, например для выражения значения миративности.

В башкирском языке для выражения универсальной квантификации используются слова här ‘каждый’, bötä, barä, köllö, hämmä ‘весь/все’ и однокоренные им (см.: [Грамматика 1981: 158]).

В корпусе зафиксированы только кванторные слова här ‘каждый’ и bötä ‘весь/все’. Аддитивная частица употребляется преимущественно с bötä ‘весь/все’: 30 примеров из 39 (в конструкциях со словом här обнаружено только одно употребление аддитивной частицы из 29). Аддитивная частица употребляется только в том случае, когда кванторное слово обозначает универсальную квантификацию множества:

- (52) *hām šundaj öθtäl-där ine bötä-he-ndä=lä*
и так стол-PL быть.PST все-Р.3-LOC=ADD
'И такие шведские столы были у всех'

[Устный корпус].

При этом кванторное слово может употребляться как самостоятельно (~ в качестве вершины, см. пример 52), так и в позиции модификатора (~атрибутивно):

- (53) *bötä uñaj-ləq-tar=da bar ine*
все удобный-NMLZ-PL=ADD имеется быть.PST
'Были все удобства'

[Устный корпус].

В первом случае аддитивная частица присоединяется собственно к кванторному слову, во втором случае — к именной груп-

пе, обозначающей множество. Также встречаются примеры, в которых аддитивная частица дублируется на обоих элементах:

- (54) *hām hār waqət-ta uya bötä=lä nämä-ne=lä*
и каждый время-LOC тот весь=ADD вещь-ACC=ADD
ire-he-nsä ešlā-r-gä hām röxsät it-mäθ-kä tərəš-a
обратный-Р.3-ADV работать-POT-DAT и разрешение делать-NEG.POT-DAT стараться-IPFV
'И всегда она старается делать все ей наперекор и ничего не разрешать'

[Устный корпус].

Если же кванторное слово обозначает целостность единой сущности, то аддитивная частица практически никогда не

употребляется¹. Обычно в таких случаях кванторное слово занимает позицию модификатора:

- (55) *šul taš-tə bötä jer-ðeñ kəndeg-e tip äjt-ä-lär inde*
тот камень-ACC весь земля-GEN пупок-Р.3 сказать.CV говорить-IPFV-PL уже
'Говорят... этот камень называют пупом всей Земли'

[Устный корпус].

Во всех трех языках главным требованием аддитивной клитики =DA в контекстах с универсальной квантификацией является семантическая множественность кодируемой совокупности. В связи с этим аддитивная клитика недопустима в контекстах с едиными целостными сущностями и используется только при кодировании дискретных множеств.

6.3. Числительные со значением полного охвата

В малокарачкинском говоре чувашского языка значение полного охвата с числительными образуется прибавлением посессивного показателя и аддитивной клитики к вершине именной группы:

- (56) а. *igě oml-i=de* / **omla=da xěrlě*
два яблоко-Р_3=ADD яблоко=ADD красный
'Оба яблока красные'

[ПМ Русских].

- (56) б. *igě omla xěrlě*
два яблоко красный
'Два яблока красные'

[ПМ Русских].

- (56) в. **igě=de oml-i xěrlě*
два=ADD яблоко-Р_3 красный

¹ В корпусе зафиксирован один пример употребления аддитивной частицы в контексте целостности некоторой сущности, одна-

ко в том примере появление частицы может быть также вызвано митативным контекстом.

Ожид. значение: ‘Оба яблока красные’

[ПМ Русских].

Аддитивная клитика может также присоединяться к числительным в собирательной форме при субстантивных употреблениях:

- (57) *ikk-ëş=te* *xërlë*
 два-COL.P_3=ADD красный
 ‘Оба красные’

[ПМ Русских].

Пример (56) демонстрирует, что посессивный показатель обязателен при образовании числительных со значением полного охвата. Как показано в [Логвинова 2019], одной из основных функций посессивного показателя в малокарачклинском говоре

чувашиского языка является кодирование определенности. В типологическом исследовании [Русских 2019] было показано, что для ряда языков, имеющих маркер определенности, его использование обязательно для образования конструкций со значением полного охвата.

Ограничений на использование аддитивной частицы для образования конструкций со значением полного охвата с большими числительными не обнаружено. Аддитивная частица может присоединяться в этом значении как к маленьким числительным, так и к большим:

- (58) *igë* / *pillek* / *xërëk* *ate-i=de* *kil-te-ëc*
 два пять сорок ребенок-P_3=ADD прийти-PST-3PL
 ‘Оба / все пятеро / все сорок детей пришли’

[ПМ Русских].

Конструкции со значением полного охвата могут быть образованы не только с

помощью аддитивной частицы, но и с помощью универсальных кванторов:

- (59) *pëdëm* *igë* / *xërëk* *ate-i=(de)* *kil-te-ëc*
 весь два сорок ребенок-P_3=ADD прийти-PST-3PL
 ‘Оба / все сорок детей пришли’

[ПМ Русских].

Числительные со значением полного охвата могут иметь как дистрибутивную, так и коллективную интерпретацию. В малокарачклинском говоре чувашского языка

числительные со значением полного охвата могут использоваться с симметричными / коллективными предикатами:

- (60) *igë* *xër* *ate-i=de* *për* *për-in-be* *përeşkel*
 два дочь ребенок-P_3=ADD один один-P_3-INS одинаковый
 ‘Две (букв. обе) девочки похожи друг на друга’

[ПМ Русских].

В мишарском татарском аддитивная частица, по всей видимости, является обязательным элементом при образовании числительных со значением полного охвата.

Когда числительное субстантивировано, т. е. его вершина не выражена, аддитивная частица присоединяется к количественному числительному:

- (61) *ike-se=dä* *ül-ü-gä* *kel-gä* *älän-e-p* *kük-kä* *xç-a-lar*
 два-3=ADD умирать-NMN-DAT зола-DAT крутиться-ST-CONV небо-DAT летать-ST-IPFV-PL
 ‘Обе, умерев, превратились (=превратившись) в золу (и) улетели на небо’.

[Элементы 2017: 696–697].

В корпусе обнаружен только один пример употребления числительного полного охвата. В этом примере числительное оформляется посессивным показателем 3-го л., как и в чувашском языке. В словаре татарского

языка для слова ‘оба’ также приводится аддитивная частица [РТС 1997: 320].

В башкирском языке числительные полного охвата также маркируются с помощью аддитивной частицы. Если участники мно-

жества выражены, то частица присоединяется к существительному, реферирующему к этим участникам:

- (62) *dürt bala-hə=la äsä-lär-e-nä qara-ma-j-ðar qara-ma-j-ðar tej*
 четыре ребенок- мать-PL-P.3-DAT смотреть-NEG-IPFV-PL смотреть-NEG-IPFV-PL сказать-IPFV
 P.3=ADD
 ‘Дети не ухаживали за матерью, ой, мать, ой, дети, все четверо детей не ухаживали за матерью, не ухаживали вот’

[Устный корпус].

Если же участники множества не выражены, то числительное субстантивируется и частица присоединяется к самому числительному:

- (63) *ik-äw-he=lä uqə-nə-lar*
 два-NUM.SUBST-P.3=ADD читать-PST-PL
 ‘Оба получили образование’

[Устный корпус].

Во всех случаях именная группа также оформляется показателем посессивности, который, вероятно, маркирует определенность. В корпусе обнаружено 11 примеров с числительными полного охвата, во всех случаях они оформлены аддитивной частицей.

6.4. Неопределенные местоимения

В чувашском с помощью аддитивной частицы образуются три серии неопределенных местоимений, а именно серия на *X=ta bolin* (64), серия на *ta-* в контекстах с семантикой свободного выбора (65) и серия отрицательных местоимений на *ni-* (66).

- (64) *kam=da / *kam bol-in gil-ze-j*
 кто=ADD кто быть-CONC прийти-CV_SIM-Q
 ‘Кто-нибудь приходил?’

[ПМ Русских].

- (65) a. *ta-sta=da gravitatsi bor*
 INDEF-где=ADD гравитация есть
 ‘Где угодно есть гравитация’

[ПМ Русских].

- (65) b. *ta-sta gravitatsi bor*
 INDEF-где гравитация есть
 *‘Где угодно есть гравитация’.
 ‘Где-нибудь есть гравитация’

[ПМ Русских].

- (66) *Ni-gam=da /*ni-gam tan'ə prazdnik*
 ни-кто=ADD ни-кто Таня праздник
ean-ba vəl kil'-d-ě jol-za
 тот-INS он прийти-PST-3SG остаться-CV_SIM
 ‘Никто не позвал Таню, поэтому она осталась дома’

[ПМ Русских].

Неопределенные местоимения в мишарском татарском формируются из местоименной основы, указывающей на онтологическую категорию (напр., *kem* ‘кто’, *kağa* ‘где’ и др.),

и показателя серии *ber* в сочетании с частицей *=DA*, *ällä* или *dät* (см.: [Элементы 2017: 44]). При использовании *ber* употребление аддитивной частицы является обязательным.

- (67) *ber-närsä=dä bul-m-xj, kil-sen.*
 INDEF-что=ADD быть-NEG-ST-IPFV приходить-JUSS
 ‘Ничего даже не будет (за то, что опоздала из отпуска), пусть придет’

[Элементы 2017: 664].

Судя по зафиксированным примерам в корпусе, а также по описанию [Татарская грамматика 1993: 262], местоимения серии *ber ... =DA* употребляются в отрицательных контекстах¹.

- (68) ...*ber* *žir-dä=dä* *juk* *bit*
 один земля-LOC=ADD нет ведь
 {«Я обошел (и закончил) все поле —} ‘нигде (= ни на одной земле) (ведь) нет’}, {— робко
 сказал им Пашка}

[Элементы 2017: 675–676].

В корпусе зафиксировано всего 6 примеров употребления выражений с показателями серии *ber ... =DA*.

Неопределенные местоимения в башкирском языке, как и в татарском, обычно

- (69) *alar-dä* *ber-äw=dä* *bel-mä-j*
 тот-ACC один-NUM.SUBST=ADD знать-NEG-IPFV
 ‘Их никто не знает’

[Устный корпус].

Однако, в отличие от татарского, в башкирском корпусе встречается употребление

- (70) *šunan* *qajhə* *ber=dä* *bajram* *mäl-där-e* *bul-ha*
 тот.ABL который один=ADD праздник время-PL-P.3 быть-COND
säj *es-ä-lär* *elek* *eske* *bul-ma-nə* *bit*
 чай пить-IPFV-PL раньше пьянство быть-NEG-PST ведь
 ‘Потом, если был какой-нибудь праздник, — пили чай, раньше ведь пьянства не было’

[Устный корпус].

Единица *ber* может оформлять как место-

- (71) *ber* *hüð=dä* *äjt-ä* *al-ma-nə*
 один слово=ADD говорить-IPFV брат-NEG-PST
 ‘И ни слова не смог сказать’

[Устный корпус].

В корпусе зафиксировано 46 употреблений аддитивной частицы в рамках данной конструкции неопределенно-отрицательно-го местоимения.

6.5. Дистрибутивная множественность

В малокарачкинском говоре чувашского языка можно выделить случаи использования аддитивной частицы для указания на дистрибутивную множественность объектов. В этой функции аддитивная частица

Показатели серии *ber ... =DA* обычно присоединяются к местоимениям, как в примере (67). Однако возможно также их употребление с существительными:

употребляются без аддитивной частицы. Исключение также составляют местоимения серии *ber*, которые используются главным образом в отрицательных контекстах:

этой серии местоимений и в утвердительных предложениях:

именные основы, так и существительные:

появляется только в конструкциях с неопределенными местоимениями и универсальными кванторами, однако в контекстах, в которых не может использоваться для их образования. Так, серия неопределенных местоимений на *ta-* не требует аддитивной частицы в референтных неопределенных контекстах, как в (72a). Ее добавление не делает предложение неграмматичным, однако привносит значение дистрибутивной множественности, как в (72b).

- (72) a. *ta-gam* *sana* *poləž-at*
 INDEF-кто ты.OBJ помогать-NPST[3SG]
 ‘Кто-то помогает тебе’

[ПМ Русских].

- (72) b. *ta-gam=da* *sana* *poləž-at*

¹ Само слово *ber* ‘один’ без аддитивной частицы может функционировать как маркер не-

определенности в утвердительных контекстах.

INDEF-KTO=ADD ТЫ.OBJ помогать-NPST[3SG]
 ‘Разные люди тебе помогают’

[ПМ Русских].

Похожее явление возникает с универсальными кванторными словами с неисчисляемыми именами. Неисчисляемые имена являются промежуточными случаями между единичными объектами и дискретными множествами, так как обозначают некую совокупность со сложно выделяемыми отдельными атомами. С неисчисляемыми

объектами аддитивная клитика обычно не используется, как в (73a). Однако ее добавление возможно с привнесением дополнительного семантического компонента — множественности объектов. Пример (73a), в отличие от (73b), нельзя использовать, если не предполагается, что объект находился в нескольких разных местах.

- (73) a. *petʔa por ʃu-nʲ-a ẽs-s=er-te-ẽ*
 Петя все вода-P_3-OBJ пить-CV_SIM=пустить-PST-3SG
 ‘Петя выпил вообще всю воду’ {неважно, была ли она в одном стакане или в нескольких}

[ПМ Русских].

- (73) b. *petʔa por ʃu-nʲ-a=da ẽs-s=er-te-ẽ*
 Петя все вода-P_3-OBJ=ADD пить-CV_SIM=пустить-PST-3SG
 {Вода была в нескольких стаканах} ‘Петя выпил всю воду’.
 *{Вода была в стакане} ‘Петя выпил всю воду’

[ПМ Русских].

В корпусе мишарского татарского подобные употребления не зафиксированы. В корпусе башкирского языка один пример

можно интерпретировать как дистрибутивную множественность:

- (74) *mäjtäm bötön Magnitogorskij- ɕum̩ nimä bir-mä-ne-k tej-em inde*
 ya=la
 говорю целый магнитогорский- что давать-NEG- сказать- уже
 DAT=ADD PST-1PL 1SG
 ‘Говорю, «мы чуть весь Магнитогорск на уши не поставили!»’

[Устный корпус].

В примере (74) ‘весь Магнитогорск’ можно воспринимать как дистрибутивную множественность жителей Магнитогорска.

6.6. Составные числительные

В башкирском языке аддитивная частица иногда употребляется внутри составных числительных:

- (75) *ʃulaj it-ep bəna tið-ðän meŋ ike*
 так делать-CV вот быстрый-ABL тысяча два
meŋ=dä un dürt-ense jəl-da jöð=dä ille
 тысяча=ADD десять четыре-ORD год-LOC сто=ADD пятьдесят
jəl bul-asaq mäktäp as-əl-yan-ya inde
 год быть-FUT школа открывать-PASS- уже
 PC.PST-DAT

‘Таким образом, вот скоро, в тысяча... в 2014 году будет 150 лет открытию школы’

[Устный корпус].

Аддитивная частица может присоединяться к словам *meŋ* ‘тысяча’ или *jöð* ‘сто’, если за ними следует другое слово, обозначающее сотни, десятки или единицы.

Такое употребление частицы не является обязательным, числительные могут употребляться и без частицы.

- (76) *häm häm ul waqät-ta bəl*
 и и тот время-LOC этот
tuqhan meŋ tuqäð jöð tuqhan

девьяносто	тысяча	девять	сто	девьяносто
<i>biš-ense</i>	<i>jəl-da</i>	<i>ine</i>	<i>beđ-ðeŋ</i>	<i>pasport-tar-ða</i>
пять-ORD	год-LOC	быть.PST	мы-GEN	паспорт-PL-LOC
<i>millät</i>	<i>jađ-əl-yan</i>	<i>waqət</i>	<i>inde</i>	
национальность	писать-PASS-PC.PST	время	уже	
‘И... и в то время... это в девьяносто... в 1995 году было: (это) было время, когда в наших паспортах была записана национальность’				

[Устный корпус].

Аналогичное употребление зафиксировано в текстах на малокарачкинском говоре чувашского языка:

(77)	<i>pin=de</i>	<i>vonə-məş</i>	<i>sol-da</i>	<i>pensi</i>	<i>ε-in-e</i>	<i>ka-rʲ-əm</i>
	тысяча=ADD	десять-ORD	год-LOC	пенсия	верх-Р_3-OBJ	подходить-PST-1SG
‘В 2010 году вышла на пенсию’						

(201__Peduchiliske_ch-46.1)¹

В корпусе мишарского татарского такие употребления не зафиксированы.

6.7. Глагольные конструкции

В мишарском татарском корпусе зафик-

сировано два примера, где аддитивная частица встраивается внутрь сложного глагола: она присоединяется к первой глагольной форме.

(78)	<i>bala_çaga</i>	<i>su</i>	<i>buj-x-n-nan</i>	<i>kat_j-x-p=ta</i>	<i>ker-m-i.</i>
	детвора	вода	около-3-OBL-ABL	возвращаться-ST-CONV=ADD	входить-NEG-ST.IPFV
‘Дети с речки вообще не приходят’					

[Элементы 2017: 673].

Синтаксически такое употребление можно было бы трактовать как сочинение (см. раздел 6.1), если бы не семантическое единство глагольных конструкций. Вероятно, в таких случаях частица маркирует полноту действия, которая в русском языке обычно выражается словами совсем или вообще, ср. перевод примера (78).

(79)	<i>i</i>	<i>taşə-j</i>	<i>ikän</i>	<i>taşə-j</i>	<i>ikän</i>
	и	таскать-IPFV	быть.PC.PST	таскать-IPFV	быть.PC.PST
	<i>läkin</i>	<i>miskä</i>	<i>tul-ma-j=ða</i>	<i>quj-a</i>	<i>ikän</i>
	но	бочка	наполняться-NEG-IPFV=ADD	класть-IPFV	быть.PC.PST
‘И таскала, таскала, а бочка все не наполняется’					

[Устный корпус].

Интересно, что, помимо этого, в башкирских текстах также встречаются употребления аддитивной частицы внутри так называемых сериальных конструкций. Сериальные конструкции представляют собой сочетания двух одинаковых глагольных форм для обозначения одного события. Одна из глагольных форм при этом теряет

свое лексическое значение. По своей сути сериальные конструкции похожи на сложные глаголы, однако в сложных глаголах первый элемент выражен одним из деепричастий.

В корпусе обнаружено 12 примеров употребления сериальной конструкции, внутри которой к первому элементу присоединяется аддитивная частица:

(80)	<i>ataj</i>	<i>ül-de=lä</i>	<i>quj-ðə</i>
	отец	умирать-PST=ADD	ставить-PST
‘Отец умер’			

[Устный корпус]

¹ Пример взят из чувашского корпуса текстов, находящегося на данный момент в

разработке. Ссылка состоит из номера текста, названия и номера предложения.

Аналогичные конструкции без аддитивной частицы в корпусе не обнаружены.

В малокарачкнском говоре чувашского языка подобные конструкции не зафиксированы.

Мы предполагаем, что эти конструкции появились в результате грамматикализации сочинительной глагольной конструкции, однако не можем это утверждать наверняка без дополнительного исследования.

7. Дискурсивные функции

В данном разделе описываются два типа употребления аддитивной частицы, объединенные общей функцией связи высказываний в тексте.

- (81) *kxz-ɤm, sin žiläk žxj, ä min utɤn kis-ä-m, di-gän.*
 девочка- ты ягода собирать.IMP а я дрова рубить-ST. говорить-
 1SG IPFV-1SG PFCT
 ‘(И) сказал: «Дочь моя, ты собирай ягоды, а я буду рубить дрова»’

[Элементы 2017: 685].

В корпусе текстов отсутствуют очевидные примеры употребления частицы =DA в этой функции.

- (82) *ä huɣ-yə minut-ta=la unə tamuq-qa in-der-er*
 а после-ADJ минута-LOC=ADD тот.ACC ад-DAT входить-CAUS-POT
ösön unə ergä-he-ndä bəna ögötlä-j-ðär
 для тот.GEN бок-Р.3-LOC вот увещевать-IPFV-PL
 {В жизни человек ведь правильно не живет.} ‘А и в последние минуты, чтобы его отправить в ад, рядом с ним вот уговаривают’

[Устный корпус].

При этом аддитивная частица может оформлять как топиальную именную групп-

В башкирском корпусе аддитивная частица встречается в контекстах контрастивного топики:

- (83) *qäjnä qäjnä-m nimä höjlä-hä=lä vis*
 свекровь свекровь-Р.1SG что говорить-COND=ADD весь
təɣla nej təɣla-p tik ultər-a
 слушать это слушать-CV только сидеть-IPFV
tor-ɣajnä-m xəðer-ge kilen-där təɣla-ma-j=ða ul
 стоять-PLPF-1SG сейчас-ADJ невестка-PL слушать-NEG-IPFV=ADD тот
 ‘Свекровь... свекровь если что говорит, всё слушала, это слушала, а теперешние снохи вовсе не слушают’

[Устный корпус].

Помимо этого, регулярно встречается контрастивное употребление аддитивной

частицы после союза ‘если’:

- (84) *min arə-nə-m jaləq-tə-m ägär=ðä həw-ðə*
 я уставать-PST-1SG устать-PST-1SG если=ADD вода-ACC
tul-tər-ma-ha-m äsäj-em mine ül-ter-ä ti-gän
 наполняться-CAUS-NEG-COND-1SG мать-Р.1SG я.ACC умирать-CAUS-IPFV говорить-Р.3.PST
 ‘Я устала, замучилась, а если водой (бочку) не наполню, то мачеха меня убьет’

[Устный корпус].

Всего в текстах обнаружено 18 подобных примеров употребления аддитивной частицы. Однако во многих случаях сложно определить однозначно ее функцию: часто эти контексты напоминают миративные.

В малокарачкинском говоре чувашского языка аддитивная частица не используется в функции контрастивного топика.

7.2. Союзное наречие

В статье [Forker 2016: 81] показано, что аддитивная частица может использоваться в качестве союзного наречия со значениями ‘а потом’, ‘кроме того’, ‘поэтому’. Адди-

тивная частица в этой функции обычно появляется в начале предложения. В отличие от простого сочинения в функции союзного наречия аддитивная частица не устанавливает синтаксическую связь между предложениями, а помогает установить некую последовательность предложений в дискурсе.

Союзные наречия в мишарском татарском обычно употребляются без аддитивной частицы. В корпусе обнаружен только один пример употребления частицы =*DA* в этой функции:

- (85) *şır-n-nan=da ul tagırn kar-a-p kar-a-p tır-gan=da...*
 TOT-OBL-ABL=ADD он снова смотреть-ST-CONV смотреть-ST-CONV стоять-PFCT=ADD
 ‘После этого он еще пару раз посмотрел (=посмотрев, посмотрев, постоял) ...’

[Элементы 2017: 701].

В башкирском языке аддитивная частица довольно часто присоединяется к дис-

курсивным словам, связывающим клаузу с предшествующим контекстом:

- (86) *ä... tayə=la bənda ber meñ=dä higeð*
 а еще=ADD ЭТОТ.DAT один тысяча=ADD восемь
jöð ille higeð-ense jəl-da Rəxmät awəl-ə
 сто пятьдесят восемь-ORD год-LOC Рахметово деревня-Р.3
altā-nsə kanton üdäg-e bul-əp hana-l-yan inde
 шесть-ORD кантон центр-Р.3 быть-CV считать-PASS-PC.PST уже
 ‘А, еще здесь в 1858 году деревня Рахметово считалась центром шестого кантона’

[Устный корпус].

Эти слова могут служить как для про-

- (87) *şuğa=la Ösköl awəl-ə-nda-ya keşe-lär-ðe mäðäk*
 потому.что = ADD Аслай деревня-Р.3-LOC-человек-PL-ACC забавный
keşe-lär tip ata-p jörö-t-ä-lär inde
 человек-PL сказать.CV называть.CV ходить-CAUS-IPFV-PL уже
 ‘Вот поэтому аслаевских людей называют забавными’

86), так и для выражения отношений между клаузами, ср. (87) с причинной связкой:

[Устный корпус].

В этой функции аддитивная частица употребляется сравнительно часто. Об этом свидетельствует 31 употребление в корпусе, а также описание некоторых союзов в грамматиках, ср. описание противительного союза *şulaj=da* в [Грамматика 1981: 354–355]. Тем не менее наличие аддитивной частицы при том или ином дискурсивном слове, по всей видимости, обязательным не является.

В малокарачкинском говоре чувашского языка использование аддитивной частицы в функции союзного наречия отсутствует.

8. Обсуждение

Полученные данные демонстрируют, что сфера употребления аддитивной частицы в тюркских языках Поволжья, как и ожидалось, во многом одинаковая. В таблице 1 обобщены сведения о разных функциях аддитивной частицы в каждом рассматриваемом языке.

Таблица 1. Функции аддитивной частицы в чувашском, татарском, башкирском
 [Table 1. Functions of additive particle in Chuvash, Tatar, and Bashkir]

Функция / язык		чувашский	татарский	башкирский
Аддитивность		да	да	да
Скалярность	Скалярная аддитивность	да	да	да
	Миративность	да	да	да
	Уступительные клаузы	<i>стандартные</i>	да	да
		<i>скалярные</i>	да	да
		<i>универсальные</i>	да	да
		<i>альтернативные</i>	да	?
Конъюнкция	сочинение (одинарное)		да	да
	сочинение (дублирование)		да	да
	универсальные кванторы		да	да
	числительные полного охвата		да	да
	неопределенные местоимения		да	да
	дистрибутивная множественность		да	?
	составные числительные		да	?
Глагольные конструкции	сложные глаголы		нет	да
	сериальные конструкции		нет	?
Дискурсивные функции	контрастивный топик		нет	нет
	союзные наречия		нет	да

* «да» означает, что в данном языке аддитивная частица используется в данной функции; «нет» — употребление в данной функции невозможно; «?» — употребление в данной функции не зафиксировано; жирным выделены «да» в тех случаях, если использование аддитивной частицы в данной конструкции является обязательным.

По данным, представленным в таблице 1, видно, что основные функции аддитивных частиц в тюркских языках Поволжья лежат в области аддитивности, скалярности и конъюнкции. Дискурсивные же функции рассматриваемым частицам скорее не характерны и распространены только в башкирском.

В целом употребление частиц во всех трех языках похоже. Различия относятся главным образом к периферийным функциям, связанным с конъюнкцией. Так, в мало-

карачкинском говоре чувашского языка и, вероятно, башкирском аддитивная частица может маркировать дистрибутивную множественность, также в этих языках аддитивная частица зафиксирована внутри составных числительных, в башкирском языке аддитивная частица может употребляться внутри сложных глаголов и сериальных конструкций. Употребление частицы внутри сложных глаголов также встретилось и в корпусе мишарского диалекта татарского языка. Примечательно, что эти функции

аддитивной частицы в рассматриваемых тюркских языках ранее не были описаны.

Помимо этого, наблюдаются различия в том, как реализуются некоторые функции аддитивных частиц. Так, в башкирском и мишарском татарском аддитивная частица оформляет неопределенные местоимения только в отрицательных контекстах (или контекстах универсальной квантификации), в то время как в малокарачкинском говоре чувашского аддитивная частица употребляется с местоимениями и в контекстах свободного выбора.

Структура уступительных клауз в малокарачкинском говоре чувашского отличается от структуры соответствующих уступительных клауз в мишарском татарском и башкирском: в чувашском стандартные и скалярные уступительные клаузы оформляются разными глагольными формами, в то время как в башкирском и татарском для выражения этих двух значений используется одна

и та же конструкция (сочетание условного деепричастия с аддитивной частицей); в универсальных условно-уступительных клаузах в малокарачкинском говоре чувашского используются неопределенные местоимения, а в мишарском татарском и башкирском — вопросительные местоимения. Тем не менее аддитивная частица является обязательным элементом всех типов уступительных конструкций во всех трех языках¹.

Отдельный интерес представляет митаривная функции. Эта функция редко обсуждается в связи с аддитивными частицами, при этом она фиксируется во всех трех языках.

Поскольку данные по мишарскому татарскому и башкирскому языкам были взяты из корпусов, есть возможность выяснить, какие функции аддитивной частицы наиболее частотны. В таблице 2 указано количество употреблений аддитивной частицы в разных функциях.

Таблица 2. Частота употреблений аддитивной частицы в различных функциях в мишарском татарском и башкирском языках

[Table 2. Frequency use of additive particle in various functions in Mishar, Tatar, and Bashkir]

Функция / язык			Татарский (ipm / количество)	Башкирский (ipm / количество)	
Аддитивность			7000 / 28	5880 / 147	
Скалярность	Скалярная аддитивность		750 / 3	1160 / 29	
	Миративность		1750 / 7	2480 / 62	
	Уступительные клаузы	стандартные	1500 / 6	480 / 12	
		скалярные	250 / 1	400 / 10	
		универсальные	250 / 1	160 / 4	
		альтернативные	0	80 / 2	
Конъюнкция			сочинение (одинарное)	8750 / 35	9640 / 241
			сочинение (дублирование)	3000 / 4 (=12)	2120 / 22 (=53)
			универсальные кванторы	1750 / 7	1560 / 39
			числительные полного охвата	250 / 1	440 / 11
			неопределенные местоимения	1500 / 6	1840 / 46
			дистрибутивная множественность	0	0
			составные числительные	0	640 / 16

¹ Исключение составляют только альтернативные условно-уступительные клаузы в ми-

шарском татарском, которые не зафиксированы в корпусе.

Глагольные конструкции	сложные глаголы	500 / 2	200 / 5
	сериальные конструкции	0	480 / 12
Дискурсивные функции	контрастивный топик	0	720 / 18
	союзные наречия	250 / 1	1240 / 31
ВСЕГО ¹		30500 / 122	29080 / 727

* В «Всего» указано общее количество аддитивных частиц в корпусах. Сумма употреблений по разным функциям не соответствует общему количеству, потому что, во-первых, в таблице не учтены те употребления, для которых не удалось определить функцию, и, во-вторых, в редких случаях частица может выполнять сразу две функции.

Судя по данным, представленным в таблице 2, употребления аддитивной частицы распределяются по разным функциям в мишарском татарском и башкирском языках похожим образом. Наиболее часто аддитивная частица встречается в контекстах сочинения и, чуть реже, простой аддитивности. Далее следуют миративные контексты, употребления с универсальными кванторами и неопределенными местоимениями. Остальные употребления гораздо более редки, что связано в первую очередь с редким появлением самих типов контекстов в устных текстах. В качестве небольшого различия между языками можно отметить большую частотность башкирской аддитивной частицы в дискурсивных функциях.

Список глосс

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо; abl — аблатив; acc — аккузатив; add — аддитивность; adj — адъективизатор; adv — адвербиализатор; ant — предшествование; atr — атрибутив; attr — атрибутив; aux1 — вспомогательный глагол 1; caus — каузатив; cl — классификатор; col — собирательная форма; comp — сравнительная степень; conc — уступительность; cond — кондиционалис; conv — деепричастие; cor — связка; cv — деепричастие; dat — датив; fut — будущее время; gen — генитив; imp — императив; indef — неопределенность; inf — инфинитив; ins — инструменталис; ipfv — имперфектив; juss — юссив; loc — локатив; neg — отрицание; neg.ex — эк-

Сопоставление функций аддитивной частицы в малокарачкинском говоре чувашского языка, башкирском и мишарском татарском позволяет отметить, что такие редко описываемые для аддитивной частицы функции как миративность, использование с числительными для кодирования значения полного охвата и универсальной квантификации характерны для частицы =*DA*. Вместе с тем также существует ряд периферийных функций для данной клитики, которые встречаются только для одного или двух из рассматриваемых языков. К ним можно отнести формирование глагольных конструкций, а также дискурсивные функции — контрастивный топик и союзное наречие.

зистенциальное отрицание; nmlz — номинализатор; nmn — имя действия; nom — номинатив; npst — непрошедшее время; num.subst — субстантивизатор числительного; obj — объектный падеж; obl — косвенная основа; ord — порядковое числительное; p — посессивность; pass — пассив; past — прошедшее время; pc — причастие; pfct — перфект; pfv — перфектив; pl — множественное число; plpf — плюсквамперфект; pot — потенциалис; prog — прогрессив; proh — прохибитив; pst — прошедшее время; q — вопросительная частица; res — результатив; sim — одновременность; st — производная основа; vrb — вербализатор.

Полевые материалы

ПМ Леонтьева — Леонтьева Т. А. Сочинительные и комитативные конструкции. Материалы доклада, представленного в экспедиции в с. Малое Карачкино Республики Чувашия 12 июля 2019 г.

ПМ Русских — Русских А. А. Полевые материалы, собранные в с. Малое Карачкино Республики Чувашия в 2018–2020 гг.

Field Data

Leontieva T. A. Coordinating and comitative constructs. Materials of Report delivered during the expedition to Maloye Karachkino (Chuvash Republic, Russian Federation) on 12 July 2019. (In Russ.)

Russkikh A. A. Field data collected in Maloye Karachkino (Chuvash Republic, Russian Federation), 2018–2020. (In Chuv.)

Источники

Русских 2019 — Русских А. Квантификаторы со значением полного охвата в типологической перспективе. Рукопись (дипломная работа). НИУ ВШЭ СПб., 2019.

Литература

ПТС 1997 — Русско-татарский словарь = Русча-татарча сүзлек: ок. 47 000 слов / под ред.: Ф. А. Ганиева. 4-е изд., испр. М.: ИН-САН, 1997. 720 с.

Татарская грамматика 1993 — Татарская грамматика: в 3 т. Т. 2. Морфология / РАН, АН Татарстана, Ин-т языка, лит. и истории им. Г. Ибрагимова; Казан. научн. центр; редкол.: М. З. Закиев и др. Казань: Тат. кн. изд-во, 1993. 397 с.

Логвинова 2019 — Логвинова Н. Н. Непосесивные функции посессивного показателя третьего лица в малокарачкском говоре чувашского языка // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований РАН. Т. 15. Ч. 2 / гл. ред. Е. В. Головки. СПб.: ИЛИ РАН, 2019. С. 86–129.

Устный корпус — Овсянникова М., Сай С., Аглонова Е., Сметина А., Сокур Е. Устный корпус башкирского языка дер. Рахметова и с. Баимово [электронный ресурс] // СПб.: ИЛИ РАН; М.: Международная лаборатория языковой конвергенции, НИУ ВШЭ. URL: http://lingconlab.ru/spoken_bashkir/ (дата обращения: 14.07.2021).

Пазельская 2002 — Пазельская А. Г. Дискурсивный маркер или средство синтаксической связи: частица та в чувашском и татарском языках [электронный ресурс] // Proceedings 2002. URL: <http://www.dialog-21.ru/en/digest/2002/articles/pazelskaya/> (дата обращения: 14.07.2021).

Пучкова 2017 — Пучкова А. И. Конструкции с соединительными средствами menän и häm в башкирском языке // Acta linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. XIII. Ч. 1 / отв. ред. Н. Н. Казанский. СПб.: Наука, 2017. С. 255–283.

Элементы 2017 — Элементы татарского языка в типологическом освещении. Мишарский диалект / ред.: С. Г. Татевосов, А. Г. Пазельская, Д. Ш. Сулейманов. М.: Буки Веди, 2017. 764.

СИГТЯ 1988 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 1988. 560 с.

Грамматика 1981 — Грамматика современного башкирского литературного языка / отв. ред. А. А. Юлдашев. М.: Наука, 1981. 495 с.

Aikhenvald 2012 — Aikhenvald A. Y. The essence of mirativity // Linguistic Typology. 2012. Vol. 16. Is. 3. Pp. 435–485.

Sources

Russkikh A. Quantifiers with a Meaning of Full Coverage: A Typological Perspective. Manuscript (B. A. thesis). St. Petersburg, 2019. (In Russ.)

Bumford 2013 — Bumford D. Universal quantification as iterated conjunction // Proceedings of the 19th Amsterdam Colloquium; Programme Committee. Aloni M., Franke M., Roelofsen F. (eds.). 2013. Pp. 67–74.

Creissels 2015 — Creissels D. Polysemy patterns involving non-scalar additive particles in Sub-Saharan languages: the coordinative connection. Хэндаут доклада, представленного на конференции Workshop ‘Additives Across Languages’. 48th annual meeting of the Societas Linguistica Europaea (SLE 2015). Vol. 2. Leiden: Leiden University Centre for Linguistics, 2015. URL: <http://www.deniscreissels.fr/public/Creissels-Additives.pdf> (дата обращения 14.07.2021)

Forker 2016 — Forker D. Toward a typology for additive markers // Lingua. 180. 2016. Pp. 69–100.

Gil 1995 — Gil D. Universal Quantifiers and Distributivity // Quantification in Natural Languages. Dordrecht: Springer, 1995. Pp. 321–362.

Haspelmath 1997 — Haspelmath M. Indefinite Pronouns (Oxford Studies in Typology and Linguistic Theory). Oxford: Clarendon Press, 1997. 380 p.

Haspelmath, König 1998 — Haspelmath M., König E. 9 Concessive conditionals in the languages of Europe // Adverbial Constructions in the Languages of Europe. J. Van der Auwera, D. P. O Baoill (eds.). Berlin, New York: De Gruyter Mouton. 2011. Pp. 563–640.

Kim, Jahnke 2011 — Kim M.-J., Jahnke N. The Meaning of Utterance-Final Even // Journal of English Linguistics. 2011. Vol. 39. Is. 1. Pp. 36–64.

König 1991 — König E. The Meaning of Focus Particles: A Comparative Perspective. London; New York: Routledge, 1991. 218 p.

König 2017 — König E. Syntax and semantics of additive focus markers from a cross-linguistic perspective // Focus on additivity: Adverbial modifiers in Romance, Germanic and Slavic languages. A.-M. De Cesare, C. Andorno (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2017. Pp. 23–44.

Krifka 1999 — Krifka M. Additive particles under stress // Semantics and Linguistic Theory. Vol. 8. 1998. Pp. 111–128.

Poppe 1964 — Poppe N. Bashkir manual: descriptive grammar and texts with a Bashkir-English glossary. The Hague: Mouton & Co., 1964. 181 p.

Szabolcsi 2015 — Szabolcsi A. What do quantifier particles do? // Linguistics and Philosophy. 2015. Vol. 38. Is. 2. Pp. 159–204.

- Winterstein et al. 2018 — *Winterstein G., Lai R., Lee D. T. H., Luk Z. P. S.* From additivity to mirativity: The Cantonese sentence final particle *tim1* // *Glossa: a journal of general linguistics*. Vol. 3. Is. 1. 2018. Pp. 1–38.
- References**
- Aikhenvald A. Y. The essence of mirativity. *Linguistic Typology*. 2012. Vol. 16. No. 3. Pp. 435–485. (In Eng.)
- Bumford D. Universal quantification as iterated conjunction. In: Aloni M., Franke M., Roelofsen F. (eds.) *Proceedings of the 19th Amsterdam Colloquium*. 2013. Pp. 67–74. (In Eng.)
- Creissels D. Polysemy patterns involving non-scalar additive particles in Sub-Saharan languages: The coordinative connection. In: *Additives Across Languages*. 48th Annual Meeting of the *Societas Linguistica Europaea (SLE 2015)*. Vol. 2. Leiden: Leiden University Centre for Linguistics, 2015. Available at: <http://www.deniscreissels.fr/public/Creissels-Additives.pdf> (accessed: July 14, 2021). (In Eng.)
- Forker D. Toward a typology for additive markers. *Lingua*. 2016. No. 180. Pp. 69–100. (In Eng.)
- Ganiev F. A. *Russian-Tatar Dictionary*. 4th ed., rev. Moscow: INSAN, 1997. 720 p. (In Russ. and Tat.)
- Gil D. Universal quantifiers and distributivity. In: *Quantification in Natural Languages*. Dordrecht: Springer, 1995. Pp. 321–362. (In Eng.)
- Haspelmath M. *Indefinite Pronouns (Oxford Studies in Typology and Linguistic Theory)*. Oxford: Clarendon Press, 1997. 380 p. (In Eng.)
- Haspelmath M., König E. 9 Concessive conditionals in the languages of Europe. In: Auwera J. van der, O Baoill D. P. (eds.) *Adverbial Constructions in the Languages of Europe*. Berlin, New York: De Gruyter Mouton, 2011. Pp. 563–640. (In Eng.)
- Kim M.-J., Jahnke N. The meaning of utterance-final *even*. *Journal of English Linguistics*. 2011. Vol. 39. No. 1. Pp. 36–64. (In Eng.)
- König E. Syntax and semantics of additive focus markers from a cross-linguistic perspective. In: Cesare A.-M. de, Andorno C. (eds.) *Focus on Additivity: Adverbial Modifiers in Romance, Germanic and Slavic Languages*. Amsterdam: John Benjamins, 2017. Pp. 23–44. (In Eng.)
- König E. *The Meaning of Focus Particles: A Comparative Perspective*. London; New York: Routledge, 1991. 218 p. (In Eng.)
- Krifka M. Additive particles under stress. *Semantics and Linguistic Theory*. 1998. Vol. 8. Pp. 111–128. (In Eng.)
- Logvinova N. N. Non-possessive functions of the third person possessive in Maloe Karachkino dialect of Chuvash. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2019. Vol. 15. No. 2. Pp. 86–129. (In Russ.)
- Ovsiyannikova M., Say S., Aplonova E., Smetina A., Sokur E. *Oral Corpus of Bashkir: Rakhmetovo and Baimovo Villages*. St. Petersburg: Institute for Linguistic Studies (RAS); Moscow: Higher School of Economics (Linguistic Convergence Laboratory). Available at: http://lingconlab.ru/spoken_bashkir/ (accessed: July 14, 2021). (In Bash.)
- Pazelskaya A. G. Discourse marker or syntactic marker: Particle *da* in Tatar and Chuvash. In: *Computational Linguistics and Intellectual Technologies (Dialogue) 2002*. Conference proceedings. Available at: <http://www.dialog-21.ru/en/digest/2002/articles/pazelskaya/> (accessed: July 14, 2021). (In Russ.)
- Poppe N. *Bashkir Manual: Descriptive Grammar and Texts with a Bashkir-English Glossary*. The Hague: Mouton & Co., 1964. 181 p. (In Eng.)
- Puchkova A. I. Constructions with coordinative means *menän* and *häm* in the Bashkir language. *Acta Linguistica Petropolitana*. 2017. Vol. 13. No. 1. Pp. 255–283. (In Russ.)
- Szabolcsi A. What do quantifier particles do? *Linguistics and Philosophy*. 2015. Vol. 38. No. 2. Pp. 159–204. (In Eng.)
- Tatevosov S. G., Pazelskaya A. G., Suleymanov D. Sh. (eds.) *Elements of Tatar in a Typological Perspective: The Mishar Dialect*. Moscow: Buki Vedi, 2017. 764 p. (In Russ.)
- Tenishev E. R. (ed.) *A Comparative Historical Grammar of Turkic Languages: Morphology*. Moscow: Nauka, 1988. 560 p. (In Russ.)
- Winterstein G., Lai R., Lee D. T. H., Luk Z. P. S. From additivity to mirativity: The Cantonese sentence final particle *tim1*. *Glossa: A Journal of General Linguistics*. 2018. Vol. 3. No. 1. Pp. 1–38. (In Eng.)
- Yuldashev A. A. (ed.) *Grammar of Modern Standard Bashkir*. Moscow: Nauka, 1981. 495 p. (In Russ.)
- Zaefferer D. Conditionals and unconditionals: Cross-linguistic and logical aspects. In: Zaefferer D. (ed.) *Semantic Universals and Universal Semantics*. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2019. Pp. 210–236. (In Eng.)
- Zakiev M. Z. et al. (eds.) *Tatar Grammar*. In 3 vols. Vol. 2: *Morphology*. Ibragimov Institute of Language, Literature and History; Kazan Scientific Center (RAS). Kazan: Tatarstan Book Publ., 1993. 397 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 14, Is. 6, pp. 1353–1367, 2021
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 81-23

DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1353-1367

Хакасские диалекты: конец XIX в. и начало XXI в.

Анна Владимировна Дыбо¹, Вера Сергеевна Мальцева²

¹ Институт языкознания РАН (д. 1, стр. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация); Высшая школа экономики (д. 20, ул. Мясницкая, 101000 Москва, Российская Федерация); Томский государственный университет, лаборатория лингвистической антропологии (д. 33, просп. Ленина, 634050 Томск, Российская Федерация)

член-корреспондент РАН, доктор филологических наук, профессор, заведующий отделом урало-алтайских языков

 0000-0002-6077-7183. E-mail: adybo@iling-ran.ru

² Институт языкознания РАН (д. 1, стр. 1, Большой Кисловский пер., 125009 Москва, Российская Федерация); Томский государственный университет (д. 33, просп. Ленина, 634050 Томск, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0000-0002-5634-6583. E-mail: vmaltseva@iling-ran.ru

© КалмНЦ РАН, 2021

© Дыбо А. В., Мальцева В. С., 2021

Аннотация. Цель статьи — продемонстрировать некоторые новые результаты, полученные при работе над составлением Диалектологического атласа тюркских языков России и над электронным корпусом хакасского языка. При подготовке атласа авторский коллектив, кроме уже имеющихся опубликованных и архивных источников, использует целенаправленный полевой сбор материала по специально составленным анкетам, ориентированным на известные факты из истории тюркских языков. Оказывается, что сбор материалов, основанный на исторически ориентированных диалектологических анкетах, помогает получить данные, опираясь на которые можно уточнить научные представления о генеалогической классификации диалектов, путях их расхождения и конвергенции, архаических и инновационных явлениях в обследуемых ареалах. Включение в рассмотрение всех материалов, и полевых, и архивных, позволяет проводить микроди-ахронические исследования по распространению тех или иных языковых явлений в говорах в различные периоды времени и строить обоснованные гипотезы относительно причин изменений. В данной статье рассмотрены одно фонетическое и одно морфологическое явление в диалектах хакасского языка на двух временных срезах, конца XIX в. по архивным данным и в современном состоянии по собственным полевым данным. Показан сдвиг изоглосс и высказаны гипотезы о причинах изменений в языке.

Ключевые слова: тюркские языки, диалектология, хакасский язык, ареалогия, сравнительно-историческая фонетика, историческая морфология

Благодарность. Работа выполнена по проектам «Языковое и этнокультурное разнообразие южной Сибири в синхронии и диахронии: взаимодействие языков и культур» (грант Правительства РФ № 14.Y26.31.0014): сбор материала; РНФ № 18-18-00501 «Создание электронного диалектологического атласа тюркских языков России»: картографическая обработка. Авторы выражают благодарность также всем информантам и коллегам, помогавшим при сборе диалектологического материала.

Для цитирования: Дыбо А. В., Мальцева В. С. Хакасские диалекты: конец XIX в. и начало XXI в. // *Oriental Studies*. 2021. Т. 14. № 6. С. 1353–1367. DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1353-1367

Khakas Dialects, Late 19th and Early 21st Centuries

Anna V. Dybo¹, Vera S. Maltseva²

¹ Institute of Linguistics of the RAS (1/1, Bolshoi Kislovsky Lane, 125009 Moscow, Russian Federation); Higher School of Economics (20, Myasnitskaya St., 101000 Moscow, Russian Federation); Tomsk State University, Laboratory of Linguistic Anthropology (33, Lenin Ave., 634050 Tomsk, Russian Federation) Corresponding Member of the RAS, Dr. Sc. (Philology), Professor, Head of Ural-Altaic Department 0000-0002-6077-7183. E-mail: adybo@iling-ran.ru

² Institute of Linguistics of the RAS (1/1, Bolshoi Kislovsky Lane, 125009 Moscow, Russian Federation); Tomsk State University (33, Lenin Ave., 634050 Tomsk, Russian Federation) Junior Research Associate 0000-0002-5634-6583. E-mail: vmaltseva@iling-ran.ru

© KalmSC RAS, 2021

© Dybo A. V., Maltseva V. S., 2021

Abstract. The main *aim* of this article is to demonstrate some new results obtained when working on the Dialectological Atlas of the Turkic languages of Russia and the Electronic Corpus of Khakas. *Material and methods.* While preparing the Atlas, in addition to the already available published and archival sources, the team of authors is collecting field material using specially compiled questionnaires focused on some facts from the history of the Turkic languages. *Results and conclusions.* The study shows that the collection of materials based on historically oriented dialectological questionnaires helps obtain data that sheds additional light on the genealogical classification of the dialects, the ways in which they diverge and converge, as well as on archaic and innovative phenomena in the areas under study. Also, considering of all materials, both field and archival, allows conducting micro diachronic studies on the spread of linguistic phenomena in the dialects at different periods of time and building well-founded hypotheses on the causes of changes. In the current paper one phonetic and one morphological feature of the Khakas dialects are compared, being described in the end of the XIX century (based on the archival data) and nowadays (according to our field recordings). We show the shift of their isoglosses and discuss why the language has changed.

Keywords: Turkic languages, dialectology, the Khakas language, areal linguistics, dialectal continuum, historical phonetics and morphology

Acknowledgements. The reported study was granted by Government of Russia, project no. 14.Y26.31.0014 ‘Language and Ethnocultural Diversity of Southern Siberia in Synchrony and Diachrony: Interaction of Languages and Cultures’ (data collection), and co-funded by Russian Science Foundation, project no. 18-18-00501 ‘Creating a Digital Dialect Atlas of Russia’s Turkic Languages’ (mapping). The authors also extend gratitude to all informants and colleagues to have helped collect dialect materials.

For citation: Dybo A. V., Maltseva V. S. Khakas Dialects, Late 19th and Early 21st Centuries. *Oriental Studies*. 2021; 14(6): 1353–1367. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2021-58-6-1353-1367

Введение

В 2020–2021 г. Электронный корпус хакасского языка (<https://khakas.altaiica.ru/>), пополнился текстами из издания [Катанов 1907a] — экспедиционными материалами Н. Ф. Катанова, собранными им в ходе поездок по Минусинскому краю в 1889–1892 гг., а также в более ранние годы. В них отражается речь, фольклор, обычаи представителей различных этнических подгрупп абаканских татар — народа, который сейчас называется хакасами. Тексты введены в корпус в оригинальном написании и в современной хакасской орфографии с сохранением диалектных черт.

В этом же, 2021, году был завершен сбор материала по проекту создания атласа хакасских диалектов в их современном состоянии. Экспедиции в Хакасию проводились с 2015 по 2021 г. (с вынужденным перерывом в 2020 г.), с опросом жителей по возможности из всех населенных пунктов, где проживают носители хакасского языка, за исключением городов и крупных сел-райцентров. В ходе экспедиций были собраны записи оригинальных текстов и проведен целенаправленный опрос по диагностической анкете для данного ареала (см. [Дыбо и др. 2020]).

Благодаря завершению сбора материала по современному состоянию языка, с одной стороны, и завершению перевода печатного материала Н. Ф. Катанова в цифровой формат, с другой стороны, мы можем сравнивать языковые особенности современных и прежних хакасских говоров и места расположения характеризующих их изоглосс.

Н. Ф. Катанов путешествовал по центральной части мест обитания хакасов (абаканских татар): по Минусинской котловине, вдоль р. Абакан от ее устья (на севере) до впадения р. Таштып (на юге). Благодаря указаниям Н. Ф. Катанова о расположении на местности тех поселений, в которых он проводил опросы, а также мест проживания / происхождения информантов, мы можем обозначить их на современной карте с большей или меньшей точностью, достаточной для наших целей.

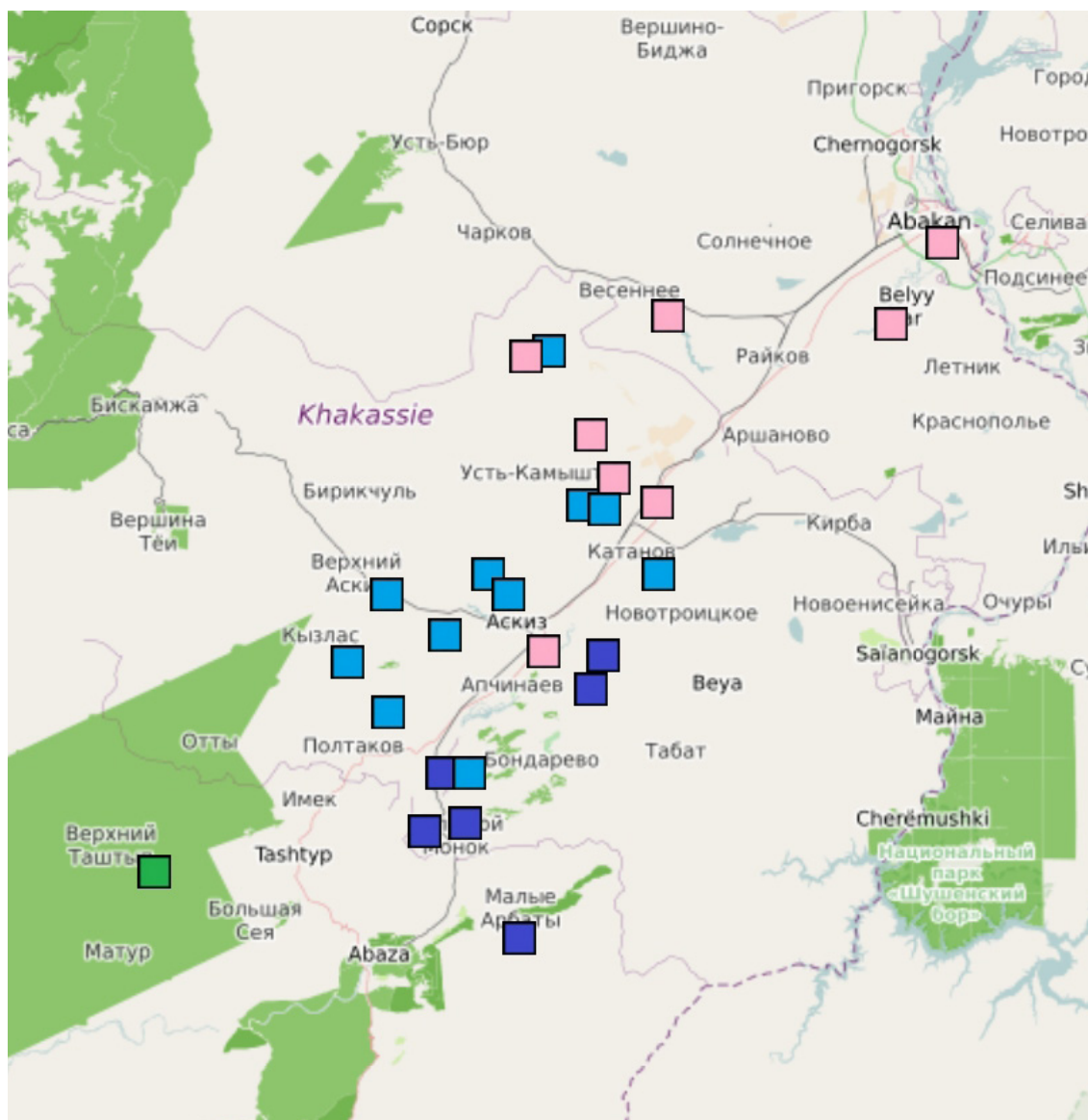
Все тексты переведены Н. Ф. Катановым на русский язык и изданы отдельной книгой [Катанов 1907б]. При вводе текстов в корпус хакасского языка переводы были пофразово поставлены в параллель с оригинальным текстом так, чтобы предложению оригинального текста соответствовало предложение-перевод на русском языке. Мы привели русские переводы в соответствие с нормами современной русской орфографии и пунктуации.

Нельзя не отметить тщательность, с которой учёный фиксировал информацию о месте и времени записи текстов, а также об их рассказчиках (т. е. метаданные). При каждом тексте данного издания есть пометы о его диалекте (приписка в оглавлении) и авторстве (число в конце текста, соответствующее номеру информанта). Последнее ссылается к сведениям об информантах, приведенным в конце раздела. Эти сведения довольно подробные: указаны не только имена информантов, но и родовая принадлежность (сеок), место жительства, возраст, род занятий, владение грамотой и другая информация.

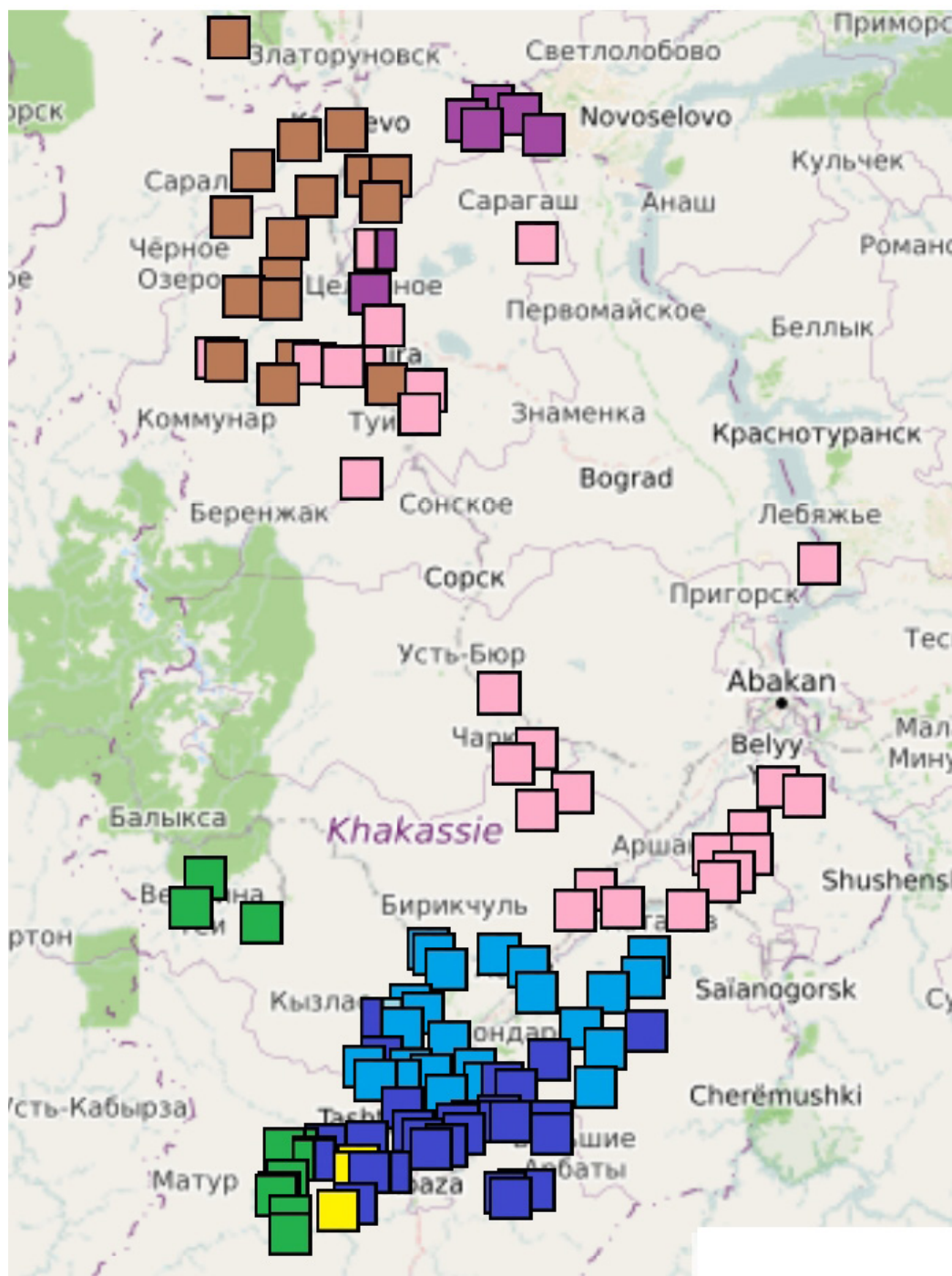
Н. Ф. Катанов определяет диалект информанта по его сеоку, а не по лингвистическим данным. В абаканском наречии Н. Ф. Катанов выделяет 4 диалекта: сагайский, бельтырский, качинский, койбальский. В предисловии он отмечает: «горные бельтиры и сагайцы говорят несколько отлучно от степных и очень близко к шорцам» [Катанов 1907б: IV, совр. орф.].

В дальнейшем, правда, эта информация никак не используется в диалектных пометах. В настоящее время бельтырский и койбальский считаются говорами сагайского диалекта. Койбальское наречие у Н. Ф. Катанова представлено тремя небольшими текстами от одной информантки (тексты №№ 128, 239, 240 II отдела [Катанов 1907а: 280–283, 316–317, Катанов 1907б: 252–254, 289–291]) и не обнаруживает отличий от сагайского.

В хакасском языке имеются также кызыльский и шорский диалекты. Наречие кызыльцев у Н. Ф. Катанова не представлено и не комментируется. Кызыльский материал представлен в записях В. В. Радлова [Рад-

Карта 1. Места проживания информантов Н. Ф. Катанова с распределением по диалектам (обозначения на карте: розовый — качинцы, голубой — сагайцы и койбалы, зеленый — шорцы, синий — бельтыры)
 [Fig. 1. Map. Places of residence of Katanov's informants by dialect (nomenclature: pink — Khaas, blue — Sagay and Koibal, green — Shor, dark blue — Beltyr)]

Карта 2. Современные хакасские диалекты (обозначения на карте: коричневый — кызыльский, розовый — качинский, пурпурный — староийусский говор качинского, голубой — сагайский и койбальский, зеленый — шорский, синий — бельтырский, желтый — таштыпский)
 [Fig. 2. Map. Modern Khakas dialects (nomenclature: brown — Kyzyl, pink — Khaas, magenta — Old Iyus subdialect of Khaas, blue — Sagay and Koibal, green — Shor, dark blue — Beltyr, yellow — Tashtyp)]

лов 1868], как и тексты по чулымскому диалекту кюэрик, ныне исчезнувшему; пока эти тексты не обработаны нами для корпуса.

Шорский диалект хакасского языка, вероятно, еще не сложился к началу XX в. Это видно по текстам №№ 275–278 второго отдела у Н. Ф. Катанова [Катанов 1907а: 330–339, Катанов 1907б: 303–313], записанным от выходца из с. Анчул в верховьях р. Таштыпа (52,8085 с.ш., 89,482 в.д. по картам Яндексa). Сейчас в этой местности разговаривают на шорском диалекте хакасского языка, во времена Н. Ф. Катанова данное наречие было ближе к шорскому языку (см. об этом подробнее в [Мальцева 2021]).

1. «Качинское чередование» в материалах Н. Ф. Катанова и в современных говорах

В наших данных качинский диалект представлен двумя группами говоров. Центральный вариант (южный, абаканский говор в [Диалекты 1973: 8]) распространен на той же территории, что и во времена Н. Ф. Катанова, но количество информантов сильно уменьшилось. В силу того, что жители данной местности в основном переселились в города (Абакан, Черногорск, Усть-Абакан), обрусели или перешли на литературный язык, носителей диалекта там почти не осталось.

Северный вариант качинского представлен в аалах Ширинаского и Орджоникидзево-ского районов (Трошкин, М. Спирин, М. Кобежинов, Монастырево, Новомарьясово и др., белоюсский и староюсский говоры в [Диалекты 1973: 8]). Качинцы не являются исконными жителями этих мест, они переселились сюда из центральной части Хакасии (см. карту в [Баскаков, Инкижекова-Грекул 1953: форзац], отражающую предвоенное состояние). Северные качинские говоры отличаются большей сохранностью, чем центральные, однако в них встречаются черты, сформировавшиеся под влиянием носителей кызыльского диалекта, исконных обитателей данной местности.

Таким образом, мы можем проследить во времени изменения качинского, сагайского и бельтырского наречий, их границ и языковых особенностей. В данной статье мы рассмотрим подробно, как изменялись два языковых явления, различающие хакасские диалекты.

Первое из них относится к области морфонологии / исторической фонетики и представлено только в качинском диалекте. В центральных диалектах хакасского языка (т. е. во всех говорах качинского и сагайского диалектов) праобщетюркские *č, *š перешли в s¹: *čik ‘выходи’ > siχ (орф. сых), *sa:č ‘волос’ > sas (орф. сас), *baš ‘голова’ > pas (орф. пас). Однако если рефлекс *č на конце морфемы стоит перед гласной аффикса, т. е. находится в интервокальной позиции (см.: [Dybo et al. 2019: 38]), в качинском диалекте сохраняется шипящий характер звука, [ε] (ш) или [tε] (ч), в зависимости от говора (аффриката — в староюсском). В результате в качинском словоизменении наблюдается чередование фонем /s/ (автоматически озвончающейся в [z] в интервокальной позиции) ~ /tε/ (/ε/). Ср., например, формы глагола ic (*ič) ‘пить’: кач. эс ‘пей’, эскен ‘выпил’, эсер / этер (орф. ичер)² ‘будет пить’ — саг., бельт. эс ‘пей’, эскен ‘выпил’, эзер (орф. изер) ‘будет пить’. В заднерядной основе: ср. формы принадлежности 1-го лица лексемы агас (*aγač) ‘дерево’: кач. aγačim / aγateim (орф. агачым) ‘мое дерево’, саг., бельт. aγazim (орф. агазым) ‘мое дерево’. Согласно нашим данным, в северных качинских говорах эта черта сохранилась хорошо, а в центральных постепенно утрачивается. Наиболее явно наблюдаемый тип с частично утраченным чередованием: в словоформах с исконно задним рядом гласных чередование утрачивается, в переднерядных сохраняется. Примеры: аал Чаптыков, информант С. Д.(70+)³: задний ряд sazim ‘мой волос’, aγazim ‘мое дерево’, aza:m ‘открою’ — чередования нет; перед-

¹ Здесь изложение несколько упрощено; мы не будем обсуждать сохранение в этих диалектах специфических рефлексов аффрикаты внутри синхронно нечленимой основы в интервокальной позиции, см. предварительное описание этого явления в [Dybo 2015: 17–18; Pritsak 1959: 608].

² В хакасской орфографии буква ш используется только для передачи русских заимствований. Звук хакасского языка, близкий к русскому ш, записывается буквой ч, поскольку между звуками [ε] и [tε] ни в одном из хакасских диалектов нет фонологической оппозиции.

³ Здесь и далее в скобках после инициалов информанта приводится приблизительный его возраст.

ний ряд *ɣze:m* ‘выпью’ — чередование есть; аал Усть-Бюр, информант В. С. (70+): *ɣaɣim* ‘мой волос’, *ɣze:m* ‘выпью’ — чередование во всех основах; информант Ю. С. (50+): *aɣa:m* ‘открою’, *ɣɛɛ:m* ‘выпью’, *ɣɛɛr* ‘выпив’ — чередование только в основах переднего ряда. Так что по данному признаку постепенно происходит размывание границы между качинским и сагайским диалектами в центральной зоне.

В материалах Н. Ф. Катанова чередование во всех качинских текстах¹ представлено в сохранном виде. В принципе возможно, что в улусе, расположенном на месте современного аала Капчалы (на 15 верст выше устья Уйбата, записано в Арыкове; тексты №№ 307–309 II отдела) и в улусе Тураков (совр. аал Катанов; тексты №№ 3–6, 15, 20, 21, 22, 60, 61, 137, 145, 157–160, 252, 286, 321–329 I отдела²) представлена система с чередованием только в мягкорядных основах: примеров на заднерядные, с чередованием или без, в этих текстах не встречено. В большинстве сагайских текстов чередование отсутствует. Есть несколько случаев, когда в явно сагайских текстах представлены отдельные примеры с чередованием. Это, во-первых, случаи в текстах из Аппакова (~ современный аал Полтаков), где при регулярном отсутствии чередования встретились формы глагола *хачыр* ‘гнать’ (каузатива от основы *хас* ‘убеждать’): *качыр-чā* (наст. время), *качырын* (деепричастие) (текст № 306 II отдела [Катанов 1907а: 380–381]). Очевидно, что эти формы не следует принимать во внимание при рассмотрении чередования, поскольку и в настоящее время для глагола *хачыр* фик-

сируется общехакасское распространение; основа утерьяла синхронную производность и ведет себя как непроемкая двусложная, см. сноску 1 выше. Во-вторых, релевантные примеры с чередованием встречаются у сагайцев, живущих в улусах Усть-Есь (при 16 примерах без чередования 2 случая *ičäplär* ‘будут пить’ (от *ič* ‘пить’) — текст № 282 II отдела [Катанов 1907а: 354]), Аппаков (~ современный аал Полтаков; 21 пример без чередования, 2 случая *ičär* ‘будет пить’ — тексты №№ 299, 303 II отдела [Катанов 1907а: 369, 377]), Олтоков (~ современный аал Верх-Аскиз; 44 примера без чередования, 1 написание *ičin* ‘пив’ и еще одно с колебанием *iz̄in* (*ičin*) — текст № 428 II отдела [Катанов 1907а: 451]), Усть-Таштып (6 примеров без чередования, 2 написания *ičin* — тексты №№ 22 и 36 III отдела [Катанов 1907а: 570, 573]), 1 написание *учумаң* ‘концом’ (от *ус* ‘конец’) — текст № 32 III отдела [Катанов 1907а: 572]), Петров (~ современный аал Печень; 1 случай без чередования *j̄zālān* ‘втроем’ (от *j̄s* ‘три’) — текст № 7 III отдела [Катанов 1907а: 563]), 1 с чередованием *күчү* ‘его сила’ (от *күс* ‘сила’) — там же). В большинстве случаев это формы лексемы *ič* ‘пить’. Возможно, качинский диалект как идиом более влиятельной страты оказывал влияние на речь сагайцев и бельтыров — обратим внимание, что все упомянутые села находятся практически на Аскизском тракте. Вероятно, впоследствии этому процессу помешала начавшаяся вскоре кодификация языка.

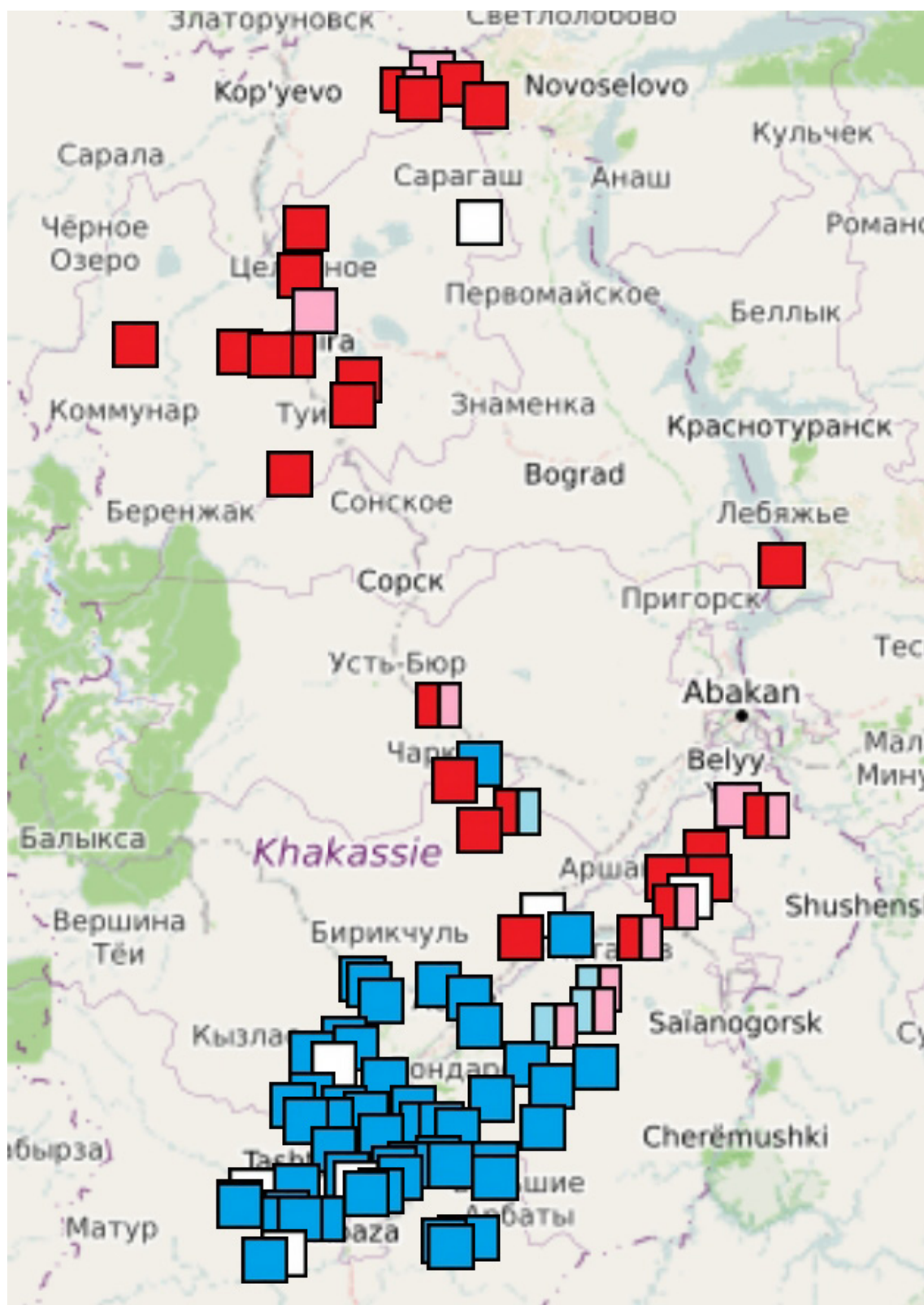
Сопоставление карт 3 и 4 демонстрирует, что современная граница присутствия данного чередования проходит практически там же, где у Н. Ф. Катанова наблюдается граница регулярного чередования — между рр. База (с юга) и Камышта (с севера). В настоящее время севернее этой границы находим системы либо с регулярным чередованием, либо с чередованием в переднерядных основах; южнее чередование отсутствует.

2. Показатели творительного падежа в материалах разного времени

Обратимся теперь к другому сюжету, из области морфологии. Как известно, в хакасских говорах показатель инструментального (творительного, орудийного, орудийно-совместного) падежа представлен довольно большим разнообразием вариантов

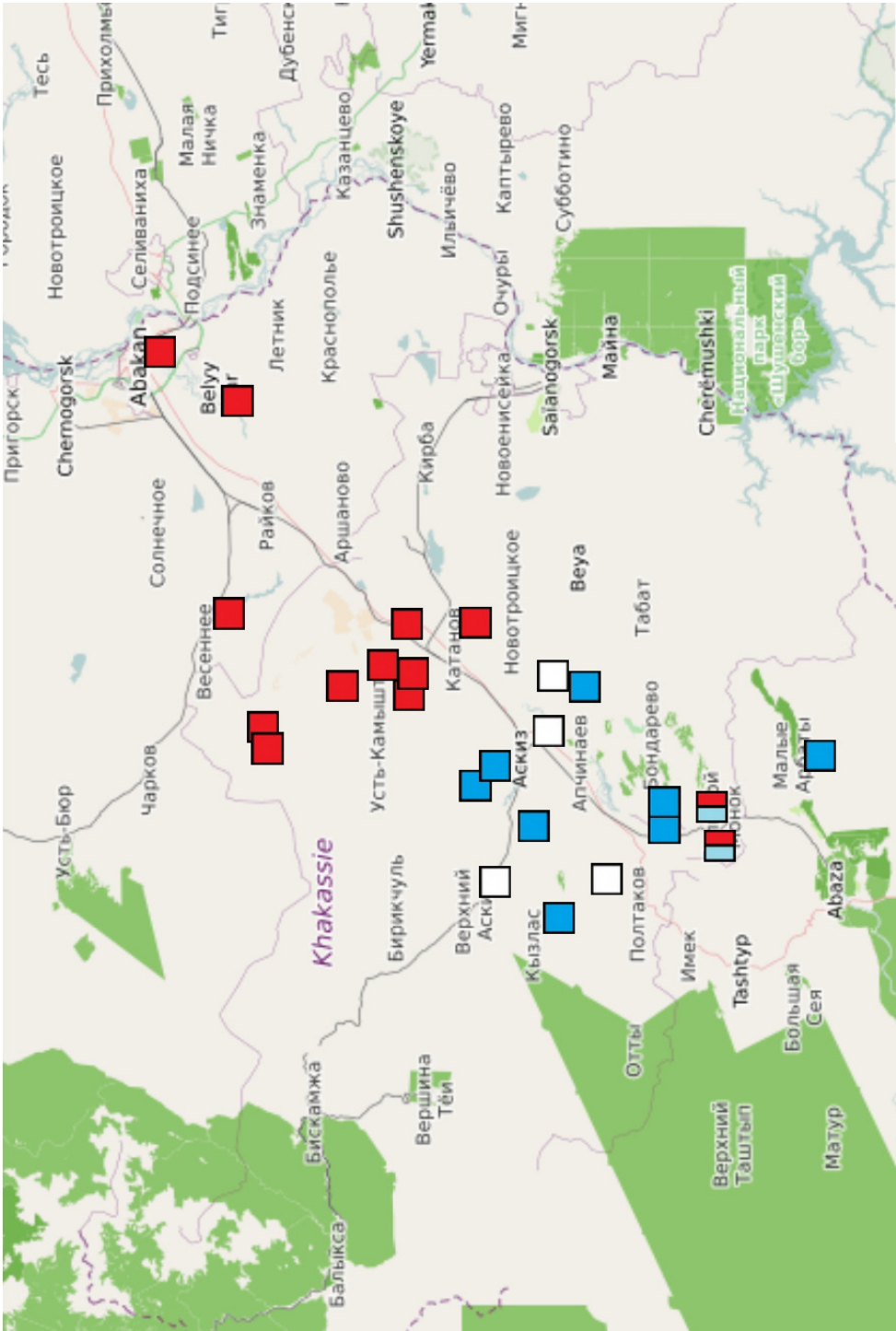
¹ Выше было отмечено, что сам Н. Ф. Катанов определяет диалектную принадлежность текстов как родовую, по сеокам. Тексты, записанные на р. Большой Сыр (~ современный аал Сыры; теперь зона уйбатского качинского), в Тураковом улусе (= современный аал Катанов, в 70-е г. XX в. был зоной распространения абаканского качинского, ныне не обнаружены коренные носители) определены как сагайские, по сеоку носителя, однако по языковым особенностям определяются как качинские. Таким образом, и в конце XIX в. родовые границы могли не совпадать с диалектными.

² Номера страниц, на которых расположены указанные тексты, здесь и далее см. в оглавлении работ.

Карта 3. «Качинское чередование» в современных говорах (обозначения: красный — регулярное чередование, розовый — чередование только в переднерядных основах, голубой — чередование отсутствует, белый — нет данных).

[Fig. 3. Map. 'Khaas alternation' in modern dialects (nomenclature: red — regular alternation, pink — alternation only in the front-vowel bases, blue — no alternation, white — no data)]

Карта 4. «Качинское чередование» в текстах Н. Ф. Катанова (красный — формы с чередованием, голубой — формы без чередования, белый — нет данных)
[Fig. 4. Map. 'Khaas alternation' in Katanov's texts (nomenclature: red — alternation, blue — no alternation, white — no data)]

разного происхождения. В нашей анкете в качестве основного стимула для получения инструментального падежа мы использовали предложение ‘Он рубит мясо топором’, а для значения комитатива (одной из самых частых функций творительного падежа) — ‘Я иду с ребенком в школу’. Литературный показатель инструменталиса имеет всего 2 алломорфа: *-наң* для заднерядных основ и *-нең* для переднерядных¹. Таким образом, литературный вариант формы ‘топором’ выглядит как *палтынаң* (от основы *палты* ‘топор’). Его использует, пожалуй, наименьшее количество носителей диалектов. В центральной зоне хакасского языка (т. е. в качинских говорах южнее г. Абакан и сагайских говорах севернее с. Таштып) в ответах на наши стимулы в основном давали форму с аффиксом *-Даң* с первым дентальным согласным, реализация которого зависит от предшествующего звука: *д* после гласных и неназальных сонантов *р, л, й* (*палтыдаң* ‘топором’, *адайдаң* ‘собакой’, *пүүрдең* ‘волком’), *т* после глухих смычных и щелевых (*пычахтаң* ‘ножом’, *пистең* ‘(с) нами’), *н* после назальных (*хамнаң* ‘(с) шаманом’). Это, собственно говоря, исторически не инструменталис, а исходный падеж (аблатив) в инструментальной функции, ведущий себя по говорам и в литературном языке единообразно в отношении сандхи: *адайдаң* ‘от собаки’, *пистең* ‘от нас’, *хамнаң* ‘от шамана’. Таким образом, в центральных говорах исходный и инструментальный падежи не различаются², а в литературном языке они совпадают для части основ. Носители периферийных говоров (как южных, так и северных) предпочитают в ответах на стимул давать различные варианты аффикса инструментального падежа с первым губ-

ным согласным. Нельзя сказать, что это вызвано непосредственно контактами с близкородственными языками (чулымским с севера и шорским с юга), в которых губной вариант инструменталиса является основным. Варианты инструментального падежа, представленные в этих языках, не полностью совпадают с хакасскими. Таким образом, вероятно, это рефлекс общего праварианта для данной группы языков. В конечном счете все показатели инструменталиса с начальным губным согласным восходит к послелогу **bilen/*birlen* с комитативным значением (см.: [СИГТЯ 1988: 496]).

В отличие от «качинского чередования», за прошедший век картина распространения форм инструментального падежа изменилась сильнее. У Н. Ф. Катанова мы находим два варианта инструменталиса с первым губным согласным. Первый из них, *-БЫнаң*, наблюдается севернее границы «качинского чередования»: в селениях по рр. Камыште, Уйбату, в улусах Шоев, Архипов, а также в сагайском улусе Архипа Чертыкова, как и в предыдущем случае (из Туракова улуса материала по данному вопросу нет). Примеры:

Тегір-бінәң чер.

‘Небо и земля.’

(Отд. II, т. 112³. Камышта, кач. (зап. в улусе Архипа Чертыкова))

... чоңыңны Чок-пынаң тызарбын!

‘Народ твой я усмирю своим словом!’

(Отд. II, т. 266. Улус Шоев, кач.)

іккі кат іккізі-бінәң ойда-түстүләр

‘обе женщины упали на спину’

(Отд. II, т. 127. Улус Архипа Чертыкова, саг.)

*четті кара кизи кезім-мінәң абырчаткан
кизаң полысчаң*

‘7 черных человек приносят пользу человеку, лежащему в горячке’

(Отд. III, т. 66. Улус Усть-Камыштинский, кач.)

Южнее границы «качинского чередования», в сагайских и бельтырских говорах, зафиксирован вариант *-маң* с неизменяемой первой согласной. Примеры:

³ Здесь и далее примеры приводятся по оцифрованной версии [Катанов 1907а; Катанов 1907б] в Электронном корпусе хакасского языка [ЭКХЯ. Корпус литературных текстов. Катанов 1907]: <https://khakas.altai.ru/corpus/texts/#text181> — <https://khakas.altai.ru/corpus/texts/#text188>

¹ Далее мы применяем традиционную для тюркологии морфонологическую запись аффиксов, снимая действие сингармонизма и сандхи: варьирующие гласные и согласные записываем заглавными буквами.

² Согласно [Диалекты 1973: 19–20], в качинском диалекте эти формы творительного и аблатива различаются соответственно безударностью и ударностью аффиксов: *холдаң* ‘руками’, *холдаң* ‘из рук’. В нашем материале это подтверждается для белоюсского и староюсского говоров; современный материал абаканского говора качинского диалекта, как и сагайских говоров, не поддерживает такого противопоставления.

ālärj kammañ ĭc-čā

‘хозяева пьют (водку) вместе с шаманом’

(Отд. III, т. 109. Улус Кызыласов, саг.)

абамаñ када чаткан.

‘и лёг он вместе с медведем’

(Отд. II, т. 591. Дер. Табатская, бельт. (зап.

в с. Аскыс))

кĭк-мāñ сыын

‘коза и сохатый’

(Отд. III, т. 13. Улус Усть-Таштыпский,

саг.)

По-видимому, изоглосса здесь проходит чуть южнее, чем изоглосса «качинского чередования». От информантов, живущих по р. База, материала нет, но в улусе Олтоков (расположенному в низовьях р. Аскиз, что южнее Базы) один информант употребляет северную форму *-БЫнаң*, а другой — южную форму *-наң*:

Peļdā turbañ nes kazyñ Pezĭbĭñāñ teñ-mĭ-nĭ?

‘Стоящие на кособоре 5 берёз равные [ли] друг другу все пять?’

(Отд. II, т. 418. Улус Олтоков, саг.)

Kĭzĭmāñ kyryssa, Aina kelärj.

‘Если браниться с людьми, то придёт дьявол.’

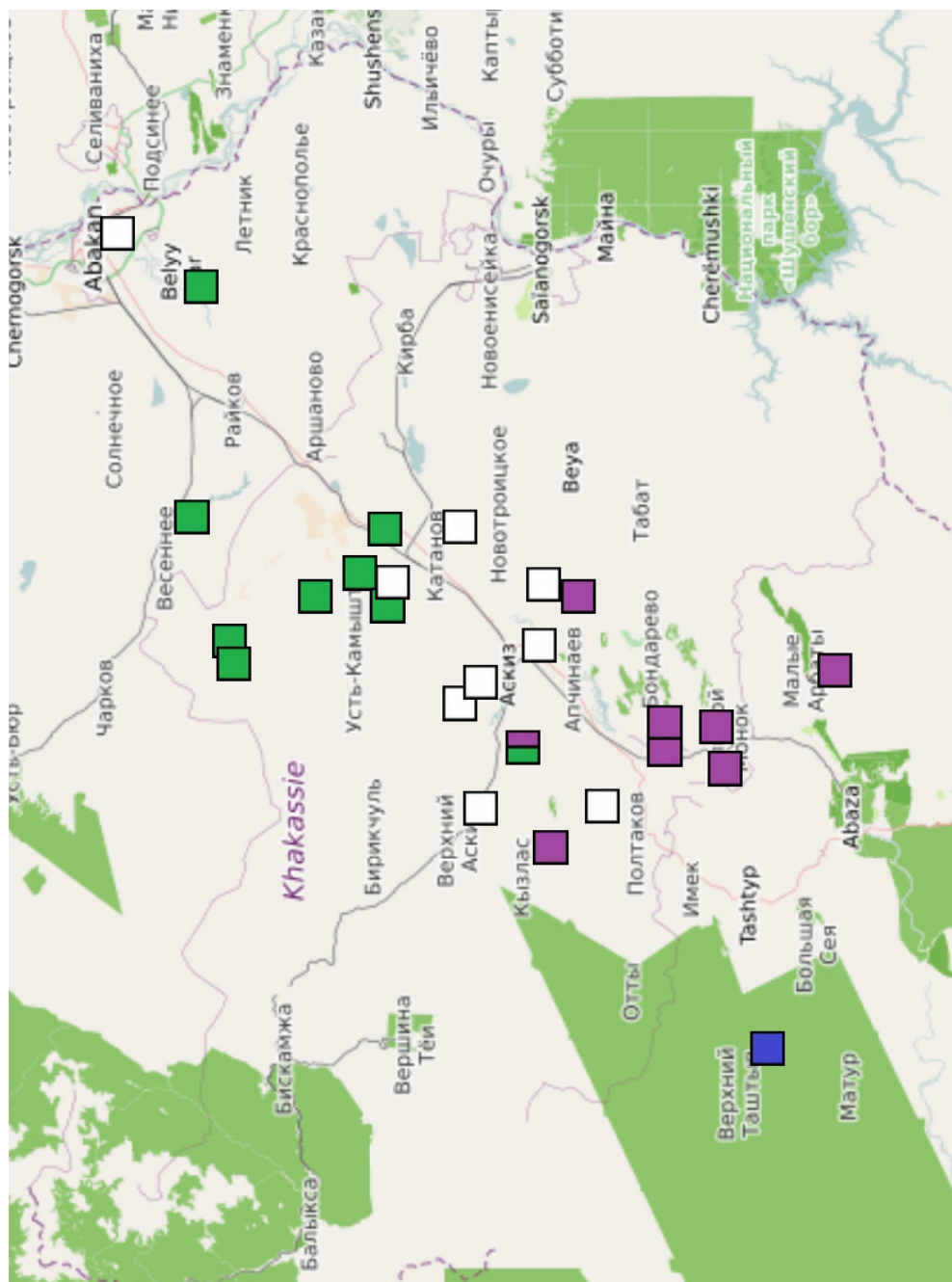
(Отд. II, т. 530. Улус Олтоков, саг.)

Сам Н. Ф. Катанов в очерке, посвященном в основном сагайскому диалекту (но также и другим хакасским диалектам) пишет, что творительный падеж имеет формы *-наң/-нāñ*, а также есть варианты *-таң/-тāñ* «в словах, оканчивающихся на твердую согласную» [Катанов 2017: 38]. Он также отмечает, что вариант *-наң* распространен в бельтырском наречии, вариант *-БЫнаң* — в койбальском и отчасти в качинском, и есть вариант *-БЫла*, употребляемый «только некоторыми стариками сагайского племени» [Катанов 2017: 38]. Вариант *-Даң* как показатель творительного падежа не указан. Нужно учесть, что это работа была написана в 1882 г., т. е. до экспедиции в Минусинский округ, в ходе которой был собран диалектологический материал.

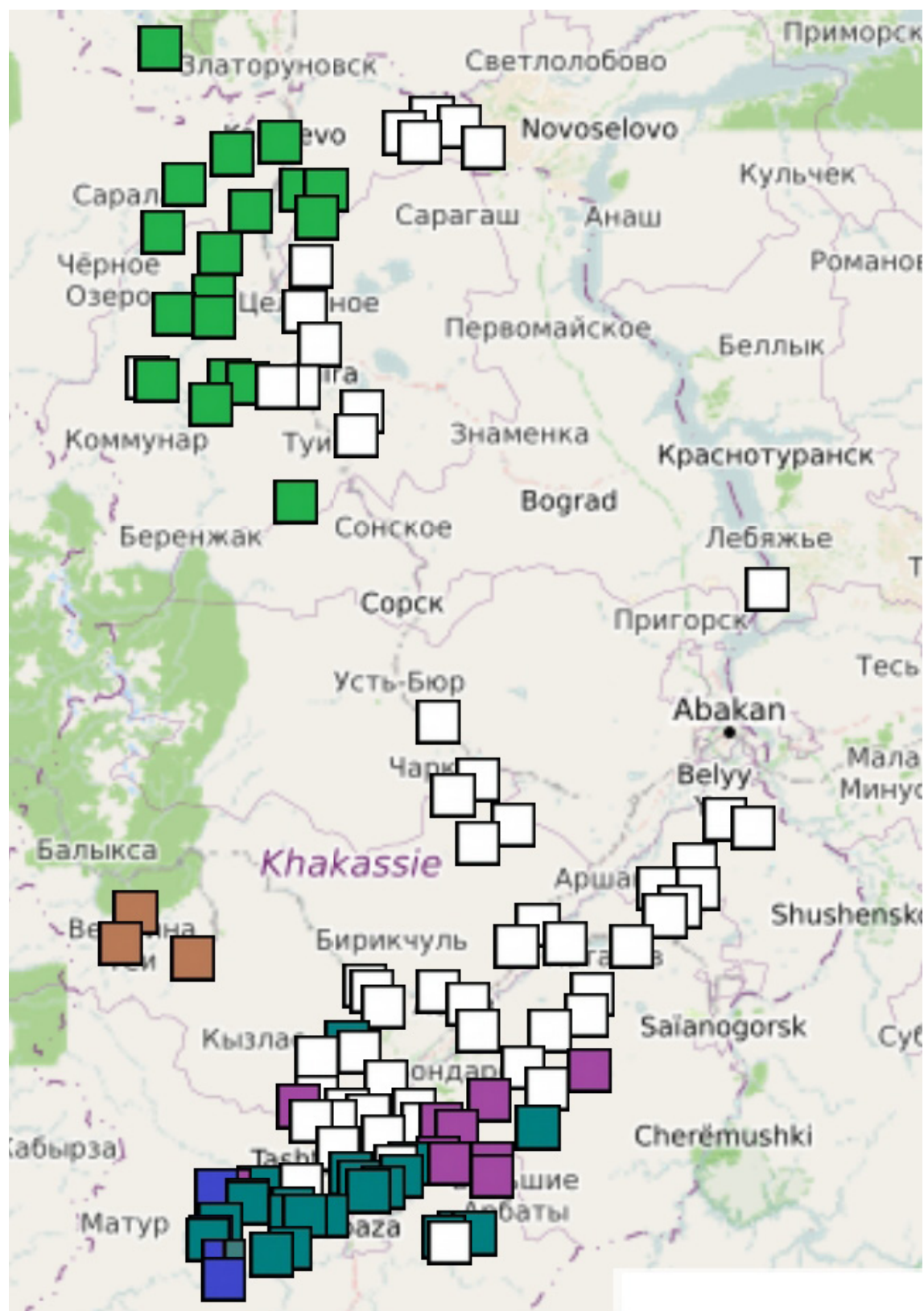
Как уже было сказано, в настоящее время варианты инструментального падежа с губным начальным согласным полностью ушли из центральной зоны, и в центральных сагайских говорах, и в абаканском и уйбатском качинском употребляются в этой функции только литературный *-наң* и абла-

тив *-Даң*. На южной периферии центральной зоны сохранился вариант *-наң*, однако он несколько смещен к северу по сравнению с картой 5 и характерен в основном для северных бельтырских говоров. В устье Таштыпа и южнее наблюдается форма *-БАң* с чередованием начального согласного в зависимости от конца основы (по правилам, аналогичным правилам для начального *Д*, изложенным выше). Таким образом, наиболее часто встречающаяся в шорских, таштыпских, бельтырских и южных сагайских говорах форма ‘топором’ — *палтыбаң* / *малтыбаң* (основа *палты* имеет в диалектах и вариант *малты*). Форма *-БАң*, исходя из здравого смысла, должна быть признана исторически первичной по отношению к форме *-наң*: последняя представляет собой либо результат парадигматической унификации постназального алломорфа *-БАң*, либо результат регрессивной дистантной ассимиляции (так же должна, видимо, объясняться форма инструменталиса *-наң* из аблатива *-Даң*)¹. В обоих случаях продвижение *-БАң* на север невозможно объяснить диахроническим процессом обратной направленности в языке, и приходится предположить явление языкового сдвига или передвижение населения. В шорском диалекте хакасского некоторые носители используют вариант *-Блаң* (т. е. на вопрос ‘топором’ дают форму *малтыблаң*), однако этот вариант не встречается как единственный возможный в речи информанта. Скорее всего, это поздняя синтезация с продолжающим функционировать в шорском диалекте хакасского языка послелогом *биле, пиле* — см. [ГХЯ 1975: 7]). Редко встречающийся вариант *-БА* не является развитием *-БАң* — он зафиксирован в речи шорских переселенцев первого-второго поколений, представляя собой шорское заимствование. На севере же, в кызыльских говорах, широко распространен вариант *-мнаң* без изменения начального согласного (кыз. ‘топором’ — *палтымнаң*). Очевидно,

¹ Обычно показатель *-наң* возводят к тому же послелогу **bilen/*birlen*, что и губные показатели, см., например, [Боргояков 1976: 104], однако, по фонетическим соображениям, это сомнительно. Происхождение и развитие этого показателя в хакасском и его диалектах — тема отдельного исследования; данные, приведенные в [Боргояков 1976], в значительной степени могут быть дополнены нашим полевым материалом.

Карта 5. Губные варианты инструментального падежа у Н. Ф. Катанова (зеленый — села с вариантом {БЫЛ}, пурпурный — с вариантом {БЫЛАН}, синий — с вариантом {БЫЛАН}, белый — нет данных)
 [Fig. 5. Map. Labial variants of the instrumental in Katanov's texts (nomenclature: green — villages characterized by pattern {БЫЛ}, magenta — {БЫЛАН}, blue — {БЫЛАН}, white — no data)]

Карта 6. Губные варианты инструментального падежа по данным экспедиций (синий — {BlAŋ}; зеленый — {mnAŋ}; бирюзовый — {BAŋ}; пурпурный — {mAŋ}; коричневый — {BA}; белый — губные варианты не встречаются)

[Fig. 6. Map. Labial variants of the instrumental by field data (dark blue — {BlAŋ}; green — {mnAŋ}; cyan — {BAŋ}; magenta — {mAŋ}; brown — {BA}; white — bilabial variants are absent)]

что эта форма восходит к форме *-БЫнаң* с выпадением узкого гласного и регрессивной ассимиляцией в сочетании *Бн*. Собственно форма *-БЫнаң* в наших материалах практически отсутствует, эпизодически появляясь в речи информантов из разных мест и не являясь при этом основной формой. Однако еще в книге [Патачакова 1995: 22] она считается качинским вариантом «орудийного падежа», иногда употребляемым кызыльцами; основным вариантом в кызыльском считается *-мнаң*. Интересно, что в работе [Доможаков 1948: 10] в качестве основных вариантов орудийного падежа в кызыльском диалекте указываются аффиксы *-Б(Ы)ла* и *-маң*, — т. е. почти те же, что сейчас мы наблюдаем в противоположном конце Хакасии, в шорском и бельтырском диалектах. Однако в [Joki 1953: 17], описывающем состояние того же времени, определено основным кызыльским вариантом считается *-тпаң*.

Источники

ЭКХЯ — Общее [электронный ресурс] // Электронный корпус хакасского языка. URL: <https://khakas.altai.ru/> (дата обращения: 20.09.2021).

Литература

- Баскаков, Инкижекова-Грекул 1953 — Баскаков Н. А., Инкижекова-Грекул А. И. Хакасско-русский словарь. М.: Гос. изд-во ин. и нац. словарей, 1953. 360 с.
- Боргояков 1976 — Боргояков М. И. Развитие падежных форм и их значений в хакасском языке. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1976. 160 с.
- ГХЯ 1975 — Грамматика хакасского языка / ред. Н. А. Баскаков. М.: Наука. 1975. 418 с.
- Диалекты 1973 — Диалекты хакасского языка / ред. Д. Ф. Патачакова. Абакан: Хак. отд. Красноярского кн. изд-ва, 1973. 160 с.
- Доможаков 1948 — Доможаков Н. Г. Описание кызыльского диалекта хакасского языка: дисс. ... канд. филол. наук. Абакан, 1948. 180 с.
- Дыбо 2015 — Дыбо А. В. О «первичных» долготах в тюркских языках // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2015. Т. 13. № 1. С. 5–20.
- Дыбо и др. 2020 — Дыбо А. В., Мальцева В. С., Николаев С. Л., Шеймович А. В. Диалектологическая анкета для пилотного опроса «Признаки-изоглоссы для хакасско-шор-

Выводы

Мы видим небольшие изменения в территориальном распространении нескольких диалектных явлений за период с конца XIX в. до начала XX в. Эти изменения носят такой характер, что вряд ли могут быть объяснены регулярными фонетическими процессами, произошедшими за этот период: это либо морфонологические процессы (аналогические: устранение чередований, унификация алломорфа), либо связанные со сдвигами населения (как появление в центральной зоне показателя *-Баң*). Конечно, для более обоснованных выводов необходимо сначала включить в корпус материалы из [Радлов 1868]. Предварительный просмотр этого издания позволяет заметить в качинско-кызыльской зоне биения типа *азакпынаң ~ азак-мынаң* ‘ногой’, но статистика данного явления и его точное распространение по говорам пока недоступны.

Sources

Online Khakas Corpus. Available at: <https://khakas.altai.ru/> (accessed: September 20, 2021). (In Khak.)

- ско-чулымского ареала (группы тюркских z-языков)» // Родной язык. 2020. № 1. С. 86–119.
- Катанов 1907а — Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. Ч. IX. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым. СПб: Тип. Акад. наук, 1907. 668 с.
- Катанов 1907б — Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. Ч. IX. Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов. Тексты, собранные и переведенные Н. Ф. Катановым. Перевод. СПб.: Тип. Акад. наук, 1907. 659 с.
- Катанов 2017 — Катанов Н. Ф. Татарский (хакасский) язык (сагайское наречие (диалект)). Часть I. Грамматика (Этимология и синтаксис). Абакан: Бригантина, 2017. 130 с.
- Мальцева 2021 — Мальцева В. С. Шорские тексты, собранные Н. Ф. Катановым от выходца из села Анчул // Российская тюркология. 2021. № 1–2 (30–31). С. 144–149.
- Патачакова 1995 — Патачакова Д. Ф. Кызыльский диалект хакасского языка (краткий очерк): пособ. для учителя. Абакан: ХакНИИЯЛИ, 1995. 55 с.

- Радлов 1868 — Образцы народной литературы тюркских племен, живущих в Южной Сибири и Дзунгарской степи, изданные В. Радловым. Часть II. Поднаречия Абаканские (сагайское, койбальское, качинское), кызыльское и чулымское (кюэрик). СПб.: Тип. Акад. наук, 1868. 710 с.
- СИГТЯ 1988 — Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Морфология / отв. ред. Э. Р. Тенишев. М.: Наука, 1988. 560 с.
- Dybo et al. 2019 — *Dybo A., Maltseva V., Sheymovitch A., Sultrekova E.* The use of personal markers in the Beltyr dialect of the Khakas language from a comparative perspective. *Turkic Languages*, 2019. № 32(2). Pp. 31–48.
- Joki 1953 — *Joki J.* Aulis. Wörterverzeichnis der Kyzyl-Sprache (Studia Orientalia, XIX: 1.) Helsinki: Suomalais-ugrilainen seura, 1953. 50 S.
- Pritsak 1959 — *Pritsak O.* Das Abakan- und Čulymtürkisch und das Schorische // *Philologiae turcicae fundamenta* (Deny Jean, Kaare Gronbech, Helmuth Scheel (eds.)). Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1959. S. 598–639.
- Academy of Sciences, 1907. 668 p. (In Ur., Tat. and Kar.)
- Katanov N. F. (comp.) Samples of Turkic Folk Literature. V. Radlov (ed.). Vol. IX: Uriankhai (Soyot), Abakan Tatar and Karagas Dialects. N. Katanov (transl.). Translations. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1907. 659 p. (In Ur., Tat. and Kar.)
- Katanov N. F. Tatar (Khakas) Language (Sagay Dialect). Part I: Grammar (Etymology and Syntax). Abakan: Brigantina, 2017. 130 p. (In Russ.)
- Maltseva V. S. Texts in Shor collected by N.F. Katanov from a man born in the village of Ahchul. *Russian Turkology*. 2021. No. 1–2 (30–31). Pp. 144–149. (In Russ.)
- Patachakova D. F. (ed.) Khakas Dialects. Abakan: Krasnoyarsk Book Publ. (Khakassia Branch), 1973. 160 p. (In Russ.)
- Patachakova D. F. Kyzyl Khakas: A Brief Essay. Teacher's guide. Abakan: Khakas Research Institute of Language, Literature and History, 1995. 55 p. (In Russ.)
- Pritsak O. Das Abakan- und Čulymtürkisch und das Schorische. In: Jean D., Gronbech K., Scheel H. (eds.) *Philologiae turcicae fundamenta*. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1959. Pp. 598–639. (In Germ.)
- Radloff V. (ed.) Samples of Turkic Folk Literature: Southern Siberia and Dzungar Steppe. Part II: Abakan (Sagay, Koibal, Khaas), Kyzyl and Chulym Subdialects. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1868. 710 p. (In Russ.)
- Tenishev E. R. (ed.) A Comparative Historical Grammar of Turkic Languages: Morphology. Moscow: Nauka, 1988. 560 p. (In Russ.)

References

- Baskakov N. A. (ed.) Khakas Grammar. Moscow: Nauka. 1975. 418 p. (In Russ.)
- Baskakov N. A., Inkizhekova-Grekul A. I. Khakas-Russian Dictionary. Moscow: State Publ. House of National Dictionaries, 1953. 360 p. (In Khak. and Russ.)
- Borgoyakov M. I. Development of Khakas Case Forms and Their Meanings. Abakan: Krasnoyarsk Book Publ. (Khakassia Branch), 1976. 160 p. (In Russ.)
- Domozhakov N. G. A Description of Kyzyl Khakas. Cand. Sc. (philology) thesis. Abakan, 1948. 180 p. (In Russ.)
- Dybo A. V. On 'primary' lengths in Turkic languages. *NSU Vestnik. Series: Linguistics and Intercultural Communication*. 2015. Vol. 13. No. 1. Pp. 5–20. (In Russ.)
- Dybo A. V., Maltseva V. S., Nikolaev S. L., Sheymovich A. V. A dialectological questionnaire for a pilot study on isoglosses in the Turkic 'Z' group spoken in the Khakas-Shor-Chulym area. *Rodnoy Yazyk*. 2020. No. 1. Pp. 86–119. (In Russ.)
- Dybo A., Maltseva V., Sheymovitch A., Sultrekova E. The use of personal markers in the Beltyr dialect of the Khakas language from a comparative perspective. *Turkic Languages*. 2019. No. 23 (2). Pp. 31–48. (In Eng.)
- Joki A. J. Wörterverzeichnis der Kyzyl-Sprache (Studia Orientalia, XIX: 1.) Helsinki: Finno-Ugric Society, 1953. 50 p. (In Khak. and Germ.)
- Katanov N. F. (comp.) Samples of Turkic Folk Literature. V. Radlov (ed.). Vol. IX: Uriankhai (Soyot), Abakan Tatar and Karagas Dialects. N. Katanov (transl.). St. Petersburg: Imperial

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ORIENTAL STUDIES

2021. Т. 14. № 6

Главный редактор – Куканова В. В.

Дата выхода: 30.12.2021.
Формат бумаги 60x84¹/₈. Усл. печ. л. 28,6.
Тираж 100 экз. Заказ 26-21.
Подписной индекс 10236. Цена свободная.

Соучредители:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»
(Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8)

Федеральное государственное бюджетное научное учреждение
«Уфимский федеральный исследовательский центр Российской академии наук»
(Республика Башкортостан, 450054 г. Уфа, пр. Октября, д. 71)

Адрес редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,
Тел. +7(84722) 3-55-06

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8